

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

3 (77)

Июль – Август – Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2022

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

акад. РАН *Х.А. Амирханов* (председатель, Москва),

акад. *М.Д. Бухарин* (Москва),

член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),

проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),

акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),

проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),

д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),

проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),

проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Бонн),

д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск),

к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва),

д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),

д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва),

д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),

д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2022
 - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2022
 - © Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2022

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

3 (77)

July – August – September

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2022

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Chairman, Moscow),

Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow), Prof. *François de Callatay* (Brussels),
Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow),
Prof. *Sergey Karpov* (Moscow), Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem),
Prof. *Carlo Lippolis* (Torino), Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow),
Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow), Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Mikhail Treister* (Bonn)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),
Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),
Prof. *Aleksey Zavoykin* (Moscow), Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2022), 5–24
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2022), 5–24
©Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-3-77-5–24

КАМЕННЫЕ СКУЛЬПТУРНО ОФОРМЛЕННЫЕ ПЕСТЫ, СТЕРЖНИ И ДЕКОРИРОВАННЫЕ ЧАШИ ИЗ ХЛОРИТА РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ

Т.В. Корниенко

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия

E-mail: zigzinatvk@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1952-5504

Аннотация. Выполненные в определенном стиле декорированные каменные песты, стержни и чаши (как и сделанные из их фрагментов предметы), обнаружены на многих раннеолитических памятниках Северной Месопотамии. Эти искусно созданные в большинстве случаев из редких пород камня носители символических изображений весьма вероятно являлись изделиями ритуальной значимости, о чем говорят особенности их оформления, материал изготовления, повторное использование их фрагментов и контекст обнаружения в закрытых комплексах. В статье рассмотрены вопросы определения очага, ареала и хронологии распространения, а также функционального назначения данных групп объектов материальной культуры. Большинство мотивов и сюжетов их декора относится к набору известных изображений, представленных на изделиях больших и малых форм других категорий символически значимых объектов, характерных для ритуального контекста памятников Северной Месопотамии РРНА, раннего и среднего РРNB времени. Вместе с тем, редкие, иногда уникальные формы, а также мотивы и сюжеты в оформлении каменных пестов и сосудов из хлоритосодержащих пород камня говорят о наличии связанных с местным производством локальных традиций. В конце эпохи среднего докерамического неолита Б традиция искусного изготовления каменных скульптурных пестов, стержней и декорированных сосудов из хлоритосодержащих пород, как и многих других символически оформленных объектов из камня, на территории Северной Месопотамии

Данные об авторе: Татьяна Владимировна Корниенко – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории ВГПУ.

затухает. Данные изменения в материальной культуре населения рассматриваемого региона, отражающие трансформацию социальной структуры и мировоззренческой сферы, были связаны с более глобальными процессами, приведшими к началу нового этапа неолитизации на территории Передней Азии.

Ключевые слова: финальный эппалеолит, неолит, Северная Месопотамия, каменные декорированные чаши, песты и стержни.

ВВЕДЕНИЕ

Полированные каменные топоры, «навершая булав», чаши, песты и стержни обнаружены как в бытовом, так и в ритуальном контекстах на многих ранненеолитических памятниках Северной Месопотамии¹ (рис. 1). При этом песты, стержни и сделанные из хлоритосодержащих пород камня чаши, нередко имеют художественное оформление с использованием ряда известных в докерамическом неолите на территории Северной Месопотамии символических мотивов, сюжетов и тем. Цель настоящей работы – обсудить вопросы очага, ареала, времени распространения и функционального назначения декорированных каменных пестов, стержней и хлоритовых чаш.

До недавнего времени очаг распространения декорированных чаш, сделанных из хлорита / хлоритов / хлоритосодержащих пород камня (англ. «chlorite», «greenstone»), связывали с территорией Северного Леванта эпохи перехода от эппалеолита к неолиту²; выделение каменных скульптурно оформленных пестов (стержней) как региональной группы объектов того же периода ставилось под сомнение. Однако исследования последних лет, и в особенности в районе Верхнего Тигра³, внесли коррективы в понимание данных вопросов.

1. ПЕСТЫ И СТЕРЖНИ СО СКУЛЬПТУРНЫМ НАВЕРШИЕМ

Анализ доступных сегодня материалов показывает, что скульптурно оформленные песты и стержни в большей степени характерны для памятников восточной части Северной Месопотамии, также они известны по источникам области Урфа. Из Кёртик Тепе, Халлан Чеми, Немрик 9 и Гёбекли Тепе происходят наиболее представительные коллекции таких объектов. Чайоню Тепеси – равноудаленный пункт от групп памятников района Верхнего Тигра и области Урфа. На этом поселении песты со скульптурным навершием являются редкостью.⁴

Еще в 1980-х гг. в Немрик 9 (Северный Ирак) в слоях, относящихся к PPNA и переходному от PPNA к PPNB периодам, было обнаружено 26 сделанных из камня (предположительно известняка) стержней со скульптурным навершием. Среди них 5 полных, 12 в разной степени поврежденных экземпляров и 9 заготовок. Все они выполнены в единой технике, стилистике и по одной схеме: стержень, за-

¹ X – начало VIII тыс. до н.э., здесь и далее даты калиброванные; подробнее см.: Корниенко 2021.

² Kozłowski, Aurenche 2005, 25, 169.

³ Karul 2020.

⁴ Davis 1982, 79–85, 151, 153–154; Erim-Özdoğan 2011, fig. 70.

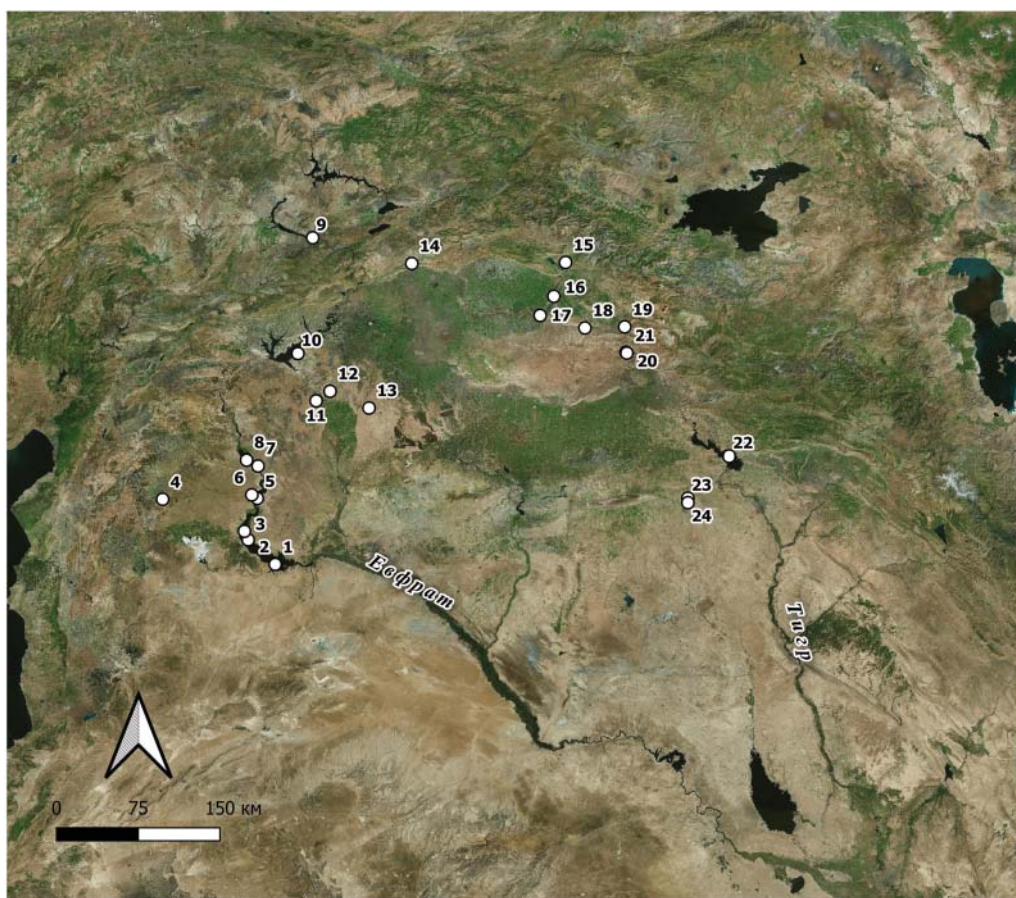

Рис. 1. Карта Северной Месопотамии с памятниками финального эппалеолита и раннего неолита на территории Северной Сирии: 1 – Абу Хурейра, 2 – Телль Мурейбит, 3 – Шейх Хассан, 4 – Телль Карамель, 5 – Джерф эль-Ахмар, 6 – Телль Халула, 7 – Джаде эль-Мугара, 8 – Телль Абр 3; Юго-Восточной Турции: 9 – Джафер Хююк, 10 – Невали Чори, 11 – Ени Махалле (Шанлыурфа), 12 – Гёбекли Тепе, 13 – Карахан Тепе, 14 – Чайоню Тепеси, 15 – Халлан Чеми, 16 – Демикёй, 17 – Кёртик Тепе, 18 – Хасанкейф Хююк, 19 – Гусир Хююк, 20 – Чемка Хююк, 21 – Бонджуклу Тарла; Северного Ирака: 22 – Немрик 9, 23 – Телль Магзалия, 24 – Кермез Дерё.

Fig. 1. Map of Northern Mesopotamia with the sites of the Final Epipalaeolithic and Early Neolithic in Northern Syria: 1 – Abu Hureyra, 2 – Tell Mureybet, 3 – Sheikh Hassan, 4 – Tell Qaramel, 5 – Jerf el-Ahmar, 6 – Tell Halula, 7 – Dja'de el-Mughara, 8 – Tell Abr 3; Southeast Turkey: 9 – Cafer Höyük, 10 – Nevalı Çori, 11 – Yeni Mahalle (Şanlıurfa), 12 – Göbekli Tepe, 13 – Karahan Tepe, 14 – Çayönü, 15 – Hallan Çemi, 16 – Demirköy, 17 – Körtik Tepe, 18 – Hasankeyf Höyük, 19 – Gusir Höyük, 20 – Çemka Höyük, 21 – Boncuklu Tarla; Northern Iraq: 22 – Nemrik 9, 23 – Tell Maghzaliyah, 24 – Qermez Dere.

канчивающийся навершием в виде головы человека или животного (змеи, львицы или пантеры, птиц разных видов), в одном случае навершие сделано в виде копыта быка (рис. 2.4–10). Кроме того, по мнению С. Козловски, в форме этих ритуальных объектов представлен фаллический мотив⁵. Пять стержней со скульптурным навершием поселения Немрик 9 обнаружены в жилых домах, один в погребении, один в мусорной яме, большинство (бракованных или сломанных) найдены вмурованными в каменную вымостку на открытых участках. С. Козловски избегает определения этих объектов пестами, настаивая на первичности их религиозных функций. Однако он сообщает, что на сохранившихся нижних частях стержней со скульптурными навершиями зафиксированы следы их использования в качестве растирающих и измельчающих инструментов⁶.

В 1990-х гг. на памятнике PPNA времени Халлан Чеми (Юго-Восточная Анатолия) были открыты песты с навершиями в виде букраний (рис. 2.1–3). Выполнены они преимущественно из хлоритов, единичные экземпляры сделаны из песчаника, контекст находок не опубликован. Скульптурно оформленные песты сделаны приблизительно в том же масштабе и стиле, что и хлоритовые, а также вырезанные из белого известняка украшенные гравировкой и рельефом чаши. Руководитель раскопок Халлан Чеми М. Розенберг считает, есть основания полагать, что декорированные сосуды и скульптурно оформленные песты могли использоваться вместе. Учитывая выявленные в центральной зоне поселения выразительные материальные остатки проведения общественных пиров, представляется весьма вероятным, что символически украшенные чаши и песты, сделанные в большинстве своем из хлорита, были задействованы в формализованном приготовлении и потреблении пищи и/или напитков в рамках данного поведенческого комплекса.⁷ По источникам ряда памятников Передней Азии известно, что в эпоху верхнего эппалеолита и раннего неолита пиры служили важным ритуальным компонентом социальной жизни человеческих коллективов.⁸

В ходе раскопок 2000–2018 гг. соседнего с Халлан Чеми поселения Кёртик Тепе эпохи позднего эппалеолита и PPNA обнаружено не менее 20 пестов со скульптурным навершием. Исследователи памятника сообщают, что не декорированные песты были выявлены в бытовом контексте среди других объектов домашней утвари, тогда как песты со скульптурным навершием найдены в основном в богатых дарами могилах.⁹ Эти скульптурно украшенные объекты с сохранившейся высотой от 10 до 23–25 см сделаны преимущественно из хлоритосодержащих пород камня. Их верхняя часть выполнена в форме стилизованного изображения головы животного: в большинстве случаев горного козла, иногда птицы, черепахи или представителя семейства псовых. В одном случае встречено Т-образное навершие, которое по аналогии с Т-образными крупноформатными стелами, характерными для культовых комплексов этого региона и времени, интерпретируют как антропоморфное. Стержни пестов, идущие как продолжение скульптурных наверший, немного утолщаются в нижней части. Поверхность тщательно отполи-

⁵ Kozłowski 1997, 35–36.

⁶ Kozłowski 1997, 33–35, tabl. 1.

⁷ Rosenberg 1999, 28, fig. 4; Rosenberg 2011, 63, fig. 9–14.

⁸ Обзор литературы по этому вопросу см.: Dietrich et al. 2012; Dietrich et al. 2017.

⁹ Özkaya, Coşkun 2011, 97, fig. 24, 25; Özkaya et al. 2013, 31, 67.

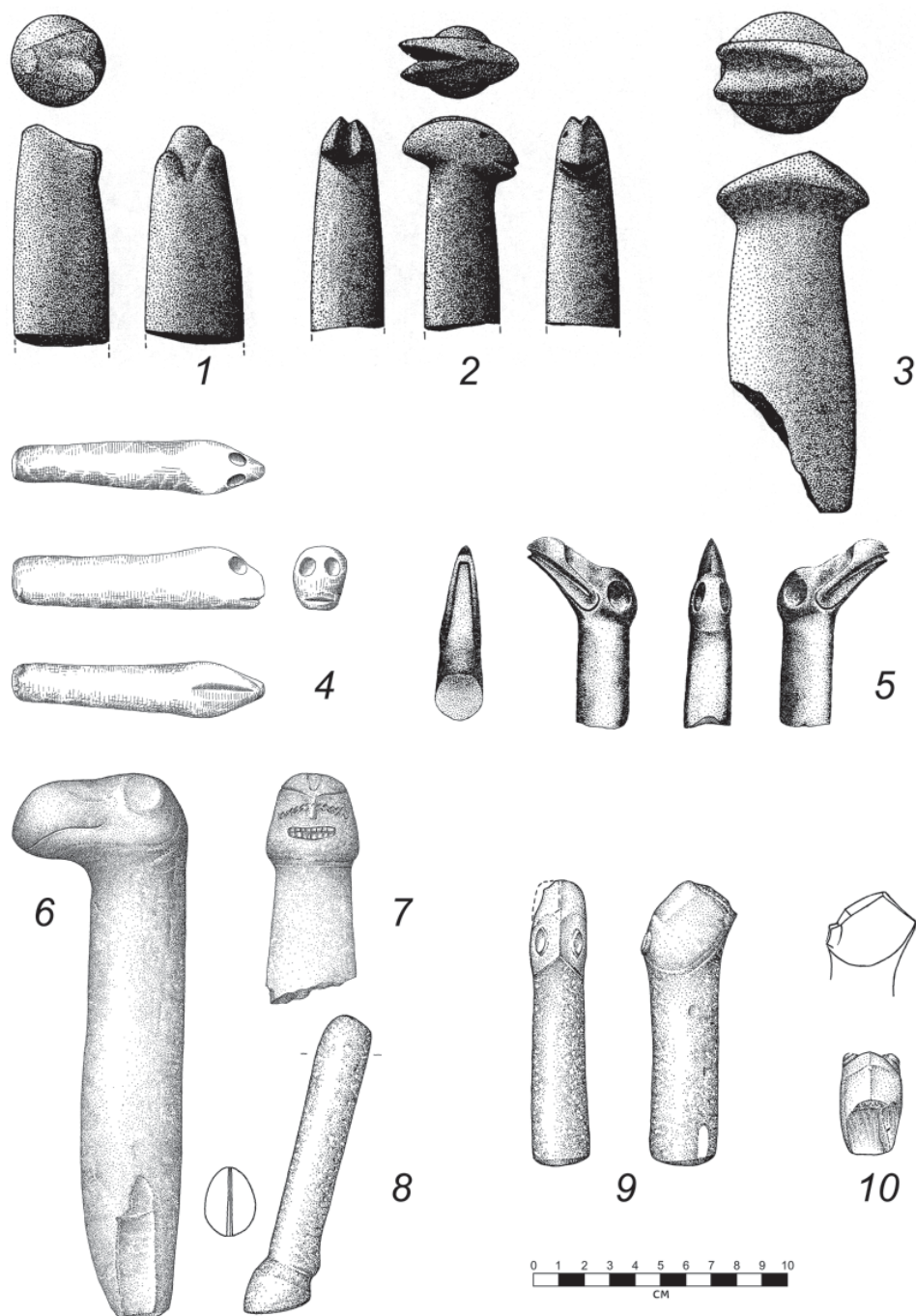

Рис. 2. Песты со скульптурным навершием: 1–3 - из Халлан Чеми (по [Rosenberg, 1999, fig. 4]); 4–10 – из Немрик 9 (по: [Kozłowski 1997: fig.1–3]).

Fig. 2. Pestles with sculptured top: 1–3 - from Hallan Çemi (after [Rosenberg, 1999, fig.4]); 4–10 – from Nemrik 9 (after [Kozłowski 1997: fig.1–3]).

Рис. 3. «Скипетры» со скульптурным навершием из Гёбекли Тепе (© DAI, фотографии Д. Йоханнес, Н. Беккер; с любезного разрешения DAI)

Fig. 3. “Sceptres” with sculptured top from Göbekli Tepe (© DAI, Photos D. Johannes, N. Becker; with kind permission DAI).

рована. Некоторые из этих объектов на нижней части сохранили следы истертости и выкрошенности, возникшие в результате их использования¹⁰. Соответственно декорированные песты Кёртик Тепе имели не только символическое значение, как это предполагалось ранее¹¹, но и практическое применение. По крайней мере, некоторые из них использовались функционально для измельчения каких-то веществ, возможно, продуктов. Нельзя исключать совместное ритуальное использование скульптурных пестов с декорированными чашами из хлорита, в большом количестве найденными в могилах Кёртик Тепе¹², с которыми они сопоставимы по размерам, материалу, месту обнаружения, стилистике и изобразительным мотивам в оформлении.

Полевые работы на Гёбекли Тепе, выдающемся памятнике PPNA и раннего PPNB времени, проводятся с 1995 г. Среди других многочисленных символически оформленных объектов раскопки на Гёбекли Тепе дали фрагментированные и целые экземпляры стержней со скульптурными навершиями, передающими образы букрании и/или фаллоса (рис. 3).¹³ В ряде случаев навершия стержней

¹⁰ Özkaya, Şahin 2019, 585.

¹¹ Özkaya, Coşkun 2011, 97.

¹² Özkaya et al. 2013, 27.

¹³ Dietrich et al. 2017, fig. 5.24.

Гёбекли Тепе Т-образны. Скульптурно оформленные стержни Гёбекли Тепе сделаны из различных пород камня, высота сохранившихся экземпляров около 22 см. О сработанности их нижних концов сведений нет. Исследователи Гёбекли Тепе называют эти объекты «скипетрами», очевидно, подчеркивая их символическое предназначение.¹⁴ Сообщалось, что все «скипетры» обнаружены в материалах заполнения культовых круглоплановых сооружений, в отношении которых, судя по имеющимся данным, по окончании срока их функционирования осуществлялся специальный обряд захоронения, включавший уборку помещений, оставление в них определенным образом размещенных ритуальных объектов и засыпку.¹⁵

Для ранненеолитических памятников Северной Сирии песты, стержни со скульптурным навершием не характерны. Возможно, отголосками фиксируемой в Северном Ираке и Юго-Восточной Анатолии традиции создания и использования в ритуальных целях таких изделий на территории западной части Северной Месопотамии являются сделанные из известняка странного вида объекты, найденные в слоях PPNA на Телле Мурейбит и Телле Абр 3. В публикациях материалов названных памятников эти объекты рассматриваются в категории статуэток. В Телле Мурейбит необычная зооантропоморфная фигурка высотой около 13 см была найдена в границах Строения 22.¹⁶ Руки и ноги у нее никак не обозначены, скульптурно выделена лишь голова с проработкой носа/клюва и больших глаз (рис. 4.1). Прорезанная горизонтальная линия отделяет голову от тела. Две параллельных прорезанных вертикальных линии идут по центру передней стороны фигурки от головы до нижней части объекта. В Телле Абр 3 полированное конусообразное изделие высотой около 13 см, с диаметром основания 7,13 см и диаметром верхней части 6,5 см (рис. 4.2) было обнаружено замурованным в стене неординарного Строения М4.¹⁷ Наличие головы/головки обозначено горизонтальной выгравированной по кругу линией, четко отделяющей навершие объекта от основной его части. Другие детали оформления отсутствуют. Вероятно, объект условно представляет некое существо и/или фаллос.

Данных об истертости нижних концов у рассмотренных фигурок Среднего Евфрата нет. Выполнены они из известняка, а не из редких пород камня. Вместе с тем, морфология, изобразительные мотивы и композиция в оформлении отмеченных изделий из ранненеолитических поселений западной области Северной Месопотамии во многом сопоставимы с характеристиками оформления пестов и стержней со скульптурным навершием из современных им памятников Юго-Восточной Анатолии и Северного Ирака. В миниатюре и те и другие объекты повторяют форму и изобразительные мотивы крупноформатных во многих случаях украшенных рельефом стел – главного символа материальной культуры культовых комплексов Северной Месопотамии PPNA, раннего и среднего PPNB времени.¹⁸

¹⁴ Dietrich et al. 2012; Dietrich et al. 2017.

¹⁵ Dietrich et al. 2017, 99, 121.

¹⁶ Stordeur, Lebreton 2008, 619–621.

¹⁷ Yartah 2013, 80, fig. 14, 15.

¹⁸ Подробнее о крупноформатных стелах см.: Kornienko 2018.

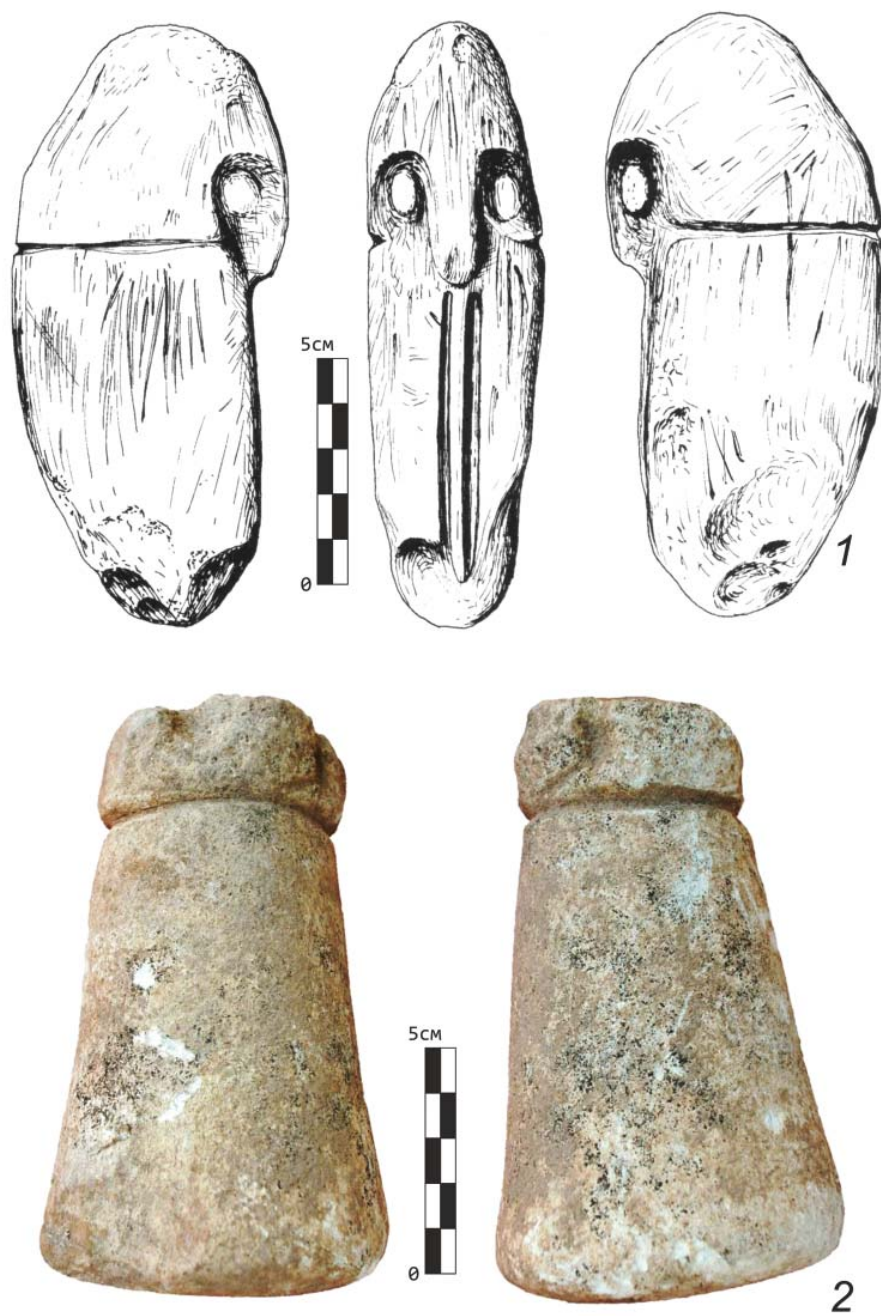

Рис. 4. Символически оформленные объекты из известняка, найденные на памятниках раннего неолита в районе Среднего Евфрата: 1 – Муре́йбит (по: [Stordeur, Lebreton 2008: fig. 1]); 2 – Телль Абр 3, замурованным в стене неординарного Строения М4 (по: [Yartah 2013: fig. 15]).

Fig. 4. Symbolic limestone objects found at early Neolithic sites in the Middle Euphrates area: 1 – Mureybet (after [Stordeur, Lebreton 2008: fig. 1]); 2 – Tell Abr 3. (after [Yartah 2013: fig. 15]).

2. СТЕРЖНИ БЕЗ СКУЛЬПТУРНОГО ОФОРМЛЕНИЯ

Стоит отметить, что т. н. стержни / дубинки / рабочие палочки (*poles / batons / working poles*) без скульптурных наверший, сделанные из хлоритов, нефрита, слюдяного сланца и других эстетически ценных пород камня, реже из песчаника, известны по материалам многих северомесопотамских памятников PPNA и переходного к PPNB времени: Мурейбит, Джерф эль-Ахмар¹⁹, Телль Абр 3²⁰, Телль Карамель²¹, Халлан Чеми²², Гусир Хююк²³, Чемка Хююк²⁴ и других. Они тщательно отполированы, иногда имеют гравировку: перпендикулярные насечки, продольные линии, более сложный рисунок (например, в виде песочных часов). Довольно часто целые экземпляры и/или фрагменты стержней / дубинок / рабочих палочек происходят из ритуального контекста: заполнения погребений и построек неординарного назначения. По замечанию Ж. Ковэна, изящная форма, импортное сырье, из которого сделаны хлоритовые стержни, техническое мастерство, необходимое для их производства, и отсутствие следов использования на сохранившихся целыми в Телле Мурейбит экземплярах предполагают символическую роль таких предметов.²⁵ Судя по определяемым иногда следам истертости на концах фрагментарно сохранившихся стержней Телля Мурейбит, Телля Карамель и других современных им памятников Северной Месопотамии, в каких-то случаях эти полированные объекты могли функционировать в качестве пестов.

3. ДЕКОРИРОВАННЫЕ СОСУДЫ ИЗ ХЛОРИТОСОДЕРЖАЩИХ ПОРОД КАМНЯ

Фрагменты и полные экземпляры искусно сделанных из хлоритосодержащих пород камня сосудов с выгравированным декором (рис. 5) обнаружены на памятниках раннего неолита по всей территории Северной Месопотамии. Наиболее ранние объекты этой категории выявлены в слоях позднего эппалеолита Кёртик Тепе, где в целом, вместе с материалами PPNA времени, преимущественно внутри погребений найдено более ста экземпляров таких сосудов (большинство сохранились фрагментарно). Значительное количество выявленных в Кёртик Тепе хлоритовых сосудов, их возраст, высокий уровень техники обработки, богатство разнообразия форм и декора указывают на то, что данный населенный пункт в прото- и ранненеолитическую эпоху мог являться центром производства и очагом распространения таких объектов.²⁶

Важно, что черепки и целые чаши из хлорита со многими типичными для Кёртик Тепе выгравированными узорами найдены не только на соседних с ним ранненеолитических поселениях Юго-Восточной Анатолии, но также на ранне-

¹⁹ Ibañez 2008, 666–667, fig. 3.

²⁰ Yartah 2013, 80, 158.

²¹ Mazurowski 2012, 74, 80, pl. 106, 107, 110.

²² Rosenberg 1999, fig. 4.

²³ Karul 2020, fig. 18b.

²⁴ Kodaş et al. 2020, 42.

²⁵ Cauvin 1977; Ibañez 2008, 666–667.

²⁶ Özkaya, Şahin 2020, 380.

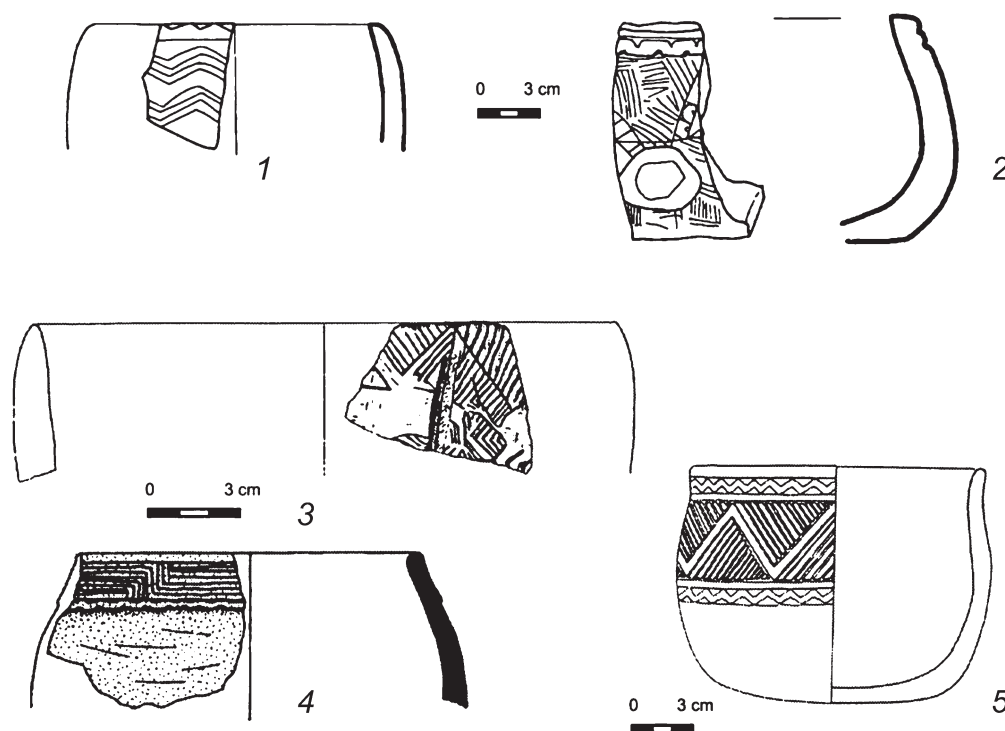

Рис. 5. Декорированные каменные чаши с выгравированными сложными узорами: 1, 4 – из Халлан Чеми; 2 – из Чайюню; 3 – из Гёбекли Тепе; 5 – из Джерф эль-Ахмар (по: [Kozłowski, Aurenche 2005: 169]).

Fig. 5. Decorated stone vessels with engraved sophisticated motives: 1, 4 – from Hallan Çemi; 2 – from Çayönü; 3 – from Göbekli Tepe; 5 – from Jerf el-Ahmar (from: [Kozłowski, Aurenche 2005: 169]).

неолитических памятниках Среднего Евфрата, расположенных на расстоянии примерно 400 км. Вместе с тем, сравнительный анализ данных показывает, что на отдельных поселениях Северной Месопотамии фиксируются особые формы в изготовлении хлоритовых чаш, как и использование локальных мотивов и сюжетов в декорировании этих объектов.

Размеры хлоритовых чаш из раннеолитических памятников Северной Месопотамии охватывают диапазон с максимальным диаметром приблизительно от 5 до 30 см, высотой от 4 до 30 см; толщина стенок обычно 0,6–0,8 см. Их поверхности тщательно отполированы. Хлоритовые сосуды в большинстве случаев сфероидальных форм, с не выраженным или слабо выраженным венчиком; плоскодонные. Чаше они открытых форм, но есть и закрытых. Довольно часто по краям венчика сделаны отверстия. По материалам Кёртик Тепе известны вазы в форме усеченного конуса, кубической с прямыми стенками и цилиндрической формы, а также низкие открытые чаши, напоминающие миски.²⁷

²⁷ Özkaya, Coşkun 2011, fig. 17–20, 22; Özkaya et al. 2013, 40, 54–61.

Из ритуального заклада хлоритовых предметов в основании западной стены неординарного Строения M1a Телля Абр 3 происходит уникальный по форме для эпохи докерамического неолита сосуд. Он вырезан из черного хлорита в виде фигуры быка, поверхность отполирована (рис. 6).²⁸ При создании его натуралистичной формы большое внимание было уделено деталям: искусно вырезаны рога, морда, ноги животного. Скульптурно выполненный сосуд из Телля Абр 3 является одним из наиболее ранних примеров зарождения традиции использования подобного изобразительного приема в изготовлении посуды. Для последующих эпох – керамического неолита и энеолита – сделанные из глины зооморфные и антропоморфные сосуды известны уже как на территории Северной Месопотамии²⁹, так и в соседних регионах³⁰.

Выгравированный декор на многих сосудах из хлорита представлен геометрическими мотивами. Распространены также условные и реалистичные зооморфные изображения гравировкой. Большинство мотивов стандартизированы: плетеный орнамент, зигзагообразные параллельные и перпендикулярные линии, концентрически расходящиеся круги, расположенные в определенном порядке заштрихованные треугольники и прямоугольники, изображенные в профиль копытные животные с рогами (Bovidae), крестообразные фигуры птиц с распахнутыми крыльями и показанной в профиль головой. Повторения и вариации таких изображений на хлоритовых сосудах известны по материалам многих поселений из разных областей Северной Месопотамии PPNA и раннего PPNB времени: Кёртик Тепе, Халлан Чема, Гусир Хююк, Хасанкейф, Демиркёй, Чемка Хююк, Гёбекли Тепе, Ени Махалле, Телль Абр 3, Мурейбит, Джерф эль-Ахмар и других.

Соблюдалась определенная гармония между композицией выгравированного рисунка и формой сосуда, мотивы варьируются в зависимости от формы изделий. Видимая поверхность стенок тулова или его верхней части у некоторых сфероидальной формы хлоритовых чаш из Кёртик Тепе, Ени Махалле и ряда других памятников полностью покрыта узорами, напоминающими плетение, иногда с включением в этот насыщенный рисунок изображений показанных в профиль рогатых копытных животных.³¹ Из Телля Абр 3 происходит сохранившийся целиком хлоритовый сосуд подобной формы, техники изготовления и композиции декора, где помимо двух животных в плетеный орнамент также включена фигура охотника с копьем в поднятой руке (рис. 7). Этот единственный из известных сегодня экземпляр с изображением сцены охоты был обнаружен вместе с другими символически ценными объектами в закладе под очагом неординарного Строения M1b.³²

На ряде конусообразных и цилиндрической формы сосудов Кёртик Тепе выгравированные фигуры змей расположены по одной или группами по кругу на внешней поверхности стенок, находясь, как правило, в вертикальном положении. Иногда в таких композициях фигуры змей чередуются с фигурами птиц. В некоторых случаях по кругу на внешней поверхности стенок сосудов фиксируются вертикально расположенные мотивы из линий и заштрихованных треугольников или

²⁸ Yartah 2013, 163–164, fig. 96, 152.

²⁹ Мунчаев, Мерперт 1981, 251–253.

³⁰ Палагута 2012, 106–138.

³¹ Özkaya, Coşkun 2011, fig. 20; Karul et al. 2017: 156; et al..

³² Yartah 2013, 179, fig. 96.

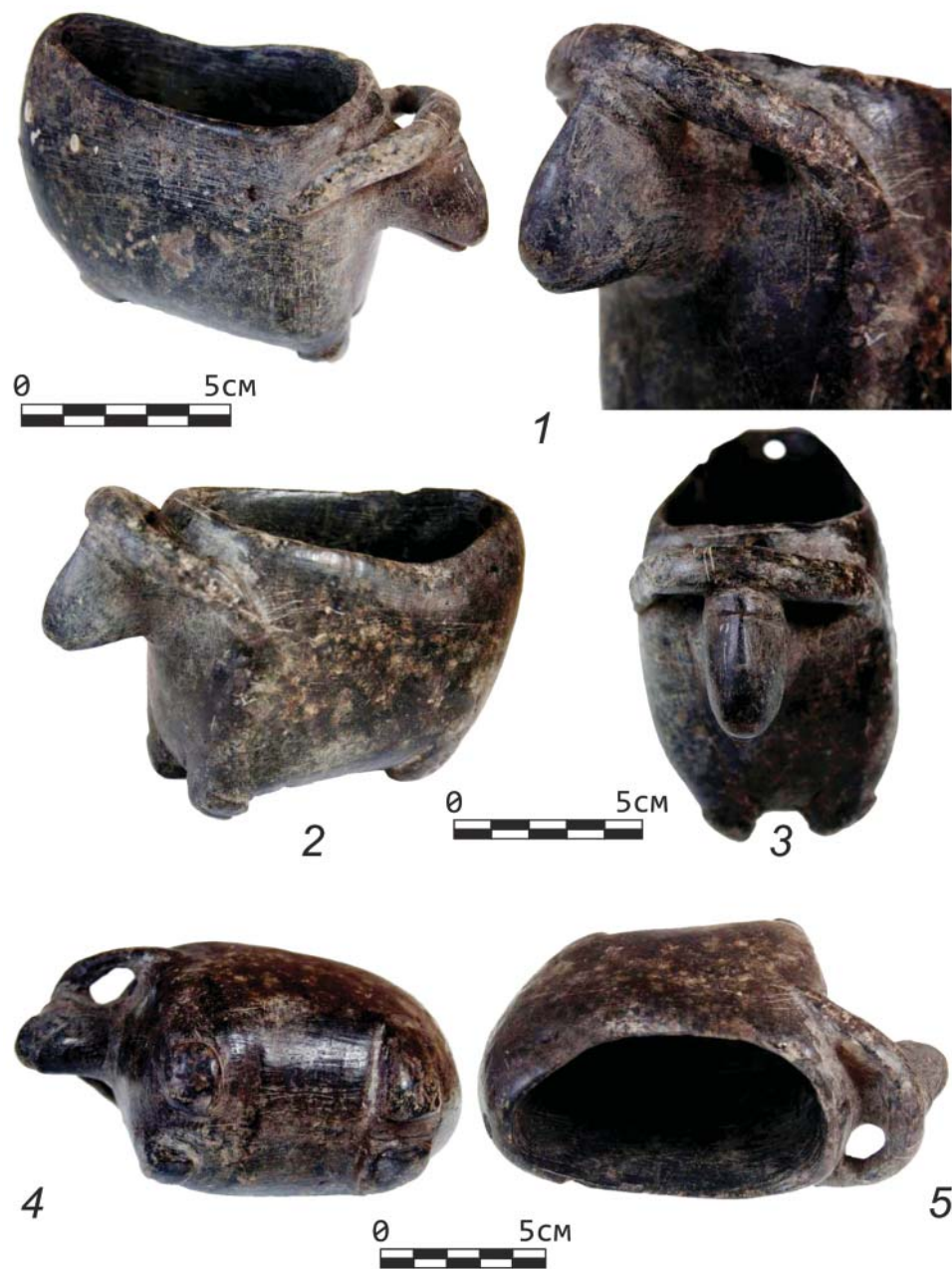

Рис. 6. Телль Абр 3. Сосуд из хлорита в виде фигуры быка, найден вместе с другими предметами заклада в основании западной стены неординарного Строения M1a (по: [Yartah 2013: fig. 152]).

Fig. 6. Tell Abr 3. Bowl made from chlorite in the form of a bull, found together with other deposit items at the base of the wall of non-ordinary Structure M1a (after [Yartah 2013: fig. 152]).

Рис. 7. Телль Абр 3. Хлоритовая чаша с выгравированной сценой охоты из заклада символически значимых объектов под очажной ямой в неординарном Строении M1b (по: [Yartah, 2013, fig. 173]).

Fig. 7. Tell Abr 3. Chlorite vessel with engraved hunting scene from the deposit of symbolically significant objects under the hearth pit in non-ordinary Structure M1b (after [Yartah, 2013, fig. 173]).

прямоугольников, которые, судя по более реалистичным рисункам с подобными элементами, могли условно изображать представителей членистоногих (скорпионов и/или многоножек).³³

На трех конусообразных открытых сосудах Кёртик Тепе выгравированы схематично показанные антропоморфные фигуры в рогатых головных уборах. Их руки опущены, руки и ноги немного расставлены в стороны.³⁴ На двух из этих сосудов выгравированные фигурки людей в рогатых головных уборах чередуются с фигурками маленьких двойных концентрических кругов, изображениями змей, птиц или скорпионов. На третьем сосуде выгравировано только изображение человека в рогатом головном уборе. Исходя из имеющихся данных о символических изображениях и социальном развитии ранненеолитических сообществ Северной Месопотамии³⁵, представленные на сосудах Кёртик Тепе иногда в окружении змей, птиц и скорпионов антропоморфные персонажи в необычных головных уборах, вполне обоснованно, на наш взгляд, трактуются как шаманы³⁶.

³³ Özkaya, San 2007, fig. 17, 18; Coşkun et al. 2010, 65, fig. 2, 7; Özkaya, Coşkun 2011, 96, fig. 17–20, 22–23; Özkaya et al. 2013, 40, 54–56, 58–61.

³⁴ Özkaya, San 2007, fig. 18; Özkaya et al. 2013, 58, 61.

³⁵ Корниенко 2018.

³⁶ Benz, Bauer 2015.

Выгравированные изображения сверхъестественных, мифических гибридных существ нанесены на внешних сторонах стенок тулова хлоритовых сосудов, выставленных на экспозиции раннего неолита в археологическом музее г. Мардин³⁷. Эти изображения сопоставимы с известными мотивами гибридных персонажей, выполненными рельефно в фас и профиль на каменных плакетках РРN времени памятников Батманского региона³⁸. В одном случае на цилиндрическом сосуде музея г. Мардин по кругу венчика и внешних стен тулова сосуда представлена хорошо продуманная сложная композиция из узнаваемых геометрических и натуралистичных мотивов, вероятно, представляющая ритуальную сцену, воспроизводящую миф с участием птиц, змей и сверхъестественного существа / шамана с рогами на голове и хвостом вместо ног.

В целом из натуралистичных мотивов наиболее распространенными на хлоритовых сосудах Северной Месопотамии определяются змеи, птицы и горные козлы (бараны или другие копытные животные). Фигуры змей, птиц, скорпионов, а также рыб в ряде случаев показаны очень условно. Мотивы фигур рогатых животных часто соседствуют с узорами концентрически расходящихся кругов, которые могли помимо других значений представлять змей. Изображения фигур птиц (стилизованные крестообразные), как правило, соседствуют с условными изображениями змей и/или воды в виде вертикально и горизонтально представленных зигзагообразных линий. Изображения на поверхности стенок хлоритовых сосудов фигур людей и зооантропоморфов в различных сюжетных сценах с другими персонажами известны по материалам Кёртик Тепе, Телля Абр 3, на вазах из музея г. Мардин.

4. О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ СОСУДОВ РАЗНЫХ ВИДОВ

Помимо хлоритовых на ранненеолитических поселениях Северной Месопотамии известны сосуды, сделанные из известняка, мрамора, иных пород камня, а также емкости из гипса и глины. Часть каменных (не хлоритовых) сосудов изготовлена с применением тщательной шлифовки и полировки поверхностей, иногда они украшены рельефом и/или гравировкой. Более грубые образцы каменных сосудов различных форм и размеров. Однако, они редко украшены; оформление их декора гораздо меньшей вариативности и насыщенности по сравнению с коллекцией экземпляров, сделанных из хлорита. Их внешние поверхности нередко обожжены. Иногда по краям венчиков сделаны отверстия. Венчики некоторых сосудов из известняка с внешней стороны декорированы прорезанными горизонтальными прямыми, волнистыми или зигзагообразными линиями, в единичных случаях перевернутыми заштрихованными треугольниками или натуралистичным мотивом (змеи).³⁹ Из Невали Чори происходит фрагмент известнякового сосуда со сценой танцующих зооморфного и антропоморфных персонажей.⁴⁰

³⁷ Дата посещения 01.09.2022. Подробнее о данных объектах см.: Gündem, Dağlı 2018; Gündem, Erdoğan 2018.

³⁸ Özkaya et al. 2013, 43, 62–63; Karul 2020, fig. 17.

³⁹ Lebreton 2008; Özkaya, Coşkun 2011, 95–96; Mazurowski 2012, 74–76; Dietrich et al. 2020; et al.

⁴⁰ Hauptmann 1999, fig. 16.

Большие известняковые емкости (объемом до 165 л), так называемые «бассейны», в частности, обнаруженные, в неординарных сооружениях общественного назначения Телля Абр З⁴¹, Джерф эль-Ахмар⁴² и Гёбекли Тепе⁴³, судя по их размерам, результатам химического анализа остатков содержимого и сопутствующим материалам, использовались для приготовления большого количества пищи и напитков, употреблявшихся, вероятно, во время проведения пиров. Контекстный анализ нахождения массивных полированных круглых блюдец (или дисков) из известняка в ряде случаев предполагает их участие в обрядовых действиях, связанных с неординарными постройками культового назначения.⁴⁴ Другие виды сосудов, сделанные из известняка, в большинстве случаев изготавливались для ежедневного бытового использования, на что указывает корреляция данных этих объектов о сырье, особенностях оформления, следах от огня на их внешних поверхностях, сопутствующих материалах и месте обнаружения.

Контекст нахождения в закрытых комплексах многих декорированных сосудов из хлорита, как и их фрагментов, говорит об участии этих объектов в различных ритуалах: совершении строительных закладов, тайников, погребальных обрядов и засыпке/захоронении культовых сооружений.⁴⁵ До помещения хлоритовых сосудов в заклады, тайники, погребения и засыпку их, возможно, использовали для церемониального приготовления пищи.

Интересно, что на ранненеолитических поселениях Северной Месопотамии фрагменты хлоритовых сосудов нередко перерабатывали в бусины, подвески, декорированные плакетки и «выпрямители древков».⁴⁶ Эти переработанные из черепков хлоритовых сосудов предметы во многих случаях также встречаются в тайниках, строительных закладах, погребениях и заполнениях построек культового назначения.

Вопрос об очаге распространения декорированных изделий из хлорита

Для изделий из хлорита ранненеолитических памятников Северной Месопотамии, включая среднеевфратский регион, определено анатолийское происхождение сырья.⁴⁷ М. Лебретон полагает, что данный материал, принесенный извне и/или редкий, отбирался для изготовления символически значимых предметов из-за его выразительного цвета.⁴⁸ Действительно, цветовая гамма хлоритов крайне разнообразна. Блеск и низкая твердость (удобная в обработке обсидиановыми и кремневыми инструментами) этих слюдоподобных минералов, очевидно, также учитывались при отборе сырья для изготовления символически ценных объектов,

⁴¹ Yartah 2013, 165–168.

⁴² Stordeur 2015, 206–207, 250.

⁴³ Dietrich et al. 2012, 687–688; Dietrich et al. 2020.

⁴⁴ Yartah 2013, 97, 125, fig. 113, 115; Dietrich et al. 2020, 18.

⁴⁵ Özkaya, Şahin 2020, 380; Yartah 2013, 74–187; Dietrich et al. 2020, 18.

⁴⁶ Karul 2011, fig. 17; Özkaya, Coşkun 2011, fig. 31, 32; Rosenberg 2011, 81; Mazurowski, Kanjou 2012, fig. 84.6; Yartah 2013, 157–158, 176, fig. 136, 145, 168; Stordeur 2015, fig. 4.3; Dietrich et al. 2020, 3; Karul 2020, 89, fig. 16, 17.

⁴⁷ Santallier et al., 1997.

⁴⁸ Lebreton 2008, 570

многие из которых были украшены гравировкой со сложными изобразительными мотивами.

Версия о том, что большие куски хлорита могли быть принесены в долину Среднего Евфрата течением, не вызывает доверия, поскольку это хрупкий камень, а сосуды вырезали из довольно крупных блоков, которые вряд ли могли уцелеть при перемещении рекой. Более вероятным представляется, что или сосуды или материал, из которого они сделаны, доставлялись на раннеолитические поселения Среднего Евфрата из анатолийского региона людьми.⁴⁹

Дж. Ибаньес считает, что объекты из хлорита, очевидно, производились в Анатолии и часть из них, подобно обсидиану, предназначалась для межрегионального обмена.⁵⁰ Этой точки зрения придерживается и Д. Стордёр на основании сопоставления редких объектов из хлорита, найденных в Джерф эль-Ахмар, с материалами современных ему памятников Северной Месопотамии из других регионов.⁵¹ Престиж редких пород камня и сделанных из них предметов был таков, что, когда хлоритовые изделия изнашивались или разбивались, их обломки перedelывали в новые символически значимые объекты.

То, что контакты между населением северосирийского, юговосточноанатолийского и североиракского очагов неолитизации активно поддерживались, подтверждают разного рода сведения, в том числе полученные к настоящему времени в большом количестве данные о ритуальных объектах и комплексах общественного значения.⁵² Есть серьезные основания полагать, что межобщинный обмен символически ценным сырьем, ритуальными предметами и культурными темами⁵³ способствовал установлению *особых* отношений между задействованными в нём коллективами из разных областей Северной Месопотамии.

Заключение

Многие из отмеченных обстоятельств, включая определение области, где добывалось сырье, говорят в пользу анатолийского происхождения традиции изготовления искусно сделанных и украшенных вырезанным рисунком сосудов из хлорита, каменных стержней и пестов со скульптурным навершием. Наиболее ранняя и многочисленная из известных коллекций этих символически значимых объектов обнаружена в Кёртик Тепе, который мог являться очагом (или одним из очагов) распространения традиции изготовления таких изделий, как и самих изделий, на дальние расстояния. Вместе с тем, наличие уникальных форм, мотивов и сюжетов в оформлении ряда североевфратских сосудов из хлорита, что выявлено на примере рассмотренных данных Телля Абр 3, говорит скорее в пользу их местного производства. В таких случаях, весьма вероятно, привозным было только сырье.

⁴⁹ Lebreton 2008, 569.

⁵⁰ Ibañez 2008, 671.

⁵¹ Stordeur 2015, p. 21

⁵² Schmidt 2006; Корниенко 2006, 16–84; Dietrich et al. 2012; et al.

⁵³ Основные постулаты или идеи, обычно контролирующее поведение или стимулирующие деятельность, которая молчаливо одобряется или открыто поощряется в обществе, - как это формулирует В. Тэрнер, вслед за М. Оплером (Turner 1973; et al).

Распространение декорированных хлоритовых чаш фиксируется для всей территории Северной Месопотамии эпохи раннего неолита. Тогда как ареал изготовления пестов и стержней со скульптурным навершием в основном ограничен районами Верхнего Тигра, откуда происходят наиболее представительные собрания этих объектов, и областью Урфа.

Стоит подчеркнуть, что большинство мотивов и сюжетов оформления хлоритовых чаш, сделанных из их фрагментов декорированных плакеток и «выпрямителей древков», а также скульптурных наверший пестов и стержней относится к набору известных изображений, характерных для изделий больших и малых форм различных категорий символически значимых объектов Северной Месопотамии PPNA, раннего и среднего PPNB времени. Этот факт, как и характеристики сырья, сложность и изящество в оформлении, а также во многих случаях контекст обнаружения обсуждаемых объектов, говорит в пользу их ритуального предназначения и использования.

В конце эпохи среднего докерамического неолита Б (MPPNB)⁵⁴ традиция изготовления скульптурных каменных пестов, стержней и декорированных сосудов из хлорита, как и многих других символически выразительно оформленных объектов из камня, на территории Северной Месопотамии затухает. Такие изменения в материальной культуре рассматриваемого региона, отражающие трансформацию социальной структуры, картины мира и обрядовых практик у населения, были связаны с более глобальными процессами в изменении экосистем и развитии человеческих коллективов, приведшими на рубеже XI и VIII тыс. до н.э. к началу нового этапа неолитизации в Передней Азии.

Благодарности

Сердечно благодарю руководителя раскопок Телля Абр 3 д-ра Т. Ярта (T. Yartah) за предоставленный доступ к материалам его диссертационного исследования и разрешение использовать иллюстрации этой работы в моих публикациях.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Корниенко, Т.В. 2006: *Первые храмы Месопотамии. Формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху*. СПб.
- Kornienko, T.V. 2006: *Pervyye khramy Mesopotamii. Formirovaniye traditsii kul'tovogo stroitel'stva na territorii Mesopotamii v dopis'mennuyu epokhu* [*The First Temples of Mesopotamia. Forming the Tradition of Cult Construction in Prehistoric Mesopotamia*]. Saint Petersburg.
- Корниенко, Т.В. 2018: К вопросу об особенностях функционирования властных структур и принципов социального взаимодействия в коллективах охотников-собирателей Северной Месопотамии на пороге перехода к неолиту. *Stratum plus* 1, 59–76.
- Kornienko, T.V. 2018: K voprosu ob osobennostyakh funktsionirovaniya vlastnykh struktur i printsipov sotsial'nogo vzaimodeystviya v kollektivakh okhotnikov-sobirateley Severnoy Mesopotamii na poroge perekhoda k neolitu [On the Peculiarities of Power Structures and Principles of Social Interaction in the Hunter-Gatherer Communities of Northern Mesopotamia at the Threshold of the Neolithic]. *Stratum plus* 1, 59–76.

⁵⁴ Первая половина VIII тыс. до н.э.; подробнее см.: Корниенко 2021.

- Корниенко, Т.В. 2021: Вопросы физической географии, периодизации и хронологии в исследовании первичных очагов «неолитической революции» на территории центральной части Плодородного полумесяца. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология* 4, 5–16.
- Kornienko, T.V. 2021: Voprosy fizicheskoy geografii, periodizatsii i khronologii v issledovanii pervichnykh ochagov «neoliticheskoy revolyutsii» na territorii tsentral'noy chasti Plodorodnogo polumesyatsa [Issues of Physical Geography, Periodization, and Chronology in the Study of the Primary Centers of the Neolithic Revolution in the Central Part of the Fertile Crescent]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology* 4, 5–16.
- Мунчаев, Р.М., Мерперт, Н.Я. 1981: *Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. Исследования советской экспедиции в Ираке*. М.
- Munchaev, R.M., Merpert, N.J. 1981: Rannezemledel'cheskiye poseleniya Severnoy Mesopotamii. Issledovaniya sovetskoy ekspeditsii v Irake [Earliest Agricultural Settlements of Northern Mesopotamia: the Investigations of Soviet Expedition in Iraq]. Moscow.
- Палагута, И.В. 2012: *Мир искусства древних земледельцев Европы (культуры балкано-карпатского круга в VII-III тыс. до н.э.)*. СПб.
- Palaguta, I.V. 2012: Mir iskusstva drevnikh zemledel'tsev Yevropy (kul'tury balkano-karpatского круга в VII-III tys. do n.e.) [The World of Art of the Ancient Farmers of Europe (Cultures of the Balkan-Carpathian Circle in the VII-III millennium BC)]. Saint Petersburg.
- Benz, M., Bauer, J. 2015: On Scorpions, Birds and Snakes – Evidence for Shamanism in Northern Mesopotamia during the Early Holocene. *Journal of Ritual Studies* 29, 2, 1–23.
- Cauvin, J. 1977: Les Fouilles de Mureybet (1971–1974) et leur Signification pour les Origines de la Sédentarisation au Proche-Orient. *Annual American School Oriental Research* 44, 19–48.
- Coşkun, A., Benz, M., Erdal, Y.S., Koruyucu, M.M., Deckers, K., Riehl, S., Siebert, A., Alt, K.W., Özkaya, V. 2010: Living by the Water – Boon and Bane for the People of Körtek Tepe. *Neo-Lithics* 2, 60–71.
- Davis, M.K. 1982: Chapter 3. The Çayönü Ground Stone. In L. S. Braidwood, R. J. Braidwood (eds.), *Prehistoric village archaeology in south-eastern Turkey. The Eighth-Millennium BC Site at Çayönü: its Chipped and Ground Stone Industries and Faunal Remains* (BAR Intern. Ser. 138). Oxford, 73–174.
- Dietrich, L., Götting-Martin, E., Hertzog, J., Schmitt-Kopplin, P., McGovern, P.E., Hall, G.R., Petersen, W.C., Zarnkow, M., Hutzler, M., Jacob, F., Ullman, C., Notroff, J., Ulbrich, M., Flöter, E., Heeb, J., Meister, J., Dietrich, O. 2020: Investigating the function of Pre-Pottery Neolithic stone troughs from Göbekli Tepe – An integrated approach. *Journal of Archaeological Science: Reports* 34, Part A, 1–20 (102618). <https://doi.org/10.1016/j.jas-rep.2020.102618>
- Dietrich, O., Heun, M., Notroff, J., Schmidt, K., Zarnkow, M. 2012: The Role of Cult and Feasting in the Emergence of Neolithic Communities. New Evidence from Gobekli Tepe, South-Eastern Turkey. *Antiquity* 86, 674–695.
- Dietrich, O., Notroff, J., Schmidt, K. 2017: Feasting, social complexity and the emergence of the early Neolithic of Upper Mesopotamia: a view from Göbekli Tepe. In R.J. Chacon and R. Mendoza (eds.), *Feast, famine or fighting? Multiple pathways to social complexity*. New York, 91–132.
- Erim-Özdoğan, A. 2011: Çayönü. In M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm (eds.), *The Neolithic in Turkey. New Excavations & New Research. The Tigris Basin*. Istanbul, 185–269.
- Gündem, C. Y., Erdoğan, N. 2018: A Neolithic Stone Cup with a Sacred Scene. *Arkeoloji Dergisi* XXIII, 55–64.
- Gündem, C. Y., Dağlı, M. 2018: Neolithic Stone Vessels from the Mardin Museum. *Hitit Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi* 11, 3, 1837–1845.

- Hauptmann, H. 1999: The Urfa Region. In M. Özdoğan, N. Başgelen (eds.), *Neolithic in Turkey: the Cradle of Civilization. New Discoveries*. Istanbul, 65–86.
- Ibañez, J.J. 2008: Conclusion. In J.J. Ibañez (ed.), *Le site néolithique de Tell Mureybet (Syrie du Nord) : En hommage à Jacques Cauvin* (BAR Intern. Ser. 1843 (II)). Oxford, 661–677.
- Karul, N. 2011: Gusir Höyük. In M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm (eds.), *The Neolithic in Turkey. New Excavations & New Research. The Tigris basin*. Istanbul, 1–17.
- Karul, N. 2020: The Beginning of the Neolithic in Southeast Anatolia: Upper Tigris Basin. *Documenta Praehistorica* XLVII, 76–95.
- Karul, N., Kozbe, G., Yavuzkır A. (yay.) 2017: *Şanlıurfa müzesi. Arkeolojik eser kataloğu*. Şanlıurfa.
- Kodaş, E., Genç, B., Çiftçi, Y., Labendan-Kodaş, C., Erdem, Ç. 2020: Çemka Höyük: A Late Epipalaeolithic and Pre-Pottery Neolithic Site on the Upper Tigris, Southeast Anatolia. *Neo-Lithics* 1, 40–46.
- Kornienko, T.V. 2018: On the Interpretation of Stelae in the Cult Complexes of Northern Mesopotamia during the Pre-Pottery Neolithic. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 46/4, 13–21.
- Kozłowski, S.K. 1997: The Gods from Nemrik. *Al-Rāfidān* 18, 33–44.
- Kozłowski, S.K., Aurenche, O. 2005: Territories, Boundaries and Cultures in the Neolithic Near East. (BAR Intern. Ser. 1362). Oxford.
- Lebreton, M. 2008: Les récipients en pierre. In J.J. Ibañez (ed.), *Le site néolithique de Tell Mureybet (Syrie du Nord) : En hommage à Jacques Cauvin* (BAR Intern. Ser. 1843 (II)). Oxford, 569–573.
- Mazurowski, R.F. 2012: Ground and Pecked Stone Industry and Objects of Art. In R.F. Mazurowski, Y. Kanjou (eds.), *Tell Qaramel 1999–2007*. Warsaw, 72–89.
- Mazurowski, R.F., Kanjou Y. (eds.) 2012: *Tell Qaramel 1999–2007*. Warsaw.
- Özkaya, V., San, O. 2007: Körtik Tepe. In M. Özdoğan, N. Başgelen (yay.), *Bulgular ışığında kültürel doku üzerine ilk gözlemler. Türkiye’de Neolitik Dönem*. Istanbul, 21–36.
- Özkaya, V., Coşkun, A. 2011: Körtik Tepe. In M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm (eds.), *The Neolithic in Turkey. New Excavations & New Research. The Tigris Basin*. Istanbul, 89–127.
- Özkaya, V., Coşkun, A., Soyukaya, N. 2013: Körtik Tepe. Uygarlığın Diyarbakir’daki ilk adımları. The First Traces of Civilization in Diyarbakir. Istanbul.
- Özkaya, V., Şahin, F.S. 2019: Körtik Tepe 2017 kazısı. *Kazı Sonuçları Toplantısı* 40 (3), 575–594.
- Özkaya, V., Şahin, F.S. 2020: Körtik Tepe kültürü uygarlığın ilk yetkin deneyimi. *Kazı Sonuçları Toplantısı* 41 (4), 375–389.
- Rosenberg, M. 1999: Hallan Çemi. In M. Özdoğan, N. Başgelen (eds.), *Neolithic in Turkey: the Cradle of Civilization. New Discoveries*. Istanbul, 25–33.
- Rosenberg, M. 2011: Hallan Çemi. In M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm (eds.), *The Neolithic in Turkey. New Excavations & New Research. The Tigris Basin*. Istanbul, 61–78.
- Santallier, D., Maréchal, C., Véra, R. 1997: Éléments de parure du néolithique Syrien. Identification et provenances des matériaux. *Revue d’archéométrie* 21, 55–65.
- Schmidt, K. 2006: Sie bauten die ersten Tempel. Das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger. Die archäologische Entdeckung am Göbekli Tepe. München.
- Stordeur, D. 2015: Le Village de Jerf el Ahmar (Syrie, 9500–8700 avant JC). L’architecture, miroir d’une société néolithique complexe. Paris.
- Stordeur, D., Lebreton, M. 2008: Figurines, pierres à rainures, “petits objets divers” et manches de Mureybet. In J.J. Ibañez (ed.), *Le site néolithique de Tell Mureybet (Syrie du Nord) : En hommage à Jacques Cauvin* (BAR Intern. Ser. 1843 (II)). Oxford, 619–643.
- Turner, V.W. 1973: Symbols in African Ritual. *Science* 179 (4078), 1100–1105.
- Yartah, T. 2013: Vie quotidienne, vie communautaire et symbolique à Tell ‘Abr3 - Syrie du nord, données nouvelles et nouvelles réflexions sur l’horizon PPNA au nord du Levant 10000 à 9000 BP. Vol. 1, 2. *Thèse de doctorat, Université Lyon 2*. Lyon.

STONE SCULPTED PESTLES, BATONS, AND DECORATED CHLORITE
VESSELS FROM THE EARLY NEOLITHIC SITES OF NORTHERN
MESOPOTAMIA

Tatiana V. Kornienko

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

E-mail: zigzinatvk@gmail.com

Abstract. Decorated stone pestles, batons and vessels (as well as objects made from their fragments), made in a certain style, have been found on many early Neolithic sites of Northern Mesopotamia. These skillfully created in most cases of rare stone carriers of symbolic images, obviously, were the objects of ritual importance, as evidenced by the features of their design, fabrication material, and the reuse for symbolic purposes of their fragments and the context of discovery in the closed complexes. The article considers the issues of determining the focus, areal and chronology of distribution, as well as the functional purpose of these groups of objects of material culture. Most of the motifs and compositions of their decorations refer to the set of known images presented on the items of large and small forms of other categories of symbolically significant objects, typical for the ritual context of the sites of Northern Mesopotamia PPNA, Early and Middle PPNB. At the same time, in some instances rare, sometimes unique forms, as well as motifs and plots in the decoration of stone pestles and vessels made of chlorite indicate the presence of local traditions associated with local production. At the end of the Middle Pre-Ceramic Neolithic B the tradition of skillful production of sculptural stone pestles, batons and decorated vessels made of chlorite, as well as many other symbolic stone objects, faded in Northern Mesopotamia. These changes in the material culture of the population of the region in question, reflecting the transformation of the social structure and the worldview sphere, were associated with more global processes that led to the beginning of a new stage of Neolithization in the territory of Southwest Asia.

Keywords: Final Epipaleolithic, Neolithic, Northern Mesopotamia, stone decorated bowls and pestles, batons.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2022), 25–36
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2022), 25–36
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-3-77-25–36

ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЕ «ДЛИННЫЕ ГЕНЕАЛОГИИ» VII–V вв. до н.э. И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

Д.А. Изосимов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: DenLore@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1795-3356

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о назначении «длинных генеалогий», под которыми понимаются встречающиеся в текстах частных памятников списки родословных египетских сановников в более чем четыре поколения. «Длинные генеалогии» египетских вельмож неоднократно рассматривались в предшествующей научной литературе по отдельности, однако в едином ключе сама практика создания подобных родословных рассматривалась лишь в одной работе К. Янсена-Винкельна. Однако вне внимания ученого был оставлен тот факт, что в период правления XXVI династии памятники с «длинными генеалогиями» встречаются лишь в годы правления царя Псамметиха I и после столетнего перерыва в практике создания длинных родословных появляются вновь при Амасисе и при персидских царях. Для выявления причин прекращения и последующего возрождения традиции создания «длинных генеалогий» рассмотрен вопрос об их назначении и различии в применении данных памятников. Для памятников, содержащих «длинные генеалогии», выявлено общее: употребление в качестве памятников, обеспечивающих культовое почитание всех членов рода. Однако в конце Саисского времени данные памятники приобретают еще одно назначение, а именно обосновывают права египетских жрецов на занятие определенных должностей и связанные с ними доходы с земельных наделов. Подобное дополнительное назначение обусловлено изменениями в политике правителей Египта по отношению к храмам: в ходе проведенных Амасисом реформ государственные дотации храмам были существенно сокращены. Персидские цари продолжили политику саисских царей по сокращению автономии храмов, что привело к изменению в экономическом положении жрецов. Возрождение «длинных генеалогий» связано со стремлением жрецов обосновать свои права на владение определенными должностями, опираясь на наследственный принцип, который к тому же был весомым в глазах жреческой корпорации.

Ключевые слова: Древний Египет, частные памятники, «длинная генеалогия», Первое персидское владычество, саисское время, жречество.

Данные об авторе: Денис Александрович Изосимов – аспирант кафедры истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова.

Египтологи неоднократно обращались к теме исследования социального и политического устройства Древнего Египта в I тыс. до н.э., однако сводной картины данного периода так и не было создано. Определенную роль в этом играет состояние самих источников, сведения которых не позволяют дать исчерпывающую характеристику древнеегипетского общества в I тыс. до н.э. Тем не менее комплексный анализ явлений и практик, отразившихся в надписях на частных памятниках данного периода, на наш взгляд, позволяют выявить отдельные характерные черты общества долины Нила. Одной из подобных практик, существовавшей на протяжении практически всего I тыс. до н.э., была практика создания «длинных генеалогий», т.е. родословных, включавших упоминание четырех и более поколений предков владельца памятника.

Строго говоря, присутствие генеалогической информации в надписях было характерно для частных памятников вельмож на протяжении всей истории древнеегипетской цивилизации. Но в период III–II тыс. до н.э. эта информация обычно ограничивалась упоминанием имен ближайших родственников (чаще всего родителей и детей владельца памятника). Первые примеры памятников с «длинными генеалогиями» датируются временем XXII династии, хотя, по всей вероятности, данная практика могла зародиться и при XXI династии. Исчезает практика создания «длинных генеалогий» уже в период правления Птолемеев¹.

«Длинные генеалогии» не раз привлекались учеными в различных исследованиях. В частности, на основе данных родословных изучался состав и иерархия жреческих должностей ряда культов², выявлялись изменения в мировоззрении египтян³, и, естественно, сведения подобных родословных имели важное значение для просопографических и генеалогических исследований отдельных семей египетских сановников⁴. Однако само явление «длинных генеалогий» во всей его совокупности практически не рассматривалось исследователями подробно. Единственной работой, в которой была предпринята попытка проанализировать «длинные генеалогии» I тыс. до н.э. в едином ключе, является статья К. Янсена-Винкельна⁵, в которой исследователь рассматривает такие вопросы, как причины появления данной практики и назначение подобных генеалогий. По мнению исследователя, частные памятники с «длинными генеалогиями» служили сразу нескольким целям. Во-первых, включение в текстовое оформление памятников родословных владельцев было призвано обеспечить посмертное почитание не только владельца стелы, но и указанных в генеалогии родственников без необходимости возводить для каждого предка отдельный памятник⁶. Связано это с уменьшением числа индивидуальных гробниц и распространением после падения Нового царства практики коллективных семейных захоронений. Во-вторых, «длинные генеалогии» с перечислением должностей предков выступали в качестве обоснования прав владельцев данных памятников на указанные должности⁷. Причем ученый отмечает, что в большинстве случаев указывались именно жрече-

¹ Jansen-Winkel 2005, 137.

² De Meulenaere 1976; Leahy, Leahy 1986; Rittner 1994; Labudek 2010.

³ Wildung 1969; Vittmann 1978.

⁴ Leahy 1986; Rittner 1994.

⁵ Jansen-Winkel 2005.

⁶ Jansen-Winkel 2005, 143.

⁷ Jansen-Winkel 2005, 138–140.

ские должности. По мнению Янсен-Винкельна, появление «длинных генеалогий» на частных памятниках стало результатом заимствования у ливийцев практики обоснования прав на жреческие и административные должности принадлежностью к определенному роду, чьи члены занимали те же должности прежде. Кроме того, Янсен-Винкельн дополнительно развивает данную мысль, указывая, что заимствование египтянами данной практики стало возможным в результате изменений, произошедших в политической структуре государства. Если в период Нового царства важную роль в гражданской администрации играли прежде всего царские писцы и представители царя, то в условиях политической раздробленности ливийского времени главенствующее положение начинают занимать египетские жрецы и представители военной аристократии из числа ливийцев⁸.

При обращении к списку рассматриваемых ученым источников⁹ видно, что в годы правления XXVI династии «длинные генеалогии» встречаются на памятниках, относящихся к первым годам правления саисских царей (надпись на дверной перемычке Cairo JE 38824¹⁰, стела Wien 157¹¹ и надпись на статуе Cairo CG 48617¹²) и к последним (стелы Cairo JE 43197¹³ и Cairo CG 22147¹⁴). При этом сама выборка используемых источников не совсем полная: так, для эпохи Первого персидского владычества К. Янсен-Винкельн отмечает лишь одну надпись Хнумибра¹⁵, в то время как сведения других памятников данного периода остались им не рассмотрены. Если обратиться к памятникам Саисского времени, то можно заметить, что основная их масса относится также ко времени правления Псамметиха I либо Амасиса. Таким образом, можно говорить о том, что прерывание в практике создания «длинных генеалогий» является не проблемой самой выборки источников, приведенных в статье К. Янсен-Винкельна, а существовала в действительности. Однако немецкий ученый не дает никакого комментария по поводу данного прекращения и последующего возрождения практики составления длинных родословных.

Для решения вопроса о причинах данной паузы и последующего возрождения традиции, на наш взгляд, необходимо проанализировать сами памятники, содержащие длинные родословные в Саисское время и в эпоху Первого персидского владычества. От времени Псамметиха I дошли следующие памятники, содержащие «длинные генеалогии»: вышеназванные стела Wien 157, надпись на дверной перемычке Cairo JE 38824, статуя Cairo CG 48617, а также стела AEIN 1040¹⁶ и саркофаги фиванских «визирей» (*ḥty*) Cairo CG 41068 и CG 41057¹⁷. Из памятников с «длинными генеалогиями» ко времени правления Амасиса и эпохе Первого персидского владычества, помимо вышеназванных стел Cairo JE 43197 и CG 22147, относятся погребальные стелы в честь усопшего Аписа: 1) от эпохи

⁸ Jansen-Winkel 2005, 143.

⁹ Jansen-Winkel 2005, 144–145.

¹⁰ Leahy, Leahy 1986, 133–147.

¹¹ Munro 1973, 262.

¹² Josephson, Eldamaty 1999, 37–39.

¹³ El-Sayed 1985, 173–181.

¹⁴ Jansen-Winkel 2014, 977–978.

¹⁵ Jansen-Winkel 2005, 145.

¹⁶ Jansen-Winkel 2014, 63–64.

¹⁷ Jansen-Winkel 2014, 156–158.

Первого персидского владычества длинные родословные вельмож содержатся в надписях на стелах Louvre IM 137¹⁸, 4013¹⁹, 4025²⁰, 4046²¹, 4076²², 4080²³, 4097²⁴, 4125²⁵; 2) из стел Саисского времени следует упомянуть единственную стелу Louvre IM 3114²⁶. Кроме того, одна из самых известных «длинных генеалогий» присутствует в надписи одного из вельмож, живших при Дарии I – в наскальной надписи «начальника строителей» (*hrp k3t*) Хнумибра в долине Вади-Хаммамат²⁷. Также временем Первого персидского владычества датируются наофорные статуи Пефи (ГМИИ I.1.a.4985 (1387)²⁸) и Яхмоса (Berlin 14.765²⁹), надписи на которых содержат генеалогию владельцев.

Следует отметить, что данные памятники в основном так или иначе связаны с религиозной сферой: «длинные генеалогии» встречаются в надписях тех памятников, которые устанавливались в храмах (или в других культовых местах, к примеру, усыпальница быков Аписов) и в гробницах вельмож. Кроме того, они встречаются в надписях на наофорных статуях, чье непосредственное назначение было обеспечить сакральную защиту изображенному на памятнике лицу и исполнение причитающихся ритуалов жрецами³⁰. Отдельно стоит упомянуть «длинную генеалогию» «начальника строителей» Хнумибра в Вади-Хаммамат. Хотя данная надпись не имеет столь явной связи с религиозной сферой, как другие памятники с «длинными генеалогиями», стоит заметить, что в мировоззрении египтян территория пустыни и долин вади имели сакральное значение как границы между миром земным и миром Ка, находящейся при этом под защитой богов³¹. Можно предполагать, что данный взгляд сохранился до I тыс. до н.э. и надпись «начальника строительства» Хнумибра вписывается в указанную традицию.

Таким образом, можно говорить о том, что памятники с «длинными генеалогиями» создавались для установки на сакральных территориях (гробниц, храмов или территории пустыни), имевших определенную связь с богами и находившихся под их защитой. Причем в текстах самих памятников могло подчеркиваться их назначение в качестве памятника, по отношению к которому могли совершаться культовые обряды. Так, на дверной перемычке (Cairo JE 38824) сцена с перечислением предков жреца Паченефи озаглавлена фразой «совершение жертвоприношения (букв. “жертвы, данной царем”) отцам и матерям» (*irt htp-di-nsw [n] itw mwwwt*)³². Таким образом, справедлива мысль К. Янсена-Винкельна о создании «длинных генеалогий» с целью осуществить посмертное почитание предков одной семьи без необходимости возводить для каждого из них индивидуальный памятник.

¹⁸ Chassinat 1901, 86–87.

¹⁹ Chassinat 1901, 76–77.

²⁰ Chassinat 1901, 82.

²¹ Chassinat 1901, 84–85.

²² Chassinat 1899, 66–67.

²³ Chassinat 1900, 25–26.

²⁴ Chassinat 1901, 78–79.

²⁵ Chassinat 1903, 59.

²⁶ Chassinat 1900, 179.

²⁷ Posener 1936, 98–

²⁸ Берлев, Ходжаш 2004, 300–309.

²⁹ Wildung 1969, 79–83.

³⁰ Klotz 2004, 292–294.

³¹ Лебедев 2014, 331.

³² Leahy, Leahy 1986, 137–138.

Однако стоит заметить, что между «длинными генеалогиями» ранней Саисской династии и более позднего времени существует одно существенно важное различие, которое, на наш взгляд, свидетельствует об изменении в восприятии подобных родословных. В данном случае необходимо обратить внимание на то, какому кругу людей была доступна информация «длинных генеалогий». Ряд памятников времени Псамметиха I происходят из гробничных комплексов (саркофаги «визирей», дверная перемычка жреца Паченефи). Естественно полагать, что доступ к данным текстам был более ограничен, чем к тем памятникам, которые располагались в «публичных» местах. В отличие от более ранних памятников, «длинные генеалогии» времени правления Амасиса и персидских царей располагались на памятниках, которые были доступны более широкому кругу людей. Так, наофорные статуи и стелы могли устанавливаться на территории храмов, где с ними могли взаимодействовать местные жрецы³³; надпись Хнумибра располагается на скале, где ее могли видеть участники последующих экспедиций в местные каменоломни. Если говорить о погребальных стелах в честь усопшего Аписа, то памятники подобного типа могли первоначально располагаться не внутри гробницы священных быков в Серапеуме, а вблизи него или связанных с ними святилищ³⁴. Кроме того, для установки данных стел требовалось разрешение высшего жречества Птаха³⁵, что также делало подобные памятники «публичными».

Подобный доступ обширного круга людей к текстам памятников позволял использовать стелы и статуи не только в религиозных целях. Конечно, связь данных памятников с осуществлением ритуалов не потеряла своего значения в более позднее время, однако, на наш взгляд, в годы правления Амасиса и в особенности в годы персидского владычества они приобрели еще одно назначение. В демотическом произведении «Повести Петеисе III»³⁶, записанном в первые годы правления Дария I, присутствует обширный экскурс в историю семьи главного героя Петеисе III. При рассказе о деятельности его предка – Петеисе I, жившего в период правления Псамметиха I, – отмечается, что им на территории храма Амона Теуджойского была установлена стела еще в период до его назначения жрецом (pRylands IX col. VII.14–15). Позднее, во время одного из конфликтов с местными жрецами, предок Петеисе III отмечал, что свидетельства стелы, установленной вельможей до назначения его жрецом, могли быть использованы в качестве доказательства того, что вельможа не занимал данную должность, поскольку она не указана в надписи на его памятнике. Таким образом, отсутствие титула в тексте памятника могло трактоваться против его права на занятие данной должности в будущих спорах: «Стела, которую я приказал установить, воздвигнув ее в святом месте, была создана еще до того, как я стал жрецом, и перед тем, как был составлен мне документ относительно долей жрецов-пророков этого поселения. Вы могли бы и сказать: “Ведь здесь не сказано, что ты жрец”» (pRylands IX col. 13.15–16;

³³ Klotz 2004, 294.

³⁴ Jurman 2001, 232.

³⁵ Jurman 2001, 241.

³⁶ Текст «Повести Петеисе III» сохранился на одном из папирусов Райландса (pRylands IX), хранящихся ныне в Манчестере. Текст произведения был опубликован Ф.Л. Гриффитом в 1909 г. [Griffith 1909], а в конце XX в. было осуществлено повторное издание текста с подробным комментарием Г. Виттманом [Vittmann 1998]. На русский язык научный перевод «Повести» с комментарием был подготовлен А.В. Эдаковым [Эдаков 1993, 263–

t3j wdi i.di (=j) ir=w dj.t Bj=w s r p3 ntj-w^cb i.ir (=j) dj.t ir=w s iw bw-r^c-tw(=j) ir w^cb iw bw-r^c-tw=w sh n=j r n3j dnj.t.w hm-ntr.w ntj n p3j dmj iw=tn r rh ddb n-pw=k). В связи с этим Петеисе I приказывает возвести новую стелу, в которой будут отмечены все его жреческие должности (pRylands IX col. 13.17–18). Важно заметить, что создание новой стелы было продиктовано опасениями даже не за собственное право на занятие должностей, а за право его потомков (pRylands IX col. 13.13-14). То есть сведения стелы должны были служить доказательством права не самого Петеисе I на должность и причитающиеся с ней доходы с жреческой доли, а права его потомков.

Таким образом, сведения памятника, предназначенного в первую очередь для религиозных целей, могли использоваться в качестве дополнительного доказательства по делу о праве обладания определенными должностями и наделами. При этом важно подчеркнуть, что в период нахождения предка Петеисе III на царской службе не происходило никаких конфликтов с жрецами храма по поводу занятия им данной должности: сомнения Петеисе I, равно как и сама спорная ситуация, возникают уже в период после его отставки, т.е. после того как сановник перестал иметь возможность обратиться к царю напрямую для защиты собственных интересов. Характерно, что наличие у Петеисе I документов, подтверждающих его владение жреческой долей, оказывается не столь веским доводом для представителей храма Амона Теуджойского – для претендующих на данный надел жрецов первоочередное значение имеют сведения стелы. Во избежание будущих споров предок Петеисе III устанавливает памятник, содержащий все необходимые для подтверждения своих прав сведения, причем устанавливает их в важном культовом месте – «на пути Амона к месту очищения», т.е. в месте, в котором постоянно проводятся ритуалы и присутствуют жрецы. Причем в текст стелы Петеисе I включает не только перечисление своих должностей, но и сведения о своих деяниях по отношению к храму, что позволяет говорить, что предназначен такой памятник прежде всего для подтверждения права Петеисе I на занятие им должности в глазах местного жречества.

Схожее назначение имели, по всей видимости, и памятники, содержащие «длинные генеалогии». Как и стелы Петеисе I, памятники с длинными родословными располагались на доступных для людей священных местах. Кроме того, по своей структуре «длинные генеалогии» представляют прежде всего перечисление поколений рода с подробным указанием должностей самого владельца памятника. При этом могли указываться и должности предков, но не столь подробно: чаще всего предыдущие поколения вводятся стандартной фразой для филиации *s3 mi nn* («сын, подобный этому /по званию/»), иногда в сочетании с отдельными значимыми должностями. Причем в подобных родословных на первый план выходит упоминание именно жреческих должностей. К примеру, Хнумибра в большинстве надписей в долине Вади-Хаммамат указывает только свою должность «начальника строительства» и варианты ее названия, а в «длинной генеалогии» сановник приводит обширный список своих жреческих должностей, которые к тому же расположены раньше, чем обозначение его административного поста³⁷.

³⁷ Posener 1936, 100.

Однако если сравнить «длинные генеалогии» с текстами стел Петеисе I, иератические копии которых присутствуют в «Повести Петеисе III», то мы обнаружим, что в стелах Петеисе I не указаны его предки, но приводятся его многочисленные жреческие титулы и описание его деятельности. При этом в памятниках с «длинными генеалогиями» в большинстве случаев не описывается деятельность указанных в них лиц. Это свидетельствует о том, что практика апелляции к сведениям частных памятников в качестве доказательства прав была связана не только с «длинными генеалогиями».

Стоит заметить, что Петеисе I не был жителем Теуджоя, а на должность жреца Амона Теуджойского был назначен в рамках своей службы. Естественно, что в подобном случае на своем памятнике сановник никак не мог сослаться на предшествующие поколения. При этом его потомок, Петеисе III, в ходе судебной тяжбы со жрецами храма за права на жреческую долю помимо текстов стел Петеисе I, чьих сведений могло быть достаточно для обоснования прав героя, приводит также описание деятельности всех своих предков. Таким образом, экскурс «Повести Петеисе III» в предшествующие эпохи и описание конфликтов предков главного героя, по сути, представляют собой своеобразную «длинную хронологию», чья основная задача к тому же была доказать правомерность владения наделами первого жреца храма Теуджойского. Причем сам спор Петеисе III и время создания текста «Повести» с подобным экскурсом относятся к тому же периоду, что и время возрождения практики «длинных генеалогий», т.е. к концу правления Саисской династии – началу Первого персидского владычества.

Однако, в чем же были причины возрождения данной традиции? На наш взгляд, на это повлияли изменения в политике правителей Саисской династии (а затем и персидских царей) по отношению к храмам. На протяжении большей части правления XXVI династии храмы и жречество обладали определенной автономией от государства и пользовалось при этом поддержкой правителей Саисского дома. Экономической основой представителей жречества в данный период было получение доходов от храмовых долей, т.е. земельных наделов храмов, которые были связаны с определенными жреческими должностями. Однако эта практика была нарушена в результате проведенных Амасисом реформ, одним из направлений которых было возвращение наиболее крупных доходов от распоряжавшихся ими жрецов в собственность царя и сокращение государственных субсидий храмам³⁸. В дальнейшем положение храмов было усугублено персидским завоеванием и сокращением дотаций от государства, предпринятым Камбизом II (P. Bibl. Nat. 215 verso, col. D³⁹). Важную роль сыграло и само завоевание Египта персами. Иноземное нашествие привело к существенному ослаблению храмов, что повлекло за собой потерю рядом жрецов своих доходов. И, как в случае с предком Петеисе III, реакцией на это могло стать создание подробных генеалогических надписей (с подробным перечислением жреческих должностей, как в случае берлинской статуи Яхмоса или вышеописанной генеалогии Хнумибра из Вади-Хаммамат) как свидетельства закрепления за жреческими династиями прав на подобные должности и связанные с ними доходы.

³⁸ Эдаков 1988, 123–124.

³⁹ Spiegelberg 1914, 32–33.

Стоит отметить, что практика создания стел как свидетельств о закреплении прав на храмовые доходы сохранилась и в более позднее время, причем не только на частных памятниках, но и на официальных. В качестве примера можно привести два памятника более позднего времени – «Стелу сатрапа»⁴⁰ и «Стелу Голода»⁴¹. Тексты обоих стел говорят о закреплении за местными храмами Буто и Элефантины соответственно земельных владений и доходов с них. При этом подобное решение обосновывается ссылкой на то, что такое же решение было принято царями предшествующих эпох, – в случае «Стела сатрапа» земли были дарованы царем Хаббашем, а сатрап Птолемей, по сути, возвращает их законному владельцу; на «Стеле Голода» в качестве дарителя земель выступает царь III-ей династии Джосер.

В отличие от официальных памятников, в «длинных генеалогиях» мы практически не встречаем никаких апелляций к фигуре царя⁴². Обоснование прав на жреческие должности (вместе с тем, и на земельные наделы, связанные с ними) происходит путем доказательства древности рода и занятия их предками владельца памятника. Стоит заметить, что это был не единственный способ доказательства прав: в уже разобранном нами примере Петеисе I сановник обосновывает свои права путем упоминания самих должностей и тех деяний, который он совершал по отношению к храму Амона Теуджойского. При этом в иератических копиях присутствует упоминание имени Псамметиха I (в датировочной формуле: pRylands IX col. XXI.12–13, XXII.9–12), который и назначил вельможу на должность жреца и даровал ему доходы с земельных наделов, хотя тексты стел не акцентируют на этом внимания. Как уже было сказано выше, назначение стел было в том, чтобы доказать права потомков Петеисе I на занятие должности в глазах местного жречества. По всей видимости, апелляция к назначению царем не являлась достаточно весомым доводом для этого, а куда большее значение имела деятельность, направленная на жреческое сословие (деяния по отношению к храму и, соответственно, его персоналу).

Объяснение этому феномену, на наш взгляд, можно найти в изменениях в египетском обществе I тыс. до н.э. После падения Нового царства происходит процесс формирования замкнутых профессиональных групп, одной из которых были жрецы. В данный период территория Египта была разделена между фиванским жречеством, контролировавшими юг страны, и иноземными ливийскими династиями на севере⁴³. Последние опирались в первую очередь на поддержку военной знати, а не на жречество. При этом цари ливийских домов выполняли прежде всего военно-политические функции, пренебрегая ритуальными, что выразилось и в смене принципов легитимации с личного (в основу которого были положены представления о каждом конкретном царе как ритуалисте и зиждителе миропорядка-Маат) на династийный⁴⁴. В подобной ситуации отстраненности ливийских правителей от религиозных дел функции поддержания религиозной традиции и

⁴⁰ Ладынин 2022.

⁴¹ Barguet 1953, 1–45; Панов 2018.

⁴² В основном тексты памятников с «длинными генеалогиями» содержат только сведения о владельце памятника, его титулах и должностях, а также об его предках.

⁴³ Kitchen 1986, 256–257.

⁴⁴ Ладынин 2016, 151–153.

оформления официальной идеологии должно было перейти к жрецам. Подобная ситуация разительно отличалась от эпохи египетской ранней древности III–II тыс. до н.э., в т.ч. предшествовавшего ливийскому времени периода Нового царства, с их системой государственного регулирования социальной структуры⁴⁵ и тесной интеграцией религиозной и светской сфер. В условиях распада этой системы и сокращения государственного вмешательства в храмовые дела жречество становится автономным сословием-корпорацией. Ожидаемо, что в таком случае главенствующую роль при определении прав на занятие должностей и на связанные с ними земли должна играть принадлежность к жреческому роду, что и выражается в «длинных генеалогиях».

Иначе говоря, создание стел и установка их на территории храмов преследовали сразу несколько целей: с одной стороны, увековечить имя владельца памятника и обеспечить его и его семью посмертным почитанием, с другой стороны, обосновать его права на владение храмовой землей перед жреческой корпорацией. В последнем случае права могли обосновываться либо благодеяниями по отношению к самим храмам или их персоналу (в рамках государственной службы или частной деятельности), либо древностью рода и занятия предками схожих должностей. Причем апелляция к древности рода, по всей видимости, стала играть куда большее значение в период Первого персидского владычества: среди памятников с «длинными генеалогиями» временем правления Амасиса датируется всего три, в то время как в период Первого персидского владычества было создано 11 памятников, содержащих длинные родословные. Особенно это заметно при рассмотрении корпуса частных стел в честь усопшего Аписа: «длинные генеалогии» встречаются на 8 памятниках персидского времени, а всего подобные родословные присутствуют на 9 стелах VII–V вв. до н.э.

В заключение отметим, что «длинные генеалогии» Саисского времени и эпохи Первого персидского владычества продолжали иметь назначение памятников, устанавливаемых в целях обеспечения культового почитания сановников и их предков. Помимо этого, в конце правления Амасиса и в годы Первого персидского владычества возрождение традиции составления длинных родословных было связано, на наш взгляд, с изменением экономических и политических условий в стране. В данный период памятники с «длинными генеалогиями» могли служить также для обоснования прав отдельных вельмож на право занятия жреческих должностей и получение доходов с причитающихся земельных наделов. При этом создавались такие памятники самими жрецами для обоснования их прав перед другими жрецами – членами жреческих корпораций.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Barguet, P. 1953: *La stèle de la famine, à Séhel*. Le Caire. (BdE XXV).
 Berlev, O.D., Khodzhash, S.I. 2004: *Skul'ptura Drevnego Egipta v sobranii Gosudarstvennogo muzeia izobrazitel'nykh iskusstv imeni A.S. Pushkina. Katalog [Sculpture of Ancient Egypt in the collection of Pushkin State Museum of Fine Arts. Catalogue]*. Moscow.
 Берлев, О.Д., Ходжаши, С.И. 2004: *Скульптура Древнего Египта в собрании Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Каталог*. М.

⁴⁵ Богословский 1983, 124–127.

- Bogoslovskiy, E.S. 1983: *Drevneegipetskie mastera: Po materialam iz Deir-el'-Medina*. [Ancient Egyptian Artisans: Based on Data from Deir-el-Medina]. Moscow.
- Богословский, Е.С. 1983: *Древнеегипетские мастера: По материалам из Дейр-эль-Медина*. М.
- Chassinat, E. 1899: Textes provenant du Sérapéum de Memphis. *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes* 21, 56–73.
- Chassinat, E. 1900: Textes provenant du Sérapéum de Memphis. *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes* 22, 9–26.
- Chassinat, E. 1901: Textes provenant du Sérapéum de Memphis. *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes* 23, 76–91.
- Chassinat, E. 1903: Textes provenant du Sérapéum de Memphis. *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes* 25, 50–62.
- De Meulenaere, H. 1976: Le clergé abydien d'Osiris á basse époque. *Orientalia Lovanensia Periodica* 6/7, 133–151.
- Edakov, A.V. 1988: Reformy Amasisa i ikh sud'ba v pozdnesaisskoe vremia [Les réformes d'Amasis et leur destin à l'époque saïsiennne tardive]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History] 1, 112–125.
- Эдаков, А.В. 1988: Реформы Амасиса и их судьба в позднесаисское время. *ВДИ* 1, 112–125.
- Edakov, A.V. 1993: *Obshchestvo i gosudarstvo drevnego Egipta VII–IV vv. do n.e. (politicheskaya struktura, problemy ekonomiki i sotsial'naya organizatsiya obshchestva)*. [The society and the state of Ancient Egypt in the 7th–4th centuries BC (Political Structure, Economic Problems and the Social Organization)]. PhD Thesis. Saint. Petersburg.
- Эдаков, А.В. 1993: *Общество и государство древнего Египта VII–IV вв. до н.э. (политическая структура, проблемы экономики и социальная организация общества): дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук*. СПб.
- El-Sayed, R. 1985: Deux monuments de Musée du Caire. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 85, 173–185.
- Griffith, F.L. 1909: *Catalogue of the Demotic Papyri in the John Rylands Library, Manchester*. Vol. III. Manchester.
- Jansen-Winkel, K. 2014: *Inschriften der Spätzeit. Teil IV: Die 26. Dynastie*. Wiesbaden.
- Jansen-Winkel, K. 2005: Die Entwicklung der genealogischen Informationen nach dem neuen Reich. In: *Genealogie. Realität und Fiktion von Identität*. Berlin, 137–145. (Internet-Beiträge zur Ägyptologie und Sudanarchäologie, V).
- Josephson, J., Eldamaty, M. 1999: *Statues of the XXVth and XXVIth Dynasties*. Cairo.
- Jurman, C. 2001: Running with Apis: The Memphite Apis Cult as a Point of Reference for Social and Religious Practice in Late Period Egyptian Culture. In: *Egypt in Transition*. Prague, 224–267.
- Kitchen, K.A. 1986: *The Third Intermediate Period in Egypt (1100–650 B.C.)*. Warminster.
- Klotz, D. 2004: Replicas of Shu: On the Theological Significance of Naophorous and Theophorous Statues. In: *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 114, 291–338.
- Labudek, J. 2010: *Late Period Stelae from Saqqara. A Social-Cultural and Religious Investigation*. Birmingham.
- Ladynin, I.A. 2016: Drevneegipetskie kontseptsii sakral'nosti tsarskoy vlasti v I tysiacheletii do n.e. [Ancient Egyptian Concepts of Sacredness of the Royal Power in the Ist Millenium BC]. In: *“Bogi sredi liudei”: kul't pravitelei v ellinisticheskom, posteliinisticheskom i rimskom mire*. [“Gods Among the People”: The Ruler's Cult in Hellenistic, Post-Hellenistic and Roman World]. Moscow–Saint Petersburg, 136–173.
- Ладынин, И.А. 2016: Древнеегипетские концепции сакральности царской власти в I тысячелетии до н.э. В кн.: *«Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире*. М.–СПб., 136–173. (Тр. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 82. Серия II: Исторические исследования, 39).

- Ladynin, I.A. 2022: *Ptolemy, syn Laga, i zhretsy Buto. «Stela Satrapa' (Egipetskii muzei, Kair, 22182): ieroglificheskii tekst, perevod i kommentarii. [Ptolemy, Son of Lagus, and the Priests of Buto. The Satrap Stela (Egyptian Museum, Cairo, 22182): Hieroglyphic Text, Translation and Commentary]*. Moscow.
- Ладынин, И.А. 2022: *Птолемей, сын Лага, и жрецы Бутто. «Стела Сатрапа» (Египетский музей, Каир, 22182): иероглифический текст, перевод и комментарий*. М. (Тр. исторического факультета МГУ, 198).
- Leahy, A. 1986: The Lybian Period in Egypt: An Essay of Interpretation. *Lybian Studies* 16, 51–65.
- Leahy, A., Leahy, M.L. 1986: The Genealogy of a Priestly Family from Heliopolis. *Journal of Egyptian Archaeology* 72, 133–147.
- Lebedev, M.A. 2014: *Slugi faraonov vdali ot Nila. [The Servants of the Pharaoh Far from the Nile]*. Saint Petersburg.
- Лебедев, М.А. 2014: *Слуги фараонов вдали от Нила*. СПб.
- Munro, P. 1973: *Die spätägyptischen Totenstellen*. Glückstadt.
- Panov, M.V. 2018: *Istoriia o semi godakh goloda i bedstvii pri Necherikhete-Dzhosere. [The Story of a Seven-year Period of Hunger and Disaster under Netjerikhet-Djoser]*. Ed. 2. Novosibirsk.
- Панов, М.В. 2018: *История о семи годах голода и бедствий при Нечерихете-Джосере*. Новосибирск. (Египетские тексты, Т. IX).
- Posener, G. 1936 : *La première perse domination en Égypte: Recueil d'inscriptions hiéroglyphiques*. Le Caire.
- Rittner, R.K. 1994: Dendrite Temple Hierarchy and the Family of Theban High Priest Nebwene-nef: Block Statue OIM 10729. In: *For His Ka: Essays Offered in Memory of Klaus Bayer*. Chicago, 205–226. (Studies in Ancient Oriental Civilization, 55).
- Spiegelberg, W. 1914: *Die sogenannte Demotische Chronik des Pap. 215 der Bibliothéque Nationale zu Paris*. Leipzig. (Demotische Studien; VII).
- Vittmann, G. 1978: *Priester und Beamte im Theben der Spätzeit*. Wien.
- Vittmann, G. 1998: *Der demotische Papyrus Rylands 9*. Wiesbaden.
- Wildung, D. 1969: *Die Rolle ägyptischer Könige im Bewusstsein ihrer Nachwelt*. Berlin.

ANCIENT EGYPTIAN “LONG GENEALOGIES” OF THE 7th – 5th BC AND THEIR PURPOSE

Denis A. Izosimov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: DenLore@yandex.ru

Abstract. The article discusses the purpose of creating so-called “long genealogies” during the Saite dynasty and the First Persian period. Specific “long genealogies” were often studied by previous scientists, but only by K. Jansen-Winkel investigated the practice of creating such genealogies in general. However, the scientist investigated only the purpose of such documents, and the fact that “long genealogies” can only be attributed to the beginning of the Saite dynasty and, after a century-long break, to the reign of Amasis and the First Persian period, remains ignored. To identify the reasons for this gap and the subsequent revival of this practice, it is necessary to turn to the goals of “long genealogies”. The most common use of monuments

containing them was to ensure the veneration of all family members in one memorial. However, at the end of the Saite dynasty, they acquired a different purpose and served to assert the rights of Egyptian priests to hold certain positions in the temple hierarchy and receive income from related lands. This additional goal was caused by changes in royal policy towards the temple: the reforms of Amasis were aimed at reducing the autonomy of temples and state donations to them. The Persian rulers of Egypt adhered to this policy, which led to a deterioration in the financial situation of the priests. The revival of “long genealogies” is connected with the desire of priests to justify their rights to certain positions, relying mainly on the hereditary principle, which, moreover, was significant in the eyes of other priests.

Keywords: Ancient Egypt, “long genealogies”, Saite period, First Persian period, private monuments, priesthood.

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-3-77-37–50

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОСТЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ИЗ РАСКОПОК СЕЛИЩА ПОДЫМАЛОВО-1 В БАШКИРСКОМ ПРИУРАЛЬЕ (2019 г.)

А.И. Тузбеков¹, И.М. Григорьева², Н.В. Рослякова³

¹*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального
исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия*

^{2,3}*Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара,
Россия*

¹*E-mail: aituzbekov@gmail.com* ²*E-mail: irinasosnovtceva1996@yandex.ru*

³*E-mail: roslyakova_n@mail.ru*

¹*ORCID: 0000-0002-5895-9826* ²*ORCID: 0000-0001-9314-8562*

³*ORCID: 0000-0002-1888-2713*

Аннотация. В статье представлены результаты археозоологического исследования остеологического материала из раскопок золотоордынского селища Подымалово-1 (Уфимский район Республики Башкортостан) в 2019 г. Всего было исследовано 1020 костей животных из культурного слоя и заполнений комплексов. Анализ костного материала проводилась по методике, разработанной в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН. Проведены таксономический, анатомический и возрастной анализы остеологической коллекции. По степени сохранности, индексу раздробленности в выборках из культурного слоя и комплексов не различаются и являются кухонными остатками. В остеологической коллекции присутствовали кости млекопитающих, птиц, рыб, а также раковины моллюсков. Все кости млекопитающих принадлежат домашним животным: крупному рогатому скоту, лошади, овце или козе. Результаты исследований подтверждают, что население данного памятника занималось животноводством. Анатомический состав домашних копытных представлен всеми частями скелета. Это позволяет утверждать, что разделка туш этих животных производилась непосредственно на селище. Основу мясного рациона составляло мясо крупных копытных, реже – мелкого рогатого скота. Подсобное значение

Данные об авторах: Айну́р Ильфа́тович Тузбе́ков – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологического наследия Южного Урала ИЭИ им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН; Ирина Михайловна Григорьева – лаборант археологической лаборатории СГСПУ; Наталья Валерьевна Рослякова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской части СГСПУ.

Исследование А.И. Тузбекова проведено при финансовой поддержке в рамках госзадания по теме «Культурные интеграции населения Южного Урала в древности, средневековье и Новое время: факторы, динамика, модели» №АААА-А21-121012290083-9. Исследование Н.В. Росляковой выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 21-18-00026) в рамках проекта «Ресурсы и человек в эпоху бронзы-средневековья: динамика использования аридных регионов юга России».

в питании населения имели рыболовство и охота. Наличие в комплексах костей со следами обработки подтверждает существование ремесленного косторезного производства на селище.

Ключевые слова: остеологический материал, археозоология, Золотая Орда, селище Подымалово–1, Башкирское Приуралье.

Археозоологические материалы, свидетельствующие о занятиях древнего населения животноводством, охотой и рыболовством, имеют особое значение для исследования памятников Башкирского Приуралья в эпоху Золотой Орды, долгое время изучавшегося преимущественно по письменным и историко–этнографическим материалам. По мнению крупнейшего специалиста золотоордынского периода в Башкирии Г.Н. Гарустовича, систематизировавшего поселенческие и погребальные памятники чияликской археологической культуры, широко распространенные на Южном Урале в X–XIV вв., оставившее их население использовало подвижные формы скотоводства. В летний период оно проживало в стойбищах (летниках), а зимой в стационарных жилищах (зимниках)¹. Г.Н. Гарустович выделяет десять региональных групп чияликских памятников волго-уральской лесостепи, семь из которых – икская, сюньская, усть-бельская, чермасанская, демская, среднебельская и верхнебельская – были локализованы по крупным рекам на территории Башкирского Приуралья².

Среди всех известных на сегодняшний день приуральских поселенческих комплексов особое место занимает селище Подымалово–1, результаты анализа археозоологических материалов из раскопок которого представлены в настоящей статье.

1. СЕЛИЩЕ ПОДЫМАЛОВО–1

Селище Подымалово–1 было выявлено Г.Н. Гарустовичем и А.М. Акбулатовым в ходе разведок в бассейне р. Сикиязка в Уфимском районе Республики Башкортостан в 2010 г.³. Памятник находится на правом берегу реки, у подножия коренной террасы. Задернованная площадка первой террасы (высота от уровня реки – 5 м) ровная, на поверхности фиксируются карстовые воронки.

В 2017 г. Э.В. Камалеев проводил археологические исследования на селище на площади 100 м². Было выявлено 4 комплекса и обнаружено более 460 артефактов, большую часть которых составили фрагменты гончарной посуды. На памятнике собрано значительное количество фрагментов кашинных поливных сосудов, ранее не встречавшихся на чияликских памятниках Башкирского Приуралья. Примечательно, что фрагменты лепной посуды, характерные для поселений чияликской культуры, составили лишь 3% и среди них отсутствовали черепки, украшенные оттисками гребенчато-шнурового штампа⁴.

¹ Гарустович 1998а, 43.

² Гарустович 1998б, 9–10.

³ Акбулатов, Гарустович 2011, 29–35.

⁴ Ахатов, Бахшиев, Тузбеков, Камалеев 2018, 28–32.

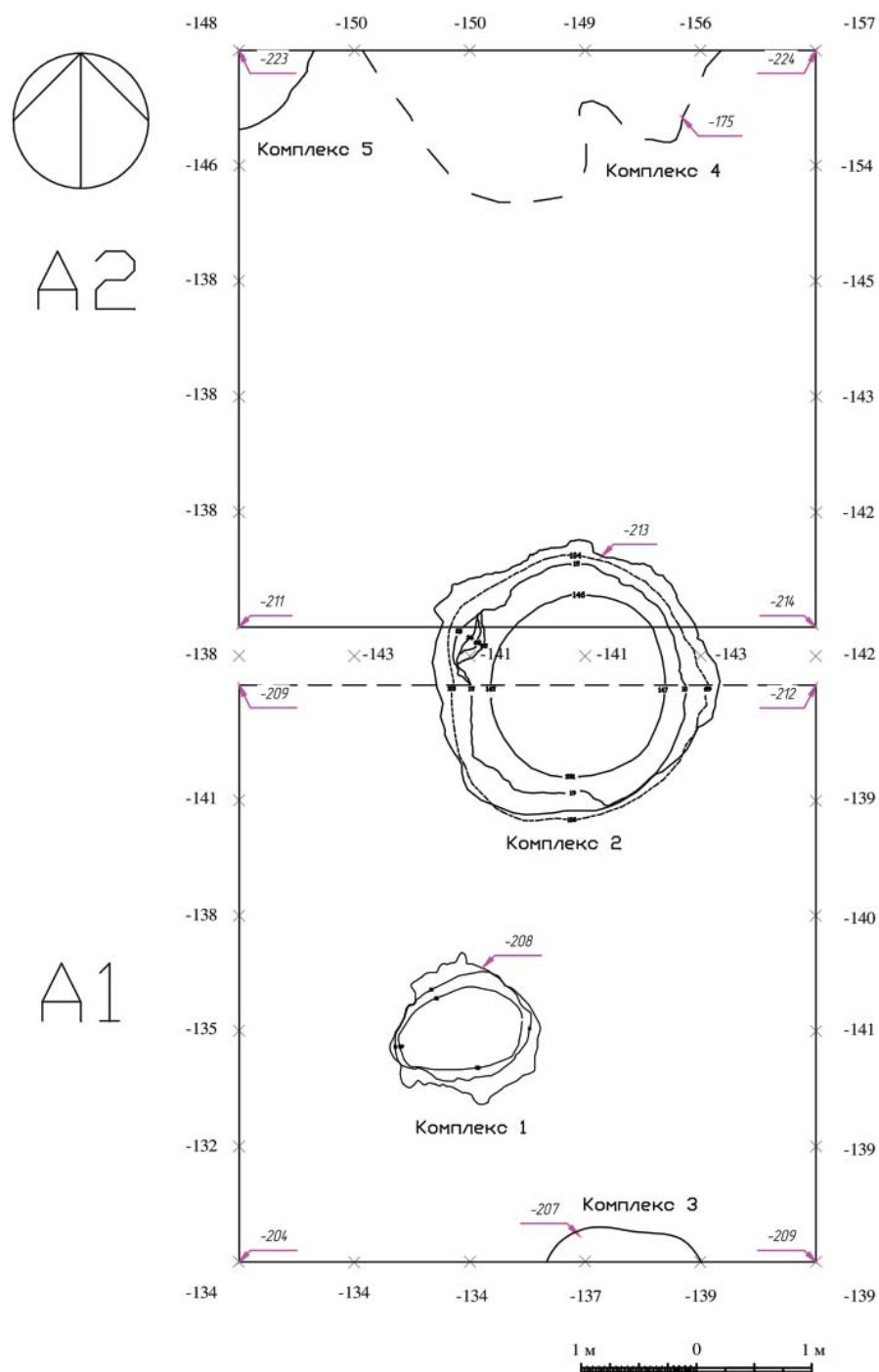

Рис. 1. Селище Подымалово-1. Схема раскопа. А.И. Тузбеков, 2019.
Fig.1. Podymalovo-1 Settlement. Excavation plan by A.I. Tuzbekov, 2019.

В 2019 г. А.И. Тузбеков проводил охранно-спасательные раскопки на площади 50 м² в западной части селища, наиболее пострадавшей от действий «черных копателей» (рис. 1). Собран 361 артефакт, выявлено 5 археологических комплексов: яма-очаг (№ 1), хозяйственная яма (зимний погреб / зерновая яма?) (№ 2) и очаг (№ 4). Два других комплекса (№ 3 и 5), большей частью ушедшие за пределы раскопа, не исследованы⁵.

Археологический материал из раскопок 2017 и 2019 гг. позволяет датировать памятник серединой – второй половиной XIV в.⁶ Выявленные следы литейного производства, многочисленные обрезки цветного металла, заготовки и готовые изделия из кости, а также инструменты (фрагмент ножовки⁷ и коготок (рис. 2, 3), используемые косторезами), свидетельствуют о направлениях ремесленного производства. Ямы для хранения продуктов, серп и фрагменты жерновов указывают на то, что жители занимались земледелием, а большое количество костных останков говорит о развитом животноводстве.

Многочисленность костных останков является характерной чертой для большинства селищ позднего средневековья на Южном Урале, но неординарность селища Подымалово–1⁸ заставляет особенно детально изучить остеологический материал, таксономический набор останков и видовой состав млекопитающих, что позволяет прояснить картину занятий населения, связанных с разведением или добычей различных животных.

2. МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ археозоологического материала проводился по выделенным выборкам отдельно для каждого из пяти комплексов (табл. 1) по методике, разработанной в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН⁹. Искусственная раздробленность оценивалась по количеству фрагментов в 1 куб. дм. Рамки обычного показателя для кухонных остатков варьируются от 10 до 60 фрагментов в 1 куб. дм.¹⁰

Измерения костей крупного рогатого скота (КРС) и мелкого рогатого скота (МРС) выполнены по методике А. Дриш¹¹, лошади – В. Эйзенманн¹². Размеры одноименных костей приведены в табл. 6–9, единичных костей даны в тексте. Для ряда фрагментов проведена визуальная оценка их размеров. Внутри каждого вида кости были разделены относительно друг друга на крупные, средние и мелкие. При определении возраста животных использовались данные о сроках прирастания эпифизов к диафизам длинных трубчатых костей и позвонков¹³. По фрагментам посткраниального скелета определялся относительный возраст животных: новорожденные животные и животные до полугода, молодые (не достигшие своих максимальных размеров); полувзрослые (молодые, но уже достигшие размеров взрослого животного); взрослые (особи с полностью сформировавшимся скеле-

⁵ Тузбеков 2021, 157–165.

⁶ Тузбеков 2021, 164.

⁷ Ахатов, Бахшиев, Тузбеков, Камалеев 2018, 30.

⁸ Тузбеков, Камалеев 2021, 135.

⁹ Антипина 2004а; 2004б.

¹⁰ Антипина 2004б, 182–239.

¹¹ Driesch 1976.

¹² Eisenmann, Alberdi, De Giuli, Staesche 1988.

¹³ Воккен, Глагольев, Боголюбовский 1961; Silver 1969, 293–302.

том и набравшие максимальную массу тела). При этом необходимо иметь в виду, что границы возрастных групп, выделенных таким образом, могут перекрываться.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Всего было исследовано 1020 экземпляров костей животных. Естественная сохранность костных остатков соответствует удовлетворительной и хорошей (3–4 балла по пятибалльной шкале) (табл. 1). Хорошая сохранность материала позволила зафиксировать следы искусственного воздействия на 236 (26,1%) фрагментах костей (разбивание – 41,1%, разрубы – 31,4%, порезы острым лезвием – 1,3%, следы огня – 13,1%; погрызы собаками – 11,4%) (табл. 2). Такие следы являются типичными для кухонных остатков. На селище также встречены кости со следами обработки: подъязычная кость лошади со следами подрезания (комплекс 5, рис. 2, 2); метаподия зайца с отверстием в дистальном конце (горизонт 4, рис. 2, 2); две вторые фаланги лошади со сточенной и залощенной задней поверхностью (комплекс 2, кв. А1, рис. 2, 4; горизонт 5, рис. 2, 5); проколка из кости крупного копытного (комплекс 2, кв. А1, рис. 2, 6); муфта наборной рукояти ножа, изготовленная из рога крупного представителя семейства оленьи (*Cervidae* sp.) (горизонт 5, рис. 2, 7); роговая заготовка для изготовления муфты наборной рукояти (?). Эти находки являются «остатками производственных комплексов».

Для исследуемой коллекции искусственная раздробленность составила 31 фрагмент на 1 куб. дм., что не выходит за рамки обычного показателя для кухонных остатков. Определяемые фрагменты составили 46,4% всей коллекции (483 экземпляра). По степени сохранности, следам искусственного воздействия и индексу раздробленности кости из культурного слоя и комплексов существенно не различаются и являются кухонными остатками.

В остеологической коллекции присутствуют кости млекопитающих (85,5 %), птиц (6,8%), рыб (4,3%), а также раковины моллюсков (2,3%) (табл. 3). Кости птиц и рыб не идентифицированы до видового уровня. Подавляющая часть костей млекопитающих принадлежит домашним животным: КРС (*Bos taurus*), лошади (*Equus caballus*), МРС – овцы (*Ovis aries*) или козы (*Capra hircus*). Около половины всех костных остатков домашних копытных (411 костей) происходят от КРС (44,8%), и почти одинаковые доли составляют кости лошади (29,0%) и МРС (26,3%). Дикие животные представлены в кухонных материалах пятью костями зайца (*Lepus* sp.). Фрагмент черепа грызуна и кость суслика (*Spermophilus* sp.) не связаны с хозяйственной деятельностью человека, а принадлежат животным–комменсалам.

Анатомический состав домашних копытных представлен всеми частями скелета. В коллекции преобладают самые многочисленные кости скелета – позвонки и ребра (табл. 4).

В связи с хронологической однородностью культурного слоя и небольшими выборками оценка возраста и размера скота проводилась для всего раскопа в целом, без деления на горизонты и комплексы (табл. 5). Среди КРС 70,8% костей принадлежат взрослым особям, 24,0% – полувзрослым и 5,2% – молодым животным. Среди МРС наиболее часто встречаются кости от взрослых особей – 71,0%. Доля полувзрослых и молодых особей от полугода составляет 22,6% и 6,4% соот-

Рис. 2. Селище Подымалово–1. Кости со следами обработки и инструменты: 1 – подъязычная кость лошади со следами подрезания; 2 – метаподия зайца с отверстием в дистальном конце; 3 – косторезный коготок; 4 – вторая передняя фаланга лошади со сточенной и залощенной задней поверхностью; 5 – вторая задняя фаланга лошади со сточенной и залощенной задней поверхностью; 6 – проколка из кости крупного копытного; 7 – муфта наборной рукояти ножа. Фото А.И. Тузбекова, 2022.

Fig. 2. Podymalovo settlement–1. Bones with traces of processing and tools: 1 – the hyoid bone of a horse with traces of trimming; 2 – the metapodia of a hare with a hole at the distal end; 3 – an engraver for carving on the bone; 4 – the second anterior phalanx of a horse with an erased and erased posterior surface; 5 – the second posterior phalanx of a horse with an erased and erased posterior surface; 6 – a puncture from the bone of a large ungulate; 7 – a typesetting clutch of the knife handle. Photo by A.I. Tuzbekov, 2022.

ветственно. Большинство костей лошадей принадлежит взрослым особям – 82,6%, полувзрослым и молодым – по 8,7%. Новорожденных особей домашних копытных не обнаружено. Длинные трубчатые кости домашних копытных происходят преимущественно от особей средних размеров, экземпляры крупных и мелких костей единичны. Промеры удалось выполнить лишь на нескольких костях. Лопатка лошади (комплекс 1): ширина/поперечник сустава – 53,7/46,6 мм, ширина с бугром – 81,8 мм, ширина шейки – 56,8 мм. Лопатка овцы (горизонт 2, кв. А1): ширина/поперечник сустава – 28,5/23,7 мм; ширина с бугром – 34,3 мм; ширина шейки – 21,8 мм. Берцовая кость овцы (комплекс 2, кв. А2): ширина/поперечник нижнего конца – 31,3/23,5 мм. Таранная кость лошади (горизонт 5): длина – 54,5 мм; ширина – 54,6 мм; максимальный диаметр медиального блока – 57,4 мм; ширина между вершинами блоков – 28,3 мм; поперечник кости – 46,9 мм; ширина/поперечник суставной поверхности – 45,1/33,0 мм. Вторая задняя фаланга КРС (горизонт 4): длина – 41,6 мм; длина сагиттальная – 38,4 мм; ширина верхнего конца – 31,4 мм; ширина диафиза – 24,5 мм; ширина нижнего конца – 26,4 мм. Промеры фаланг и плечевых костей КРС и лошади приведены в таблицах 4–9. Данных для полной возрастной и размерной характеристики животных недостаточно.

4. ОБСУЖДЕНИЕ

Сведения в исторической литературе сообщают, что в золотоордынский период в округе селища Подымалово–1 существовало несколько поселений–стойбищ (Кармасан, Юлушево, Затонские III–IV) чияликского населения, которое вело полукочевой образ жизни. Характер находок на них имеет существенное отличие от археологических предметов из раскопок рассматриваемого памятника.

Изученный остеологический материал из раскопок Подымалово–1 в 2019 г., включает все элементы скелета домашних копытных. Полученные данные свидетельствуют о том, что разделка туш этих животных производилась, по-видимому, непосредственно на селище. Сопоставление результатов анализа костного материала с селища Подымалово–1 и упомянутых поселений округа лишь косвенно подтверждает ранее высказанное нами предположение о том, что Подымалово–1 являлось либо своего рода ремесленным центром, обеспечивающим население округа товарами, либо одной из караванных стоянок, где временно проживали ремесленники¹⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ остеологического материала из раскопок 2019 г. демонстрирует, что основу мясного рациона жителей селища Подымалово–1 составляло мясо как правило крупных копытных, реже – мелкого рогатого скота. Подсобное значение в обеспечении населения селища пищей играли рыболовство и охота.

Находки инструментов, костей со следами обработки и заготовок костяных изделий подтверждает существование ремесленного косторезного производства на селище. Дальнейшее изучение материалов селища позволит дать более детальную характеристику хозяйственной деятельности его обитателей.

¹⁴ Тузбеков, Камалеев 2021, 135.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1.

Стратиграфическое распределение археозоологических материалов на селище
Подымалово–1

Объекты раскопок	Общее число костей	Объем костей (куб. дм)	Индекс* фрагментарности костей	Оценка естественной сохранности (шкала 5–1)	Определимые до вида кости – доля (%)
Горизонт 1	121	2	61	3–4	33,0
Горизонт 2	40	1,3	31	3–4	37,5
Горизонт 3	118	3,5	34	3–4	35,6
Горизонт 4	121	2,4	50	3–4	34,7
Горизонт 5	96	3,4	28	3–4	47,9
Горизонт 6	23	0,8	29	3–4	56,5
ВСЕГО по культурному слою	519	13,4	39	3–4	38,2
Комплекс 1	154	9,2	17	3–4	44,1
Комплекс 2 (кв. А1)	175	5,8	30	3–4	71,4
Комплекс 2 (кв. А2)	78	1,9	39	3–4	53,8
Горизонт 1	1	–	–	3–4	
Горизонт 3	3	–	–	3–4	
Горизонт 4	6	–	–	3–4	
Горизонт 6	5	–	–	3–4	
Горизонт 9	6	–	–	3–4	
Горизонт 10	20	–	–	3–4	
Горизонт 11	37	–	–	3–5	
Комплекс 4	22	0,8	27	3–4	36,3
Комплекс 5	72	3,6	20	3–4	58,3
По ВСЕМ объектам	501	21,3	23	3–4	56,9
ВСЕГО:	1020	34,7	31	3–4	46,4

Таблица 2.

Следы искусственного воздействия на костях из селища Подымалово–1

Характер искусственного воздействия	КРС	Лошадь	МРС	Заяц	Средние копытные	Крупные копытные	ВСЕГО	
							Костей со следами	%
Погрызы собаками	9	6	10	–	–	2	27	11,3
Следы огня	4	3	3	–	1	20	31	13,0
Порезы металлическим лезвием	3	–	–	–	–	–	3	1,3
Разрубы	31	20	8	–	–	15	74	31,1
Разбивание	35	20	17	–	8	17	97	40,8
Изделия/отходы косторезного ремесла	–	3	–	1	–	2	6	2,5
Всего костей со следами	82	52	38	1	9	56	238	100
Общее количество костей каждого вида в коллекции	184	119	108	5	27	458	901	
Частота встречаемости костей со следами (%)	44,6	43,7	35,2	20,0	33,3	12,2	26,4	

Таблица 3.

Таксономическая структура археозоологических материалов селища Подымалово–1

Объекты раскопок	Домашние копытные			Заяц	Птицы	Рыбы	Моллюски	Грызуны	ВСЕГО число костей
	КРС	Лошадь	МРС						
Горизонт 1	15	19	3	1	2	–	–	–	40
Горизонт 2	12	1	2	–	–	–	–	–	15
Горизонт 3	22	5	6	–	4	1	4	–	42
Горизонт 4	17	12	5	–	4	–	4	–	42
Горизонт 5	22	10	8	2	1	2	–	1	46
Горизонт 6	7	2	3	–	–	–	1	–	13
ВСЕГО по культурному слою	95	49	27	3	11	3	9	1	198
Комплекс 1	15	3	34	1	5	9	–	1	68
Комплекс 2 (кв. 1А)	48	42	23	1	9	2	–	–	125
Комплекс 2 (кв. 2А)	7	12	15	–	5	1	2	–	42
Комплекс 4	6	2	–	–	–	–	–	–	8
Комплекс 5	13	11	9	–	3	6	–	–	42
По ВСЕМ объектам число костей	89	70	81	2	22	18	2	1	285
ВСЕГО	184	119	108	5	33	21	11	2	483
ВСЕГО, %	38,1	24,6	22,4	1,0	6,8	4,3	2,3	0,4	100

Таблица 4.

Анатомическая структура археозоологических материалов домашних копытных селища Подымалово–1

Элементы скелета	Количество костей по видам:			
	КРС	Лошадь	МРС	Всего
Рог	2	–	–	2
Череп	14	6	5	25
Нижняя челюсть	12	6	8	26
Зубы	13	13	7	33
Позвонки	30	12	16	58
Ребра	37	26	17	80
Лопаточная кость	5	4	3	12
Плечевая	6	4	5	15
Локтевая	3	1	4	8
Лучевая	10	4	5	19
Тазовая	2	2	1	5
Бедренная	10	9	10	29
Большая и малая берцовые	6	2	7	15
Метаподиальные	15	7	7	29
Астрагал (таранная)	–	1	2	3
Пяточная	1	1	4	6
Подиальные	8	9	1	18
Фаланги	10	12	6	28
ВСЕГО:	184	119	108	411

Таблица 5.

Возрастная структура археозоологических материалов домашних копытных селища Подымалово–1

	Молодые JUVENILE	Полувзрослые SUBADULT	Взрослые ADULT	Всего
Вид	КРС			
Количество костей	5	23	68	96
Доля, %	5,2	24,0	70,8	100
Вид	МРС			
Количество костей	4	14	44	62
Доля, %	6,45	22,6	71,0	100
Вид	Лошадь			
Количество костей	4	4	38	46
Доля, %	8,7	8,7	82,6	100

Таблица 6.

Размеры первых фаланг КРС, мм

Объект	Длина	Длина сагиттальная	Ширина верхнего конца	Ширина диафиза	Ширина нижнего конца	Поперечник нижнего конца	Конечность
Комплекс 1	58,1	51,8	35,3	28,3	30,6	23,2	Передняя
Комплекс 2	57,4	51,0	26,8	24,5	25,3	–	Задняя

Таблица 7.

Размеры первых фаланг лошади, мм

Объект	Длина	Длина сагиттальная	Ширина верхнего конца	Поперечник верхнего конца	Ширина верхнего сустава	Поперечник верхнего сустава	Ширина диафиза	Поперечник диафиза	Высота треугольника	Ширина нижнего конца в буграх	Ширина нижнего сустава	Поперечник нижнего сустава	Конечность
Комплекс 1	76,2	67,8	48,4	33,9	43,1	27,2	33,2	21,6	50,0	43,4	39,6	23,1	Передняя
Комплекс 2 (кв. 2А)	77,1	71,3	53,9	38,4	47,4	32,4	32,1	21,4	42,5	43,6	–	24,6	Задняя

Таблица 8.

Размеры вторых фаланг лошади, мм

Объект	Длина	Длина сагиттальная	Ширина верхнего конца	Поперечник верхнего конца	Ширина верхнего сустава	Ширина диафиза	Поперечник диафиза	Ширина нижнего сустава	Поперечник нижнего сустава	Конечность
Горизонт 1	44,5	34,3	44,6	29,1	40,5	37,7	20,5	–	–	Задняя
Горизонт 3	43,6	32,9	49,2	30,8	44	40,5	21,5	43,7	24,0	Передняя
Горизонт 5	–	34,5	–	–	43,1	41,2	–	–	–	Задняя

Таблица 9.

Размеры плечевых костей КРС и лошади, мм

Объект	Ширина нижнего конца	Поперечник нижнего конца	Ширина нижнего суставного блока	Минимальный диаметр нижнего суставного блока
КРС				
Комплекс 1	78,1	73,0	66,2	27,5
Комплекс 1	84,8	77,7	75,0	31,8
Комплекс 2 (кв. 1А)	96,4	85,9	79,6	37,1
Лошадь				
Комплекс 1	77,0	80,7	68,9	33,3

ЛИТЕРАТУРА

- Акбулатов, И.М., Гарустович, Г.Н. 2011: Серебряные гривны, медные пулы и находки отдельных джучидских монет при раскопках на Южном Урале. В сб.: Ф.Г. Хисамитдинова, А.В. Псянчин (ред.), *Этногенез. История. Культура: I Юсуповские чтения. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Рината Мухаметовича Юсупова*. Уфа, 29–35.
- Антипина, Е.Е. 2004а: Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты. В сб.: Е.Е. Антипина, Е.Н. Черных (ред.), *Новейшие археозоологические исследования в России*. М., 7–33.
- Антипина, Е.Е. 2004б: Археозоологические материалы. В сб.: Е.Н. Черных (ред.), *Каргалы. Т. III. Селище Горный: археологические материалы, технология горно-металлургического производства, археобиологические исследования*. М., 182–239.
- Ахатов, А.Т., Бахшиев, И.И., Тузбеков, А.И., Камалеев, Э.В. 2018: Селище Подымалово–1 в Приуралье: новый памятник эпохи Золотой Орды в Башкирии (предварительные результаты). *История и педагогика естествознания* 4, 28–32.
- Воккен, Г.Г., Глагольев, П.А., Боголюбский, С.Н. 1961: *Анатомия домашних животных. Система органов движения*. М.
- Гарустович, Г.Н. 1998а: *Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры*: дисс. канд. ист. наук. Уфа.
- Гарустович, Г.Н. 1998б: *Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры*: автореф. дисс. канд. ист. наук. Уфа.
- Гарустович, Г.Н. 2015: Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале. *Уфимский археологический вестник* 15, 181–198.
- Тузбеков, А.И., Камалеев, Э.В. 2021: Поливная кашинная керамика XIII–XV вв. с территории Башкирского Приуралья. *ПИФК* 1, 126–139.
- Тузбеков, А.И. 2021: Кашинная керамика с селища Подымалово–1 (по результатам раскопок 2019 года). *Теория и практика археологических исследований* 33(4), 157–165.

REFERENCES

- Akbulatov, I.M., Garustovich, G.N. 2011: Serebryanyye grivny, mednyye puly i nakhodki otdelnykh dzhuchidskikh monet pri raskopkakh na Yuzhnom Urale [Silver grivnas, copper

- pūl coins and finds of sole Jochides' coins during excavations in the Southern Urals]. In F.G. Khisamitdinova, A.V. Psyanchin (ed.), *Etnogenez. Istoriya. Kultura: I Yusupovskiye chteniya Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati Rinata Muhametovicha Yusupova* [Ethnogenesis. History. Culture: I Yusupov readings. Materials of the international scientific conference dedicated to the memory of Rinat Mukhametovich Yusupov]. Ufa, 29–35.
- Akhatov, A.T., Bahshiyev, I.I., Tuzbekov, A.I., Kamaleyev, E.V. 2018: Selische Podymalovo–1 v Priuralye: novyi pamyatnik epokhi Zolotoy Ordy v Bashkirii (predvaritelnyye rezultaty) [Podymalovo–1 settlement in the Urals: a new site of the Golden Horde period in Bashkiria (preliminary results)]. *Istoriya i pedagogika estestvoznaniya* [History and Pedagogy of Natural Science] 4, 28–32.
- Antipina, E.E. 2004a: Arkheozoologicheskiye issledovaniya: zadachi, potentsialnyye vozmozhnosti i realnyye rezultaty [Archaeozoological research: tasks, potentials and real results]. In: E.E. Antipina, E.N. Chernykh (eds.), *Noveishiye arkheozoologicheskiye issledovaniya v Rossii* [The latest archaeozoological research in Russia]. Moscow, 7–33.
- Antipina, E.E. 2004a: Arkheozoologicheskiye materialy [Archeozoological materials]. In E.N. Chernykh (ed.), *Kargaly. T. III. Selishche Gornyy: arheologicheskiye materialy, tekhnologiya gorno-metallurgicheskogo proizvodstva, arkheobiologicheskiye issledovaniya* [Kargaly. Vol. III. The settlement of Kargaly: archaeological materials, technology of mining and metallurgical production, archaeobiological research]. Moscow, 182–239.
- Driesch, A.V.D. 1976: *A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites*. Massachusetts.
- Eisenmann, V., Alberdi, M.T., DeGiuli, C., Staesche, U. 1988: Studying Fossil Horses: Methodology. In: M.O. Woodburne, P.Y. Sondaar (eds.) *Collected papers after the New York International Hipparion Conference 1981*. Leiden, 1–72.
- Garustovich, G.N. 1998a: *Naselenie Volgo-Uralskoy lesostepi v pervoy polovine II tysyacheletiya nashey ery* [Population of the forest-steppe Volga-Ural region in the first half of the 2nd millennium AD]. PhD Diss.
- Garustovich, G.N. 1998a: *Naselenie Volgo-Uralskoy lesostepi v pervoy polovine II tysyacheletiya nashey ery* [Population of the forest-steppe Volga-Ural region in the first half of the 2nd millennium AD]. PhD Thesis.
- Garustovich, G.N. 2015: Chiyalikskaya arkheologicheskaya kul'tura epokhi srednevekov'ya na yuzhnom Urale [Chiyalik archaeological culture of the Middle Ages in the Southern Urals]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Bulletin] 15, 181–198.
- Silver, I. 1969: The ageing of domestic animals. In: D. Brothwell, E. Higgs (eds.), *Science and Archaeology*. London, 283–302.
- Tuzbekov, A.I. 2021: Kashinnaya keramika s selishcha Podymalovo–1 (po rezultatam raskopok 2019 goda) [Kashi Pottery from the Podymalovo–1 Settlement (materials of 2019 excavations)]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Research] 33(4), 157–165.
- Tuzbekov, A.I., Kamaleyev, E.V. 2021: Polivnaya kashinnaya keramika XIII–XV vv. s territorii Bashkirskogo Priuralya [The 13th–15th cc. Kashi Pottery from the Bashkir Ural]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 126–139.
- Vokken, G.G., Glagolyev, P.A., Bogolyubskiy, S.N. 1961: *Anatomiya domashnikh zhivotnykh. Sistema organov dvizheniya* [Anatomy of domestic animals. The system of organs of motion]. Moscow.

THE RESULTS OF THE ARCHEOZOOLOGICAL STUDY OF OSTEOLOGICAL
MATERIAL FROM 2019 EXCAVATIONS AT THE SITE OF PODYMALOVO-1,
THE BASHKIR URALS

Aynur I. Tuzbekov¹, Irina M. Grigorieva², Natalya V. Roslyakova³

¹*R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Federal Research Centre of the Russian
Academy of Sciences, Ufa, Russia*

^{2, 3}*Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia*

¹ *E-mail: aituzbekov@gmail.com* ² *E-mail: irinasosnovtceva1996@yandex.ru*

³ *E-mail: roslyakova_n@mail.ru*

Abstract. The paper presents the results of an archeozoological study of osteological material from the excavations at the Golden Horde settlement of Podymalovo-1 (Ufa district of the Republic of Bashkortostan) in 2019. In total, 1020 animal bones from the cultural layer and fillings of complexes were examined. The analysis of bone material was carried out according to the methodology developed in the Laboratory of Natural Science Methods of IA RAS. Taxonomic, anatomical and age analyses of the osteological collection were carried out. According to the degree of preservation, the fragmentation index in the samples from the cultural layer and complexes do not differ and are kitchen remnants. The osteological collection included bones of mammals, birds, fish, as well as mollusk shells. All mammalian bones belong to domestic animals: cattle, horses, sheep or goats. The research results confirm that the population of this settlement was engaged in animal husbandry. The anatomical composition of domestic ungulates is represented by all parts of the skeleton. This suggests that the butchering of the carcasses of these animals was carried out directly in the settlement. The meat diet was based on the meat of large ungulates, less often – small cattle. Fishing and hunting were of secondary importance in the nutrition of the population. The presence of bones with traces of processing in the complexes confirms the existence of artisan bone-cutting production in the settlement.

Keywords: osteological material, archaeozoology, Golden Horde, Podymalovo-1 settlement, Bashkir Urals.

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-3-77-51–70

КАМЕННЫЙ МАТЕРИАЛ НЕКОТОРЫХ ПОСТРОЕК АКРОПОЛЯ ФАНАГОРИИ

А.О. Хотылев¹, О.В. Хотылев², С.В. Ольховский³, А.А. Майоров⁴

^{1,4} *Московский государственный университет им. Ломоносова, Москва, Россия*

² *Фонд поддержки научно-проектной деятельности студентов, аспирантов и молодых ученых «Национальное интеллектуальное развитие», Москва, Россия*

³ *Институт археологии РАН, Москва, Россия*

¹ *E-mail: akhotylev@gmail.com* ² *E-mail: hot63@mail.ru* ³ *E-mail: uwiaran@gmail.com*

⁴ *E-mail: alex.yora@gmail.com*

¹ *ORCID: 0000-0002-5409-5012*

³ *ORCID: 0000-0001-8729-1880*

⁴ *ORCID: 0000-0002-9196-0992*

Аннотация. В статье публикуются результаты изучения каменного материала, использованного при строительстве фундаментов трех крупных зданий на акрополе Фанагории. В результате анализа и типологизации установлены основные типы и группы горных пород, определены вероятные локации их происхождения, обоснована гипотеза о длительных и масштабных поставках в Фанагорию строительного камня в V–IV вв. до н.э.

Ключевые слова: классическая археология, Черное море, Фанагория, естественно-научные исследования, геология, горная порода, строительство, морская торговля.

Археологическое изучение первых веков развития Фанагории (VI–III вв. до н.э.) (рис. 1а) существенно затрудняет плохая сохранность ранней застройки акрополя, от которой сохранились лишь фрагменты фундаментов. Одна из причин этого – дефицит строительного камня на Таманском полуострове (рис. 1б), вынуждавший жителей Фанагории разбирать ветхие городские постройки и многократно использовать их каменный материал для нового строительства. В то же время, в акватории города выявлены портовые сооружения, для постройки которых использованы десятки тысяч тонн камня¹. Задачей данного исследования является попытка определить источники происхождения каменного материала,

Данные об авторах: Алексей Олегович Хотылев – кандидат геолого-минералогических наук, ассистент кафедры региональной геологии и истории Земли МГУ им. Ломоносова; Олег Владимирович Хотылев – кандидат геолого-минералогических наук, ведущий геолог Фонда поддержки научно-проектной деятельности студентов, аспирантов и молодых ученых «Национальное интеллектуальное развитие»; Сергей Валерьевич Ольховский – заведующий Центром подводного археологического наследия ИА РАН; Александр Александрович Майоров – аспирант Геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹ Khotylev, Olkhovskiy, 2020.

Рис. 1а. Причерноморье и северо-восточное Средиземноморье: 1 – Фанагория; 2 – местонахождения литифицированной древесины; 3 – некоторые древнегреческие полисы.
 Fig. 1a. The Black Sea region and the north-eastern Mediterranean: 1 – Phanagoria; 2 – locations of lithified wood; 3 – some ancient Greek poleis.

Рис. 1б. Современные очертания Таманского полуострова.
 Fig. 1b. Modern outlines of the Taman Peninsula.

использованного в фундаментах акрополя, и сопоставить их с результатами изучения материала из портовых сооружений. Это позволит определить этапность и приблизительную периодизацию поставок строительного камня в Фанагорию в первые века развития города. В качестве источников информации использованы фундаменты трех разновременных зданий с акрополя Фанагории – объекты № 300, №294/№206, № 144².

Объект № 300 в настоящий момент считается древнейшей общественной постройкой Фанагории. От здания подквадратной формы сохранились фундаменты северной стены длиной 9,4 м, северной части восточной стены длиной 7,95 м, северной части западной стены длиной 4,05 м. Кладка фундамента шириной 0,6 м сложена в два панциря с очень редкими камнями забутовки, размеры камней — от 20 x 20 до 30 x 40 см. Период постройки здания отнесен к 550–525 гг. до н.э.³ Из фундамента этого объекта исследованы 146 валунов и глыб.

Объект № 294/№ 206 является крупным общественным зданием, от которого сохранились каменные фундаменты восточной стены, перегородки в центральной части, разделяющей стену на северный и южный сегменты, а также лестницы (?) в западной части. Длина северного сегмента восточной стены – 8,45 м, южного сегмента – 9,95 м, перегородки – 6,6 м. Ширина северной части восточной стены и перегородки – 0,6–0,65 м, ширина южной части восточной стены – 1,1–1,2 м. Северный сегмент сложен в два панциря с редкими относительно небольшими камнями забутовки, южный сегмент в два панциря с многочисленной забутовкой. Период постройки здания отнесен к 550–500 гг. до н.э.⁴ В фундаментах этого объекта исследованы 338 камней.

Объект № 144 является прямоугольным общественным зданием с полуподвалом, от него сохранились фундаменты восточной стены длиной 13,45 м и южной стены длиной 10 м. Фундаменты имеют ширину 1,2–1,3 м, сложены в один ряд из необработанных камней. Период строительства здания отнесен к 350–340 гг. до н.э.⁵ Из этого здания исследовано 200 валунов и глыб.

В выборку каменного материала с каждого из вышеперечисленных объектов вошли все обломки камней размером более 5 см. Для удобства расчетов выявленные типы горных породы объединены группы, включающие в себя разности со схожими вещественными и структурно-текстурными особенностями, общими условиями формирования. В составе выборки выделены 8 типичных групп: метаморфические породы, вулканические породы, плутонические породы, мраморы, обломочные породы, мергели розовые, известняки разные и известняки органогенные. Форма обломков оценивалась в четырех вариантах: окатанная – округлые, овальные валуны; полуокатанная – уплощенные, эллипсовидные, но оглаженные валуны без резких и острых углов; угловато-окатанная – у обломков есть отчетливые углы, но они оглажены; неокатанная – все углы обломков острые и неокатанные.

² Авторы искренне признательны В.Д. Кузнецову за возможность работы с материалами Фанагории, а также благодарят А.А. Завойкину, Е.М. Тесакову, В.М. Назарову и Б.Б. Шкурского за ценные консультации.

³ Завойкин, Кузнецов, 2011.

⁴ Абрамзон и др. 2019.

⁵ Завойкин 2019.

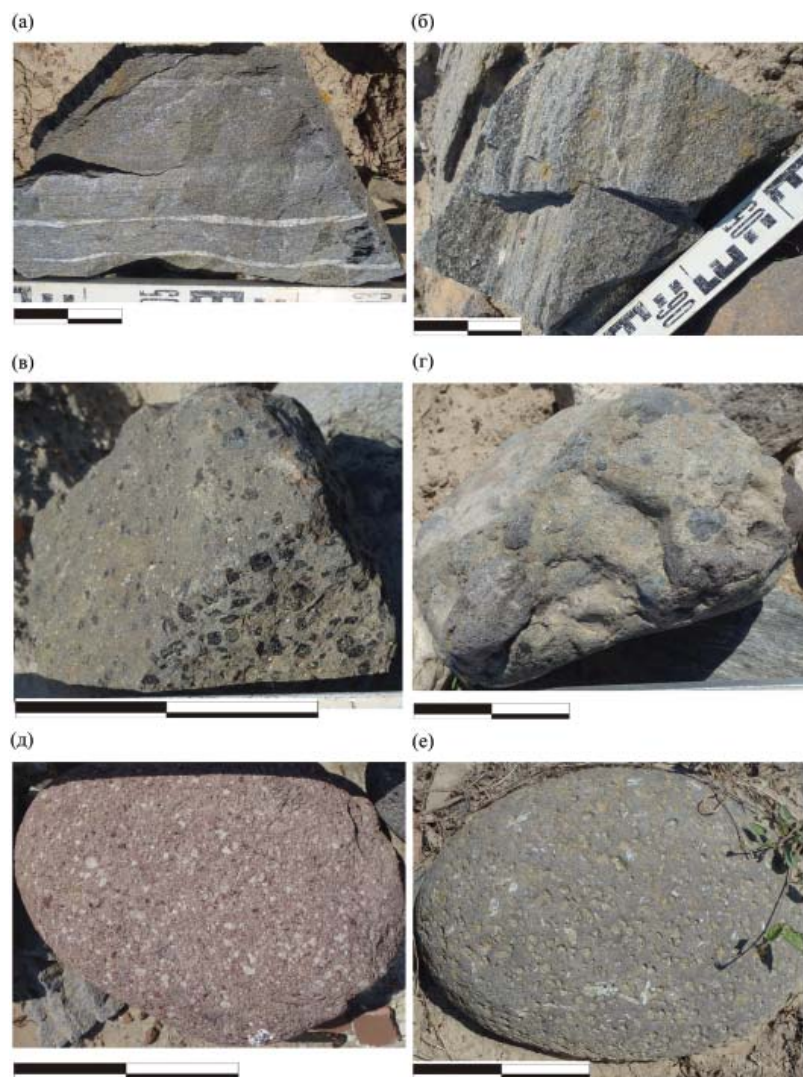

Рис. 2. Метаморфические и вулканические горные породы из фундаментов фанагорийского акрополя: *a* – амфиболиты с прожилками лейкогранитов, *б* – гнейсы с золотистыми листочками биотита; *в* – базальты крупнопорфировые с оформленными черными кристаллами пироксена; *г* – туфы базальтовые с коричневатыми, буроватыми и сероватыми бомбами и лапилиями; *д* – андезиты коричневатокрасные с белыми кристаллами плагиоклаза, черными кристаллами амфибола и биотита; *е* – трахиандезиты крупнопорфировые с крупными белыми призмами кристаллов альбита. Указатель масштаба: 10 см.

Fig. 2. Metamorphic and volcanic rocks from the foundations on the Phanagoria acropolis: *a* – amphibolites with veins of leucogranites, *b* – gneisses with golden leaves of biotite; *c* – large-porphyry basalts with decorated black pyroxene crystals; *d* – basalt tuffs with brownish, brownish and grayish bombs and lappilia; *e* – brownish-red andesites with white plagioclase crystals, black amphibole and biotite crystals; *f* – trachyandesites are large-porphyritic with large white prisms of albite crystals. Scale pointer: 10 cm.

Далее приведено описание главных разностей горных пород, выявленных при изучении объектов, и показано их объединение в группы. Статистика количества образцов каждой группы по объектам приведена в таблице 1.

ГРУППА 1. МЕТАМОРФИЧЕСКИЕ ПОРОДЫ

Эта группа объединяет 2 разности – амфиболиты и гнейсы, на долю которых приходится 147 образцов (22%) из всей изученной выборки. Амфиболиты представляют собой тонкокристаллические тонкополосчатые сланцеватые горные породы серого, темно-серого до черного цвета (рис. 2, а). Состоят из листочков темно-коричневого биотита размером до 1 мм (до 15%), черных блестящих удлиненных игольчатых кристаллов амфибола (30–40%), мелких изометричных зерен кварца и полевого шпата размером до 1 мм (50–55%). Породы рассечены светло-серыми и почти белыми жилами и прожилками лейкогранитов и гранитов мощностью от 2–5 до 10–15 см. Размер обломков амфиболитов колеблется от 5–7 до 40–70 см.

Гнейсы представляют собой породы серого, светло-серого цвета, пятнистые, полосчатые, среднекристаллические. Отличаются крупными коричневыми, иногда золотистыми листочками биотита размером до 2–4 мм, образующими темные полосы, составляющие до 25% породы (рис. 2, б). Остальной объем, как и в амфиболитах, сложен игольчатыми выделениями амфибола, изометричными зёрнами кварца и полевого шпата. В гнейсах отмечены прожилки гнейсированных белых гранитов и лейкогранитов, аналогичных описанным в амфиболитах. Выявленные гнейсы представлены угловатыми неокатанными обломками размером до 50–60 см. Метаморфические породы, в отличие от подавляющего большинства разностей, представлены только неокатанными остроугольными фрагментами.

ГРУППА 2. ВУЛКАНИЧЕСКИЕ ПОРОДЫ

Вулканические горные породы выявлены в 130 образцах (19,3% выборки). Все они являются продуктами вулканической деятельности и представлены значительным количеством разностей: лавами основного, среднего и кислого состава, а также их туфами.

Базальтовые лавы выявлены в объектах акрополя в нескольких разностях – темно-серые, темно-зеленые до черного цвета. Их отличительной чертой является присутствие крупных хорошо оформленных черных и густо-темно-зеленых кристаллов пироксена размером от 2 до 8–10 мм. В зависимости от размера и количества пироксена в лавах выделяются две разности. Базальты крупнопорфировые – черные микрокристаллические породы, содержащие кристаллы пироксена размером 5–8 мм и более, собранные в кучки по 3–5 штук и составляющие до 15–20% породы (рис. 2, в). В этой разности количество миндалинов (газовых пустот, заполненных минеральным веществом) составляет от 1 до 15%, они имеют округлую или облаковидную форму, часто заполнены кальцитом. Все выявленные обломки окатанные или полуокатанные, представлены двумя размерностями – мелкие (10–12 см) и большие (до 40–45 см). Базальты мелкопорфировые – темно-серые красноватые однородные и массивные породы с мелкими кристаллами черного пироксена размером до 2 мм (7–10%) и мелкими светлыми кристаллами полевого шпата размером до 1 мм (до 10–12%). Среди разновидностей вулканических по-

род основного состава также отмечены туфы базальтовые бомбовые и лапиллиевые, с хорошо заметными обломками вспененных лав желтовато-зеленого цвета размером до 10–15 см (рис. 2, з), с такими же характерными кристаллами пироксена размером до 2–4 мм, как у базальтов крупнопорфировых.

Вулканические породы среднего состава представлены андезитами и трахиандезитами. Андезиты представляют собой серые, голубовато-серые или коричневатые-красные, массивные однородные породы (рис. 2, д). В неотчетливо-полосчатой мелкопористой основной массе расположены удлиненно-призматические черные блестящие вкрапленники амфибола длиной до 8 мм (5–8%) и призматические кристаллы плагиоклаза длиной до 2 мм (15%). Все выявленные обломки андезитов – окатанные, размером до 10–15 см.

Трахиандезиты крупнопорфировые – самые узнаваемые вулканические породы объектов акрополя. Они землисто-серые, коричневатые, с призматическими кристаллами матового плагиоклаза длиной до 4–5 мм (10–15%) и чистыми прозрачными стеклянными призматическими кристаллами альбита длиной до 20 мм (5–7%). Помимо полевых шпатов, в серовато-желтой землистой массе содержатся мелкие шестиугольные листочки черного биотита длиной до 2 мм (3–5%). Все выявленные обломки трахиандезитов – окатанные и редко полуокатанные, размером 50–60 см (рис. 2, е).

Риолиты представляют собой светло-серые, зеленоватые, миндалекаменные, флюидальные, однородные, стекловатые разности вулканических пород. Вкрапленников нет, миндалины размером до 10 мм, овальные, уплощенные, щелевидные, частично заполнены телесно-белым однородным альбитом. Все выявленные обломки риолитов – угловатые, неокатанные, размером до 40 см.

ГРУППА 3. ПЛУТОНИЧЕСКИЕ ПОРОДЫ

Плутонические породы, выявленные в объектах акрополя, представлены преимущественно несколькими разностями гранит-гранодиоритового семейства. Всего в эту группу отнесены 45 образцов (6,7% общей выборки, см. табл. 1).

Значительную часть выборки составляют пегматитовые кварц-полевошпатовые образования (далее – пегматиты), неравномернокристаллические, белые, светло-серые, рыжеватые, розоватые, массивные, крупно-гигантокристаллические, размер кристаллов до 3–5 см. Текстура хаотичная, неупорядоченная, иногда гнейсовидная. Подавляющее большинство обломков угловатые, неокатанные, отдельные полуокатанные, размером до 40–50 см (рис. 3, б).

Граносиениты представляют собой светло-серые порфировидные полосчатые породы с крупными призмами белого полевого шпата длиной до 10 мм (10–15%), подчеркивающими полосчатость. Остальная часть породы полнокристаллическая мелко-среднекристаллическая, состоит из призматического белого плагиоклаза длиной 1–3 мм (40–45%) и игольчатых выделений темноцветных минералов длиной до 2 мм (15%). Все выявленные обломки окатанные, размером 25–45 см.

Несколько окатанных обломков представлены розовато-серыми гранодиоритами среднекристаллическими с белыми кристаллами полевого шпата длиной до 2–3 мм (20–25%) и мелкими черными кристаллами амфибола длиной до 1–1,5 мм (15–17%), погруженными в розовато-серую однородную неяснокристаллическую массу (рис. 3, а).

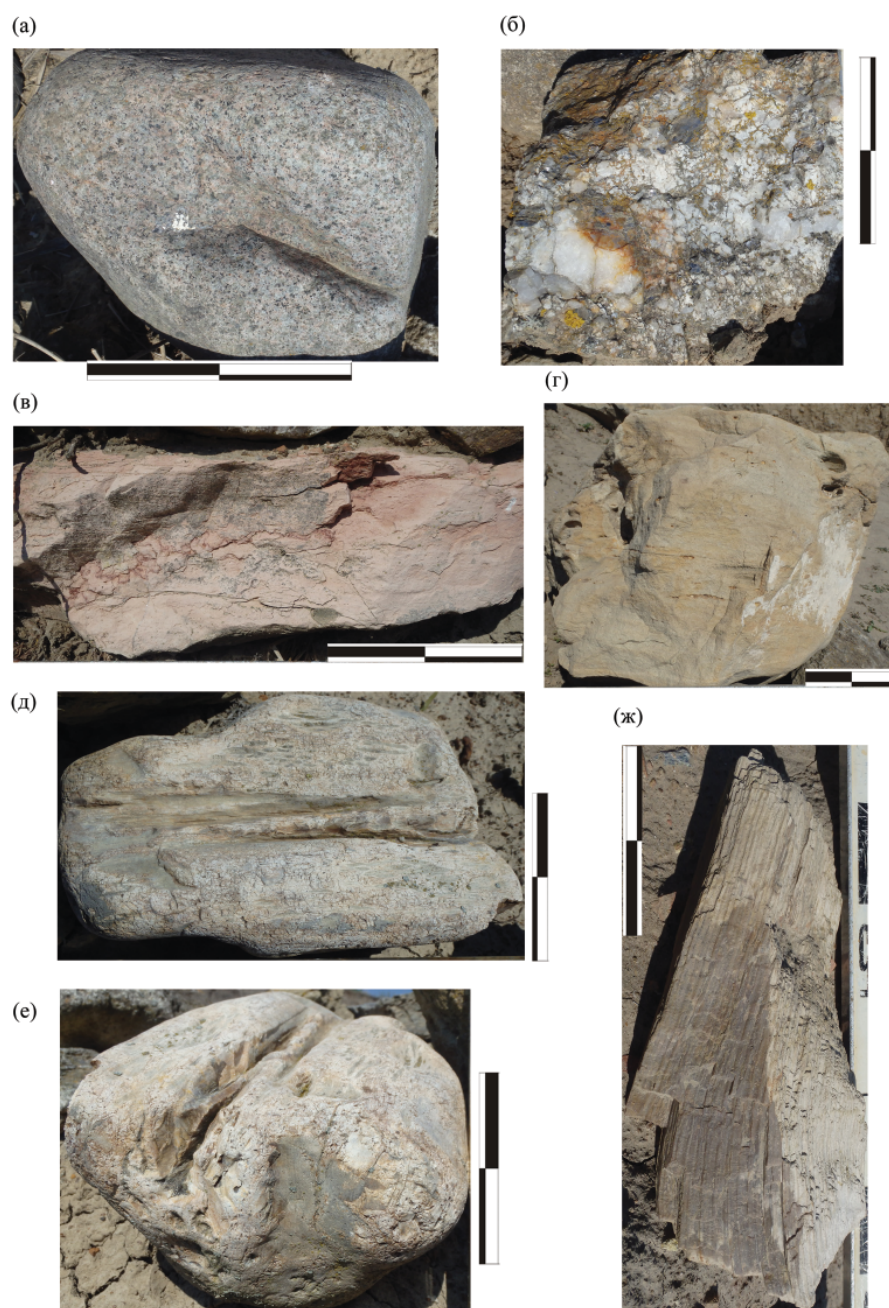

Рис. 3. Валуньы разного состава из фундаментов акрополя. Плутонические: *a* – розовые гранодиориты; *б* – кварц–полевошпатовые пегматиты; *в* – мергели розовые; *г* – песчаники; *д–ж* – фрагменты литифицированной древесины. Указатель масштаба: 10 см.

Fig. 3. Boulders of different composition from the foundations of the acropolis. Plutonic: *a* – pink granodiorites; *b* – quartz–feldspar pegmatites; *c* – pink marls; *d* – sandstones; *e–g* – fragments of lithified wood. Scale pointer: 10 cm.

Среди экзотических разностей следует отметить единичный полуокатанный обломок серпентинизированных перидотитов длиной 30 см.

ГРУППА 4. МРАМОРЫ

В эту группу объединены многочисленные мраморы, составляющие значительную часть изученной выборки. Они представляют собой мелко– до крупнокристаллических породы, иногда неравномерно-кристаллические, сахарно-белого, светло-серого цвета, очень однородные. В рамках данного исследования мраморы не подразделены на разновидности и включены в состав общей группы. Мраморы составляют 7% от общего количества выборки (47 образцов).

ГРУППА 5. ОБЛОМОЧНЫЕ ПОРОДЫ

Группа обломочных пород включает в себя 124 образца (18% общей выборки) нескольких типов. Основную долю составляют песчаники табачные желтовато-зеленого цвета, мелкозернистые, массивные или тонкослоистые, однородные, слюдистые, преимущественно кварцевые (77% среди всех обломочных пород. См. рис. 3, з). Остальная часть группы представлена тонкокристаллическими розовыми и черными кварцитами (неокатанные обломки до 40 см) и гравелитами. Гравелиты слагают большие рассыпающиеся блоки размером до 1 м в длину и содержат окатанные и неокатанные обломки размером до 1–2 см в песчаном неотчетливо-слоистом матриксе с железистым непрочным цементом.

ГРУППА 6. МЕРГЕЛИ РОЗОВЫЕ

Мергели розовые выделены в отдельную немногочисленную группу (всего 12 образцов, 2% общей выборки) из-за характерного облика и легкости идентификации. Породы розовые, пепельно-розовые, тонкозернистые однородные, довольно твердые, тонкослоистые, сланцеватые (рис. 3, в). Обломки неокатанные, пластинчатые (по слоистости), остроугольные, размером до 60 см.

ГРУППА 7. ИЗВЕСТНЯКИ РАЗНЫЕ

Группа включает 76 образцов (11,3% общей выборки) известняков разной степени мраморизованности: от скрытокристаллических афанитовых известняков до почти мелкокристаллических мраморов. Так как эти породы не содержат в себе органических остатков, позволяющих определить их возраст или происхождение, все эти образцы отнесены к общей группе. Выявленные обломки – окатанные и полуокатанные, размером от 10–15 до 40–45 см.

ГРУППА 8. ИЗВЕСТНЯКИ ОРГАНОГЕННЫЕ

К группе органогенных известняков отнесены пористые легкие известняки с многочисленными обломками раковин двустворчатых моллюсков, составляющих не менее 50–60% породы. Среди обломков преобладают фрагменты двустворок размером до 5–7 мм, отмечаются разности, сложенные в основном раковинами фораминифер. В эту же группу включены и известняки песчанистые желтовато-бежевого цвета, массивные неслоистые однородные с редкими обломками двустворок размером до 10 мм. Обе разности известняков представлены окатанными

и неокатанными фрагментами длиной до 30–45 см, причем органогенно-обломочные известняки иногда имеют правильные призматические рукотворные формы.

К уникальным разностям стоит отнести два фрагмента литифицированной древесины. Один фрагмент представляет собой полуокатанный валун размером 23 x 12 x 15 см (рис. 3, *д, е*), а второй – неокатанный обломок размером 25 x 10 см (рис. 3, *жс*). Оба обломка выявлены в фундаменте объекта № 294, в его восточной и южной стенах.

Таблица 1

Каменный материал зданий акрополя Фанагории

Группа	Название разности	Объект №			всего, шт	% от всех
		300	294	144		
Метаморфические	Амфиболиты	68	12	3	83	12,3
	гнейсы биотитовые	12	49	3	64	9,5
Вулканические	туфы бомбовые	0	29	5	34	5,1
	базальты крупнопорфировые	1	9	8	18	2,7
	базальты мелкопорфировые	2	6	1	9	1,3
	Андезиты	1	9	13	23	3,4
	Трахиандезиты	22	14	2	38	5,6
	Риолиты	7	0	1	8	1,2
Плутонические	Пегматиты	19	12	1	32	4,8
	Перидотиты	0	0	1	1	0,1
	граносиениты	3	4	0	7	1,0
	гранодиориты	0	2	3	5	0,7
Мраморы	мраморы	3	36	8	47	7,0
Обломочные породы	песчаники табачные	0	81	27	108	16,0
	кварциты	5	0	1	6	0,9
	гравелиты	0	6	4	10	1,5
Мергели розовые		3	0	9	12	1,8
Известняки разные		0	53	23	76	11,3
Известняки органогенные		0	16	76	92	13,7
Всего по объекту		146	338	189	673	

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Фундаменты трех изученных объектов заметно различаются по составу пород (рис. 4). В объекте № 300 преобладают метаморфические и вулканические горные породы, составляющие соответственно 55% и 23% от общего количества камней в уцелевшей части фундамента. Меньшую долю составляют плутонические по-

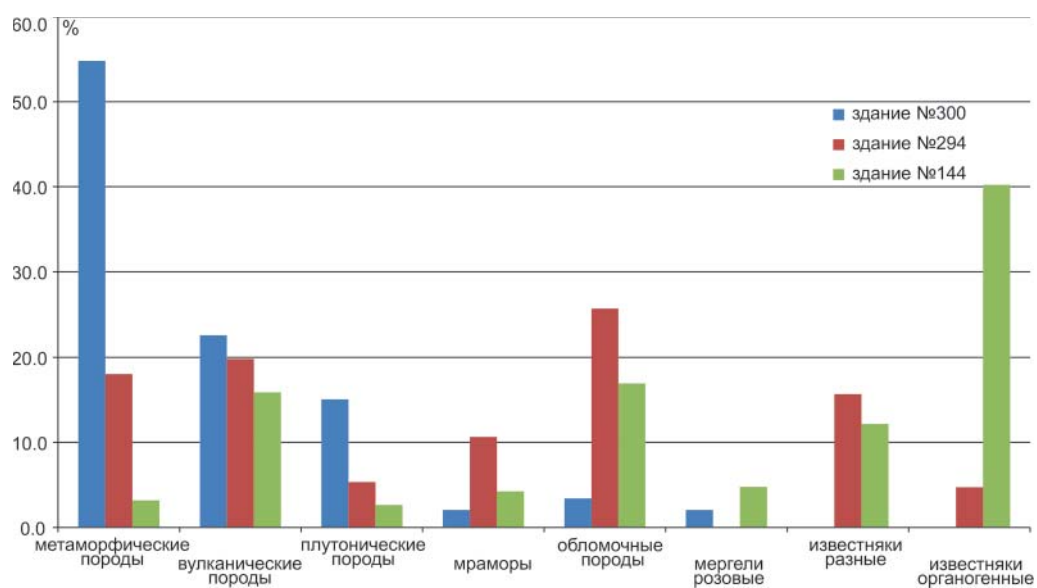

Рис. 4. Распределение типовых групп пород в фундаментах акрополя.

Fig. 4. Distribution of typical rock groups in the foundations of the acropolis.

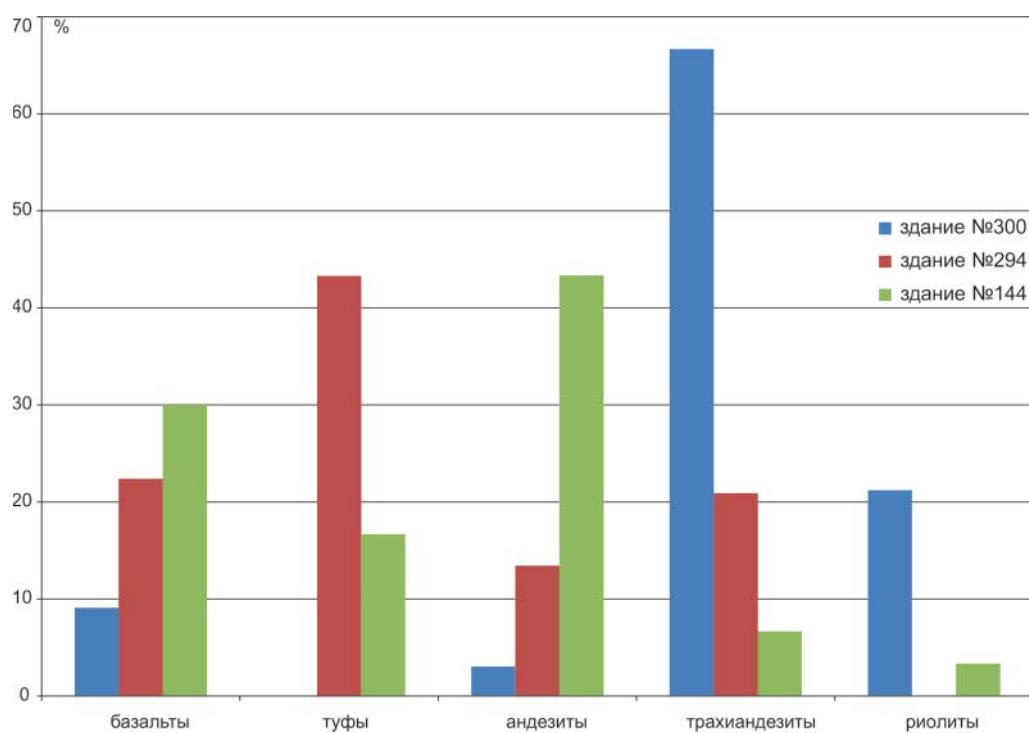

Рис. 5. Распределение вулканических пород в фундаментах акрополя.

Fig. 5. Distribution of volcanic rocks in the foundations of the acropolis.

роды (15%), и совсем незначительную – мраморы (2%), песчаники (3%) и розовые мергели (2%).

Фундамент объекта № 294 преимущественно сложен из метаморфических (18%) пород, песчаников (26%) и вулканических образований (20%). Яркой особенностью этого объекта является обилие белых плотных мраморов и мраморизованных известняков, суммарно составляющих 26% камней. В малом количестве встречаются плутонические породы (5%) и органогенно-обломочные известняки (8%).

В фундаменте объекта № 144 преобладающей разностью являются органогенно-обломочные известняки (40% выборки), а также песчаники (17%), вулканические породы (14%), плутонические породы (2,5%), мраморы (4%), мраморизованные известняки (12%), розовые мергели (5%).

Диаграммы (рис. 4) наглядно показывают, что фундаменты заметно различаются соотношениями типов использованных горных пород. Многие разности представлены во всех трех фундаментах – метаморфические, вулканические, плутонические, обломочные породы, мраморы. Но некоторые разности встречаются только в хронологически поздних сооружениях: объект № 294 почти не содержит органогенных известняков, в объекте № 300 они вообще отсутствуют, а в самом позднем объекте № 144 эта разность резко преобладает. Не очевидно распределение розовых мергелей: они присутствуют и в самом раннем объекте (№ 300), и в самом позднем (№ 144). Полагаем, что это свидетельствует о переиспользовании камней из ветхих построек при строительстве новых зданий.

Состав вулканических пород из разных фундаментов также отличается: в объекте № 300 резко преобладают трахиандезиты и риолиты, в то время как прочих разностей мало, а туфов нет вообще. Распределение между зданиями № 294 и № 144 сходное – в обоих есть туфы, базальты, андезиты. Судя по разному облику и составу пород, выявленный каменный материал происходит из различных вулканических аппаратов, и этот вопрос подлежит дальнейшему изучению.

Ряд разностей, широко представленных в фундаментах акрополя, выявлен и среди каменного материала портовых сооружений Фанагории. Несколько крупных неокатанных фрагментов амфиболитов и гнейсов найдены в конструкции прибрежной части причала классического времени. Но если амфиболиты и гнейсы относительно редки, то окатанные и полуокатанные валуны андезитов, базальтов крупнопорфировых, розовых гранодиоритов обнаружены в теле причала классического времени в десятках экземпляров. Там же найдены единичные экземпляры розовых мергелей, окаменелого дерева и ряда прочих разностей. Обломки, найденные на акрополе и в теле причала классического времени, идентичны по облику, структуре, степени окатанности и средним размерам, что позволяет считать их происходящими из одного источника.

Многочисленные мраморизованные известняки, песчаники и мраморы, в изобилии присутствующие в фундаментах зданий на акрополе и в конструкции причальных сооружений, не имеют характерных признаков, позволяющих убедительно доказать их происхождение.

Таким образом, в результате изучения камней из фундаментов акрополя и портовых сооружений установлено как минимум частичное совпадение петрографического материала, – его облика, размеров и степени окатанности. Это позво-

ляет сделать вывод, что каменный материал для городского и гидротехнического строительства поступал в Фанагорию из одних и тех же регионов.

Мы полагаем, что исследованные фундаменты на акрополе были построены существенно раньше, чем портовые сооружения: строительство объектов № 300 и № 294 отнесено к 550–525 и 550–500 гг. до н.э. соответственно⁶, а сооружение причала классического времени началось предположительно на рубеже V–IV вв. до н.э. (450–350 гг. до н.э.)⁷. Вероятно, что на протяжении всего этого периода, т.е. около 550–350 гг. до н.э., каменный материал в Фанагорию поступал из одних и тех же регионов, и сначала использовался для строительства на акрополе, а несколько позднее – и в порту. По оценке А.А. Завойкина, к настоящему времени раскопано не более 2% площади Фанагории. Допуская, что каменный материал поставлялся в Фанагорию систематически, в значительных объемах и на протяжении длительного времени, мы полагаем, что в городе имелось значительное количество каменных построек.

Масштабное каменное строительство требует массивных поставок подходящего материала, но на Таманском полуострове в силу его геологического строения наблюдается острый дефицит строительного камня. Общий разрез его территории представлен осадочными отложениями железнороговской свиты и сенновской толщи киммерийского яруса среднего плиоцена, перекрывающимися лессовидными суглинками голоценового возраста или непосредственно культурным слоем.

Железнороговская свита развита на всей площади Таманского полуострова и представлена серыми и темно-серыми глинами, иногда ожелезненными, с прослоями песка, линзовидными прослоями бурых железняков, с обилием ракуши разной степени сохранности. Железнороговская свита согласно залегает на отложениях кругловской свиты и согласно перекрывается сенновской толщей. Сенновская толща сложена светлыми хорошо сортированными кварцевыми песками, содержащими прослойки глин, корочки железняков и редкие линзы железняковых конгломератов. Выходы пород сенновской толщи отмечены в песчаном карьере на северо-восточной окраине поселка Приморский, а также в Фанагории, например, в основании южной стенки раскопа «Нижний город».

Таким образом, в ближайших окрестностях Фанагории камень можно добыть лишь из немногочисленных линз бурых кавернозных железняков железнороговской свиты, обломки которых изредка встречаются в раскопах. Но эти породы крупно-кавернозные, резконеоднородные, формируют разрозненные маломощные линзы и малопригодны в качестве источника материала для регулярного массового строительства.

Относительно подходящими локациями для добычи каменного материала являются мшанковые рифогенные известняки холоднодолиновской свиты мэотиса, образующие изолированные рифы на побережье Керченского пролива и на юго-западном побережье Таманского залива в окрестностях Тамани. Прочие карбонатные толщи известняков и мергелей в южной части Таманского полуострова представляют собой непрочные слоистые пачки мягких пород, которые легко рассыпаются на пластинки и не пригодны для изготовления блоков или достаточно

⁶ Абрамзон и др. 2019; Завойкин 2019; Завойкин, Кузнецов 2011.

⁷ Хотылев и др. 2021; Khotylev, Olkhovskiy 2020.

крупных для строительства обломков. В IV в. до н.э. подобный материал использовали для строительства фундаментов в поселении Приазовский 4⁸, но для массового, а тем более гидротехнического строительства он явно непригоден.

На противоположном берегу Керченского пролива, в окрестностях Пантикапея, известняки-ракушняки издревле использовали в качестве строительного материала, и весьма вероятно, что органогенно-обломочные известняки из фундаментов акрополя Фанагории происходят именно с Керченского полуострова. Так как доля ракушняка в этих фундаментах составляет лишь 14%, следует полагать, что строители не считали этот материал подходящим ввиду его низкой прочности, и использовали ограниченно. Изучение каменного материала расчищенных фундаментов античной Гермонассы показало полное преобладание ноздреватых органогенных известняков, среди которых отмечены единичные окатанные валуны крупнопорфировых базальтов, трахиандезибазальтов, диоритов и гнейсов (суммарно до 10 экземпляров из более чем 1000 осмотренных камней). Статистический состав каменного материала свидетельствует, что фундаменты Гермонассы в подавляющем большинстве построены из известняка, добытого на побережье Керченского или Таманского полуостровов, в то время как строительные объекты Фанагории преимущественно состоят из камней не крымско-таманского происхождения.

На наш взгляд, резкое преобладание известняков в фундаментах Гермонассы объясняется наличием к западу от города нескольких скальных выходов, подходящих для добычи камня. Относительно низкий уровень моря в середине I тыс. до н.э. (т.н. Фанагорийская регрессия)⁹ облегчал добычу этого известняка в береговых обрывах. Остается неясным, почему таманский известняк в VI–V вв. до н.э. редко применялся в городской застройке Фанагории: либо туда массово завозили более подходящие для строительства горные породы, либо экспорт камня из Гермонассы в Фанагорию был по каким-то причинам затруднителен.

Появление незначительного количества органогенных известняков в фундаменте объекта № 300 и увеличение их доли до 40% в объекте № 144, вероятно, маркирует рост экспорта строительного материала в Фанагорию из окрестностей Гермонассы или каменоломен Керченского полуострова в середине IV в. до н.э.

Переходя к обсуждению источников каменного материала, следует определить способ его доставки в Фанагорию. Согласно убедительной гипотезе, в середине I тыс. до н.э. Таманский полуостров являлся архипелагом в дельте Кубани¹⁰. Несомненно, что в этой ситуации основным способом доставки грузов была перевозка морским и речным транспортом. В дальнейших рассуждениях мы подразумеваем, что каменный материал поступал в Фанагорию только на водном транспорте.

Источники происхождения каменного материала подразделяются на два типа, в зависимости от его предназначения. Когда требовался материал определенного состава, плотности, формы и размера, его специально отбирали на каменоломнях и доставляли на берег для погрузки на суда. В этом случае обломки горных пород имеют угловатые, рваные или более правильные призматические очертания, так как они отломаны или отрублены от скального массива горных пород. Подобная

⁸ Завойкин 2015.

⁹ Fouache et al. 2012; Дикарев 2011.

¹⁰ Giaime et al. 2016.

форма обломков характерна для гнейсов, амфиболитов и органогенных известняков, прочие разности регулярно встречаются в виде окатанных блоков. Органогенные известняки, вероятно, происходят из окрестностей Пантикапея, а вот регион происхождения гнейсов и амфиболитов пока не установлен, хотя в Причерноморье эти породы встречаются очень редко.

Альтернативным источником каменного материала являются речные русла и морские побережья, где в результате воздействия водной среды горные породы дробятся на обломки и окатываются, и среди них можно подобрать экземпляры нужного размера и формы. Так как строительный камень поступал в Фанагорию водным транспортом, вполне вероятно, что подходящий материал загружали на суда прямо с пляжей.

Каменный материал, происходящий с морского пляжа, имеет характерные следы воздействия прибоя: устойчивые породы окатываются, менее прочные – разрушаются до песчаной и более тонкой размерности. Когда прочные скальные породы выходят к морскому берегу, побережье будет выполнено окатанными валунами и гальками этих пород. Их размеры напрямую зависят от прочности, первичной трещиноватости и слоистости пород: если они прочные и однородные (граниты, вулканические породы, прочные песчаники), средний размер валунно-галечного материала будет крупнее, а если породы слоистые и трещиноватые (известняки, мергели, песчаники), то будут преобладать мелкие обломки.

В речных системах размер каменных обломков зависит от энергии реки и удаленности выхода скальных пород в русло. Перенос крупных валунов диаметром до нескольких десятков см возможен только крупными реками с большим расходом воды и значительными уклонами русла. При переходе от горного к равнинному типу долины, гравийно-галечные русловые осадки быстро сменяются песчанистыми. В этом случае на отдельных интервалах реки отложения вновь могут становиться валунно-галечными, но только в том случае, если в русле реки будут выходить скальные породы или породный материал будут выносить притоки¹¹.

Таким образом, образование окатанного валунно-галечного материала размерности 10–30 см, выявленного в строительных объектах Фанагории, возможно в двух обстановках: выходы скальных пород на морской берег и речные долины с выходами скальных пород в руслах рек.

Для локализации регионов возможного происхождения крупных фрагментов пород магматического происхождения нами построена карта уклонов поверхности рельефа Причерноморья (рис. 6).

Карта наглядно показывает, что северное побережье Черного моря отличается равнинным рельефом с очень малыми уклонами. Крупные реки (Кубань, Дунай, Днепр, Днестр) обладают значительным расходом воды, но при столь малых уклонах энергии потока достаточно лишь для переноса песчаного и более мелкого материала.

Изучение палеodelьты Кубани¹² не выявило в голоценовых речных отложениях грубозернистые осадочные фации – галечники и валунники. Таким образом, очевидно, что валуны из фанагорийских построек происходят не из погребенных участков дельты Кубани. Другие крупные реки Северного Причерноморья, про-

¹¹ Чалов 2016.

¹² Brückner et al. 2010.

Рис. 6. Карта уклонов поверхности рельефа. Цифры в легенде: значения уклонов в градусах.

Fig. 6. Map of the slopes of the relief surface. Figures in the legend: slope values in degrees.

текающие по территориям с такими же пологими углами наклонов рельефа, как и Кубань, аккумуляровали в своих дельтах материал аналогичной размерности, то есть крайне маловероятно, что найденные в Фанагории валуны происходят из дельт рек Северного Причерноморья. Версия о доставке валунов из верховий Кубани на речном транспорте представляется маловероятной из-за труднопроходимости русел и сложной логистики подобных перевозок, хотя и требует более тщательного изучения.

На некоторых валунах, обнаруженных в фундаментах акрополя Фанагории, выявлены разные виды морской фауны. В гальках и валунах известняков встречаются ходы и раковины двустворчатых моллюсков-камнеточцев, – обычных обитателей мелководных районов морей, протачивающих ходы в субстратах самой разной плотности (рис. 7). В европейских морях, в том числе в Чёрном и Азовском, обитают обыкновенный морской финик (*Lithophaga lithophaga*), американский сверлильщик (*Petricola pholadiformis*), белая барнеа (*Barnea candida*)¹³. Все эти камнеточцы являются морскими животными и обитают только в соленой воде, поэтому источниками валунного материала, привезенного в Фанагорию, являлись скорее морские побережья, а не речные системы.

Литифицированная (окаменевшая) древесина является редким природным объектом, формирующимся в специфических геохимических условиях. Так как месторождения окаменевшего дерева относительно редки, а один из найденных крупных обломков окатан, вероятный район его происхождения следует искать на

¹³ Гиляров 1986.

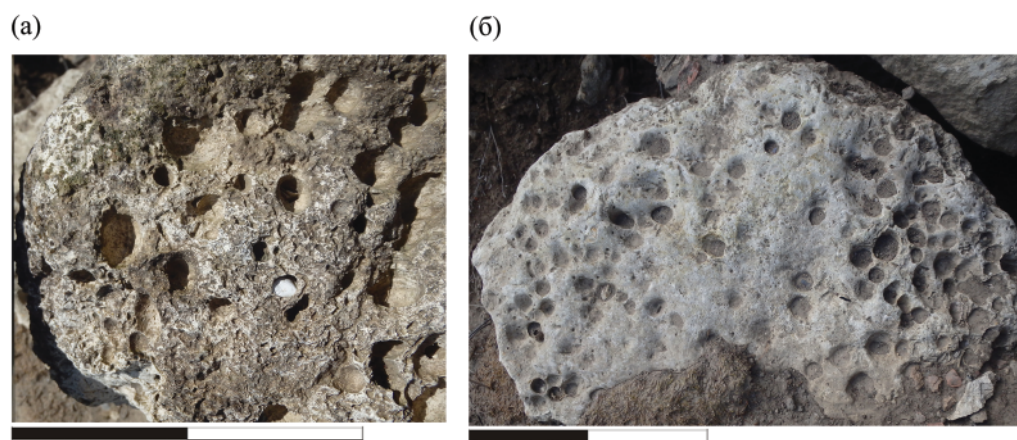

Рис. 7. Следы сверления двусторчатыми моллюсками в известняках: *a* – с сохранившейся раковинной. Указатель масштаба: 10 см.

Fig. 7. Traces of drilling by bivalve mollusks in limestones: *a* – with a preserved shell. Scale pointer: 10 cm.

морском побережье. Наиболее известные месторождения окаменевшей древесины расположены на побережьях Италии, Франции и Словении, но, учитывая их удаленность от Фанагории, поставка строительного материала из средиземноморского региона представляется маловероятной.

Местонахождения окаменевшей древесины известны в континентальной Турции (Центральная Анатолия)¹⁴, Молдове¹⁵ и Румынии¹⁶, но все они расположены вдали (более 100 км) от моря, а реки, дренирующие эти районы, не могли переместить крупные фрагменты окаменевшей древесины на морское побережье.

Местонахождения окаменевшей древесины известны на морских побережьях Греции и Турции – в акватории Мраморного, Эгейского и Черного морей. Самое крупное, площадью до 150 км², находится на острове Лесбос¹⁷, где на пляжах сохранились окаменевшие стволы, из которых могли образоваться окатанные обломки древесины¹⁸. Подобные окаменевшие стволы найдены на побережье о. Лемнос и в окрестностях Александруполиса¹⁹. На Черном море находки окаменевшего дерева, в том числе окатанных обломков размером до 12 см, отмечены на побережье около города Килос к северу от Стамбула²⁰, остальные подобные местонахождения значительно удалены от морских берегов. Литифицированная древесина описана в вулканических среднемиоцен-раннеплиоценовых образованиях свиты гондери в одноименном местечке в Грузии²¹, но это местонахождение

¹⁴ Akkemik et al. 2019.

¹⁵ Iamandei et al. 2005.

¹⁶ Iamandei et al., 2012.

¹⁷ Velitzelos, Zouros 1997.

¹⁸ Zouros et al. 2007.

¹⁹ Voudouris et al. 2007; Velitzelos et al. 2019.

²⁰ Akkemik et al. 2019.

²¹ Poporadze et al. 2012.

удалено от побережья более чем на 70 км. Река Аджарисцкали, дренирующая этот район, потенциально способна доставлять на черноморское побережье обломки окаменевшего дерева, но значительно меньшего размера, чем те, что найдены в фундаментах Фанагории.

Так как процесс литификации дерева неразрывно связан с вулканической деятельностью, местонахождения окаменевшей древесины в изучаемом регионе приурочены к кайнозойским вулканическим центрам, вдали от них литифицированное дерево не формировалось. Учитывая ареалы распространения вулканических пород и местонахождения окаменевшей древесины, следует идентифицировать найденные в Фанагории обломки с одним из четырех районов: Лесбос, Лемнос, Александруполис, Килос. Уточнить эту идентификацию потенциально возможно в случае проведения дополнительных исследований и определения видового состава древесины. Так как Фанагория поддерживала торговые связи со всеми вышеперечисленными районами, любой из них может рассматриваться в качестве потенциального источника поставки каменного материала.

Обилие в фундаментах акрополя Фанагории вулканических пород разных типов (базальтов, андезитов, трахиандезитов, риолитов, туфов) позволяет полагать, что значительная часть каменного материала поступала из регионов с развитым вулканизмом. Ближайшими к Фанагории подобными регионами являются северное побережье Турции, Мраморное и Эгейское моря, южный берег Крыма. Анализ количественного соотношения элементов Nb, Ta, Zr, Hf, Pb, U, Th, Ba в вулканитах, найденных в Фанагории, однозначно свидетельствует, что они происходят не с южного берега Крыма²². По общему облику и низкому уровню вторичных изменений эти породы очень сходны с вулканическими образованиями юго-запада Эгейского моря, для подтверждения этой идентификации необходимы дополнительные исследования.

ВЫВОДЫ

Изученные фундаменты акрополя Фанагории сложены из широкого спектра горных пород: вулканических, плутонических, метаморфических, обломочных, карбонатных (розовые мергели, мраморы, известняки органогенные, известняки разные). Смена преобладающих разностей в фундаментах – от метаморфических пород в раннем здании № 300 до органогенных известняков в позднем здании № 144 – отражает существенные изменения в логистике поставок строительного материала в Фанагорию, связанные с завершением длительного периода крупномасштабного экспорта качественного камня из отдаленных регионов (Эгейское море) и переходом на местные источники (Керченский полуостров).

Присутствие розовых мергелей в объектах № 300 и № 144 и их отсутствие в объекте № 294 мы считаем свидетельством вторичного использования каменного материала предшествующих построек.

Сходство петрологических типов ряда пород, найденных в фундаментах акрополя и в портовых сооружениях, означает, что с середины VI в. до н.э. (начало строительства акрополя, здания № 300 и № 294) до IV в. до н.э. (период масштаб-

²² Khotylev, Olkhovskiy 2020.

ного строительства гидротехнических сооружений), в Фанагорию из одних и тех же регионов регулярно поступали крупные партии строительного камня.

Каменный материал доставляли в Фанагорию морским транспортом, при этом основная его часть происходит с морских побережий, вероятно – из окрестностей крупных древних портов. В пределах Черного моря потенциальными источниками подобного каменного материала являются южное и восточное побережья, так как северное и западное слишком пологи и сложены легко разрушающимися горными породами, из которых не могут формироваться крупные окатанные валуны.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Abramzon, M.G., Zavoykin, A.A., Kuznetsov, V.D., Saprykina, I.A. 2019: Monety pozdnearkhaicheskogo i ranneklassicheskogo vremeni iz raskopok Fanagorii [Coins of Late Archaic and Early Classical time from the excavations at Phanagoria]. In: *Hypanis. Trudy otdela klassicheskoy arkheologii IA RAN* [In *Hypanis. Proceedings of the Department of Classical Archaeology of IA RAS*] 1. Moscow, 5–27.
- Абрамзон, М.Г., Завойкин, А.А., Кузнецов, В.Д., Сапрыкина, И.А. 2019: Монеты позднеархаического и раннеклассического времени из раскопок Фанагории. В сб.: *Hypanis. Труды отдела классической археологии ИА РАН* 1. М., 5–27.
- Agbunov, M.V. 1987: *Antichnaya lotsiya Chernogo moray* [The Ancient sailing directions of the Black Sea]. Moscow.
- Агбунов, М.В. 1987: *Античная лоция Черного моря*. М.
- Akkemik, Ü. 2019: New fossil wood descriptions from the Pliocene of central Anatolia and the presence of *Taxodioxylon* in Turkey from the Oligocene to Pliocene. *Turkish Journal of Earth Sciences* 28, 398–409.
- Akkemik, Ü., Akkiliç, H., Güngör, Y. 2019: Fossil wood from the Neogene of the Kilyos coastal area in Istanbul, Turkey. *Palaeontographica Abteilung B: Palaeobotany – Palaeophytology* 299.1–6, 133–185.
- Brückner, H., Kelterbaum, D., Marunchak, O., Porotov, A., Vött, A. 2010: The Holocene sea level story since 7500 BP – Lessons from the Eastern Mediterranean, the Black and the Azov Seas. *Quaternary International* 225, 160–179.
- Chalov, R.S. (ed.) 2016: *Ruslovnye protsessy (rulovedenie)* [Riverbed processes. Study of riverbeds]. Moscow.
- Чалов, Р.С. (ред.) 2016: *Русловые процессы (руловедение)*. М.
- Dikarev, V.A. 2011: О Fanagoriyskoy regressii Chernogo moray [On the Phanagoria regression of the Black Sea]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography] 1, 35–40.
- Дикарев, В.А. 2011: О Фанагорийской регрессии Черного моря. *Вестник Московского университета. Серия 5: География* 1, 35–40.
- Fouache, E., Kelterbaum, D., Brückner, H., Lericolais, G., Porotov, A., Dikarev, V. 2012: The Late Holocene evolution of the Black Sea e a critical view on the so-called Phanagorian regression. *Quaternary International* 266, 162–174.
- Giaime, M., Avnaim-Katav, S., Morhange, C., Marriner, N., Rostek, F., Porotov, A.V., Baralis, A., Kaniewski, D., Brückner, H., Kelterbaum, D. 2016: Evolution of Taman Peninsula's ancient Bosphorus channels, south-west Russia: Deltaic progradation and Greek colonization. *Journal of Archaeological Science: Reports* 5, 327–335.
- Gilyarov, M.S. (ed.) 1986: *Biologicheskii entsiklopedicheskiy slovar'* [Biological Encyclopedic Dictionary]. Moscow.
- Гиляров, М.С. (ред) 1986: *Биологический энциклопедический словарь*. М.

- Iamandei, S., Iamandei, E., Frunzescu, D., Brănoiu, Ch. 2012: New petrified woods from the Curvature Carpathians. *Romanian Journal of Earth Sciences* 86.2, 67–89.
- Iamandei, S., Iamandei, E., Obadă, T. 2005: Sarmatian petrified wood within “Bursuc flora” (Moldova rep.). *Acta Palaeontologica Romaniae* 5, 223–229.
- Khotylev, A., Olkhovskiy, S. 2020: Geological Studies as a Source of Data on the Maritime Trade between the Cimmerian Bosphorus and the Mediterranean in the 1st Millennium BCE. *Skyllis* 20, 97–107.
- Khotylev, A.O., Olkhovskiy, S.V., Mayorov, A.A. 2021: Grecheskie portovye sooruzheniya Fanagorii: konstruktivnye osobennosti i usloviya stroitel'stva [Greek port facilities of Phanagoria: design features and construction conditions]. In: *Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya–2021* [Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy–2021]. Miass–Chelyabinsk, 60–63.
- Хотылев, А.О., Ольховский, С.В., Майоров, А.А. 2021: Греческие портовые сооружения Фанагории: конструктивные особенности и условия строительства. В сб.: *Геоархеология и археологическая минералогия–2021*. Миасс–Челябинск, 60–63.
- Poporadze, N., Gogia, B., Poporadze, N. 2019: New Data on Formation of Goderdzi Petrified Wood (Georgia). *Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences* 13.4, 74–79.
- Velitzelos, D., Iamandei, S., Iamandei E., Velitzelos E. 2019: Palaeoxylotomical studies in the Cenozoic petrified forests of Greece. Part one – palms. *Acta Palaeobotanica* 59.2, 289–350.
- Velitzelos, E., Zouros, N. 1997: The Petrified forest of Lesvos – Protected Natural Monument. In *Proceedings of International symposium on engineering geology and the environment. Athens. Greece*. Rotterdam, 3037–3044.
- Voudouris, P., Velitzelos, D., Velitzelos, E., Thewald, U. 2007: Petrified wood occurrences in Western Thrace and Limnos island: mineralogy, geochemistry and depositional environment. *BGS* 40(1), 238–250.
- Zavoykin, A.A. 2015: Prirodnyy faktor i fizicheskiy oblik sel'skikh poseleniy Aziatskogo Bospora [Natural factor and physical appearance of rural settlements of the Asian Bosphorus]. In: V.N. Zinko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya*. Geograficheskaya sreda i sotsium [The Bosphorus Cimmerian and the barbarian world in the period of Antiquity and the Middle Ages. Geographical environment and society]. Kerch, 121–129. (XVI Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]).
- Завойкин, А.А. 2015: Природный фактор и физический облик сельских поселений Азиатского Боспора. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум*. Керчь, 121–129. (XVI Боспорские чтения).
- Zavoykin, A.A. 2019: Ellinisticheskoe obshchestvennoe zdanie na akropole Fanagorii [Hellenistic public building on the acropolis of Phanagoria]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 297–321.
- Завойкин, А.А. 2019: Эллинистическое общественное здание на акрополе Фанагории. *ПИФК* 4, 297–321.
- Zavoykin, A.A., Kuznetsov, V.D. 2011: Drevneyshee obshchestvennoe zdanie v Fanagorii [The oldest public building in Phanagoria]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 188–198.
- Завойкин, А.А., Кузнецов, В.Д. 2011: Древнейшее общественное здание в Фанагории. *ПИФК* 4, 188–198.
- Zouros, N., Velitzelos, E., Valiakos, I., Labaki, O. 2007: The Plaka petrified forest park in western Lesvos – Greece. *BGS* 40(4), 1880–1891.

STONES OF SOME BUILDINGS AT THE ACROPOLIS OF PHANAGORIA

Alexey O. Khotylev¹, Oleg V. Khotylev², Sergey V. Olkhovsky³,
Alexander A. Mayorov⁴

^{1, 4} *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

² *Foundation for Support of Research and Project Activities of Students, Postgraduates and Young Scientists "National Intellectual Development", Moscow, Russia*

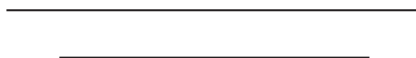
³ *Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

¹ *E-mail: akhotylev@gmail.com* ² *E-mail: hot63@mail.ru* ³ *E-mail: uwiaran@gmail.com*

⁴ *E-mail: alex.yora@gmail.com*

Abstract. The paper presents the results of a study of the stones used in the construction of the foundations of three large buildings on the acropolis of Phanagoria. As a result of the analysis and typologization, the main types and groups of rocks were identified, the probable places of their provenance were determined, the hypothesis of long-term and large-scale supplies of building stone to Phanagoria in the 5th – 3rd centuries BC was substantiated.

Keywords: classical archaeology, Black Sea, Phanagoria, natural scientific research, geology, rocks, construction, maritime trade.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2022), 71–77
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2022), 71–77
©Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-3-77-71–77

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МОРСКОЙ ТОРГОВЛИ НА БОСПОРЕ В IV–III вв. до н.э.

С.Н. Остапенко

*Институт археологии РАН, Москва, Россия;
Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория»,
пос. Сенной, Россия*

E-mail: osn-23@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9131-1335

Аннотация. Самым массовым материалом, обнаруженным в процессе археологических раскопок, являются тарные амфоры. Они появляются на территории Боспора с момента прибытия первых колонистов в конце VII – начале VI в. до н.э. В амфорной таре поступало в основном вино и оливковое масло. Амфорный материал свидетельствует о направлениях морских торговых путей, которые функционировали по принципу купли продукции в одном центре и продажи ее в другом, причем деньги на морской переход купцы получали у кредиторов-трапезитов. Поэтому амфорная тара указывает именно на те центры, которые находились вдоль торгового маршрута из центра кредитования к конечному пункту, и где купцам было выгодно купить достаточно крупную партию вина по сходной цене. Всё многообразие амфорной тары свидетельствует о формировании единых рынков и установлении определенных маршрутов плавания купцов.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, Фанагория, Пантикапей, торговля, амфорная тара, монетные клады.

Как известно, крупные центры по производству вина и оливкового масла располагали собственными ремесленными мастерскими по изготовлению амфорной тары. Амфоры каждого центра имели свои морфологические отличия по форме и объему. Унификация амфорной тары упрощала статистические расчеты при торговых операциях, и как следствие, вместе с определенным товарным знаком (клеймом) создавала определенный имидж продукции, перевозимой в таких сосудах, и позволяла идентифицировать происхождение товара¹. Последнее было

Данные об авторе: Сергей Николаевич Остапенко – заместитель директора ГИАМЗ «Фанагория», младший научный сотрудник Отдела классической археологии ИА РАН.

¹ Lawall 2011, 23–33.

Очень сложную и неоднозначную систему клеймения амфорной тары предложил Н.Ф. Федосеев, которая противоречит его собственным рассуждениям и не выдерживает критики. См.: Федосеев 2017, 384–397.

очень важно поскольку, античная экономика развивалась на основе конкуренции, и каждый центр стремился получить определенную репутацию на международном рынке как производитель именно данного типа продукции. Это, в свою очередь, даже заставляло ряд полисов имитировать амфоры конкурентно успешных центров². Торговцам же подобные манипуляции были выгодны, так как они получали дополнительную прибыль, продавая товар низкого качества по более высокой цене.

Массовое содержание в культурном слое амфорной тары маркирует огромный спрос боспорян в оливковом масле и вине и является отражением общепринятой греческой модели жизни и средиземноморской диеты³. По-видимому, отсюда одной из причин ориентации винного рынка в IV–III вв. до н.э. на южнопонтийские города является относительно низкая себестоимость продукции, включая все транспортные расходы. Характеристика этого вина археологической науке не известна; возможно оно было среднего качества, но из-за низкой стоимости его могли себе позволить покупать все слои населения. При этом довольно высокий процент общей массы тары составляют амфоры⁴ Хиоса⁵, Фасоса, Менды, Аканфа, Книда, Пепарета, Лесбоса, Коса и других центров⁶. Объяснить высокую концентрацию амфорного материала в культурных слоях позволяет реконструкция морских торговых путей и алгоритмы их функционирования. Античная торговля существовала по принципу купли продукции в одном центре и продажи в другом, а деньги на морскую экспедицию купцы получали у кредиторов-трапезитов. Поэтому в большинстве своем амфорная тара принадлежит именно тем центрам, которые находились вдоль торгового маршрута из центра кредитования к конечному пункту, и где купцы могли приобрести достаточно крупную партию вина по выгодной цене.

² Lawall 2010, 45–88.

³ Garnsey 1999, 12–33.

⁴ В статье не будет уделено внимание распределению керамики по городам Боспора и хронологическим отрезкам, так как не стоит задача перечислить имеющуюся в науке динамику потребления каждого отдельного памятника. Предлагается выявить закономерные экономические алгоритмы, по которым функционировали торговые операции.

⁵ Хиосское красное вино было самым элитным в античном мире, его стоимость была намного выше среди всех других вин. Во времена Сократа одна амфора вина могла стоить 1 мину (100 драхм) (Plut. De Tranq. anim. 470 f.).

⁶ Вина Менды, Фасоса, Хиоса, Лесбоса, Пепарета было широко известны повсеместно. Их можно отнести к классу элитных вин. Демосфен также свидетельствует о поставках вина этих центров в Понт (Dem. XXXV. 35). Остальные центры производили вина более низкого качества, ориентированные на массового потребителя. Употребление вина того или иного региона, было показателем социального статуса гражданина. В частности, вино Родоса приобрело свою долю на рынке в III в. до н.э. и получило массовый спрос во II в. до н.э., см.: Salviat 1993, 151–161. Подробнее о видах винной продукции, а также о технологиях, прекращающих брожение вина и о «соленом» вине (с добавлением морской воды для сохранения и транспортировки), см.: Boulau 2012, 95–115. Не менее важная информация собрана М. Бувье в книге, объединяющей энологические данные с археологическими материалами и эпиграфическими источниками. Автор предпринял практическую реконструкцию технологии посадки виноградной лозы и особенностей производства вина, привлекая этнографический материал, свидетельствующий о многовековых традициях. Также он предоставляет информацию об ассортименте на древнем винном рынке: это столовые и десертные вина, красные и белые (от 13 до 15 градусов), или легкие розовые, моносортовые и купажированные, разведенные морской водой или более концентрированные (крепкие, до 17 градусов) и насыщенные, подробнее см.: Bouvier 2001. См. также: Brun 2004.

Анализируя типы амфорной тары из раскопок Фанагории, можно предположить несколько маршрутов, по которым поступал основной импорт в город в IV в. до н.э.⁷ Один маршрут мог идти от Афин вдоль западных берегов Эвбеи в направлении Пепарета и Икоса, затем Менды, Аканфа и Фасоса, далее через проливы Геллеспонт и Босфор Фракийский к Гераклею Понтийской и Синопе и, наконец, Фанагории. Переход мог осуществляться из Синопы напрямую через Черное море в Фанагорию или вдоль восточного побережья Понта. Второй маршрут, по-видимому, вел купцов из Афин в сторону Книда, Коса, Хиоса, оттуда через Геллеспонт и Босфор Фракийский в направлении Гераклеи Понтийской и Синопы до Фанагории⁸. Могли осуществляться как прямые переходы, так и каботажные плавания вдоль перипла Понта. Следует отметить, что дарованные Спартокидами проксении гражданам Хиоса, Калхедона, южнопонтийских городов (Кромны, Гераклеи Понтийской и Амиса) маркируют торговые пути купцов к берегам Боспора. Эти города являлись стратегическими морскими портами на маршрутах в Понте. По-видимому, проксены оказывали политическую, а также экономическую помощь купцам, путешествующим к северным берегам Черного моря.

Каждый крупный город-импортер или экспортер находился в центре сложных международных и региональных сетей (контактов), структура которых была основана на торговых маршрутах, транспортных расходах, политических и коммерческих соглашениях с торговыми партнерами. Каждый географический регион представлял отдельную экономическую зону: Северное Причерноморье, бассейн Черного моря, Эгеида и т.д. Как показывают исследования, большая доля торговли осуществлялась именно между городами региона, что обеспечивало низкие издержки на транспортные расходы. Например, в слоях боспорских поселений встречается большое количество амфор Гераклеи Понтийской и Синопы.

Существовавшая в античной Греции система распределения «излишков и дефицита», приводит к пониманию международной торговли с точки зрения разницы в потенциале между городами: в одном полисе есть зерно, в другом – вино, в третьем – столовая посуда, в четвертом – институт кредитования. Подобная разница экономического потенциала и инициировала взаимный торговый обмен.

Например, в IV в. до н.э. корабли по пути из Афин на Боспор совершали не единовременный прямой переход, а посещали целый ряд портовых городов со своими ремесленными центрами, где купцы могли приобрести по выгодной цене продукцию. Отсюда одной из причин процветания Пепарета, Менды и Фасоса является их расположение на маршруте следования в Понт⁹; присутствие амфорной тары этих центров при раскопках городов Боспора свидетельствует о дан-

⁷ Статистические данные приведены в работах С.Ю. Монахова и Е.В. Кузнецовой, подробнее см.: Monakhov, Kuznetsova 2017, 59–99; Монахов, Кузнецова 2016, 199–216.

⁸ Эти маршруты подтверждаются и данными фанагорийских кладов 2003 и 2007 гг., включающих мелкие медные монеты центров Эгеиды (Афин, Иерапитны, Делоса, Хиоса, Лесбоса, Иаса, Книда, Коса, Родоса, Колофона, Александрии Троадской, Гераклеи Понтийской, Синопы, Амиса и др.). См.: Abramzon 2018.

⁹ Ситуация выглядела следующим образом: Афины кредитуют купцов серебряной монетой, а купцы покупают вино и другие товары в Аттике и в городах Эгейского региона. При этом, если проанализировать объем фороса, который платили экономически успешные центры международной торговли как Менда и Пепарет, по сравнению, например, с Икосом, то отчетливо виден дифференцированный подход в обложении данью: Менда – 8 талантов; Пепарет – 3 таланта; Икос – 1500 драхм. Подробнее см.: Stamatopoulou 2013, 81; Paarman 2004, 77–109.

ном маршруте. Но уже во второй четверти III в. до н.э. экономические контакты с Афинами сокращаются¹⁰, и объем торговли практически сходит на нет¹¹. Боспор сохранил торговые контакты только внутри понтийского региона, а также с городами Восточного Средиземноморья (Родосом, Книдом, Косом, Хиосом). Продукция этих центров маркирует появление нового стратегического партнера Боспора – Египта¹² и демонстрирует сформировавшиеся новые международные торговые маршруты. Родос в III в. до н.э. занял доминирующие позиции в торговле в Эгее благодаря обладанию мощным флотом и расположению в центре торговых маршрутов на пути в Египет как из Понта, так и материковой Греции¹³. Он также находился в тесных торговых и политических контактах с Синопой. Отражение данных торговых маршрутов прослеживается на амфорном материале Боспора эллинистического времени, где около половины всего материала представляют амфоры этих центров. Это отчетливо также видно на материалах из Фанагории¹⁴.

Торговля между Боспором и средиземноморскими центрами IV в. до н.э. была связана в единую экономическую модель, в центре которой находились Афины. И даже такой фактор как отсутствие заметного количества экспортной продукции в Афинах никак не влиял на объемы торговли и торговые отношения. Купцы просто продавали товар за серебряную монету, которая циркулировала по всему греческому миру как международная эталонная валюта хорошо откалиброванного веса и металла высокого качества¹⁵. В любом городе Эгеиды, который находился на их торговом маршруте, они могли приобрести необходимый товар, пользующийся спросом на Боспоре. В частности, Ксенофонт подчеркивал, что купцы, которые не могли найти нужный груз в Афинах, даже несмотря на его многообразие, могли всегда плыть из города с серебряными деньгами и при необходимости купить на них нужный товар и при этом еще получить прибыль (Xen. Poroi. 3. 2).

Отсюда следует, что пункт транзита товара, поступавшего на Боспор, или город, откуда прибыл купец, на самом деле в античной экономике мало что значит для понимания торговых отношений¹⁶. Во-первых, купец на основе своих знаний регионального рынка, который он обслуживал, и запросов местного населения ориентировался на товар, имеющий высокий спрос и удовлетворяющий вкусовые потребности широких слоев населения¹⁷. Поэтому товар мог быть приоб-

¹⁰ Афины в это время находились под контролем Македонии, горнодобывающая деятельность, обеспечивающая приток серебра на внутренний рынок и на экспорт в регионы ойкумены, была в упадке.

¹¹ В подтверждение существования комплексных торговых маршрутов, объединяющих несколько центров на своем пути, свидетельствует ситуация с потреблением фасоского вина в III в. до н.э. На Боспоре значительно снижается потребление данной продукции, но в то же время в Эгейском регионе потребление этого вина оставалось стабильным. О черноморском торговом рынке на примере продукции Фасоса см.: Tzochet 2015, 230–253.

¹² Подробнее о развитии экономических отношений Боспора с Египтом и проблемах их изучения см.: Archibald 2007, 253–271; Трейстер 1985, 126–139; Шургая 1973, 51–59; Трофимова 1961, 46–68.

¹³ Бадалянц 1986, 87–99.

¹⁴ Кузнецова 2014, 187–194; Монахов, Кузнецова 2016, 199–216.

¹⁵ Alfén 2012, 11–32.

¹⁶ О коммуникации античных купцов на межрегиональном торговом рынке и сложностях интерпретации товаров-артефактов, обнаруженных в процессе раскопок, см.: Reger 2007, 273–285.

¹⁷ О формировании культурных привычек приобретения определенных категорий товаров и функционировании региональных рынков см.: Osborn 2007, 85–95.

ретен при перекупе на крупных рынках или получен в качестве эксклюзивной продукции по предварительному заказу в мастерской, с которой мог быть связан купец. Во-вторых, основой коммерческого путешествия является кредитование купца для финансирования всего морского рейса: покупка товара, фрахтование судна и дополнительные расходы по снаряжению. В этом случае ключевую роль играет место, где был заключен коммерческий контракт-договор. Не случайно в современной науке ведется дискуссия о существовании прямых международных контактов между городами, которые связывали бы продавцов и покупателей. Преобладает мнение, что в большинстве своем товарообмен производился не только на основе одного товара-продукта, например, керамики, а состоял из небольших частей сборного груза¹⁸. Многочисленные исследования кораблекрушений также свидетельствуют о сборном характере товарного груза¹⁹.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Abramzon, M. 2018: Numismatic Evidence for Ancient Seafaring between the Levant, Western and Southern Asia Minor and the Northern Black Sea. *Israel Numismatic Research* 13, 55–72.
- Alfen, P. van 2012. Xenophon Poroi 3.2 and Athenian “Owls” in Aegean-Near Eastern Long-Distance Trade. In M. Asolati, G. Gorini (eds.), *I ritrovamenti monetali e i processi storico-economici nel mondo antico*. Padova, 11–32.
- Archibald, Z.H. 2007: Contacts between the Ptolemaic Kingdom and the Black Sea in the Early Hellenistic Age. In V. Gabrielsen, J. Lund (eds.), *The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchanges* (Black Sea Studies 6). Aarhus, 253–271.
- Badalyants, Yu.S. 1986: Torgovo-ekonomicheskie svyazi Rodosa s Severnym Prichernomor'em v epochu ellenizma (po materialam keramicheskoy epigrafiki) [Trade and other Economic ties between Rhodes and North Black Sea area in the Hellenistic Period]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 87–99.
- Бадалянц, Ю.С. 1986: Торгово-экономические связи Родоса с Северным Причерноморьем в эпоху эллинизма (по материалам керамической эпиграфики). *ВДИ* 1, 87–99.
- Boulau, T. 2012: Les techniques vinicoles grecques, des vendanges aux Anthestéries: nouvelles perspectives. In A. Gonzales (éd.), *L'histoire de l'alimentation dans l'Antiquité: Bilan historiographique* (Dialogues d'histoire ancienne. Supplément. 7). Besancon, 95–115.
- Bouvier, M. 2001: *Les saveurs du vin antique. Vins d'hier, vignerons d'aujourd'hui*. Paris.
- Bresson, A. 2016: *The Making of the Ancient Greek Economy: Institution, Markers and Growth in the City-State*. Princeton–Oxford.
- Brun, J.-P. 2004: *Archéologie du vin et de l'huile de la Préhistoire à l'époque hellénistique*. Paris.
- Fedoseev, N.F. 2017: O kharaktere kleymeniya keramiki [The nature of the stamping of ceramics]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 21. Moscow, 384–397.
- Федосеев, Н.Ф. 2017: О характере клеймения керамики. *ДБ* 21, 384–397.
- Garnsey, P. 1999. *Food and Society in Classical Antiquity*. Cambridge.
- Gitler, H., Kahanov, Y. 2002: The Ascalon 1988 Hoard (CH 9, 548). A Periplus to Ascalon in the Late Hellenistic Period? *Coin Hoards IX. Greek Hoards* (Royal Numismatic Society Special Publication 35). London, 259–268.

¹⁸ Bresson 2016, 377.

¹⁹ О монетных кладах из кораблекрушений на торговых маршрутах, амфорах разных центров и предметах мелкого бартера членов команды в портах остановки корабля см., например, Sheridan 1971; Gitler, Kahanov 2002.

- Kuznetsova, E.V. 2014: Torgovye svyazi Fanagorii v IV–III vv. do n.e. po raznym kategoriyam amfornogo materiala: problema sootnosheniya [Trade relations of Phanagoria in the 4th – 3rd centuries BC by different categories of amphorae material: the problem of correlation]. *Stratum plus* 3, 187–194.
- Кузнецова, Е.В. 2014: Торговые связи Фанагории в IV–III вв. до н.э. по разным категориям амфорного материала: проблема соотношения. *Stratum plus* 3, 187–194.
- Lawall, M.L. 2011: Socio-Economic Condition and the Contents of Amphorae. In Ch. Tzochew, T. Stoyanow, A. Bozkova (eds.), *Production and Trade of Amphorae in the Black Sea*. Sofia, 23–33.
- Lawall, M.L. 2010: Imitative Amphoras in the Greek World. *MBA* 28, 45–88.
- Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V. 2016: Vneshnyaya trgovlya Bospora v IV–II vv. do n.e. po dannym keramicheskikh kleym [Foreign trade of Bosphorus in 4th–2nd centuries BC as presented in pottery stamps]. *Voprosy epigrafiki [Problems of Epigraphy]* 9, 199–216.
- Монахов, С.Ю., Кузнецова, Е.В. 2016: Внешняя торговля в IV–II вв. до н.э. по данным керамических клейм. *Вопросы эпиграфики* 9, 199–216.
- Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V. 2017: Overseas Trade in the Black Sea Region from the Archaic to the Hellenistic Period. In V. Kozlovskaya (ed.), *The Northern Black Sea in Antiquity: Networks, Connectivity, and Cultural Interactions*. Cambridge, 59–99.
- Osborn, R. 2007: What Travelled with Greek Pottery? *Mediterranean Historical Review* 22(1), 85–95.
- Paarman, B. 2004: Geographically Grouped Ethnicities in the Athenian Tribute Lists. In Th.H. Nielsen (ed.), *Once Again Studies in the Ancient Greek Polis* (Papers from the Copenhagen Polis Centre 7). Wiesbaden, 77–109.
- Reger, G. 2007: Traders and Travelers in the Black and Aegean Seas. In V. Gabrielsen, J. Lund (eds.), *The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchanges*. Aarhus, 273–285.
- Salviat, F. 1993: Le vin de Rhodes et les plantations du dème d'Amos. In M.C. Amouretti, J.-P. Brun (éds.), *La production du vin et de l'huile en Méditerranée* (BCH Suppl. 26), 151–161.
- Sheridan, W.W. 1971: From Cyzicus to Tyre: Numismatic Evidence of an Ancient Ship's Trip, circa 400 BC. *The Numismatist: For Collectors of Coins, Medals, Tokens and Paper Money* 84, 1127–1133.
- Shurgaya, I.G. 1973: Voprosy bosporo-egipetskoy konkurentsii v khleboynoy trgovle Vostochnogo Sredizemnomor'ya ranneellinisticheskoy epokhi [Issues of the Bosphoran-Egyptian competition in the grain trade of the Eastern Mediterranean in the early Hellenistic era]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of Institute of Archaeology]* 138, 51–59.
- Шургая, И.Г. 1973: Вопросы боспоро-египетской конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья раннеэллинистической эпохи. *КСИА* 138, 51–59.
- Treyster, M.Yu. 1985: Bospor i Egipet v III v.do n.e. [The Bosphorus and Egypt in the 3rd century BC]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]*, 1. Moscow, 126–139.
- Трейстер, М.Ю. 1985: Боспор и Египет в III в. до н.э. *ВДИ* 1, 126–139.
- Trofimova, M.K. 1961: Iz istorii ellinisticheskoy ekonomiki (K voprosy o trgovoy konkurentsii Bospora i Egipta v III v.do n.e. [From the history of the Hellenistic economy (On the issue of trade competition between the Bosphorus and Egypt in the 3rd century BC)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 46–68.
- Трофимова, М.К. 1961: Из истории эллинистической экономики (К вопросу о торговой конкуренции Боспора и Египта в III в. до н.э.). *ВДИ* 2, 46–68.
- Tzochew, Ch. 2015: Market, Amphora Trade and Wine Industry. In E.M. Harris, D.M. Lewis, M. Woolmer (eds.), *The Ancient Greek Economy: Markets, Households and City-States*. Cambridge, 230–253.

SOME ASPECTS OF MARITIME TRADE ON THE BOSPORUS
DURING THE FOURTH AND THIRD CENTURIES BC

Sergey N. Ostapenko

*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia;
State Historical and Archaeological Museum-Reserve "Phanagoria"*

E-mail: osn-23@mail.ru

Abstract. The most massive material discovered during archaeological excavations is amphorae. Amphorae appear on the Bosphorus since the arrival of the first colonists on the turn of the late 7th and early 6th centuries BC. Mainly wine and olive oil were delivered in amphorae. The amphorae provide evidence for the directions of sea trade routes that functioned on the principle of buying products in one center and selling them in another, and merchants received money for seafaring from trapezitas-creditors. Therefore, the amphorae indicate precisely those centers that were located along the trade route from the lending center to the final destination, and where it was profitable for merchants to buy a fairly large batch of wine at a reasonable price. All the variety of amphorae testifies to the formation of single markets and the establishment of certain routes for merchants.

Keywords: Cimmerian Bosphorus, Phanagoria, Panticapaeum, trade, amphora containers, coin hoards.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2022), 78–94
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2022), 78–94
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-3-77-78–94

АРХЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ САЛГИРСКОГО РЕТРАНШЕМЕНТА – ПЕРВОЙ РУССКОЙ КРЕПОСТИ В КРЫМУ

Т.Н. Смекалова¹, А.С. Деваев², Ю.Л. Белик³, А.Г. Герцен⁴,
А.Н. Гаврилюк⁵, Л.Л. Леонов⁶, А.В. Антипенко⁷

^{1, 2, 4, 5, 6, 7} Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь,
Россия

³ Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, Керчь, Россия

¹ E-mail: tnmek@mail.ru ² E-mail: dsaleksey@gmail.com ³ E-mail: eni_belik@rambler.ru

⁴ E-mail: gertsenag@yandex.ru ⁵ E-mail: andrey_gavr@inbox.ru

⁶ E-mail: lioneldjonson@gmail.com ⁷ E-mail: an.antipenko@yandex.ru

¹ ORCID: 0000-0001-5378-5372 ³ ORCID: 0000-0003-1586-5886

⁶ ORCID: 0000-0002-1740-5173 ⁷ ORCID: 0000-0002-8699-3132

Аннотация. Салгирский ретраншемент времен похода князя В.М. Долгорукого в 1771 г., подробный план которого приведен в «Атласе планов и профилей полевых укреплений (фельдшанцев) в Крыму и их окрестностей» 1778 г. из собрания Российского государственного военно-исторического архива, находился в одной из многочисленных излучин реки Салгир. Приблизительное место расположения крепости было определено местными краеведами к югу от центра с. Мускатное (Красногвардейский район Республики Крым) благодаря изучению старинных планов и карт и частым находкам на распаханном поле осколков ядер, частей пушек, пуговиц от мундиров, керамических сосудов и других предметов XVIII в. Поверхность ретраншемента полностью нивелирована и распашана глубокой плантажной вспашкой, которая уничтожила все наземные сооружения крепости. Более точная локализация крепости на левом берегу Салгира, в западной части его излучины, была осуществлена с помощью детальной магнитной съемки, проведенной на площади 8 га. Выполненные по результатам магнитометрии археологические раскопки выявили заглубленный в землю арсенал крепости, состоящий из большого числа пушечных ядер и гранат. Таким образом, было установлено точное местоположение первой

Данные об авторах: Татьяна Николаевна Смекалова – доктор исторических наук, заведующий отделом естественнонаучных методов в археологии НИЦ истории и археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского; Алексей Сергеевич Деваев – лаборант-исследователь НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского; Юрий Леонидович Белик – кандидат исторических наук, заведующий отделом «Крепость Керчь» ВКИМЗ; Александр Германович Герцен – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков КФУ им. В.И. Вернадского; Андрей Николаевич Гаврилюк – лаборант-исследователь НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского; Лев Леонидович Леонов – младший научный сотрудник НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского; Анна Витальевна Антипенко – младший научный сотрудник НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского.

Исследование проведено в рамках госзадания по проекту НИР КФУ им. В.И. Вернадского, № госрегистрации 121061000056-8.

русской крепости в Крыму, сооруженной в 1772–1773 гг. «для помещения магазинов» и расположения крупного воинского контингента. Эта крепость имела важное стратегическое значение, защищая пересечение двух головных дорог северо-восточного Крыма – из Перекопа в Кафу (Феодосию) и вдоль всего левого берега Салгира до Ак-Мечети (Симферополя). Ретраншемент просуществовал вплоть до присоединения Крыма к России в 1784 г. и был упразднен указом Екатерины II, по которому повелевалось пушки из крепостей, в том числе Салгирского ретраншемента, вывезти, а сами крепости отныне таковыми «не почитать».

Ключевые слова: археология, магнитная съемка, Крым, Салгирский ретраншемент, походы князя Долгорукого.

1. АРХИВНЫЕ СВЕДЕНИЯ О САЛГИРСКОЙ КРЕПОСТИ

В 1769 г. Турция, подстрекаемая Францией, объявила войну России. Началась первая Русско-Турецкая война, которая вначале была не слишком успешной для России. Назначенному в 1770 г. главнокомандующим фельдмаршалу графу Петру Александровичу Румянцеву удалось переломить ход событий в пользу России. В 1771 г. русские войска под руководством генерал-аншефа князя Василия Михайловича Долгорукова прорвались через Перекоп и вошли в Крым. Им удалось завоевать Феодосию (Кефа), а вскоре и весь полуостров оказался в руках русских.

Ретраншемент на р. Салгир сыграл в этом походе не последнюю роль. Этот важный фортификационный объект русской армии был призван защищать мост через реку и перекресток дорог, идущих из Перекопа к Кефе (Феодосии) и вдоль реки по левому берегу. Впервые место, на котором впоследствии была возведена крепость, отмечено на карте походов В.М. Долгорукого 1771 г. как ключевая точка на левом берегу Салгира перед переправой через реку на пути к крепости Кефа (рис. 2). Напротив русского лагеря, на правом берегу Салгира, в месте, где встречались стратегические дороги северо-восточного Крыма, из Перекопа в Кефу и Карасу-Базар, а также идущая вдоль всего Салгира по левой его стороне до Ак-Мечети (Симферополя), на этой же карте видно обозначение квадратного фортификационного объекта (рис. 2, 2). Этот редут с четырьмя пушками был возведен в июле 1771 г. ретраншемент-инженерами и саперами долгоруковской армии под руководством генерала Сен-Марка, главного фортификатора русской армии, для охраны масштабной понтонной переправы, наведенной русскими через р. Салгир. Позднее примерно на этом же месте был сооружен каменный мост, существующий и в настоящее время у с. Коренное (рис. 1, 2)¹.

Редут на левом берегу Салгира отмечен на «Карте Крыма, составленной в конце войны 1772 года, преподнесенной Его Королевскому Величеству, принцу Генриху Прусскому, брату Короля, через де Кинсбергена, капитана береговой службы, кавалера ... св. Георгия в России. 18 января 1776 года» (рис. 3). Карта издана в Берлине, на французском языке, ее оригинал хранится в экспозиции Евпаторийского краеведческого музея.

¹ Линевиц 2021, 71–72.

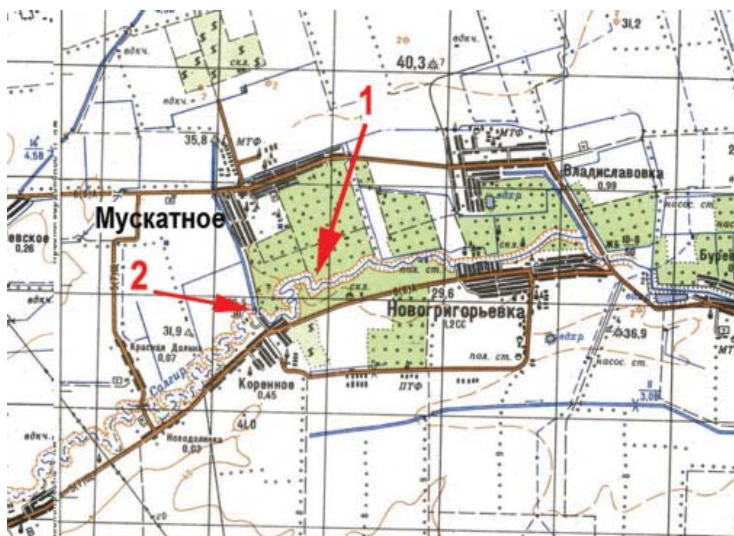

Рис. 1. Салгирский ретраншемент. Местоположение на топографической карте издания 1998 г. (листы L-36-93 и 94) съемки 1952–1954 гг., обновленной в 1989 г. Масштаб 1:100 000.

Fig. 1. Salgir retrenchment. Location on the 1998 topographic map (sheets L-36-93 and 94) of the 1952–1954 survey, updated in 1989. Scale 1:100,000.

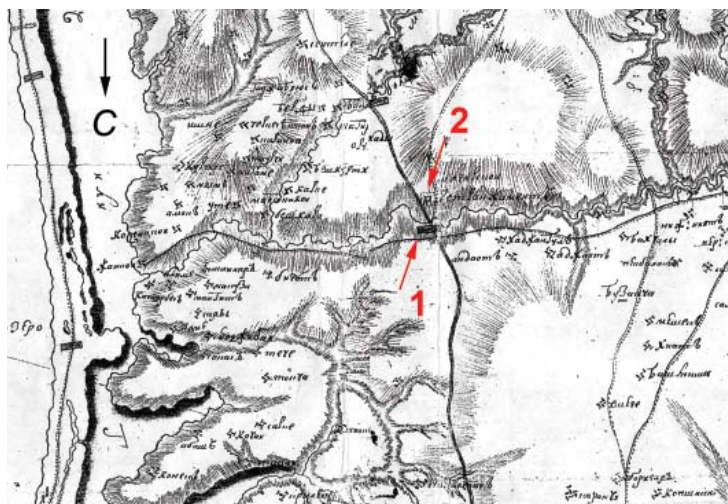

Рис. 2. Пункт следования русской армии кн. Долгорукого на правом берегу р. Салгир (1) и редут на левом берегу (2) на карте Крыма с показанием маршрута 2-й армии под командованием генерал-аншефа князя В.М. Долгорукого. 1771 г. (РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Таврическая губерния. № 4).

Fig. 2. The station of the Russian army of Prince Dolgoruky on the right bank of the Salgir River (1) and a redoubt on the left bank (2), on a map of the Crimea showing the route of the 2nd Army under the command of General Prince V.M. Dolgoruky. 1771 (RSAAA. Collection 192. Inventory 1. Taurida province. No. 4).

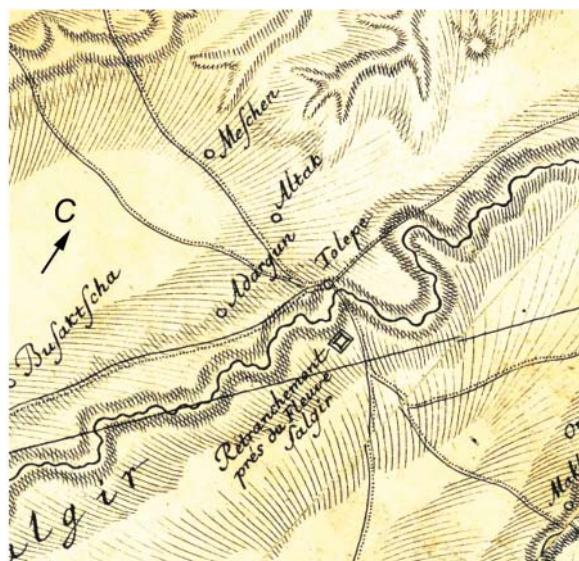

Рис. 3. Редут на левом берегу Салгира (отмечен стрелкой) на карте Крыма 1776 г. Архив Евпаторийского краеведческого музея.

Fig. 3. The redoubt on the left bank of the Salgir (marked with an arrow) on the map of the Crimea, 1776. Archive the Museum of Local Lore of Yevpatoria.

1.1 Описание крепости по архивному чертежу

Большая крепость на левом берегу Салгира была воздвигнута оставшимися на зимовку частями русской армии. Она строилась с весны 1772 г. по 1773 г. по всем правилам фортификационного искусства. Ее детальный и красочный чертеж, выполненный инженер-поручиком Александром Кемпеном, приведен в хранящемся в Российском государственном военно-историческом архиве в г. Москве «Атласе планов и профилей полевых укреплений (фельдшанцев) в Крыму и их окрестностей» 1778 г.² Благодаря этому плану можно дать следующее подробное описание крепости, которая в Атласе названа Салгирским фельдшанцем (рис. 4).

Укрепление можно вписать в шестиугольную фигуру, у которой осевая линия С–Ю проходит через капитал северного бастиона и южный реданный выступ крепостной ограды. Внутреннее пространство крепости составляло примерно 80х40 саженей, или 170х85 м. Наружный полигон имеет шесть линий: северо-восточную, юго-восточную, юго-юго-восточную, юго-юго-западную, юго-западную и северо-западную. При этом следует отметить, что исходящий угол между юго-восточной и юго-юго-восточной линиями незначительный; обе линии составляют почти одну прямую. Совокупная протяженность наружного полигона равна примерно 300 саженям (640 м). Внутренний полигон также представляет собой многоугольную фигуру, что объясняется необходимостью создания надежной защиты южного участка у изгиба реки. Бастион тут неуместен по причине уязвимости

² РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 716. Л. 1.

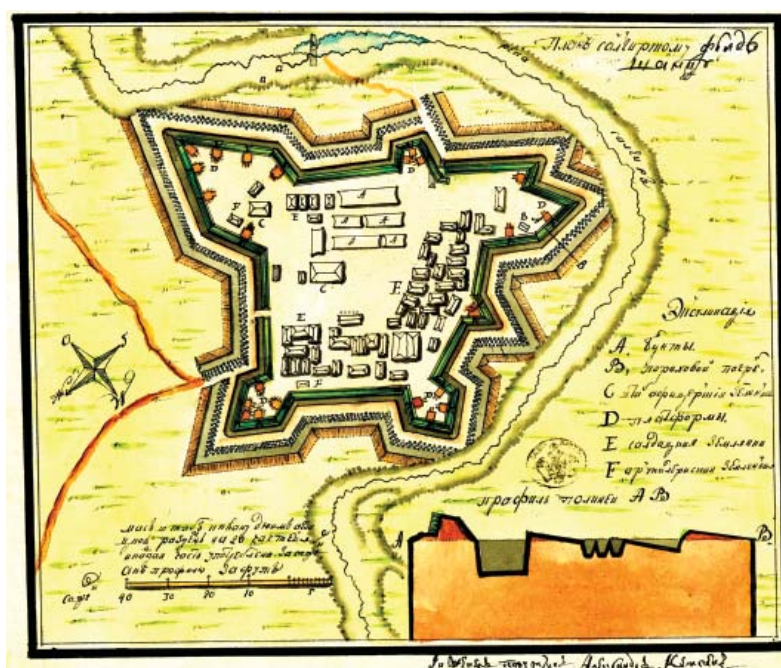

Рис. 4. Чертеж крепости на Салгире на карте 1778 г. (РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 716. Л. 1).
Fig. 4. Drawing of the fortress on Salgir on the map of 1778. RSMHA. Moscow. Collection 418. Inventory 1. Folder 716.

капитали бастиона в случае осады, что обеспечивало бы противнику овладение верками данного участка оборонительной ограды, прорыв в укрепление и, как итог, его захват. Салгирский фельдшанец представляет собой фортификационное сооружение с бастионным фронтом. В плане фельдшанца прослеживается три бастиона (северный, западный и восточный), полубастион, редан. Бастионы пустые. Валганг на всей своей длине сохраняет принятую ширину, внутренность бастиона располагается на уровне местного горизонта.

Для обороны отдельных участков с учетом особенностей рельефа сооружение было усилено реданом. Учитывая, что укрепление располагалось у изгиба реки, при постройке фельдшанца решили не возводить в районе полигона бастион, придав крепостной ограде комбинированный вид, сочетающий полубастион и примыкающую куртину. Это позволяло упреждать действия противника по уничтожению капитали бастиона в случае возведения такового на данном участке, что обеспечило более надежную защиту этой части крепости. Ров имел фланговую оборону по всей длине. Длина оборонительной линии не превосходила 60–70 сажень. Фактически на всех флангах укрепления имелись оборудованные артиллерийские и стрелковые позиции. Длины флангов было достаточно для фланкирования рва и пространства перед исходящим углом бастионов. Благодаря этому при необходимости укрепление могло противостоять действию контр-батареи противника. Длина фасов (например, в восточном бастионе) составляла около 25

саженей (128–150 м), при длине флангов около 10–15 саженей (21–32 м). Она не уменьшала длины флангов, поэтому внутренность бастионов была достаточно вместительной. Исходящий угол между фасадами бастионов равен 60°.

В фельдшанце располагалось 23 артиллерийские позиции. В частности, на верках восточного бастиона располагалось 7 барбетов, или «платформ» (один из которых размещался в шпиге (исходящем угле) бастиона); в северном бастионе было 5 барбетов (один из которых размещался в шпиге бастиона); в западном бастионе – 4; в юго-восточном полубастионе, южном полубастионе и примыкающей куртине – по 3 барбета. На реданном выступе, по всей видимости, из-за незначительных размеров барбет был единым и рассчитан на размещение двух орудий. Командование над местным горизонтом земляных верков крепостной ограды составляло около 7 футов (примерно 2 м), ширина, с учетом земляного бруствера и стрелкового барбета, – 15 футов (4,5 м).

В укреплении было оборудовано два проезда. Один из проездов в шанец размещался посередине северной куртины. Контроль за этим проездом обеспечивался перекрестным огнем с бастионов. Второй проезд находился в юго-восточной части крепости, в связи с чем одной из задач юго-восточного полубастиона являлся контроль перехода через ров и прохода из фельдшанца к мосту через небольшой водоем, образованный р. Салгир. Данный проезд, как и сама дорога в укрепление, имели надежное артиллерийское и стрелковое прикрытие. В крепости не выявлено оборонительных казематированных построек. В то же время внутри фортификационного сооружения размещалось более пятидесяти защищенных сооружений: офицерские и солдатские казармы, пороховые погреба. В основной массе это были заглубленные в грунт землянки.

Снаружи фельдшанец был укреплен рвом и гласисом. Ширина рва составляла 10 футов (3 м), высота эскарпа – порядка 7–8 футов (2–2,4 м), высота контрэскарпа – около 10 футов (3 м) (до уровня гребня гласиса). Прикрытый путь отсутствовал. У подошвы гласиса находились «волчьи ямы» – расположенные в три ряда заостренные колья, за которыми следовал передовой ров (треугольного профиля) и гласис. На некоторых участках (капиталь западного бастиона, редана, южного полубастиона, восточный бастион) передовой ров обрывается склоном русла реки Салгир. Общая длина профиля укрепления (от подошвы передового гласиса до банкета) составляла около 80 футов (24 м).

1.2. Вооружение Салгирского ретраншемента

Согласно архивным данным, в 1779 г. крепость была укреплена четырьмя бронзовыми пушками, двумя 12-фунтовыми и двумя 3-фунтовыми «единорогами». Об этом говорится в «Перечне артиллерийского вооружения укреплений в Крыму»³.

Как известно, русская 12-фунтовая пушка образца 1734 г. стреляла ядрами весом 5,4 кг и имела массу ствола 112 пудов. 3-фунтовый (78-мм) «единорог» имел длину 96 см, массу 87,6 кг. Пушки отливались из оловянной бронзы с содержанием 10% олова в составе сплава. «Единороги» имели стволы длиной 9–12,5 калибров и стреляли снарядами массой от 4-х фунтов до 3-х пудов (от 1,8 до 40 кг)

³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 208. Л. 68–75.

Крепость на Салгире еще много лет обозначалась на картах, например, на карте Крыма, изданной на французском языке в 1784 г. (рис. 5), и на двух картах 1790 г. Одна из них – «Генеральная Карта Крыма, сочиненная по новейшим наблюдениям Адъютантом Федором Черным» 1790 г., масштаб 12,6 верст в одном английском дюйме (1:530 000) (из фондов Российской национальной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Петербурге) (рис. 6, 1). Вторая – Карта Таврической области. Ок. 1790 г.⁵ (рис. 7). Контуры Салгирского ретраншемента показаны и на карте полковника Бетева съемки 1838 г. (рис. 8).

2. АРХЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КРЕПОСТИ

Несмотря на то, что Салгирский ретраншемент фигурирует на многих картах XVIII и XIX вв., локализация его на местности оказалась непростой задачей. Р. Салгир в среднем течении отличается чрезвычайно большим количеством изгибов и поворотов, среди которых очень трудно найти излучину, в которой располагался Салгирский фельдшанец. Во второй половине XX в. все берега Салгира были возделаны, преимущественно засажены фруктовыми садами, а кое-где русло реки было изменено или спрямлено. Состарившиеся сады были затем выкорчеваны, а поверхность полей выровнена мощной сельскохозяйственной техникой.

В наши дни Салгирская крепость на местности была локализована местными краеведами, в первую очередь В.В. Линевичем, председателем Красногвардейского отделения Российского военно-исторического общества, благодаря изучению старинных планов и карт и частым находкам на распаханном поле осколков ядер, частей пушек, пуговиц от мундиров, керамических сосудов и других предметов XVIII в.⁶

В октябре-ноябре 2021 г. силами Отдела естественнонаучных методов в археологии Крыма НИЦ истории и археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского были проведены широкомасштабные неразрушающие геофизические исследования на предполагаемом месте расположения крепости на значительной части излучины реки. Прецизионная геодезическая съемка в точных географических координатах охватила около 15 га, магнитная съемка – 8 га. Магнитная съемка оказалась чрезвычайно информативной (рис. 9). На карте магнитного поля в виде протяженных, слабых и плавных положительных аномалий проявились старые русла реки Салгир, блуждающей по долине (см. положительные (темные) аномалии на рис. 9). В западной части излучины реки выделяется концентрация дипольных точечных аномалий, которые создаются множественными железными предметами, вероятно, имеющими отношение к крепости. Граница этого скопления может очерчивать внутренние контуры разрушенной крепости (рис. 9). Примерные размеры огороженной укрепленной части крепости составляют 150 x 60 м, что согласуется с размерами, определенными по архивному плану, хотя последний является, очевидно, несколько идеализированным чертежом, в чем нам пришлось убедиться ранее при изучении остатков Чокракского фельдшанца у верхней точки Тарханкута⁷.

⁵ РГАВФМ. Ф. 3. Оп. 23. Д. 448.

⁶ Линевич 2019, 3–8.

⁷ Смекалова, Белик 2013, рис. 9, 15; 2016, рис. 3, 12.

Рис. 7. Салгирский ретраншемент на карте 1790 г. РГВФМ. Ф. 3. Оп. 23. Д. 448).
Fig. 7. Salgir retrenchment on the map of 1790. RSAN. Saint-Petersburg. Collection 3. Inventory 23. Folder 448).

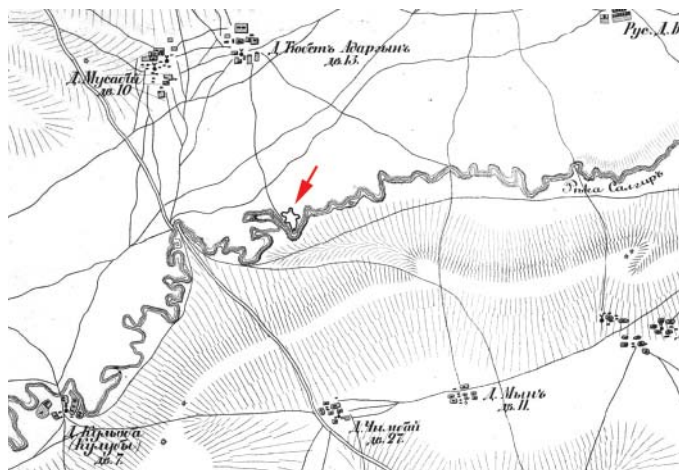

Рис. 8. Салгирский ретраншемент на карте 1855 г. Лист N.O.D.3
Fig. 8. Salgir retrenchment on the map of 1855 (sheet N.O.D.3).

В центральной части этой концентрации хорошо заметна одна очень интенсивная положительная магнитная аномалия со значительной отрицательной частью (рис. 9, 1). Амплитуда аномалии превышает 520 нТл, занимаемая аномалией площадь – более 6 х 6 м², что указывает на значительную глубину аномалеобразующих объектов. Учитывая амплитуду и площадь аномалии, можно утверждать, что ими могут быть только сильномагнитные железные предметы. Принимая в расчет характер археологического объекта – крепости, можно было заранее предположить, что такими объектами могут быть чугунные стволы пушек или пушечные ядра.

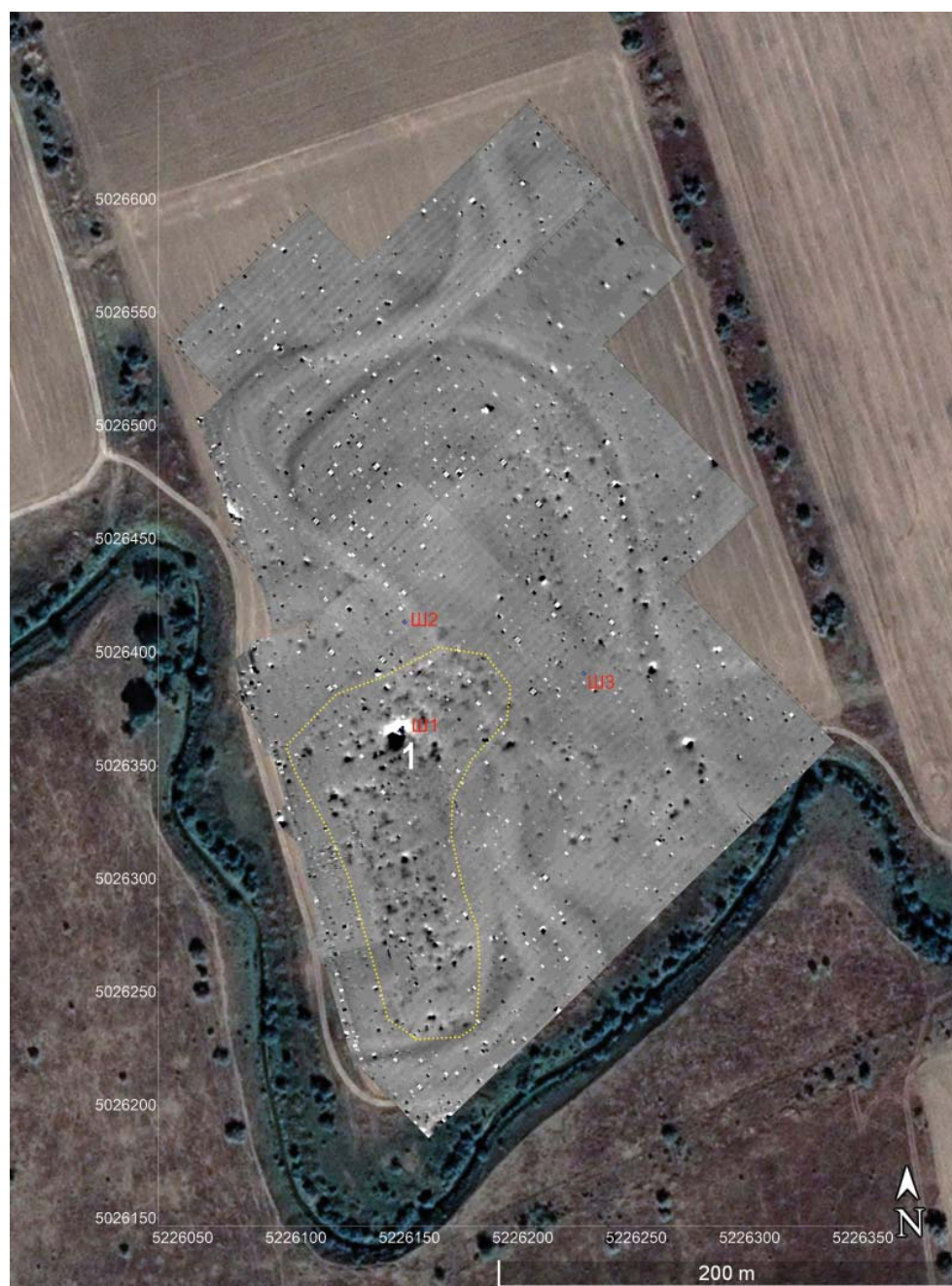

Рис. 9. Магнитная карта места расположения Салгирской крепости. Темным тоном показаны положительные магнитные аномалии, светлым – отрицательные. Красным шрифтом отмечены шурфы 1–3. Чертеж Т.Н. Смекаловой.

Fig. 9. Magnetic map of the location of the Salgir fortress. The dark tone shows positive magnetic anomalies, the light tone shows negative ones. Trenches 1–3 are marked in red. Drawing by T.N. Smekalova.

Осредненные магнитные параметры для железных ядер XVIII–XIX вв. дают оценочное значение остаточной намагниченности $0,014 \text{ Ам}^2/\text{кг}$ и индуцированной намагниченности $0,023 \text{ Ам}^2/\text{кг}$, а суммарно $0,037 \text{ Ам}^2/\text{кг}$ ⁸. Опираясь на эти примерные параметры, хотя они могут отличаться для разных железных изделий в несколько раз, удастся с помощью программы Potent (Geophysical Software Solutions) подсчитать, что полученная нами на Салгирской крепости аномалия может создаваться множественными железными предметами общей массой более 1,1 тонны, находящимися на глубине более 1,5 м. Ранее уже были примеры обнаружения с помощью магнитометрии старинных турецких пушек в Кумкале в Дарданеллах, намеренно разрушенных и погребенных в 1915 г., но магнитные параметры их железных стволов и ядер тогда не были измерены⁹.

Шурф № 1 размером 2 x 2 метра был разбит в 2022 г. на месте выявленной нами наиболее интенсивной магнитной аномалии¹⁰ (рис. 9). В этом шурфе были обнаружены археологические материалы периода существования укрепления (ретраншемента). В пахотном слое, образовавшемся в результате глубокой плантажной вспашки мощностью до 0,7 м, содержались фрагменты керамики и предметы из металла (железные гвозди, фрагменты медной пластины, медная монета Крымского ханства) XVIII в., а также большое количество костей животных, вероятно, пищевые отходы. В следующем слое, не задетом глубокой распашкой, на глубине свыше 0,75 м, кроме подобных вышеперечисленных находок, было обнаружено 18 разрозненных пушечных ядер. Глубже (на уровне 1,29–1,51 м), в плотном коричневом глинистом грунте, было обнаружено еще 13 пушечных ядер. Этот коричневый суглинок перекрывал слой заполнения крупного заглубленного помещения, вероятно, являющегося артиллерийским погребом. Небольшой шурф открыл, вероятно, только западную стену землянки. Весь погреб оказался заполненным плотно и аккуратно уложенными в несколько рядов пушечными ядрами, количество которых не поддается точной оценке (рис. 10 и 11). Удалось зафиксировать как минимум два слоя ядер на глубине 1,6 м, а их общее количество может, вероятно, превышать несколько сотен. Кроме ядер в этом слое, ближе к восточному углу было обнаружено скопление картечи (шрапнели), вероятно, она хранилась в каком-то мешочке или упаковке, со временем разрушившейся. Возможно, это могла быть разновидность зарядного картуза. Обнаруженные ядра были зачищены и зафиксированы, но не доставались из слоя во избежание нарушения целостности открытого заглубленного артиллерийского арсенала, так как изучение такого крупного объекта требует полноценных раскопок большой площадью¹¹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что шурфом № 1 была вскрыта часть артиллерийского погреба, предназначенного для хранения ядер. В результате раскопок выявлена только одна западная стена помещения, однако удалось отметить, что склад представляет собой большое, углубленное в материковую глину, помещение. Какой-либо облицовки или обкладки западной стены зафиксировано

⁸ Bevan 2002.

⁹ Büyüksaraç et al. 2014.

¹⁰ Два других шурфа (Ш2 и Ш3 на рис. 9) были заложены на периферии выявленного памятника для уточнения границ объекта и распространения культурного слоя.

¹¹ На основании проведенных исследований заявка на государственную учет выявленного объекта культурного наследия «Салгирский ретраншемент» была направлена в Государственный комитет по охране культурного наследия Республики Крым.

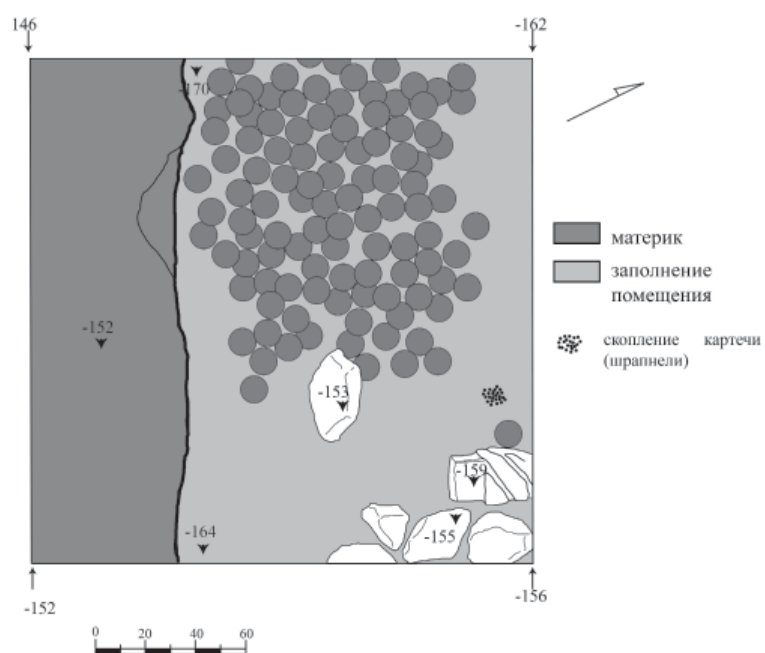

Рис. 10. Шурф № 1. Чертеж плана уровня «помещения» с пушечными ядрами. Чертеж А.С. Деваева.

Fig. 10. Trench 1. A drawing of the “room” level plan with cannonballs. Drawing by A.S. Devaev.

Рис. 11. Шурф № 1. Фотография плана уровня «помещения» с пушечными ядрами. Фотография А.С. Деваева.

Fig. 11. Trench 1. View of the level of the “room” with cannonballs. Photograph by A.S. Devaev.

не было. Возможно, она появится глубже в процессе последующего исследования объекта. Однако удалось зафиксировать слой со следами золы и углей, частично перекрывавший заполнение землянки у выявленной стены. Возможно, это остатки от сгоревшего деревянного перекрытия. В восточном углу шурфа на глубине 1,55–1,59 м было обнаружено скопление камней, которое, возможно, является развалом каменной конструкции (стены?). Один из камней представляет собой часть татарского надгробия (т.н. «чалмы»), он имеет явные следы обработки и рельеф в виде спирали. Видимо, это надгробие было вторично использовано в строительстве арсенала.

Извлеченные пушечные ядра были взвешены, диаметры их измерены¹². Анализ количественных характеристик ядер позволяет сделать вывод о том, что в Салгирском укреплении находилось как минимум четыре разных типа пушек: 3-х-, 6-ти-, 12-ти- и 20-фунтовые пушки (табл. 1).

Таблица 1. Количественные характеристики ядер, обнаруженных в шурфе № 1 на Салгирском ретраншементе

№ п/п	Вес в кг	Вес в фунтах	Диаметр в мм	Диаметр в дюймах
3-фунтовые ядра				
1	1.36	2.99	72	2.83
2	1.34	2.95	72	2.83
6-фунтовые ядра				
3	2.595	5.72	98	3.85
4	2.635	5.80	98	3.85
5	2.44	5.37	98	3.85
6	2.355	5.19	98	3.85
7	2.64	5.82	98	3.85
8	2.29	5.04	98	3.85
9	2.515	5.54	98	3.85
10	2.55	5.62	98	3.85
11	2.53	5.57	98	3.85
12	2.545	5.61	98	3.85
13	2.55	5.62	98	3.85
14	2.545	5.61	98	3.85
15	2.675	5.89	98	3.85
16	2.645	5.83	98	3.85
17	2.515	5.54	98	3.85
18	2.495	5.5	98	3.85
19	2.595	5.72	98	3.85
20	2.46	5.42	98	3.85
21	2.55	5.62	98	3.85
22	2.585	5.69	98	3.85

¹² Размеры ядер и их масса могут несколько не соответствовать действительности, так как ядра сильно корродированы и в процессе снятия замеров не подвергались тщательной очистке.

23	2.635	5.8	98	3.85
24	2.605	5.74	98	3.85
25	2.55	5.62	98	3.85
26	2.545	5.61	98	3.85
12-фунтовые ядра				
27	5.33	11.75	115	4.52
28	5.585	12.31	115	4.52
29	5.555	12.24	115	4.52
30	5.31	11.7	115	4.52
20-фунтовое ядро				
31	9.205	20.29	138	5.43

Так, от 3-фунтовой пушки было обнаружено два чугунных цельнометаллических ядра. Диаметр ядер составляет около 72 мм (2,83 дюйма), а масса снарядов колеблется в пределах 1,34–1,36 кг (2,95–2,99 фунта). К 6-фунтовой пушке обнаружено наибольшее количество ядер, всего 24 штуки. Интересно, что все ядра представлены так называемыми гранатами – полое чугунное ядро, в которое засыпался порох и поражающие элементы. Размеры этих ядер составляют около 98 мм в диаметре (3,85 дюйма) и вес в пределах 2,34–2,675 кг (5,19–5,89 фунта). От 12-фунтовой пушки обнаружено четыре цельнометаллических чугунных ядра. Размер ядра в диаметре составляет около 115 мм (4,52 дюйма), а вес в пределах 5,31–5,585 кг (11,7–12,31 фунта). Еще одно обнаруженное ядро относится к 20-фунтовой пушке. Диаметр ядра приблизительно составляет 138 мм (5,43 дюйма), а масса 9,205 кг (20,29 фунта). Проведенный анализ позволил сделать заключение, что крепость была укреплена как минимум четырьмя типами орудий, а не двумя, как это следует из архивных источников и о чем уже упоминалось выше¹³.

ВЫВОДЫ

В результате проведенных междисциплинарных археолого-геофизических исследований удалось доказать, что Салгирский ретраншемент постройки 1772–1773 гг. находился в излучине р. Салгир в 2-х км к югу от с. Мускатное (б. Тюбень-Адаргын) Красногвардейского р-на Республики Крым. Проведенная на предполагаемом месте расположения крепости магнитная съемка позволила оконтурить внутреннее пространство фельдшанца по концентрации локальных аномалий от намагниченных предметов. Таким образом, крепость была точно локализована в западной части глубокой излучины реки.

Магнитная съемка также открыла арсенал крепости. Заложенный на месте мощной магнитной аномалии шурф показал, что она создается значительным скоплением чугунных ядер, находящихся в специально подготовленном заглублении – артиллерийском погребе (казематированном сооружении – артиллерийском погребе). Количество ядер, лежащих плотными слоями, не поддается подсчету, но, вероятно, очень велико. Полное исследование арсенала возможно в дальнейшем путем полноценных раскопок большой площадью.

¹³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 208. Л. 68–75.

Проведение комплексных исследований, в том числе археологических раскопок, позволит не только уточнить топографию самого укрепления, выявить его конструктивные особенности, характер вооружения и пр. Новые исследования необходимы для понимания тех задач, которые ставились командованием армии кн. В.М. Долгорукого перед укреплением по защите важных магистральных направлений, мостов и переправ.

Полученные новые сведения позволят лучше понимать роль оборонительных сооружений в сложнейший период истории нашего Отечества – присоединения Крымского ханства к Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

- Атлас планов и профилей полевых укреплений (фельдшанцев) в Крыму и их окрестностей.* 33 л. в красках, размер до 37x50 см, масштаб от 1:1680 до 1:240. Подписали инженер-поручики Александр Кемпен и Михаил Башалзин. 1776. РГВИА. Ф. 418. Оп. 1. Д. 716.
- Генеральная Карта Крыма, сочиненная по новейшим наблюдениям Адъютантом Федором Черным 1790 года.* Масштаб 12,6 верст в одном английском дюйме (1:530 000). На карте нанесена координатная сетка с шагом 30 минут и дана разбивка градусов через 10 минут по периметру рамки. Отсчет долготы производится от Ферро. Архив РНБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Санкт Петербург.
- Карта Крыма, составленная в конце войны 1772 года, преподнесенная Его Королевскому Величеству, принцу Генриху Прусскому, брату Короля, через де Кинсбергена, капитана береговой службы, кавалера св. Георгия в России.* 18 января 1776 года. Архив ЕКМ.
- Карта Крымского полуострова с показанием маршрута 2-й армии под командованием генерал-аншефа князя В.М. Долгорукого.* 1771 г. РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Таврическая губерния. № 4.
- Карта Таврической области.* Ок. 1790 г. РГАВФМ. Ф. 3. Оп. 23. Д. 448.
- Линевич, В.В. 2021: *Крепость на берегу Салгира.* Симферополь.
- Перечень артиллерийского вооружения укреплений в Крыму. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 208. Л. 68–75.
- Смекалова, Т.Н., Белик, Ю.Л. 2016: *А.В. Суворов и присоединение Крыма к России. История забытых крепостей.* СПб.
- Смекалова, Т.Н., Белик, Ю.Л.: 2013. *Полевая фортификация Крыма в суворовскую эпоху.* (Материалы к археологической карте Крыма. Вып. IX). Симферополь.
- Топографическая карта полуострова Крым Военно-топографического депо 1855 г. со съемки полковника Бетева 1838 г. (лист N.O.D.3).
- Bevan, B.W. 2002: *The Magnetic Properties of Archaeological Materials.* 2nd ed. (Geosight Technical Report 5). [Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.researchgate.net/profile/Bruce-Bevan/publication/305587821>].
- Büyüksaraç, A., Sayılır, B., Yalçiner, C.Ç., Bektaş, Ö., Kurban, Y.C., Topçu, M.İ. 2014: Geophysical investigation of buried cannons in Kumkale (Dardanelles), Turkey. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry* 14(1), 291–299.
- Carté la Crimé. Levé par Instrument.* Paris, 1784.

REFERENCES

- [*Atlas of plans and profiles of field fortifications (Feldshans) in the Crimea and their environs.* 33 colour sheets by size up to 37x50 cm, scale from 1:1680 to 1:240. Signed by engineer-

- lieutenants Alexander Kempen and Mikhail Bashalzin*]. Russian State Military Historical Archive. Moscow. Collection 418. Inventory 1. Folder 716.
- [*General Map of the Crimea, composed according to the latest observations by Adjunct Fyodor Cherny in 1790. The scale is 12.6 versts in one English inch (1:530,000). A coordinate grid is plotted on the map in increments of 30 minutes and a breakdown of degrees is given after 10 minutes along the perimeter of the frame. The longitude is calculated from Ferro.* Archive of M.E. Saltykov-Shchedrin Russian National Library. Saint Petersburg.
- [*List of artillery armament fortifications in the Crimea*]. Russian State Military Historical Archive. Moscow. Collection VUA. Folder 208. Sheets 68–75.
- [*Map of the Crimea, compiled at the end of the war of 1772, presented to His Royal Majesty, Prince Henry of Prussia, brother of the King, through de Kinsbergen, captain of the coast guard, Cavalier of St. George in Russia. January 18, 1776*]. Archive of Museum of Local Lore of Yevpatoria.
- [*Map of the Crimean Peninsula showing the route of the 2nd Army under the command of General-in-Chief Prince V.M. Dolgoruky. 1771*]. Russian State Archive of Ancient Acts. Collection 192. Inventory 1. Taurida province. No. 4.
- [*Topographic map of the Crimean Peninsula of the Military Topographic Depot in 1855 by the survey of Colonel Betev in 1838 (sheet N.O.D.3)*].
- Bevan, B.W. 2002: *The Magnetic Properties of Archaeological Materials*, second edition, Geosight Technical Report No. 5, freely available at: <https://www.researchgate.net/profile/Bruce-Bevan/publication/305587821>
- Büyüksaraç, A., Sayılır, B., Yalçiner, C.Ç., Bektaş, Ö., Kurban, Y.C., Topçu, M.İ. 2014: Geophysical investigation of buried cannons in Kumkale (Dardanelles), Turkey. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry* 14(1), 291–299.
- Linevich, V.V. 2021: *Krepost' na beregu Salgira [Fortress on the bank of Salgir]*. Simferopol.
- Map of the Taurian region* (ca. 1790). Russian State Archive of the Navy. Saint-Petersburg. Collection 3. Inventory 23. Folder 448.
- Smekalova, T.N., Belik, Yu.L. 2016: *A.V. Suvorov i prisoedinenie Kryma k Rossii. Istoriya zabytykh krepostey [A.V. Suvorov and the joining of Crimea to Russia. A history of the forgotten forts]*. Saint Petersburg.
- Smekalova, T.N., Belik, Yu.L.: 2013. *Polevaya fortifikatsiya Kryma v suvorovskuyu epokhu [Field fortifications in Crimea during Suvorov's time]*. (Materialy k arheologicheskoy karte Kryma [Materials for the Archaeological Map of Crimea], IX). Simferopol.

ARCHAEOLOGICAL AND GEOPHYSICAL STUDIES OF THE SALGIR
RETRANCHMENT, THE FIRST RUSSIAN FORTRESS IN THE CRIMEA

Tatiana N. Smekalova¹, Aleksey S. Devaev², Yuriy L. Belik³, Aleksandr G. Gertsen⁴,
Andrey N. Gavriluk⁵, Lev L. Leonov⁶, Anna V. Antipenko⁷

^{1, 2, 4, 5, 6, 7} V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

³ Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Preserve, Kerch, Russia

¹ E-mail: tnsmek@mail.ru ² E-mail: dsaleksey@gmail.com ³ E-mail: eni_belik@rambler.ru

⁴ E-mail: gertsenag@yandex.ru ⁵ E-mail: andrey_gavr@inbox.ru

⁶ E-mail: lioneldjonson@gmail.com ⁷ E-mail: an.antipenko@yandex.ru

Abstract. Salgir retrenchment dated from the time of the campaign of Prince V.M. Dolgoruky in 1771, a detailed plan of which is included in the 'Atlas of Plans and Profiles of Field Fortifications (Feldshans) in the Crimea and Their Environs' (1778), RSMHA, is located in one of the many bends of the Salgir River. The proposal location of the fortress was determined by local historians to the south of the center of the village of Muskatnoye (Krasnogvardeysky district, Crimea) due to the study of ancient plans and maps and frequent finds on a plowed field of fragments of cannonballs, parts of cannons, buttons from uniforms, ceramic vessels and other artefacts of the 18th century. The surface of the retrenchment is completely leveled and plowed up by deep plantation plowing, which destroyed all the structures of the fortress. A more accurate localization of the fortress on the left bank of the Salgir River, in the western part of its bend, was carried out using a detailed magnetic survey carried out on an area of 8 hectares. Based on the results of magnetometry, archaeological excavations revealed an arsenal of a fortress, consisting of a large number of cannonballs and grenades. Thus, the location of the first Russian fortress in the Crimea, built in 1772–1773, was exactly established. This fortress was of great strategic importance, protecting the cross of two main roads of the northeastern Crimea, from Perekop to Kafa (modern Feodosia) and along the entire left bank of the Salgir River to Ak-Mechet (Simferopol). The retrenchment's life was lasted until the annexation of the Crimea to Russia in 1784 and was abolished by the decree of Catherine II, according to which the cannons were ordered to be taken out of the fortresses, including the Salgir retrenchment, and the fortresses themselves were henceforth not to be considered as such.

Keywords: archaeology, magnetic survey, Crimea, Salgir retrenchment, campaigns of Prince Dolgoruky.

ПУБЛИКАЦИИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2022), 95–134
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2022), 95–134
©Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-3-77-95–134

ТРЕТЬЯ ЭПИТАФИЯ С ГОРОДИЩА АРТЕЗИАН В КРЫМСКОМ ПРИАЗОВЬЕ

Н.И. Винокуров¹, В.П. Яйленко²

¹Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

²Независимый исследователь, Москва, Россия

¹E-mail: vinokurovn@list.ru

²E-mail: valeryjailenko@gmail.com

¹ORCID: 0000-0001-7787-6527

²ORCID: 0000-0001-7787-6527

Аннотация. В 2021 г. на раскопе III городища Артезиан обнаружено третье известняковое надгробие с эпитафией в фундаменте башни 2 поздней цитадели. Она найдена северо-восточнее второй эпитафии и близка к ней по хронологии и происхождению. Они были перемещены с некрополя сразу после гибели ранней цитадели в римско-боспорской войне 44/45–49 гг. н.э. Плита обломана с торцов, находилась лицевой стороной вниз, строго горизонтально на другой хорошо обработанной плите, но без надписи и рельефа. Кроме надписи сохранился и рельеф со сценой предстояния вооружённого всадника перед сидящей в кресле женщиной. На лицевой стороне сохранились четыре строки текста эпитафии. Эпитафия дополняет новыми греческими и варварскими именами именник военных поселенцев ранней цитадели.

Ключевые слова: Боспорское царство, городище Артезиан, эпитафия, рельеф «всадник и сидящая женщина», первая половина I в. н.э.

Данные об авторах: Николай Игоревич Винокуров – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова, директор Центра археологических исследований МПГУ, ведущий научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН; Валерий Петрович Яйленко – доктор исторических наук, профессор, независимый исследователь.

Археологический раздел (1) написан Н.И. Винокуровым, эпиграфический и о рельефе (2–3) – В.П. Яйленко.

1. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Раскопки античного городища Артезиан в Крымском Приазовье, которые ведутся планомерно на протяжении почти четырёх десятилетий, дали уже три находки лапидарных эпитафий. К найденной в 2000 г. стеле с рельефом и эпитафией Состибия (Первая артезианская эпитафия) в следующем году добавились еще две. Одна из них (Вторая артезианская эпитафия), найденная в полотне мостового перехода через ров ранней цитадели юго-западнее башни 2 поздней цитадели, опубликована в *ПИФК*, № 2 (2022). Здесь мы публикуем и другую стелу 2021 г. (Третью артезианскую эпитафию). Ранее на городище и некрополе был найден также ряд анэпиграфных надгробных стел. Как правило, они привязаны к определённым стратиграфическим слоям и объектам, которые хорошо датируются благодаря большому количеству точных хронологических индикаторов, прежде всего нумизматических материалов из реперных напластований пожара времени начала римско-боспорской войны 44/45–49 гг. (Тас. *Ann.* XII. 15–21), слоёв сейсмических разрушений и последующих перестроек фортификационных сооружений городища¹.

Стела с третьей эпитафией (2/2021; к.о. 127/2021) вмурована во внешний фас фундамента западной башни 3 поздней цитадели. Она находилась на 2,87 м северо-восточнее второй эпитафии, располагаясь заметно выше – на 1,22 м (рис. 1–4)². Всего на Артезиане обнаружено около двух десятков целых стел и их фрагментов, в основном они анэпиграфные (автор раскопок планирует уделить им отдельную работу). Находки разбитых или фрагментированных стел с надписями тяготеют на городище к нивелировочному слою, связанному с постройкой поздней цитадели при Котисе I (45–68 гг.)³. Стелы на городище обнаружены в центральной, самой возвышенной части городища в процессе исследования пространства, оконтуренного оборонительным рвом, под фундаментами башен и стен поздней цитадели или в их конструкции. Археологический контекст открытых лапидарных находок 2021 г., пусть и фрагментарно уцелевших между позднеантичными ямами и строениями, вполне однозначен, не искажён и не нарушен позднейшими перекопами и выборками камня⁴.

Место обнаружения. Стела находилась в фундаменте под западным внешним фасом цокольного ряда квадров башни 2 поздней цитадели (рис. 1–4). Верх стелы выявлен в фундаменте башни 2. Она высечена из серо-белого с желтоватым оттенком плотного известняка, размер 73/79 x 62 x 18 см. Она лежала на массивной, хорошо обработанной плите серо-белого плотного известняка, весом около тонны, без изображений или надписи. Стела с третьей эпитафией лежала строго горизонтально, как и стела со второй эпитафией, лицом вниз; уложена насухо, без раствора. Публикуемая эпитафия сохранилась значительно лучше эпитафии

¹ См. Винокуров 2002; 2003; 2004; 2010а; 2010б; 2013; 2018; 2019; Абрамзон и др. 2012, 93–146; 2014, 5–16; Abramzon et. al. 2012, 207–278; Сапрыкин и др. 2014, 134–162.

² Упомянем также находку фрагмента еще одной стелы, представляющий собой небольшой угловой скол декоративного рельефа надгробия (к.о. 65/2021) из плотного бело-серого известняка. На лицевой поверхности плиты эффектно выделялась часть декоративного украшения в виде пальметты, розетки или крыла, изящно высеченного в низком рельефе. Размер фрагмента: 10 x 6 x 4 см.

³ Винокуров 2019, 92–113.

⁴ Винокуров 2018, 89 и сл.

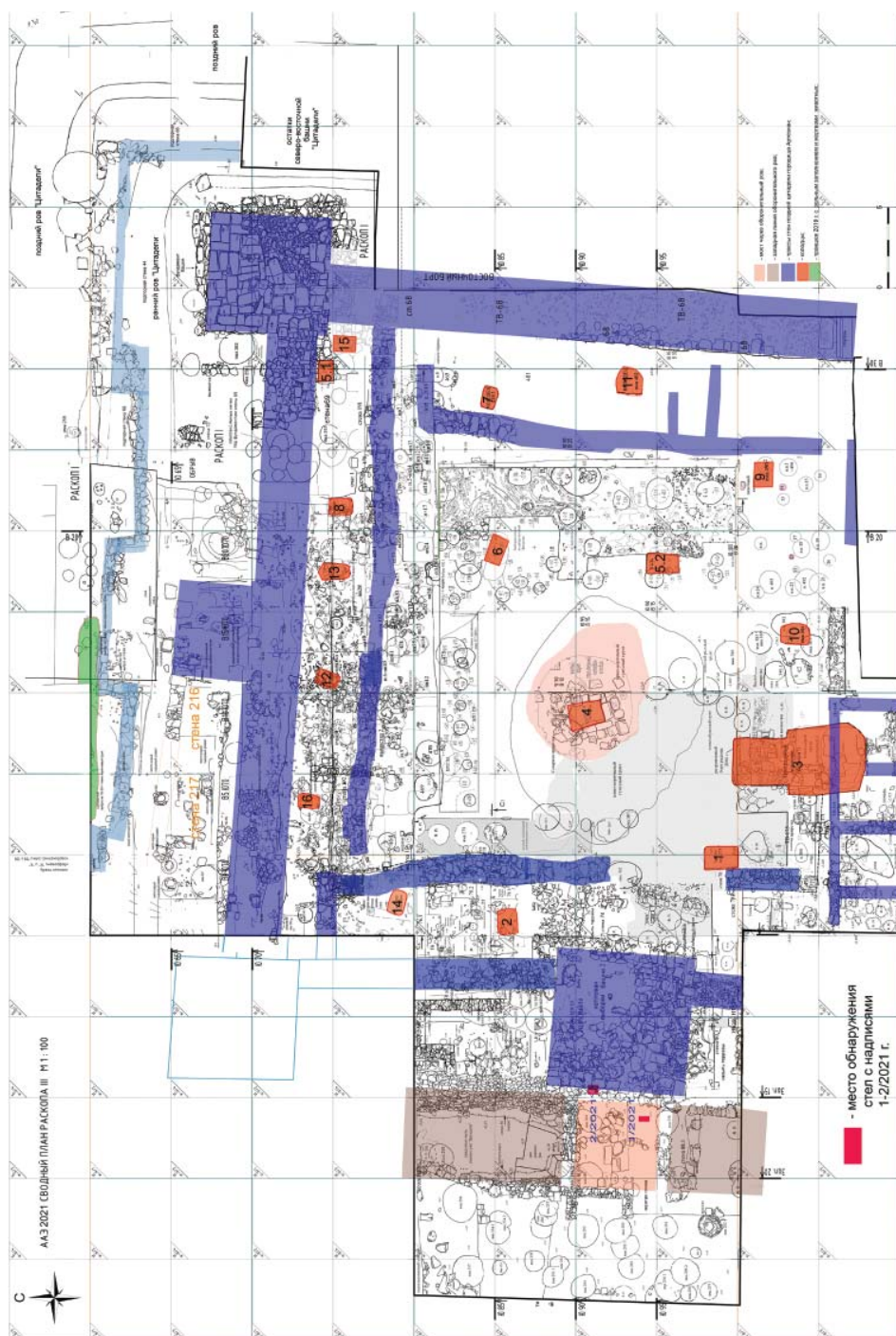

Рис. 1.1. Городище Артезиан. План-схема строительных остатков поздней цитадели. 2021 г.

Fig. 1.1. Artesian Settlement. Plan of building remains of the Late Citadel. 2021.

Рис. 1.2. Городище Артезиан. Раскопы I–III (2021) с указанием места находки надгробий 1–2/2021. Вид с С–В.

Fig. 1.2. Artezian Settlement. Excavation sites I–III (2021) showing the location of tombstones 1–2/2021. View from N–E.

1/2021: довольно неплохо на её лицевой стороне сохранились не только надпись, но и рельеф.

Датировка надписи по археологическим данным. Как и остальные надгробные памятники вторичного использования, она связана со строительным ярусом поздней цитадели. Раскопками установлено, что поздняя цитадель возведена при Котисе I на руинах ранней цитадели, погибшей в 46/47 г., в начальный период римско-боспорской войны 44/45–49 гг. Можно уверенно говорить, что надгробные стелы попали в нивелировочный строительный слой и фундаменты крепости непосредственно в ходе сооружения поздней цитадели, вряд ли позже 54 г. н.э. (при этом стены и башни поздней цитадели ещё не были полностью возведены). Эта дата устанавливается по монетам Котиса I из слоя строительного отёса, который образовался во время фортификационных работ. Следовательно, надгробные стелы были выломаны из погребальных комплексов некрополя городища после завершения тяжёлой и разорительной гражданской войны, осложнённой иноземной агрессией (через небольшой промежуток после гибели ранней цитадели, скорее, с момента пленения Митридата III, когда война была на исходе, а обстановка на Боспоре и вокруг него стабилизировалась). Таким образом, время укладки плиты с эпитафией в фундамент под цоколь башни 2 поздней цитадели приходится

на достаточно узкий хронологический диапазон между 49–54 гг. Это *terminus ante quem* для времени создания и второй, и третьей эпитафий.

Надгробные стелы Артезиана с рельефами и другими изображениями. Публикуемая стела, как и надгробный монумент Состибия, несет тот же рельеф с изображением сидящей в кресле женщины и предстоящего всадника. В целом на городище и некрополе Артезиан открыто пять стел с изображением всадников. Несколько обнаруженных ранее плит сохранили остатки тамг и других изображений, среди которых выделялись погребальные стелы со сценами предстояния вооруженных конных воинов перед сидящей в кресле женщиной (кто она – предмет дискуссии)⁵. Они похожи по сюжету, но не всегда одинаково стандартны по изображению. Более сложная для понимания артезианская плита (к.о. 1/2000) с монограммами, варварскими тамгами и остатками греческой надписи, относилась

⁵ Первая стела с изображением трёх всадников – Состибия, сына Диониса, и двух его сыновей Дисака да Падага – открыта во вторичном использовании в перекрытии гробницы 21/2000 (к.о. 88/2000).

От второй стелы (к.о. 166/2011) найден лишь фрагмент с изображением головы лошади. Она находилась в переотложенном слое пожара помещения 11 ранней цитадели, на границе с нивелировочным слоем. Судя по её размеру (8,7 x 3,5 см), размер рельефа и самой стелы мог быть довольно большим.

Третья стела с изображением всадников (к.о. 194/2012) обнаружена в нижней части нивелировочного слоя под фундаментом стены-перегородки 179/189 поздней цитадели. Сохранилась верхняя часть (81 x 44 x 19 см) с изображением в глубоком рельефе умершего в образе героизированного вооружённого всадника, предстоящего перед сидящей на резном кресле женской фигурой. Нижняя часть памятника с надписью утрачена. Всадник представлен слева, женская фигура – справа. Между ними изображён третий персонаж – в коротком подпоясанном хитоне (юноша?), в воинском плаще, слуга, родственник или соратник, который придерживал под узду лошадь всадника. Пропорции его тела вполне сопоставимы со всадником, это вполне самостоятельный персонаж. За его спиной на уровне головы изображен какой-то малопонятный предмет с завитком, возможно, деталь головного убора, причёски или оружия(?). Его правая рука находилась вдоль корпуса, левая согнута в локте, кистью на поясе. У правой ножки кресла угадывается оббитая фигурка служанки, которая в руках держит какой-то предмет. Правда, полной уверенности в этом нет, сохранность стелы плохая: за служанку можно принять и неумело изображённую складку ниспадающего женского одеяния. Стела датируется временем до 46/47 г. Она изготовлена в той же мастерской, что и первая. Всадники изваяны в развороте $\frac{3}{4}$, на спокойно стоящих, взнузданных лошадях, хорошо заметны элементы узды, складки одеяния, оружие (колчан, лук). Но композиция изображения представлена иначе, чем на стеле 2000 г.: богиня и служанка справа, а всадник – слева, развернут к зрителю правой стороной. Он без пики, его руки на холке лошади держат узду. Несмотря на сильные повреждения видно, что стелы высечены с известным мастерством, но не первоклассным ваятелем, с заметным схематизмом и искажением пропорций, типичным для надгробий этого периода. Для изготовления стел 2000 г. и 2012 г. использован сходный пласт известняка. Лица всех персонажей, как и морда лошади, намеренно сбиты. Стела располагалась вверх лицевой частью. Все остальные – наоборот, вниз. Интересно, что стела находилась в небольшом овальном углублении, борта которого выделялись тонким слоем белого известкового отеса.

Четвёртая стела всадников найдена в 2017 г. севернее – в золистом слое заполнения рва поздней цитадели. Сохранилась небольшая часть с изображением рельефа. Находка обнаружена в бутовом развале, севернее стены 209. Стела явно была извлечена из нивелировочного слоя при реконструкции цитадели при Савромате I. Она необычна и редка по сюжету, так как изображала двух скачущих вправо всадников. От рельефа сохранились задняя часть корпуса одной лошади (до горита); голова и часть ноги другой галопирующей лошади с высоко поднятыми двумя передними ногами, деталями узды, хорошей работы, из плотного мшанкового известняка, размером 41 x 24 x 17 см (к. о. 87/2017). На всех остальных артезианских стелах всадники стоят (см. Винокуров 2002, 70–86). Датировка фрагмента надгробия 2017 г. вряд ли выходит за пределы середины I в. н. э.

Рис. 2.1–2. Городище Артезиан. Западный фасад башни 2 поздней цитадели до и после работ 2021 г. На переднем плане позднеантичные ямы, прорезавшие мостовой переход с дренажным каналом через оборонительный ров ранней цитадели. Западная часть раскопа III 2021 г. Вид с Ю–З.

Fig. 2.1–2. Artezian Settlement. Western facade of Tower 2 of the Late Citadel before and after works in 2021. In the foreground there are late antique pits that cut a bridge with a drainage channel through the defensive moat of the Early Citadel. Western part of excavation site III. View from S–W.

Рис. 2.3–4. Западный фасад фундамента и цоколя башни 2 поздней цитадели (2021 г.). Западная часть раскопа III. Вид с Ю–З.

Fig. 2.3–4. Western façade of the foundation and plinth of Tower 2 of the Late Citadel (2021). Western part of excavation site III. View from S–W.

Рис. 3. Раскоп III. Место находки стелы 1/2021 на мосту через оборонительный ров и стелы 2/2021. Вид с северо-востока. 2021 г.

Fig. 3. Excavation site III. The place where stele 1/2021 was found on the bridge over the defensive ditch, and stele 2/2021. View from N-E. 2021.

Рис. 4. 1-2. Место находки стел 1-2/2021 (к. о. 127-128/2021) в полотне мостового перехода через оборонительный ров ранней цитадели. Вид с юго-востока (1) и юго-запада (2), до и после извлечения стелы 1/2021 и выборки ям. Раскоп III 2021 г. Городище Артезиан. Ленинский район РК.

Рис. 4.1–3. Западный фасад фундамента и цоколя башни 2 поздней цитадели в процессе расчистки надгробия 1/2021 г. Западная часть раскопа III. 2021 г. Вид с Ю–З.
 Fig. 4.1–3. Western façade of the foundation and plinth of Tower 2 of the Late Citadel in the process of clearing the tombstone 1/2021 Western part of excavation site III. View from S–W. 2021.

к строительным или посвятельным документам⁶. Она открыта в перевернутом на лицевую сторону виде во вторичном использовании в кладке облицовки оборонительного рва рядом с северо-восточной башней 1 поздней цитадели. Что касается обнаруженных целых стел и их отдельных частей на городище и некрополе, то их достаточно много, – около двух десятков, но из них с остатками надписей – всего три. Стела с хорошо сохранившейся первой эпитафией найдена в 2000 г. на северо-восточном некрополе в могиле I–II вв. н.э., во вторичном использовании. Стелы со второй и третьей эпитафиями обнаружены в 2021 г. в западной части поздней цитадели. Важно отметить, что все находки разбитых или фрагментированных стел с надписями, которые найдены на городище, тяготеют к нивелировочному слою, связанному с постройкой поздней цитадели Котиса I⁷.

Надгробные стелы Артезиана свидетельствуют о крепких семейных и клановых узах эллинизированных жителей, религиозных предпочтениях, которые находились в рамках боспорских погребальных религиозных традиций. Их эпитафии сообщают нам новые имена военных поселенцев и их близких родственников, насельников одной из боспорских крепостей рубежа нашей эры – первой половины I в. н.э., прикрывавшей подступы к столице Царства – Пантикапею. Местные жители имели полиэтническое происхождение и занимались, как показывают археологические данные, сельским хозяйством, промыслами, ремёслами, добычей полезных ископаемых, изготовлением черепицы и других строительных материалов. Но основное их занятие – воинская служба в конных и пеших подразделениях царского войска, как и довольно значительный уровень материального достатка, – сомнений не вызывают. При вторичном использовании надгробных стел на городище Артезиан, обращает на себя внимание устойчивое стремление строителей новой крепости, воздвигнутой Котисом I на руинах сожжённой ранней цитадели, переворачивать их вниз лицевой частью и намеренно разбивать. Они как-бы ограждали внешний периметр фортификационных сооружений новой крепости. По-видимому, такое действие не случайно. Вполне допустимо, что подобная символическая практика могла преследовать религиозно-магические цели и была связана с религиозными обереговыми представлениями новых обитателей крепости.

2. ЭПИГРАФИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Сразу под нижней гранью выемки для рельефа сделана четырехстрочная эпитафия (рис. 5,1–2). Сначала проведены тонко гравированные линейки, их пять, они равномерно следуют одна под другой; между строками расстояния нет, они следуют вплотную одна под другой, так что нижняя линейка стк. 1 является одновременно верхней линейкой стк. 2. Высота первой линейки 3,3 см, второй 3,9–4 см, третьей 3,6 см, четвертой 3,9–4 см. Высота прямых букв (М, П, К) соответствует высоте строки, круглые буквы (О, С) немного меньше. Общая высота эпиграфического поля 16,2 см; текст следует от одной боковой грани до другой, так что ширина поля – это ширина стелы (56–57 см), за исключением небольших боковых бордюров в 22–23 мм слева, 22–30 мм справа. Письмо плотное, буквы

⁶ Это посвятельная или строительная надпись, которая в древности была вмурована в стену. Её размеры – 80/88 x 81,2 x 28,6–31 см. См.: Винокуров 2004, 79–88; Винокуров, Чореф 2021, 207–218.

⁷ Винокуров 2019, 92–113.

Рис. 5.1. Лицевая часть надгробной стелы 2/2021 с четырёхстрочной надписью.
Fig. 5.1. The front part of the tomb stele 2/2021 with a four-line inscription.

отделены друг от друга минимальными расстояниями. Это обусловлено наличием на плите рельефа, на который пришлась основная часть её лицевой поверхности; ниже эпиграфического поля оставлено бланковое пространство высотой не менее 15–16 см для вставки плиты в базу. Резчик уместил весь текст эпитафии в три строки, поэтому заключительное слово «прощайте» расположил посередине стк. 4.

Сохранность текста более-менее удовлетворительная. В трех первых строках по 15–16 букв, в последней обычная прощальная формула ΧΑΙΡΕΤΕ. Эпитафия построена по редкой среди боспорских надгробий схеме, засвидетельствованной в I в. н.э.: имя-отчество покойного, слово γυνή «жена» + её имя, связка καὶ υἱοὶ

Рис. 5.2. Надпись надгробной стелы 2/2021.

Fig. 5.2. Gravestone inscription 2/2021.

Рис. 6. Эпитафия Состибия и сыновей.

Fig. 6. Epitaph of Sostibios and sons.

«и сыновья» + их имена (КБН 442, 449, 527, 995); при этом все элементы схемы представлены лишь в КБН 527, 995 из Пантикапея и Фанагории (в двух других нет патронимика покойного)⁸. Для примера приведем фанагорийскую эпитафию КБН 995: Ἀπολλώνιος Ἀγαθοῦ καὶ γυνὴ Μεγίστη καὶ υἱὸς Χρηστοῦς, χαῖρε «Аполлоний, сын Агафа, жена Мегиста и сын Хрестус, прощай». В стк. 1 эпитафии из Артезиана хорошо читается патронимик отца – Μαῖανακον. Это иранское имя, его основа μαia- отражает иранское maū- «дружественный, счастливый» (представ-

⁸ Отметим качественность датировок в КБН, их давали отличные знатоки лапидарной палеографии Боспора А.И. Болтунова и Т.Н. Книпович, которые хорошо описали ее в эталонной статье 1962 г.

лено в именах II–III вв. н. э. Μαῖα-κος, Βατορ-ματο-ς из Ольвии⁹. Возможна и среднеиранская форма типа среднеперс. *mauān-*, классич. перс. *miuān-* < древнеиран. **madyāna-* (авест. *maīduāna-*) «середина, средний»¹⁰. В первом случае в Μαῖανακος основа наращена двойной суффиксацией -анака (ср. парфянский суффикс -ānag), т. е. с суффиксами -an- + -aka, они служат для образования существительных и прилагательных. Во втором случае один суф. -aka.

В начале стк. 1 сохранились первые 4 буквы имени покойного – ΟΜΨΑ. До начала патронимика (т. е. до буквы Μ отчества Μαῖανακου) есть место для одной широкой буквы. Тут на одном из фото видна верхняя треть букв ΤΙ, что позволяет читать не засвидетельствованное имя Ομψατις в звательном падеже – Ομψα[τι] (личные имена и термины родства употребляются в боспорских эпитафиях равным образом в номинативе или вокативе, иногда то и другое вместе). В боспорских надписях несколько раз упоминается имя Ομψαλακος (КБН 61, 478, 479, 947, 1260, 1262, 1264 1282, 1285, I–III вв. н. э.), в Ольвии Ουαμψαλαγος (IOSPE I² 103, III в. н. э.), этническая принадлежность имени неизвестна¹¹. Имя Ομψα- эпитафии из Артезиана содержит ту же основу. Стало быть, Ομψαλακος то ли двухосновное имя, то ли основа его оформлена двойной суффиксацией: -λ+ак/γα. Последний суффикс распространен в иранском, особенно в среднеиранских языках¹², но λ-суффиксация в нем непродуктивна. Существенные данные о происхождении имени Ομψαλακος предоставляет его ономастическое окружение. Имя появляется в Пантикапее в I в. н. э. в скромных эпитафиях КБН 478, 479, где у одного Омспалака отчество неизвестного происхождения Σῖδανχα, а другой сын Сосигена и сестра его Ойнанта (оба имени греческие). Это означает, что происхождение одного или обоих сих Омспалаков неясное, но они быстро эллинизовались. Эллинизацию подтверждает и строительная надпись 127 г. из Пантикапея КБН 61, где у занимавшего некую существенную должность сына Омспалака греческое имя Трифон. Во II–III вв. н.э. Омспалаки сосредоточились в Танаисе, где силен иранский компонент населения, отсюда появление у них иранского имени. В списках имен II в.

⁹ IOSPE I² 97, 132. Zgusta 1955, § 80, 139. Bartholomae 1904, 1141.

¹⁰ Расторгуева, Молчанова 1981, 45. Может подразумеваться номинация сыновей по схеме «Младший», «Средний», «Старший», ср. греческие имена со значением «Средний» Μέσος, Μεσόλας (Pape, Benseler 1884, 905), ср. и персидские имена Хурдак «Младший», Калан «Большой, Старший» (Гафуров 1987, 155, 207). Это всеобщий тип номинации, обозначающий положение ребенка в семье, так что есть он у разных народов, к примеру, у татар и башкир Алегет «Первый», у среднеазиатских дунган – Лода «Старший», у дальневосточных удэгейцев – Лауда «Старший из братьев» (Крюков 1988, 27; Подмаскин, Старцев 1988, 213; Шайхулов 1991, 140). У почитаемого мусульманами имама Хусейна были три сына – старший Акбар, средний Авсат, младший Асгар; в арабском языке это формы превосходной степени прилагательных, соответственно *kabīr* «большой», *uṣūṭ* «средний», *saḡīr* «маленький» (Гафуров 1987, 53). Возможно и значение «посредник», например, в религиозном смысле (между богом и людьми): таков смысл прозвания Митры у персов Μεσίτης (Plut. Moralia, 369e, varia lectio μεσίτης – Pape, Benseler 1884, 905: Mittler).

¹¹ Zgusta 1955, § 315 (см. и Justi 1895, 233). Иранское объяснение С.Р. Тохтасьева (2013, 597): Ομψαλακος, Ο(υα)μψαλαγος < *Vam-sal-ak/g- < др. иран. *Vahma-saryaка, вероятное значение «Священный обетом». Профессиональный филолог обязательно объяснил бы, куда в этой «этимологии» подевалось омспалаково -р-, но самодельному иранисту Тохтасьеву не до таких мелочей. Внешне эта статья, как и прочие, выглядит солидно за счет большого ономастического материала и обильных ссылок на литературу, есть в ней интересные решения, но преобладает туфта. А его хамские высказывания по адресу замечательного оноματοлога Ладислава Згусты, так много сделавшего в числе прочего и для Северного Причерноморья, лишь усугубляют общее негативное суждение статьи.

¹² Среднеиранское состояние зарождается еще в IV–III вв. до н.э., входит в силу с рубежа эр.

КБН 1260, 1262 два Омпсалака с греческими патронимиками Трифонович, Теофилович, два других с иранскими – *gen. Φίδα, Ουρύου*; несомненно, танаисский Омпсалак Трифонович – сын пантикапейского Трифона Омпсалаковича 127 г. Это сходство, а также одно и то же уникальное имя Омпсалак указывают, что все упомянутые лица – представители одного рода. Более того, рельеф Омпсалака Сидавхавича (рис. 16) такой же, как у артезианского Омпсатиса: сидящая в кресле женщина и предстоящий всадник. Если учесть, что такие рельефы – местный штучный товар, их известно всего 18¹³, то и артезианский Омпсатис определенно принадлежит к этому роду. В III в. н.э. известны ещё три Омпсалака, все иранизированы: у двоих из Танаиса отчество Фадинамович, у третьего из Феодосии сын Ахемен (КБН 947, 1282, 1285). Изложенное соответствует общим свойствам боспорского именника I–III вв. н.э.: в Пантикапее I в. ведущий этнический компонент, как и прежде, греческий, во II–III вв. в Танаисе сильно преобладает иранство. Далее мы выясним, что эпитафия Омпсатиса датируется I в. н.э., поэтому у этого рода не исключен иранский корень, но приведенные данные в целом указывают – имя *Ομπσалаκος* не обязательно иранского происхождения, можно и надо искать другие пути его объяснения.

Обратим внимание на употребительность в адыгских именах основ *пщы-* «князь» (Пщыбий и др.), *псэ-* «душа, дух» (Псэбыдэ, Псэмаф и пр.), *псы-* «вода, рыба» (Псымаф и пр.). Это объяснение самого трудного компонента *-ψα-* в имени *Ομπσалаκος*. Основное средство адыгского словообразования – словосложение. Второй основой этимона может быть, к примеру, прилагательное *лъагэ* «высокий»: *пщылъагэ* «высокий князь», *псэлъагэ* «высокая душа», «высокий дух» (в адыгском нет грамматического рода). К первой основе имени Омпсалак *Ουαμ-* / *Ομ-* ср. имя *1умаф* «будь счастлив» (в русской адаптации *Умаф*), его *φ-* уподобилось в греческой передаче губному следующего *пщы-* / *псэ-* и сократилось по гаплогологии двух соседних губных. Эти данные позволяют предположительно реконструировать основу личного имени **1умафпщылъагэ* «будь счастлив, высокий князь» (в общем таково значение имени Пщымаф «Счастливый князь») или **1умафпсэлъагэ* «будь счастлив, высокий дух / высокая душа»¹⁴. При наличии в адыгском языке до 60 согласных да при чрезвычайной ограниченности консонантных средств греческого алфавита – всего 15 согласных букв (диграфы *ξ, ψ* не в счет), на деле за древнегреческой передачей весьма специфических по фонологическому облику адыгских личных имен могут стоять самые разные формы. Адыгская гипотеза, видимо, в состоянии объяснить также соотношение форм *Ομπσалаκος* и *Ομπσатис*¹⁵. Впрочем, вопрос о сопряжении этих форм (т одного при

¹³ Яйленко 2019, 149. О рельефе см. ниже раздел III.

¹⁴ Имена в императивной форме глагола свойственны адыгскому именнику, например, Теуцожь «Остановись», т. е. стань крепко на ноги! В адыгской фонетике знаком 1 (т. е. цифра 1) условно обозначается смычка на выдохе в абруптивах.

¹⁵ В адыгском консонантизме есть древние латеральные звуки *лъ, л1, л1ы* (Кумахов 1981, 213 сл.), весьма употребительные и в адыгской антропонимике. Это специфические звуки с разрывной смычкой, которая напоминает звук *t* иных фонетических систем, поэтому для передачи в других языках употребляется с призвуком *t*, т. е. вместе *tl* (в русском *тл*), например, имена нарттов и богов древности *Лъэпщ, Лъэбыце* передаются как *Тлепщ, Тлябца*, таковых множество (Коков 2001, 61–62, 129, 130, 178, 292, 361–362, 454), ср. и запись фамилии XIX в. *Лъэгъунал1ыкъу* = Лагунтлуков. Это представлено и в адыгских именах надписей I–II вв. н.э. из Горгиппии *Γοσητλεις, Θχητλεις, Τλυο[--], Τλε[--]* (Яйленко 2010, 179). По этой причине *лъ, л1, л1ы* могли восприниматься в неадыгской сре-

λ другого) может быть снят прочтением имени покойного Омψα[ει], резервиру-ем и его¹⁶. Обратим внимание также на отчество первого Омψалака КБН 478 Σιδανχα(ς), за ним тоже может стоять адыгский этимон – личное имя Шыудах, Сидакъ¹⁷. Пребывание адыгских племен на Северо-Западном Кавказе удостоверяется этнонимикой и гидронимией с V–IV вв. до н.э., а на Тамани-Фонтале, да в Восточном Приазовье с I в. н.э.¹⁸, отсюда и проникали адыгские переселенцы на Европейский Боспор и в Танаис.

Сохраненный текст стк. 2 ΚΑΙΓ.ΝΗ.ΑΣΑΚΑΙΥΙΟΥ[Ι] понятен по содержанию: первое καί добавляет к мужскому имени стк. 1 женское, на что указывает слово γ[υ]п и чему соответствует окончание жен. рода -ασα, второе καί добавляет имена сыновей, располагающиеся в стк. 3 (как сказано, формульное построение эпитафии предполагает в числе прочего слово γυνή «жена» + её личное имя)¹⁹. В данном случае после первого καί следует гамма слова γυνή (она хорошо видна на одном из фото), через одну утраченную букву сохранились правая вертикаль и верх левой буквы Ν, за нею левая вертикаль и перемычка буквы Η: перемычка не касается вертикалей и с обеих сторон украшена апексами в виде «птичек» (таков и средний язычок последнего эпсилона слова с[αίρετ]е в стк. 4). Итого, слово γ[υ]п^{3/4} тут вполне читается, и это означает, что искомое женское имя состояло из четырех букв, так что при -ασα утрачена лишь первая. Обратный словарь имен из греческих источников Б. Хансена дает несколько женских имен с окончанием -ασα: Κιασα, Τιασα, Κασα, Μασα, Κανξασα²⁰, из них, судя по остаткам перед Α, подходящие [ʔМ]ασα или [ʔΞ]ασα, еще лучше чтение [ʔΓ]ασα. Оба последних не засвидетельствованы, получше ситуация с именем Μασα. Б. Хансен взял его из словаря В. Папе, Г. Бензелера, а эти замечательные филологи позаимствовали его

де как составные звуки и передаваться также как *л* и *т*, в том числе в древности (к примеру, адыг. *илъэс*, родственное ему хаттское *ilis*, оба со значением «год»). Такое латеральное (боковое) *l* было в разных языках древности (напомним, к примеру, имя киммерийского царя ассирийцы передавали как *Tugdammī*, греки Λύδαμις, т. е. киммерийское имя начиналось боковым *л*). Важно, что он был и в языке древних насельников Северо-Западного Кавказа: имя синдской равнины Λαύριον у Тимо-накта и страны псессов Ταυρινία у Артемидора (писатели III–II вв. до н.э.) – скорее всего две формы греческой передачи одного топонима (см. обо всем этом: Яйленко 2015, 411, 413; 2017 б, 8–9). В античное время это ареал адыгов (но упомянутый топоним так называемого средиземноморского происхождения). Ввиду изложенного основы Омψαλ- и Омψат- могут принадлежать одному и тому же имени (как мы предположили, **lумафпцылъагэ* или **lумафпсэлъагэ*), ль которого, возможно, передано по-гречески в первом случае через λ (= Омψαλακος), во втором через τ (= Омψα[τi]).

¹⁶ При таком чтении промежуток между Ε и предшествующим Α чуть больше обычного в надписи, оно и узковато, ср. ширину последнего Ε в ΧΑΙΡΕΤΕ. В остальном порядок: Омψα[ει] – нормальный вокатив от *Омψαεις и окончание -εις свойственно греческой передаче адыгских имен в горгиппийских надписях Γαστεις, Δασσεις, Харδεις, это адыгский притяжательный суффикс -ей (Яйленко 2010, 178–179).

¹⁷ Либо даже Чэтэхъужь, при том, что адыг. *ш* одинаково передается в русском как *ш* и *с*: Гъук1эшъау = Гучешау, Гучесав; адыг. *ч* в греческой транскрипции ожидается как σ – ср. др. инд. Çandragupta = Σανδράκοττος, рус. Чандрагупта (тут ç произносится как русское шь).

¹⁸ Яйленко 2015, 438–443.

¹⁹ От второй буквы имени сохранилось Λ – ламбда или альфа с утраченной перекладиной. При чтении альфы, как сейчас увидим, есть несколько возможных вариантов, если же читать -λσα, то словари греческих и прочих древних имен не дают подходящего, нет и адыгского соответствующего имени.

²⁰ Hansen 1958, 41.

из *Corpus inscriptionum Graecarum*²¹ почтенной давности и снабдили имя пометкой *spurius*²². Как бы там ни было, на Боспоре хорошо представлено негреческое мужское имя *Μασας* (КБН 461, 462, 521, 623, 1033, все I–II вв. н. э.), и имя [?М] *ασα* артезианской эпитафии вполне может быть его женским изводом, как в парах *Ἰδας – Ἰδα, Ἀκασας – Ἀκασα* и пр. Имя *Μασας* иранского происхождения²³, по-сему таково и [?М] *ασα*, это соответствует в целом негреческому именнику артезианской надписи. В пандан к звательной форме имени мужа *Ομψα[τι] / Ομψα[ει]* вокатив и [?М] *ασα*²⁴.

Вероятное чтение [?Г] *ασα* привлекательно тем, что ему вполне соответствует популярное адыгское женское имя Гуащэ; адыгское же имя мужа сей женщины делает предпочтительным этот вариант.

Завершающее стк. 2 *καὶ υἱο[ι]* означает, что в стк. 3 следуют имена сыновей, их два, второе читается вполне – *ΑΦΟΥΟ*, т. е. номинатив имени *Αφοῦ(ς)*²⁵. Напротив, имя первого сына сложно для прочтения. Сохранились три первые его буквы – *ΡΑΣ* или *ΡΑΟ*, либо *ΡΑQ*, далее следовали 3–4 буквы и окончание *-ο[ς ?]*²⁶. В именнике Северного Причерноморья есть примеры на все три анлаута: *Ρασσοῦος* (танаисский список имен КБН 1279 от 225 г.), *Ραθαῶσος*, *Ραοδμῆος* (ольвийские надписи II в. н.э. IOSPE I² 91, 132); все иранские²⁷. Как сказано, в артезианской эпитафии между *ΡΑΣ* и *ΟΣ* утрачено 3–4 буквы, по этому показателю подходят все три имени, *exempli gratia* дополняем *Ραq[αῶσ]ο[ς]*. Прощальная формула написана посередине стк. 4, от нее сохранились частично первая и две последние буквы: *с[αίρε]τε*.

Итоговый текст: *Ομψα[τι]*²⁸ *Μαιανακου | καὶ g[v]n^{3/4} [? Г]ασα καὶ υἱο[ι]* | *ε.г. Ραq[αῶσ]ο[ς] καὶ Αφοῦ(ς), | с[αίρε]τε* «Омпсатис, сын Майанака, и жена (? Г) аса, да сыновья Ра(тагос?) и Афус, прощайте». Из пяти имен эпитафии определенно читаются три – *Ομψα-*, *Μαιανακος*, *Αφοῦς*, из них первое адыгское, второе иранское; третье «детское» и обычно считалось малоазийским, но Л. Згуста справедливо указал на обилие куста таких имен также во Фракии да на Боспоре,

²¹ Berolini 1828/3, Nos. 3998, 4315 addenda.

²² Pape, Benseler 1884, 868.

²³ Zgusta 1955, § 145.

²⁴ Слово *ὑνῆ* нередко соседствовало в боспорских эпитафиях римского времени с вокативными формами имен и других терминов родства, т. е. утрачивало вокативную форму *ὑναι* (Доватур 1965, 814, § 5–2).

²⁵ В слове *υἱο[ι]* конца стк. 2 от последней иоты сохранился нижний кончик с апексом. На него насел округлый скол, придающий видимость буквы *С*, но *sg. υἱός* при двух покойных сыновьях – крайняя редкость (КБН 430). Имя *Αφοῦς* – КБН 656, 130 г. н.э., исходная форма – *Ἀλφοῦς* (КБН 370, 537). У имен на *-ους* окончание звательной формы *-ου* (Доватур 1965, с. 815–816, § 7), и можно думать, что написав вокатив *Αφοῦ*, резчик по ошибке еще раз написал *Ο*. Но окончание имени первого сына, как кажется, *-ΟΣ* (см. далее) и оно указывает, что несогласно с вокативной формой имен родителей имена сыновей даны в номинативе. Такая несогласованность падежей имен представлена в артезианской же эпитафии Состибия, где имя родителя в звательном падеже, а обоих сыновей в именительном (подробности и другие примеры: Яйленко 2019, 141–142).

²⁶ Между хорошо читаемыми *Ο* имени и *Κ* слова *καί*, кажется, видна нижняя часть дужки буквы *С*, т. е. окончание номинатива *-ος*. Не исключено, что было и *-ΟΙς*, но среди имен с таким окончанием нет начинающихся с *ΡΑΣ-*, *ΡΑΟ-*, *ΡΑΘ-* (Hansen 1958, 199).

²⁷ Zgusta 1955, § 192, 193, 195.

²⁸ Вариант: *Ομψα[ει]*.

заклучив, что тут они местного происхождения²⁹. Мы показали повсеместность распространения Lallnamen географически да по времени, потому признали их туземными и на Боспоре³⁰.

Теперь можно суммировать антропонику насельников артезианской крепости, представленную в трех лапидарных эпитафиях, двух пространных граффити и одном владельческом³¹. Вторая, третья эпитафии, упомянутые граффити относятся к первой половине I в. н.э. В граффити фигурируют одно-два фракийских имени – Σαλας, Δολης (последнее известно и как римское, к *doleo* «обделывать, замышлять», *dolus* «хитрость, уловка»), греческое Ἀλάτουρος. Во второй эпитафии (в печати) – греческое Πάμφιλος, туземное боспорское Σανους,³² скифское женское Ἀγά[ρ?]iv. В третьей эпитафии читаются адыгское имя Ομψα[τις] (или Ομψα[εις]), иранское Μαianaκος, туземное боспорское Αφοῦς. На краснолаковом блюде, по условиям находки, не позднее середины I в. н.э., написано греческое имя владелицы – Φιλουμένης «*блюдо* Филумены»³³. Это обычный для Боспора I в. н.э. именник, за исключением фракийских имен, которые скорее всего принадлежат наемникам из Фракии. Присутствие фракийских солдат в крепости обязано фракийским связям Аспурга³⁴. Первая эпитафия, которую мы отнесли ко II в. н.э., содержит, по нашему мнению, малоазийские имена Σωστιβιος, Παδαφους и греческие Διωνύσιος, Δισακός³⁵. Пребывание в Артезиане носителей малоазийских имен во II в. н.э. связано с эмиграцией малоазийцев II–III вв. н.э. в Западное и Северное Причерноморье; в частности, они осели на расположенном к востоку от Артезиана (в том же Ленинском районе) поселении Фронтное³⁶.

Nota bene: греческие имена вовсе не указывают на греческое происхождение их носителей, изложенная выше стемма адыгского (по нашему мнению) рода Омсалаковичей наглядное тому подтверждение. Носители иранских имен тоже не всегда этнические иранцы, подтверждение чему именник того же рода Омсалаковичей. Напротив, адыгские да фракийские имена на Боспоре в силу своей редкости принадлежат этническим адыгам, фракийцам. Наиболее загадочны туземные боспорские имена, они не то что не исследованы, даже не выделены (мы обосновали лишь группу их Lallnamen³⁷).

²⁹ Zgusta 1955, § 595.

³⁰ Яйленко 2010, 121–141.

³¹ Тексты и имена этих граффити: Сапрыкин и др. 2014, 139 сл.; Яйленко 2019, 125–126. Владельческое граффито: Яйленко 2017, 476. В Артезиане и его округе найдено множество граффити (Винокуров 2003, 151–192), они написаны в основном на амфорных черепках, из них 4 представляют собой начало личных имен; но амфоры – привозная тара, поэтому имена не артезианские. Существенно меньшая часть граффити сделана на обломках столовой посуды; обычно в греческих центрах Боспора на доньях столовой посуды встречаются сокращения имен ее владельцев, но на артезианских обломках таковые отсутствуют.

³² В рукописи статьи о второй артезианской эпитафии мы допустили туземное боспорское или малоазийское происхождение имени, однако малоазийские соответствия отдаленные, так что этот вариант отпадает.

³³ Яйленко 2017, 474.

³⁴ Яйленко 2019, 125–126.

³⁵ Яйленко 2019, 128–131.

³⁶ Об этом и эмиграции малоазийцев: Яйленко 2010, 673–677.

³⁷ Яйленко 2010, 111, 121–141. Выделение круга этих имен и их изучение – одна из важнейших задач боспорской антропоники.

Перейдем к датировке публикуемой надписи. В ней наряду с обычным средством датирования – характером письма – есть ещё три показателя: формульная структура, единство рельефа надгробия с рельефом первой артезианской эпитафии, археологический контекст. Как сказано, формульная структура эпитафии Омписатиса представлена ещё в четырех боспорских эпитафиях и все они I в. н. э. Но характер письма предоставляет и другие хронологические показания, рассмотрим его. Буквы эпитафии врезаны глубоко в поверхность камня, поэтому читаются четко. Писаны они одинаковым темпом – нельзя сказать, что убористо, но близко друг к другу. Соотношение высоты и ширины букв гармонично, это придает письму солидность. Украшения букв минимальны – маленькими апексами отмечены лишь вертикали, но отнюдь не все; это в некоторой мере строгое письмо I в. н. э., но строгость приблизительная, с нею соседствуют, наряду с указанной необязательностью апицирования глас, такие украшения, как изогнутые усы каппы, то столь длинные, что достигают верхней и нижней линеек строки, то покороче, но тоже декоративные. Уж вовсе декоративен ипсилон стк. 1 с тюльпановидными усами, но ему противостоит строгий ипсилон стк. 2, а в стк. 3 он нечто среднее меж одним и другим. В целом письмо надписи не устоявшееся, как бы находящееся на полпути от декоративности к сдержанности или наоборот – от строгости к свободе. В интересующую нас эпоху были два переходных периода в лапидарной палеографии Боспора. В конце I в. до н. э. – первой половине I в. н. э. состоялся переход от позднеэллинистической декоративности к монументальному стилю I в. н. э., а с конца I – начала II в. н. э. происходило интенсивное наращивание курсивных форм, так что в целом монументальный стиль II в. н. э. обогатился декоративными вольностями да многообразием стилистики³⁸.

Наиболее заметная особенность письма рассматриваемой артезианской эпитафии – лунарная сигма, тут она одна такая, других лунарных форм в ней нет. Это обстоятельство, в контексте с другими отмеченными особенностями её письма, тоже предоставляет данные для суждений о её дате. Прежде всего отметим, что в I в. н. э. лунарные формы крайне редки, их настоящий узус начинается с конца I в. н. э. и процветает во II–III вв. н. э. В I в. н. э. лунарные буквы представлены всего в десятке пантикапейских эпитафий, перечислим их, отметив, что всюду присутствует альфа с ломаной перекалиной, как и в артезианской надписи.³⁹

Эпитафии I в. н. э. В КБН 542 одно С и тоже при прямом Е, как в артезианской эпитафии; КБН 331, 342, 472: тоже одна лунарная ω, при прямом Е; в эпитафии КБН 353 одно лунарное ε. По две лунарные буквы с, ε в КБН 453, 461, 552; лунарные ω, ε, но при прямой сигме (Σ), в КБН 352. В эпитафиях, датированных авторами КБН концом I в. н. э. – II в. н. э. и II в. н. э., уже прорва лунарных форм, при-

³⁸ Болтунова, Книпович 1962, 19–26.

³⁹ Опирируем данными эпитафий пантикапейского некрополя как наиболее представительного на Боспоре, во всех остальных центрах, вместе взятых, надгробных надписей несравнимо меньше. Оставляем в стороне спорные датировки посвящения КБН 27 (по В.В. Латышеву, позднеримское время, согласно комментаторам КБН, II в. до н. э.) и 302 – надписи в склепе Анфестерия, которую Латышев вслед за Л. Стефани отнес к I–II в. н. э., а М.И. Ростовцев по стилистике росписи склепа датировал его концом I в. до н. э. – первой половиной I в. н. э. Все формы курсивных букв представлены в мемориальной надписи о строительстве склепа КБН 335, дату которой В.В. Латышев и за ним издатели КБН сочли за 14 г. н. э.; мы же по камню вычитали дату, соответствующую 284 г. н. э. (Яйленко 2010, 574).

ведем часть тех, что конца I в. н.э. – II в. н.э., ограничившись сакральной цифрой 666. КБН 594, 603: одна лунарная ϵ . Две лунарные ϵ , с в КБН 587, 591, 599, 647, 648, 651–653, 655, 656, 660, 662–664, 666. Полный лунарный набор в КБН 583, 595, 596, 605, 633: ϵ , с, ω . Он част в надписях II–III вв. разного типа, в том числе эпитафиях. Из числа 18 эпитафий на надгробиях со сценой сидящей женщины и предстоящего всадника лунарные формы присутствуют в КБН 352 (ϵ , с, ω), 930 (ϵ , с) от I в. н.э., и от II в. н.э. КБН 689 (ϵ , с, ω), 893 (ω , ϵ), 932 (с, E), 1032 (ω , E).

На фоне этих данных артезианская эпитафия, коли судить по употреблению лишь одной лунарной буквы, скорее I в. н.э., нежели II в. Но скудость примеров от I в. – всего десяток – лишает сей вывод основательности, поскольку на пантикапейском некрополе более двух сотен эпитафий данного столетия (КБН 326–571). Посему несопоставимо частое употребление лунарных форм во II в. н.э. сравнительно с I в. н.э., указывает на предпочтительность датирования артезианской эпитафии II в. н.э. Казалось бы, об этом свидетельствует и единство рельефа данной эпитафии с рельефом артезианской же эпитафии Состибия (рис. 7–8), которое может говорить об их близости и по времени. Но палеография надписи Состибия определенно более поздняя по двум показателям письма: по курсивному эпсилону (ϵ), язычок которого отделен от дужки, что встречается в боспорских надписях с конца I – начала II в. н.э. (КБН 591, 604, 647, 648 и др.)⁴⁰, также по уникальному начертанию лунарной сигмы с выдвинутой вперед верхней линией (типа \$, но без нижней закорючки), которое впервые фиксируется в унциальном письме папируса 88 г. н.э.⁴¹ Поскольку палеографические новации создавались в Египте, не в Артезиане, для распространения их на периферию античного мира требовалось время, так что по обоим признакам эпитафия Состибия относится ко II в. н.э.⁴² Однако привлекать её для датировки третьей эпитафии из Артезиана по сходству рельефов нельзя, ибо мы видели, что таков и рельеф эпитафии Омпсалака КБН 478, определенно датируемой I в. н.э.

В такой ситуации, когда показания формульной структуры (I в. н.э.) и характера письма (II в. н.э., но не исключен и I в. н.э.) неоднозначны, решающее слово за археологическими данными. Как сказано в начале данной статьи, поздняя цитадель сооружена при Котисе I (46–68 гг.), на что указывают его монеты, выпущенные до 54 г., из слоя строительного отёса, синхронного времени её строительства. Следовательно, извлеченные с некрополя стелы, найденные в 2021 г. под строительными остатками башни 2 поздней цитадели, могли появиться тут в процессе её возведения, не позже.

Подведем итог рассмотрению датировки третьей эпитафии: она относится к первой половине – середине I в. н.э., так что действительно принадлежит к упомянутому десятку эпитафий этого столетия с единичными курсивными формами.

⁴⁰ См. и Болтунова, Книпович 1962, табл. III.

⁴¹ Gardthausen 1913, Taf. I, Sp. 13. На папирусном письме лунарная сигма с удлинённой верхней линией употребляется с I в. до н.э. (Ib. Taf. I). Но, как видно, на Боспоре она чрезвычайная редкость.

⁴² См. подробнее: Яйленко 2017, 479; 2019, 145. В обеих статьях мы по недосмотру указали на букву ϵ вместо должной ς . В статье 2017 г. мы отнесли эпитафию к концу I–II в., но слово «конец» оказалось последним на с. 479 этого электронного издания и потому выпало (в статье 2019 г. мы отметили это). Критику датировки эпитафии Состибия С.Ю. Сапрыкиным см. в конце статьи о второй артезианской эпитафии – см.: ПИФК, № 2 (2022).

Рис. 7. Рельеф третьей надгробной стелы 2/2021.

Fig. 7. Relief of the third tomb stele 2/2021.

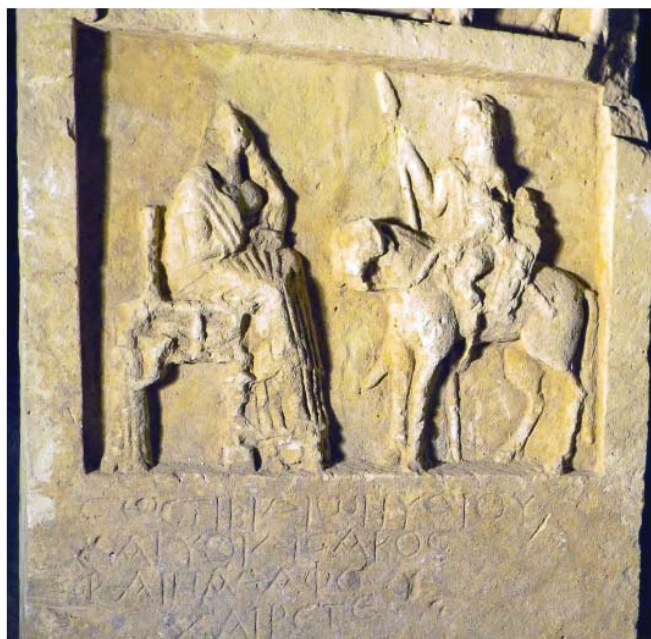

Рис. 8. Нижний рельеф и надпись эпитафии Состибия и сыновей надгробной стелы 1/2000. Фото Н.Л. Кучеровской. Погребение 21/2000. Некрополь городища Артезиан.

Fig. 8. Lower relief and inscription of the epitaph of Sostibios and the sons of the tomb stele 1/2000. Photo by N. L. Kucherevskaya. Burial 21/2000. Artezian necropolis.

3. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЛЬЕФА

Перейдем к рельефу. Слева изображена сидящая в кресле женщина, справа – предстоящий всадник, они обращены друг к другу. Кресло на высоких фигурных ножках, со сквозной боковой панелью с одной подпоркой посередине, через нее видна подушка; спинка кресла невысокая, края её округлые. Под ногами женщины подставка. Она одета в длинный хитон, ниспадающий складками на подставку, и закутана в гиматий, накинутый на голову (лицо сбито); складки плаща от бедер до колен горизонтальные, складки хитона от колен донизу вертикальные, первые подчеркивают ширину бедер (стало быть, она рожавшая, что следует и из эпитафии – у неё двое сыновей), вторые усугубляют длину ног. По обычному канону изображения женских фигур, ее правая рука с раскрытыми пальцами покоится на животе, левой рукой, приподнятой до уровня плеча да шеи, она придерживает край плаща. Фигура и лицо её даны в трехчетвертном развороте относительно зрителя (разворот слева направо). Слева от кресла показана стоящая фронтально в рост маленькая фигурка служанки, одетой в хитон да плащ, в руках её высокая плетеная циста. Большая и грузная фигура всадника тоже дана в трехчетвертном развороте, но справа налево, также лицо (оно сбито); он обращен к женщине, фигура которой сравнительно с ним малая и хрупкая. На мужчине короткий хитон с длинными рукавами, сверху накинутый на плечи плащ; за спиной овальный щит, в правой руке длинное копье, упертое в землю.левой рукой он натянул поводья, отчего голова лошади подтянута к шее. Лошадь, как обычно на боспорских стелах, маленькая и поджарая, со стриженной холкой да подрезанным хвостом; как обычно, передние ноги и одна задняя прямые, правая задняя сдвинута на шаг вперед; она ввездана, на спине попона и седло. В целом рельеф ремесленный по исполнению (к примеру, кресло скошено назад), композиция статичная; несмотря на иллюзию глубокого рельефа, проработка фигур и предметов графична и суха.

Как сказано, такого типа рельеф – с сидящей в кресле женщиной и предстоящим всадником – представлен также на стелах Состибия II в. н.э. из Артезиана и Омсалака Сидавхавича I в. н.э. из Пантикапея (рис. 8, 16). Рассмотрим и эти рельефы, предварительно отметив, что присутствие одного типа рельефа на двух стелах из Артезиана и одной из Пантикапея, при отмеченном выше родстве редких имен Омсалакос и Омсатис, да при том, что таких рельефов всего два десятка на всем Боспоре, с большой вероятностью указывает на принадлежность всех этих покойных к одному роду.

Рельеф на стеле Состибия – рядовая работа скульптора-ремесленника (рис. 8). Если на третьем рельефе фигура Омсатиса как мужская оправданно показана большой и грузной, то тут наоборот – женская фигура настолько крупна, что больше и всадника с конем. Сам Состибий мелок и тощ, размерами вполровину супруги (под стать ему и понурая лошадевка). Интерпретацию смысла рельефа на стеле Состибия дал С.Ю. Сапрыкин⁴³. По его мнению, сидящая в кресле женщина – «богиня подземного мира и покровительница душ умерших», «ее функции... являются главными во всем сюжете рельефа», всадник перед нею – героизированный покойник. Он положил в основу своего понимания существа артезианской

⁴³ Сапрыкин и др. 2014, 151–159.

сцены выводы А.П. Ивановой⁴⁴ о рельефах такого типа: «А.П. Иванова совершенно справедливо отмечала, что в тех случаях, когда на рельефе изображена сцена со всадником, стоящим перед сидящей женщиной, и сохранилось только женское имя, то мы вправе считать эту женщину обожествленной умершей или умершей в образе бессмертной богини. Тогда всадника следует воспринимать как ранее умершего родственника этой женщины, а всю сцену – как отношение живого к героизированному умершему. Через приобщение женщины к героизированному или обожествленному всаднику она сама становится как бы обожествленной и соответственно бессмертной, так как всадник – её героизированный родственник – уже ранее стал бессмертным. А в тех случаях, когда на рельефе вырезано только мужское имя,⁴⁵ то в изображении всадника надо усматривать изображение героизированного умершего, который приобщается к бессмертию богиней посредством вкушения напитка бессмертия, который она дает ему сама (если держит гранат или чашу в руке) или который ему протягивают её слуги. Не исключено, что в этом случае в сцене со всадником, стоящим перед женщиной, фигурирует ранее почившая жена героизированного умершего в образе бессмертной богини». Эти выводы, продолжает С.Ю. Сапрыкин, получают подтверждение в изображениях аналогичных сцен – росписи керченского склепа Анфестерия, на серебряном ритоне из кургана Мерджан, на войлочном ковре из Пазырыка.

Мы подвергли критике интерпретацию С.Ю. Сапрыкина⁴⁶. Упомянутые им памятники с изображением богини и предстоящего всадника связаны с погребальной мифологией кочевников, тогда как боспорские стелы с сидящей в кресле женщиной и всадником найдены на поселениях, они с надписями, трафаретное содержание которых сводится к формуле «имярек, сын (жена) такого-то, прощай»; в нескольких случаях схема расширена упоминанием одновременно мужского и женского имен, т. е. обоих изображенных на рельефе персонажей. Последний вариант как раз дает полное представление об изображенных на рельефе – это муж и жена (по разу упомянуты также мать, кормилица). Вновь приведем эпитафии, упоминающие два имени – мужское и женское, что соответствует рельефу с мужской и женской фигурами.

КБН 413 (Пантикапей): «Гелий, сын Эрота, и кормилица Василя, прощайте»; 893 (Капканы): «Ниокл и дочь Евгения, прощайте»; 932 (Нимфей): «Мастус и жена Теотима, прощай»; 1025 (Ахиллий): «Теаген, сын Гермодена, и жена Кулия, прощайте»; Горгоппия: «Талон, сын Пофа, и мать Гедин, прощайте»⁴⁷. Важна эпитафия КБН 932 «Мастус и жена Теотима, прощай»: при двух именах слово «прощай» дано в ед. числе; это означает, что надгробие поставил один из супругов, например, Теотима Мастусу, которая, так сказать, на будущее (смерть всего живого неотвратима) изобразила при муже и себя. Это точное разъяснение и тех рельефов с всадником и женщиной в кресле, в эпитафиях при которых упомянут лишь один персонаж – мужской или женский (как в КБН 478: «Омпсалак, сын Сидава, прощай»)⁴⁸. Третья

⁴⁴ Иванова 1951, 30–32.

⁴⁵ Это явная описка – С.Ю. Сапрыкин имел в виду надпись под рельефом.

⁴⁶ Яйленко 2019, 147–155.

⁴⁷ Алексеева 2018, 17–20.

⁴⁸ Перечислим «мужские» стелы: КБН 352, 414, 478, 524, 578, 689, 906, 908, 930, 1032; «женские»: КБН 478, 502, 1085. Итого «женских» стел всего 3 при 11 «мужских», причем две поставлены женам (вероятно, такова и третья); поскольку их мужья изобразили и себя на рельефах, это надгробие

артезианская эпитафия с именами мужа (Омпсатис) да жены ([Г?]аса) лишь расширяет список этих надгробных надписей, в которых представлено полное единство их персонажей с рельефом. Таким образом, нет никаких оснований вести речь о женщине в кресле как богине, и нет повода усматривать в рельефе на эпитафийных стелах кочевническое представление о героизации покойного (тем более покойной женщины!) некоей богиней. Ещё раз подчеркнем, что два десятка стел с таким рельефом – продукт развития боспорской городской надгробной скульптуры, это чисто боспорский извод I–II вв. н.э. общегреческой сцены классического да эллинистического времени с сидящей в кресле женой и стоящим рядом мужем (упомянем, к примеру, общеизвестные афинские стелы IV в. до н.э. Ктесилая и Феано, также Дамасистраты⁴⁹). Вопрос о смысле таких рельефов можно было бы считать исчерпанным, но поразительное стремление ряда специалистов видеть богиню и героизированного покойника в изображениях женщины в кресле и предстоящего всадника на боспорских рельефах заставляет нас обратиться к разнообразным памятникам такого рода и их интерпретации специалистами⁵⁰.

Центральную сцену керченского склепа Анфестерия I в. н. э. с сидящей в кресле женщиной и предстоящим всадником М.И. Ростовцев трактовал как загробную: Великая богиня предлагает (через слугу) героизированному усопшему напиток бессмертия (рис. 9)⁵¹. Но близкую сцену на ритоне III в. до н.э. из кургана в Прикубанье Мерджаны (рис. 10) он интерпретировал иначе, соединив со сценами на диадеме из Карагодеуашха (рис. 11); тут спешившийся всадник) и бляшках из Куль-обы, Чертомлыка, – как сакральное приобщение скифских владык к Великой богине, которая наделяет их питьем, дающим могущество власти, т. е. в качестве сцены инвеституры⁵². В последующей историографии

смысловое разделение сцен на мерджанском ритоне и в склепе Анфестерия не удержалось, их объединяли, вкуче с новыми памятниками, в соответствии с одной или другой идеями М.И. Ростовцева: то как сакральное приобщение к богине (кто она, понимали по-разному), то как вручение напитка бессмертия героизированному усопшему, также вели речь о священном загробном браке. Были и подварианты: на упомянутых памятниках усматривали путь героя из мира живых в загробный мир; например, по С.С. Бессоновой, на мерджанском ритоне изображена сцена загробного приветствия / встречи героя богиней. У адептов каждой версии свои аргументы, как правило, субъективные. Нам лично важным итогом постростовцевской историографии представляется смысловое объединение сцен из склепа Анфестерия и Мерджан, поскольку изобразительная их близость

бия также самим себе «на будущее». Vice versa можно полагать, что 11 «мужских» стел поставили в основном жены, изобразив себя рядом с мужем тоже «на будущее». Стел с эпитафиями, в которых фигурируют мужчина и женщина, пять; в двух случаях упомянута жена, в двух мать, в одном кормилица. Отсюда можно вывести, что жены, матери (также дети) ставили «мужские» стелы. Скорее всего дети поставили надгробия родителям, упомянутым в эпитафии вдвоем («Мастус и жена Теотима», «Теаген, сын Гермогена, и жена Кулия», «Талон, сын Пофа, и мать Гедин»); изображать себя «на будущее» им нет резона, поскольку впереди у них еще вся жизнь.

⁴⁹ Kaltsas 2002, № 310, 395.

⁵⁰ Есть электронная версия нижеследующего историографического очерка, она «слепая», т. е. без иллюстраций: Яйленко 2020, 158–168.

⁵¹ Ростовцев 1914, 176–182.

⁵² Rostovtzeff 1919, 476–477; Ростовцев 1990, 193 (статья, изданная в 1990 г., написана в 1926 г.).

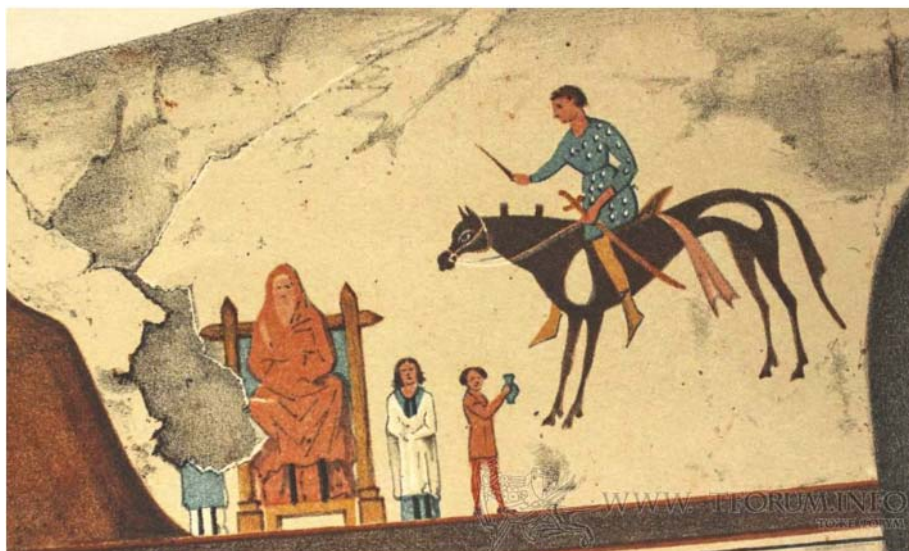

Рис. 9. Склеп Анфестерия. Рис. Ф. Гросса (по: www.tforum.info).
 Fig. 9. Crypt of Anthesterios. Fig. F. Gross (Cf. www.tforum.info).

Рис. 10. Пластина ритона из Мерджана (по: Античные государства (Археология СССР). М., 1984, 305, табл. CXV, 2).
 Fig. 10. Plate of rhyton from Marianaj (after to: Ancient States in the North Black Sea Region (Archaeology of the USSR). Moscow, 1984, 305, pl. CXV, 2).

Рис. 11. Пластина из Карагодеуашха (по: newskif.su).
Fig. 11. Plate from Karagodeuashkh (Cf. newskif.su).

очевидна (будем в дальнейшем называть эту сцену боспорской и боспорско-сарматской). При этом новая параллель с Алтая выявила оправданность понимания росписи склепа М.И. Ростовцевым, можно теперь добавить, и ритона из Мерджан. На войлочном ковре из 5-го Пазырыкского кургана IV в. до н.э. показана восседающая на точеном деревянном кресле богиня, перед нею всадник с плетью (рис. 12). С.И. Руденко провел параллель со сценой из Мерджан, он, затем А.Д. Грач и другие, видели тут сцену инвеституры⁵³. Однако это не соответствует атрибуту богини: она держит в руке процветшую ветвь, которая символизирует плодородие, жизнь (это ветвь Мирового древа), но никак не царскую власть; на связь этого атрибута с жизнью указал М.И. Артамонов⁵⁴. У богини из Мерджан в руках фиала с напитком бессмертия, всадник пьет его из ритона; на пазырыкской сцене питье отсутствует, но его заменяет ветвь, как сказано, тут символ загробной жизни, так что, по нашему мнению, это смысловой аналог сцен из Мерджан и склепа Анфестерия (там тоже присутствует Древо), облеченный в несколько иную иконографию. Изображение всадника параллельно всаднику из склепа Анфестерия – тот тоже с плетью в руке. С.И. Руденко отметил не алтайское происхождение ковра – оно переднеазиатское или иранское, последующие исследователи склонялись к иранскому. Таким образом, можно считать, что пазырыкский памятник подтвердил мнение М.И. Ростовцева о связи сцены из склепа Анфестерия с представлениями кочевых иранцев о героизированной участи покойного. В связи с этим обратим внимание на не греческое происхождение трона богини из Мер-

⁵³ Руденко 1952, 88.

⁵⁴ Артамонов 1961, 62.

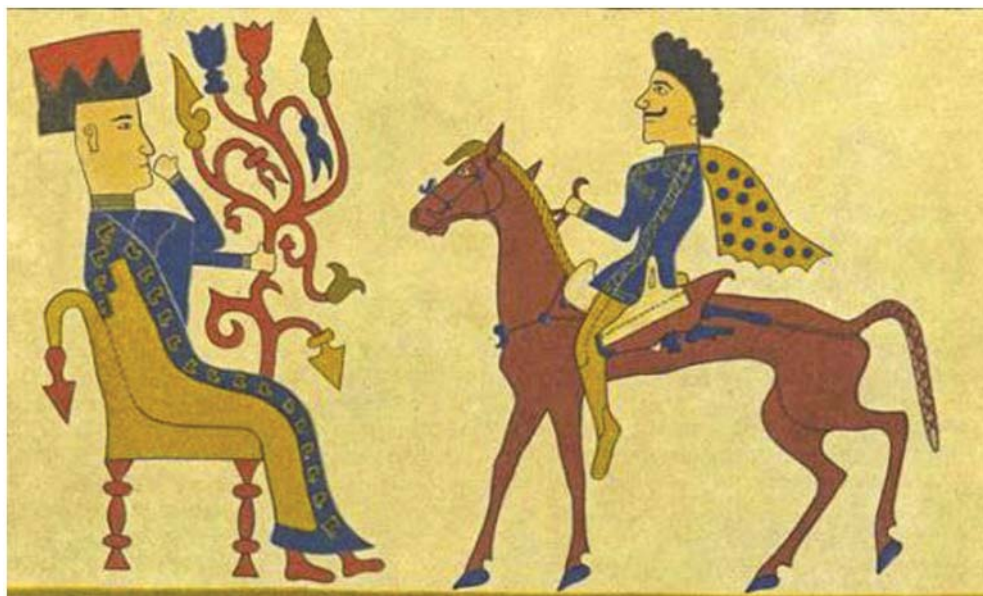

Рис. 12. Сцена на ковре из Пазырыка (по: evpatori.ru).
Fig. 12. Scene on a carpet from Pazyryk (by: evpatori.ru).

джан: хотя эту диадему теперь относят ко II в. до н.э. (Ю.А. Виноградов) и даже сарматскому времени (С.А. Яценко), по устройству он тот же, что у Афродиты с эронтами на медальоне ок. IV в. до н.э. с Кубани⁵⁵. Да и округлый сосуд подвышенной пропорции в руках мерджанской богини имеет аналоги в синдской керамике с III в. до н.э.⁵⁶ Посему мерджанская сцена отражает религиозно-мифологические представления местного населения Прикубанья. М.И. Ростовцев поначалу видел в её богине пришлую Афродиту Уранию, во всаднике бога Санерга (они упомянуты в вотиве Комосарии, жены Перисада I КБН 1015), в статье 1919 г. счел её местной Великой богиней, что, как видим, более точно по привязке к туземной среде Азиатского Боспора.

М.И. Ростовцеву были известны только бляшки из Чертомлыка да Куль-обы с изображением сидящей богини с зеркалом и пьющего из рога скифа, но он прозорливо предвидел популярность этого мотива в скифском искусстве⁵⁷, что подтвердилось дальнейшими находками таких изделий (курганы Верхний Рогачик и др.). Напротив, увиденное им на этих изображениях наделение Великой богиней скифских владык могуществом посредством угощения напитком скорее не оправдалось, ибо Д.С. Раевский привел убедительные аргументы в пользу свадебного характера сцены⁵⁸. Мнение, что на ряде памятников представлен священный брак царицы загробного мира с героизированным усопшим, популярно в нынешней

⁵⁵ Артамонов 1961, 62.

⁵⁶ Мелюкова 1989, 402, № 38, 39.

⁵⁷ Ростовцев 1913, 7.

⁵⁸ Раевский 1977, 95–109.

не поза предстояния перед божеством, как счел С.А. Яценко, но положение равного перед равным, скорее всего, герой перед главой рода, который показан тоже в бурке и пьет заздравную чашу; размером он чуть меньше героя, но больше всех остальных. С.А. Яценко опознал в нем осетинскую безымянную богиню огня, которую сопоставил со скифской Табити да Тапати индийского пантеона, связанных с огнем. Нет смысла вникать в другие подробности, поскольку субъективность понимания рельефа им очевидна, так что ему не только не удалось поколебать трактовку прежними учёными бытового антуража в сцене склепа Анфестерия, но очевидна и несопоставимость её по тематике с кривореченским рельефом. Также сцена склепа Анфестерия не индо-иранская, ибо ничего специфически древнеиндийского там нет, а, как и была, боспорско-сарматская, воплощающая иранскую по происхождению (Пазырык!) мифологию.

Частичный скандинавский аналог боспорской сцены на средневековых намогильных камнях выявил Д.А. Король⁶². На них показан всадник на скоро идущем коне (влево или вправо), его встречает дева с рогом, это бог Один и Фрейя, либо другие женские и мужские персонажи скандинавской мифологии, в общем, валькирии да герои. По мнению Д.А. Короля, такая сцена вынесена древними скандинавами из Северного Причерноморья (известно, например, возвращение народа герулов отсюда в Скандинавию). Построения автора достаточно убедительны в скандинавской части, но северочерноморская часть, послужившая ему базисом для толкования скандинавской сцены, весьма эклектична: он собрал «до кучи», без какого-либо критического отбора, имеющиеся мнения и памятники – Пазырык, склеп Анфестерия, Мерджаны, боспорские надгробные рельефы. Как видно, современным исследователям не хватает избирательности в выборе памятников.

До сих пор мы рассматривали подходы к исследуемой боспорско-сарматской сцене, так сказать, с сарматской стороны, от толкований учёными памятников и мифологии кочевого населения Евразии, теперь обратимся к интерпретациям её с боспорской, т. е. греческой стороны. В числе боспорских стел I–II вв. н.э. с рельефами есть группа с изображением сидящей в кресле женщины и предстоящим всадником. Это чисто боспорская по происхождению иконография, она появилась в первой половине I в. н.э. и просуществовала около двух веков. Источник её тоже местный – это комбинация употребительных в боспорских надгробных рельефах со II в. до н.э. порознь изображений всадника (КБН 267, 278 и др.) и сидящей в кресле женщины (КБН 271, 273 и др.), а прототип её, как сказано, общегреческая сцена классического да эллинистического времени с сидящей в кресле женой и стоящим рядом мужем. Мы потому ссылаемся на стелы с рельефами и надписями, что они, во-первых, имеют хорошие эпиграфические даты, во-вторых, определено указывают, кто именно изображен на рельефе, т. е. это конкретные люди. Уже из такового источника следует, что сцены с женщиной в кресле и всадником представляют конкретных умерших. Тем не менее, сей постулат ученые игнорируют, в результате возникло ошибочное мнение, что сцена с женщиной в кресле и предстоящим всадником на каменных стелах Боспора представляет героизированного покойника перед богиней. Породила это заблуждение А.П. Иванова⁶³. Издавая подобного рода рельеф (без надписи, которая скорее всего отбита), она пишет, что

⁶² Король 2005, 331–344.

⁶³ Иванова 1951, 27–35.

только незначительное число таких стел имеет надписи с мужскими и женскими именами изображенных, на некоторых стелах упомянуты женские имена, «на многих стелах интересующей нас группы надписи называют одно только мужское имя», и «во всех случаях можно не сомневаться, что фигура всадника является изображением героизированного умершего». «Кого же изображает сидящая женщина?», – спрашивает она, не верховная ли это богиня, как на мерджанском ритоне? И дает положительный ответ потому, что женщина на изданной ею стеле держит в руках гранат, символ героизированного умершего. А лицо женщины на стеле, полагает она, выказывает тот же этнический тип, что и у мерджанской богини. К чести своей, сознавая всю шаткость высказанных заключений, она разумно подводит итог: «Мы не считаем возможным настаивать категорически на толковании женской фигуры верхнего рельефа как богини». Считаем, это самая важная формулировка её статьи, поскольку наведший её на мысль о сидящей богине гранат с таким же успехом может быть понят как яблоко, груша, яйцо: именно такой предмет держат сидящие в кресле женщины (с предстоящим всадником) на рельефах КБН-альбом, 470, 550, 718. Наиболее ясна символика такого предмета на рельефе 470: округлый живот да две служанки, одна из которых с ведром воды в руках, да стоящий на пьедестале мальчик, – все это указывает на связь плода (яйца?) в руке женщины с родами, так что предназначение сего символа – жизнь.

К сожалению, никто из последующих ученых не обратил внимания на важную оговорку А.П. Ивановой о предположительности её трактовки сцены на стелах с богиней в кресле да предстоящим всадником, и такая интерпретация триумфально переключивается из работы в работу. В привлечении аналогий – той же росписи склепа Анфестерия, ритона из Мерджан – непременно следуют ссылки на А.П. Иванову. Например, в упомянутой статье Д.А. Короля в изобразительном ряду и тексте наряду с пазырыкским ковром, мерджанским ритонем, склепом Анфестерия, где действительно показана богиня и покойный в виде всадника, фигурируют якобы такого же свойства курганные скифские бляшки (на самом деле, с брачной сценой), чайкинский рельеф, стела КБН 908 и стела, изданная А.П. Ивановой, со ссылкой на её выводы. Разберемся с чайкинским рельефом.

Он найден вне археологического контекста, показаны алтарь, слева от него стоящая женская фигура, справа всадник, в простертой вперед правой руке которого, очевидно, канфар с большими изогнутыми ручками (рис. 14). Издавшая рельеф Е.А. Попова указала на фракийские аналогии с изображением всадника, алтаря, женской фигуры, но вследствие мелких отличий предпочла сравнение с рельефами боспорских надгробий, на которых изображен всадник перед сидящей в кресле женщиной⁶⁴. Она восприняла мнение А.П. Ивановой, что это сцена поклонения женскому божеству героизированным усопшим (о нем мы поговорим далее). Но в действительности тут различий гораздо больше: нет алтаря, женщина сидит в кресле, на чайкинском рельефе стоит, на боспорских рельефах присутствуют служанки, порой и слуги, на чайкинском памятнике их нет, и т.д. По композиции и минимальному набору фигур чайкинскому рельефу как раз гораздо ближе фракийские рельефные вотивы Геросу («Герою») того извода, когда при

⁶⁴ Попова 1974, 222–230.

Рис. 14. Рельеф с городища Чайка (по: Попова 1974).
Fig. 14. Relief from Chayka Settlement (after: Popova 1974).

алтаре показана женская фигура⁶⁵. При этом надписи поясняют содержание данной сцены – № 1398: «Геросу; *принес в дар* Битюс, сын Диней»; № 1399: «Владыке Геросу; Руф вместе с женой *принес дар*»; № 1404: «Владыке Богу; *принесли дар* Авлудзенис, сын Лонгина, Авлудзенис, сын Диузея»; № 1408: «Владыке Асклепию; Керза, сын Гарулы, *принес дар*»; № 1409: «Александр за себя и свою жену *принес благодарственное приношение*». Таким образом, согласно надписям, женщины у алтаря на рельефах № 1399, 1409 – супруги дарителей votивных приношений; вероятно, таковы и дамы рельефов № 1398, 1404, 1408. Есть и характерная деталь, связывающая чайкинскую и фракийские композиции: чайкинский всадник показан с канфаром (?), который он протягивает в сторону алтаря вытянутой вперед правой рукой, т. е. он собирается совершить возлияние из него на алтарь; так и на указанных фракийских рельефах всадник обычно простирает к алтарю правую руку с патерой или тарелкой для приношения на алтарь. Из сказанного следует, что чайкинский рельеф votивный, посвящен Геросу, видимо, связан с пребыванием фракийцев в составе римских отрядов в Херсонесе I–II вв. н.э.⁶⁶

⁶⁵ Inscr. Gr. Bulg. Vol. III, № 1398, 1399, 1404, 1408, 1409.

⁶⁶ Есть и близкого содержания рельефы иранского происхождения – эрмитажная пластина от диадемы царицы из кургана 1837 г., рельеф votива фиасотов бога Танаиса КБН 1259, также в той или

Рис. 15. Трёхбратний рельеф (по: yandex.ru/images).
 Fig. 15. Relief from the Trekhbratniy kurgan (по: yandex.ru/images).

Из числа других работ, покоящихся на ошибочных выводах А.П. Ивановой, мы обратимся лишь к публикации рельефа из Трёхбратнего кургана под Керчью да вновь помянем артезианский рельеф. На Трёхбратнем огромный рельеф водружен над могилой эллинизированной скифской женщины IV в. до н.э. Мастер умело сверстал композицию в трехплановой перспективе: на первом плане квадрига лошадей с возничим; на втором повозка с восседающей на ней женщиной, к которой конюх (сохранились его грудь и часть руки) подвел лошадь; на третьем атрибуты – перекрытие повозки, оформленное в виде наиска, т. е. входа в склеп, и столб с подвешенным горитом (рис. 15). В одной из первых публикаций – С.С. Бессоновой, Д.С. Кирилина – дано прагматичное описание рельефа, из которого явствует, что на рельефе изображено прощание женщины с конем, указаны аналогии похоронам на повозке из разных областей. А дальше авторы пускаются во все тяжкие: так как женщина сидит, то по аналогии с мерджанским ритонном да ковром из Пазырыка она превращается в богиню, и «всаднику должен соответствовать какой-то культово-мифологический образ», так что в глазах авторов сей цитаты он родственник Диониса, Сабазия, Сиявуша, Аттиса и прочих паредров Великой богини⁶⁷. И другие ученые дамы вдохновенно парили мыслью. По Е.А. Савостиной,

иной мере подобные памятники из Гебеклы в Туркмении и Дуры Европос, на которых представлен всадник с ритонном или чашей в руке перед алтарем (Яйленко 2010, 331–356), но отсутствие женского персонажа не позволяет сопоставлять их с чайкинским рельефом.

⁶⁷ Бессонова, Кирилин 1977, 128–139.

тут представлен загробный выезд всадника, которому сидящая богиня вручает сосуд с питьем для перехода в иной мир; столб или дерево с горитом «символизирует предел реальной жизни, который готовится переступить всадник»⁶⁸. А то, что рельеф поставлен над женской могилой, да именно женская фигура как бы вставлена в склеп-наиск, что ее фигура крупнее и конюха, и возницы, вместе взятых, что сосуда в её руке нет, она игнорирует. Апофеоз излишне вдохновенного понимания рельефа у А.В. Вертиенко: разделяя изложенные идеи предшественницы, она идёт дальше: возница – это «изображение вознесения души переродившегося героя на двухколесной квадриге в иной мир», и всякое такое прочее; употребление же хеттами двухколесной повозки для транспортировки тела, по её мнению, выдает архаичность семантики трёхбратного рельефа, «восходящую к индоевропейской древности»⁶⁹. Как прост у нее путь из Керчи к индоевропейцам, совсем, как у С.А. Яценко – от Кривой речки в Осетии до древней индоиранской общности!

Если же трезво придерживаться описания трёхбратного рельефа, исполненного умелым греческим мастером, то он проще и человечней: покойная скифянка была всадницей и стрелком (в горите показаны стрелы), она прощается со своим конем, касаясь его морды ладонью левой руки (в правой держит, возможно, угощение). В греческой погребальной пластике много примеров прощального смысла в касании рукой⁷⁰. Боспорские женщины как горожанки, понятное дело, лишены сентиментальной любви к лошадям, но и тут есть пара занятных образцов: лошадь всадника тянется мордой к хозяйке (КБН-альбом, № 438, 524), на трёхбратнем рельефе это выражено обоюдно – и лошадь тычется мордой к хозяйке, и она касается её рукой. Одета трёхбратняя «амазонка» по-скифски: свободное платье с открытым воротом, на голове стефана с покрывалом. У богинь же на мерджанском ритоне да карагодеуашхской пластине неременный плащ, так что трёхбратняя скифянка одета не «по-божески». Как видно, показанные на рельефе бытовые мелочи не состыкуются с вдохновенной, но ложной его интерпретацией адептами семиотической да мифологической отмычек к пониманию изображений такого рода, которые годятся для толкования скифского звериного стиля, но не рельефов на каменных надгробиях Боспора. Глазу искусствоведа сразу видно, что трёхбратний рельеф не про людей, а про лошадей: они на переднем плане, занимают 2/3 высоты рельефа, их больше, чем людей – 5, три человеческие фигуры не в рост, а лишь бюсты, показанные на втором плане. Это означает, что покойная скифянка была лошадицей, именно в память о своих лошадях она и заказала столь необычно большой по боспорским меркам рельеф (h 2,6, lat. 1,6 м). Конкретная лошадь запечатлена и на рельефе стелы I в. н.э. КБН 383 с надписью «Деметрий, сын Аполлония, прощай». Над эпитафией два рельефа, большой и малый. На большом показан фронтально стоящий в рост брадатый воин со щитом да копьем (скорее всего Аполлоний), слева от него на пьедестале конная статуя – превосходно изваянная лошадь с всадником-мальчиком (видимо, Деметрий). Ниже малый рельеф, на котором единственно представлен жеребёнок. Этот памятник равно поставлен и мальчику, и жеребёнку.

⁶⁸ Савостина 1995, 110-119.

⁶⁹ Вертиенко 2013, 443-449.

⁷⁰ Например: Kaltsas 2002, 188, 191, 195 etc.

Рис. 16. Рельеф и надпись КБН 478. Фото А.И. Болтуновой. Архив ИА РАН.

Fig. 16. Relief and inscription CIRB 478. Photo by A.I. Boltunova. Archive of the Institute of Archaeology RAS).

Итак, два десятка боспорских стел с изображением женщины в кресле и предстоящим всадником представляют конкретных людей, имена которых упоминаются в эпитафиях под рельефами. Все это, как мы показали в статье 2019 г., свойственно и первому артезианскому рельефу – прощальная сцена погибшего всадника Состибия со своей женой (рис. 8)⁷¹. Все это есть на таком же рельефе и третьей артезианской стелы с эпитафией, в которой помянуты муж да жена. Как недостоверна интерпретация рельефов с женщиной в кресле и предстоящим всадником А.П. Ивановой да её последователями, так ошибочно и понимание его С.Ю. Сапрыкиным: не богиня на нём да героизированный покойник, но конкретные люди, чьи имена указаны в надписях под рельефом. Это горестное прощание супругов.

Особого внимания заслуживает высокохудожественная сцена на рельефе Омпсалака Сидавхавича из Пантикапея КБН 478 (рис. 16). В отличие от ремесленно выполненных рельефов на артезианских стелах Состибия да Омпсатиса, исполнитель пантикапейского (столичного!) рельефа КБН 478 мастеровит. Посредством горельефа фигурам придана скульптурная объемность, они почти реальны; изображения коня, всадника, женщины пластичны, в особенности объемный круп коня, округло тугие бедра всадника, полная грудь и руки молодой или зрелой жен-

⁷¹ Яйленко 2019, 151–155.

щины. Тем самым фигуры наполнены жизнью, а при том, что рельеф надгробный, этим подчеркнута губительность смерти (идеями такого рода одухотворены тысячи мастеровито исполненных надгробных рельефов Греции). Жизненность сцены усугублена и умелым противопоставлением статики коня да кресла диагональному движению мужской фигуры (диагональное движение всегда активно): обычно на надгробных рельефах всадник изображен с прямой посадкой, но Омсалак клонится всем телом к жене, и движение его порывисто (ср. сухо трактованный рельеф стелы КБН 893, на котором женщина сидит в кресле прямо, со склоненной головой, а всадник откинулся назад). Обычно сидящие в кресле дамы греческих рельефов придерживают приподнятой на уровне груди, плеча, шеи или челюсти левой рукой (при расположении фигуры на рельефе слева, как здесь) край плаща (этот жест выражает их скромность). Хотя большая часть лица и правой руки жены Омсалака утрачены, все же видно, что правая рука её поднята высоко, к челюсти, и край плаща, несогласно с обыкновением, прикрывал правую часть её лица. В результате, при том, что лицо её в трехчетвертном повороте к зрителю, она, по существу, не видит мужа. Этой нестандартной деталью мастер придал сцене большой градус психологического напряжения: муж порывисто подался к жене, а она в отчаянии закрыла краем плаща половину лица, уже не в силах смотреть на мужа в своем последнем свидании с ним. Перед нами редкий в боспорской надгробной пластике образец передачи психологического состояния покойных как живых и близких друг другу супругов.

Отметим любопытное соотношение рельефов с изображением женщины в кресле и предстоящего всадника: на всем Боспоре их 18 (КБН-альбом, 352, 413, 414, 438, 478, 502, 524, 578, 689, 893, 906, 908, 930, 932, 1025, 1032, 1085, также стела Таллона из Горгииппии), на Артезиане 3⁷². Объяснение избранной на надгробных стелах данной сцены, по нашему мнению, кроется в раскрытой выше принадлежности упоминаемых эпитафиями лиц к одному роду. На это указывает сохранение сей традиции и на стелах первой половины I в. н.э. (третья эпитафия да анэпиграфная стела прим. 7), и на стеле Состибия II в. н.э. Обратим внимание также на присутствие одних и тех же имён на иных стелах с такой сценой. В эпитафиях КБН 413, 414 из Пантикапея упоминается одно имя – Ἡλῖος, в эпитафиях КБН 930, 932 из Нимфея одно имя Μαστοῦς (все четыре надписи I в. н.э.)⁷³; каждая пара, несомненно, принадлежит к одному роду, и в обоих сих родах, как видим, это излюбленный тип надгробия.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2012: Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан. *ВДИ* 3, 93–146
- Абрамзон, М.Г., Винокуров, Н.И., Трейстер, М.Ю. 2014: Хронологические индикаторы и проблемы интерпретации слоя римско-боспорской войны городища Артезиан. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности*

⁷² Первая и третья эпитафии, также анэпиграфная стела, упомянутая выше, в прим. 7 (третья по счету).

⁷³ Однотипен и формуляр эпитафий, но он обычен.

- и средневековья. Актуальные проблемы хронологии* (XV Боспорские чтения). Керчь, 5–16.
- Алексеева, Е.М. 2018: Антропоморфные «надгробия» некрополя Горгиппии. *ДБ* 22, 9–23.
- Кошеленко, Г.А. и др. (ред.) 1984: *Античные государства Северного Причерноморья*. М.
- Артамонов, М.И. 1961: Антропоморфные божества в религии скифов. *АСГЭ* 2, 57–87.
- Белоусов, А.В., Сапрыкин, С.Ю. 2018: Ещё раз о публикации надписей с городища Артезиан на Боспоре. *Аристей* 18, 246–269.
- Бессонова, С.С., Кирилин, Д.С. 1977: Надгробный рельеф из Трёхбратнего кургана. В кн.: Б.Н. Мозолевский и др. (ред.), *Скифы и сарматы*. Киев, 128–139.
- Болтунова, А.И., Книпович, Т.Н. 1962: Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре. *НЭ* 3, 3–31.
- Винокуров, Н.И. 2002: Новые изображения всадников на Боспоре. *ДБ* 5, 70–85.
- Винокуров, Н.И. 2003: Граффити из раскопок античных памятников урочища Артезиан в крымском Приазовье. *ПИФК* 13, 151–192.
- Винокуров, Н.И. 2004: Плита с монограммами и тамгообразными знаками, найденная при раскопках «Цитадели» городища Артезиан. *ДБ* 7, 79–88.
- Винокуров, Н.И. 2013: Городище Артезиан во второй половине I в. до н. э. — первой половине I в. н. э. *Российский научный журнал* 1 (32), 30–40.
- Винокуров, Н.И. 2019: Исследование строительных остатков поздней цитадели на городище Артезиан в 2015–2017 гг. *ДБ* 24, 92–113.
- Винокуров, Н.И., Чореф, М.М. 2021: К атрибуции символов на плите, найденной при раскопках Цитадели городища Артезиан в 2000 г. *Stratum plus* 6, 207–218.
- Гафуров, А. 1987: *Имя и история*. М.
- Доватур, А.И. 1965: Краткий очерк грамматики боспорских надписей. В кн.: *КБН* 797–831.
- Иванова, А.П. 1951: Керченская стела с изображением всадника и сидящей женщины. *КСИИМК* 39, 27–35.
- Коков, Д.Н. 2001: *Избранные труды*. Т. 2. Нальчик.
- Король, Д.А. 2005: Мотив «всадника» и «встречающей богини» на погребальных камнях Скандинавии и Северного Причерноморья. В сб.: А.В. Евглевский (ред.), *Структурно-семиотические исследования в археологии*. Донецк 2, 331–344.
- Королькова, Е.Ф. 2009: Великая богиня, божественный всадник и загадочные энареи: попытка интерпретации. В кн.: А.Г. Фурсев (ред.), *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем*. СПб., 11–27.
- Крюков, М.В. 1980: Личное имя и термины родства. В кн.: Э.М. Мурзаев и др. (ред.), *Топонимика Востока*. М., 27–31.
- Кумахов, М.А. 1981: *Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков*. М.
- Подмаскин, В.В., Старцев, А.Ф. 1988: Удэгейские имена. В кн.: А.В. Суперанская (ред.), *Ономастика. Типология. Стратиграфия*. М., 209–221.
- Попова, Е.А. 1974: Рельеф с городища «Чайка». *СА* 4, 222–230.
- Раевский, Д.С. 1977: *Очерки идеологии скифо-сакских племен*. М.
- Расторгуева, В.С., Молчанова, Е.К. 1981: Среднеперсидский язык. В кн.: В.С. Расторгуева (ред.), *Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки*. М., 6–146.
- Ростовцев, М.И. 1913–1914: *Античная декоративная живопись на юге России*. СПб. (1913 – атлас, 1914 – текст).
- Ростовцев, М.И. 1990: Иранский конный бог и юг России. *ВДИ* 2, 192–200.
- Руденко, С. И. 1952: *Горноалтайские находки и скифы*. Л.
- Савостина, Е.А. 1995: Тема надгробной стелы из Трёхбратнего кургана в контексте античного мифа. *Историко-археологический альманах* 1, 110–119.
- Сапрыкин, С.Ю., Винокуров, Н.И., Белоусов, А.В. 2014: Городище Артезиан в Восточном Крыму. *ВДИ* 3, 134–162.

- Мелюкова, А.И. (ред.) 1989: *Стены Европейской части СССР в скифо-сарматское время*. М.
- Тохтасьев, С.Р. 2013. Иранские имена в надписях Ольвии I–III вв. н.э. В кн.: П.Б. Лурье и др. (ред.), *Commentationes Iranicae*. СПб., 565–607.
- Шайхулов, А.Г. 1991: Тематические группы татарских и башкирских личных имен до-исламского периода. В кн.: М.Э. Рут (ред.), *Номинация в ономастике*. Свердловск, 137–142.
- Яйленко, В.П. 2010: *Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э.* М.
- Яйленко, В.П. 2015: Топонимика и этнонимия античного Боспора. *ДБ* 19, 386–458.
- Яйленко, В.П. 2017: О публикации надписей с городища Артезиан в Восточном Крыму. *МАИАСК* 9, 523–548.
- Яйленко, В.П. 2017а: *История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н.э. – VII в. н.э.* СПб.
- Яйленко, В.П. 2017 б: Топонимика античного Крыма. *БИ* 35, 3–88.
- Яйленко, В.П. 2019: Эпиграфические заметки. I. О публикации надписей Артезиана. II. Текстология и просодика ольвийского гимна VI в. до н.э. к Гилее. III. В защиту вотива IOSPE I² 188 из ОАМ. *БИ* 39, 117–209.
- Яйленко, В.П. 2020: Женщина в кресле и всадник: интерпретации от М.И. Ростовцева до ныне. *БФ* 1, 158–168.
- Яценко, С.А. 1992: Антропоморфные изображения Сарматии. В кн.: В.Х. Тменов (ред.). *Аланы и Кавказ*. Владивосток; Цхинвал, 189–214.
- Яценко, С.А. 1995: О сармато-аланском сюжете росписи на пантикапейском «склепе Анфестения». *ВДИ* 3, 188–194.
- Abramzon, M.G., Treister, M.Y., Vinokurov, N.I. 2012: Two Hoards of Coins and Jewellery Items from the Time of the Roman-Bosporan War of AD 45–49 from the Site of Artezian. *ACSS*. 18. 2, 207–278.
- Bartholomae, Chr. 1904: *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg.
- Gardthausen, V. 1913: *Griechische Palaeographie*. Bd. 2. Leipzig.
- Hansen, B. 1958: *Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Berlin.
- Justi, F. 1895. *Iranisches Namenbuch*. Marburg.
- Kaltsas, N. 2002: *Sculpture in the National Archaeological Museum, Athens. Catalogue*. Athens.
- Pape, W., Benseler, G.E. 1884: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig.
- Rostovtzeff, M. 1919: Le culte de la Grande Déesse dans la Russie Méridionale. *Revue des études grecques* 32, 462–481.
- Zgusta, L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I., Treister, M.Yu. 2012: Dva klada monet i yuvelirnykh izdeliy vremeni rimsko-bosporiskoy voyny 45–49 godov s gorodishcha Artezian [Two hoards of coins and jewelry from the Roman-Bosporan War of 45–49. from the settlement of Artezian]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 93–146.
- Abramzon, M.G., Vinokurov, N.I., Treister, M.Y. 2014: Khronologicheskie indikatory i problemy interpretatsii sloya bosporo-rimskoy voyny gorodishcha Artezian [Chronological indicators and interpretation of the layer of the Roman-Bosporan war of the Artezian settlement]. In *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekovya. Aktualnye problemy khronologii [Bosporus Cimmerian and the barbarian world in Antiquity and the Middle Ages. Relevant problems of chronology]* (XV Bosporiskie chteniya [Bosporan Readings]). Kerch, 5–16.

- Alekseeva, E.M. 2018: Antropomorfnye "nadgrobiya" nekropolya Gorgippii [Anthropomorphic "funeral stones" from necropolis of Gorgippia]. *Drevnosti Bospora* [The Bosporan antiquities] 22, 9–23.
- Koshelenko, G.A. et al. (eds.) 1984: *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya* [Ancient states of the North Pontic Region]. Moscow.
- Artamonov, M.I. 1961: Antropomorfnye bozhestva v religii skifov [Anthropomorphic deities of Scythian religion]. *Arkheologicheskii sbornik gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological collection of the papers of the State Hermitage] 2, 57–87.
- Bartholomae, Chr. 1904: *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg.
- Belousov, A.V., Saprykin, S.Yu. 2018: Eshche raz o publikatsii nadpisey s gorodishcha Artezian na Bospore [Once again on publication of the inscriptions from the Bosporan settlement Artezian]. *Aristey* 18, 246–269.
- Bessonova, S.S., Kirilin, D.S. 1977: Nadgrobnyy rel'ef iz Trekhbratnego kurgana [The funeral relief from the Trekhbratniy borrow]. In B.N. Mozolevskiy et al. (eds.), *Skify i sarmaty* [The Scythians and Sarmatians]. Kiev, 128–139.
- Boltunova, A.I., Knipovich, T.N. 1962: Ocherk istorii grecheskogo lapidarnogo pisma na Bospore [A sketch of the Greek lapidary writing on Bosporus]. *Numizmatika i epigrafika* [Numismatics and Epigraphy] 3, 3–31.
- Gafurov, A. 1987: *Imya i istoriya* [Name and history]. Moscow.
- Gardthausen, V. 1913: *Griechische Palaeographie*. Bd. 2. Leipzig.
- Dovatur, A.I. 1965: Kratkiy ocherk grammatiki bosporskikh nadpisey [A brief essay of a grammar of the Bosporan inscriptions]. In V.V. Struve (ed.), *Korpus bosporskikh nadpisey* [Corpus of the Bosporan inscriptions]. Moscow–Leningrad, 797–831.
- Hansen, B. 1958: *Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Berlin.
- Ivanova, A.P. 1951: Kerchenskaya stela s izobrazheniem vsadnika i sidyachshey zhenshchiny [The Kertch stele with representation of a horseman and a seating woman]. *Kratkie soobshchenia Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Communications of the Institute of Material Culture] 39, 27–35.
- Justi, F. 1895. *Iranisches Namenbuch*. Marburg.
- Kaltsas, N. 2002: *Sculpture in the National Archaeological Museum, Athens. Catalogue*. Athens.
- Kokov, D.N. 2001: *Izbrannye trudy* [The selected works]. Vol. 2. Nalchik.
- Korol, D.A. 2005: Motiv "vsadnika" i "vstrechayushchey bogini" na pogrebal'nykh kamnyakh Skandinavii i Severnogo Prichernomor'ya [A motif of "a horseman" and of "a meeting deity" on the funeral stones of Scandinavia and North Pontic area]. In A.V. Evglevskiy (ed.), *Strukturno-semioticheskie issledovaniya v arkeologii* [The structure-semiotic investigations in archaeology]. Donetsk. 2, 331–344.
- Korolkova, E.F. 2009: Velikaya boginya, bozhestvennyi vsadnik i zagadochnye enarey: popytka interpretatsii [A grate deity, divine horseman and enigmatic enareeis: an attempt of interpretation]. In A.G. Furasyev (ed.), *Gunny, goty i sarmaty mezhdur Volgoy i Dunaem* [The Huns, Goths and Sarmatians between the rivers Volga and Danube]. Saint Petersburg, 11–27.
- Kryukov, M.V. 1980: Lichnoe imya i terminy rodstva [A private name and the terms of kinship]. In E.M. Murzaev (ed.), *Toponimika Vostoka* [A toponymics of the East]. Moscow, 27–31.
- Kumakhov, M.A. 1981: *Sravnitel'no-istoricheskaya fonetika adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [A comparative-historical phonetics of the Adigei (Cherkessian) languages]. Moscow.
- Pape, W., Benseler, G.E. 1884: *Wörterbuch der griechischen Eigennamen*. Braunschweig.
- Podmaskin, V.V., Startsev, A.F. 1988: Udegeyskie imena [The Udegean names]. In A.V. Superanskaya (ed.), *Onomastika. Tipologiya. Stratigrafiya* [Onomastics. Typology. Stratigraphy]. Moscow, 209–221.
- Popova, E.A. 1974: Rel'ef s gorodishcha Chaika [The relief from the settlement Chaika]. *Sovetskaya arkeologiya* [The Soviet archaeology] 4, 222–230.

- Raevskiy, D.S. 1977: *Ocherki ideologii skifo-sakskikh plemen* [The sketches on ideology of the Scythian-Saka tribes]. Moscow.
- Rastorgueva, V.S., Molchanova, E.K. 1981: Srednepersidskiy yazyk [The middle Persian language]. In V.S. Rastorgueva (ed.), *Osnovy iranskogo yazykoznaniya. Sredneiranskie yazyki* [The patterns of Iranian linguistics. The middle Iranian languages]. Moscow, 6–146.
- Rostovtsev, M.I. 1913–1914: *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na yuge Rossii* [An ancient decorative painting in the Southern Russia]. Saint Petersburg.
- Rostovtsev, M.I. 1990: Iranskiy konnyi bog na yuge Rossii [An Iranian horsed god in the Southern Russia]. *Vestnil drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 192–200.
- Rostovtzeff, M. 1919: Le culte de la Grande Déesse dans la Russie Méridionale. *Revue des études grecques* 32, 462–481.
- Rudenko, S.I. 1952: *Gornoaltayskie nakhodki i skify* [The Mountain Altai finds and the Scythians]. Leningrad.
- Savostina, E.A. 1995: Tema nadgrobnoy stely iz Trekhbratnego kurgana v kontekste antichnogo mifa [A motif of the funeral stele from Trekhbratnyi borrow in a context of ancient myth]. *Istoriko-arkheologicheskiy al'manakh* [A historic-archaeological anthology] 1, 110–119.
- Saprykin, S.Yu., Vinokurov, N.I., Belousov, A.V. 2014: Gorodische Artezian v Vostochnom Krymu [The settlement Artezian in East Crimea]. *Vestnil drevney istorii* [Journal of ancient history] 3, 134–162.
- Melyukova A.I. et al. (eds.) 1989: *Stepi Evropeyskoy chaste SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [The steppes of the European part of the USSR in a Scythian–Sarmatian time]. Moscow. (Arkheologiya SSSR [Archaeology of USSR]).
- Tokhtasiev S.R. 2013: Iranskies imena v nadpisyakh Ol'vii I–III vekov nashey ery [Iranian names in the inscriptions from Ol'bia in the 1st–3rd centuries AD]. In P.B. Lurie et al. (eds.), *Commentationes Iranicae*. Saint Petersburg, 565–607.
- Shaikhulov, A.G. 1991: Tematicheskie gruppy tatarskikh i bashkirskikh lichnykh imen doislamskogo perioda [Thematic groups of the Tatar and Bashkir personal names of preislamic time]. In M.E. Rut (ed.), *Nominatsia v onomastike* [Nomination in onomastics]. Sverdlovsk, 137–142.
- Vinokurov, N.I. 2002: Novye izobrazheniya vsadnikov na Bospore [New representations of horseman on Bosphorus]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 5, 70–85.
- Vinokurov, N.I. 2003: Graffiti iz raskopok antichnykh pamyatnikov urochishcha Artezian v krymskom Priazov'e [Graffiti from the excavations of ancient sites of the Artesian tract in the Crimean Azov region]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 13, 151–192.
- Vinokurov, N.I. 2004: Plita s monogrammami i tamgoobraznymi znakami, naidennaya pri raskopkakh "Tsitadeli" gorodishcha Artezian [A slab with monograms and tamga-like signs found during the excavations of the "Citadel" of the Artesian settlement]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 7, 79–88.
- Vinokurov, N.I. 2013: Gorodishche Artezian vo vtoroy polovine I v. do n. e. – pervoy polovine I v. n. e. [Artesian settlement in the second half of the 1st century BC – the first half of the 1st century AD]. *Rossiyskiy nauchnyy zhurnal* [Russian Scientific Journal] 1 (32), 30–40.
- Vinokurov, N.I. 2019: Issledovanie stroitel'nykh ostatkov pozdney tsitadeli na gorodishche Artezian v 2015–2017 gg. [Investigation of the construction remains of the late citadel at the Artesian settlement in 2015–2017]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 24, 92–113.
- Vinokurov, N.I., Choref, M.M. 2021: K atributsii simvolov na plite, naydennoy pri raskopkakh tsitadeli gorodishcha Artezian v 2000 g. [Attribution of symbols on a slab found during the excavation of the Citadel of the Artesian settlement in 2000]. *Stratum plus* 6, 207–218.

- Yailenko, V.P. 2010: *Tysiacheletniy Bosporskiy reikh. Istoriia i epigrafika Bospora VI v. do nashey ery – V veka nashey ery* [A thousandyear Bosporan reich. A history and epigraphy of the Bosporus from 6th century BC to 5th century AD]. Moscow.
- Yailenko, V.P. 2015: Toponimika i etnonimiya antichnogo Bospora [A toponymy and ethnonymy of the Ancient Bosporus]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 19, 386–458.
- Yailenko, V.P. 2017: O publikatsii nadpisey s gorodishcha Artezian v Vostochnom Krymu [On publication of inscriptions from the settlement Artezian in the East Crimea]. *Materialy po arkhologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials on Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea] 9, 471–483.
- Yailenko, V.P. 2017: *Istoriya i epigrafika Ol'vii, Khersonesa i Bospora VII veka do nashey ery – VII veka nashey ery* [A history and epigraphy of the Olbia, Chersonese and the Bosporus from 7th century BC to 7th century AD]. Saint Petersburg.
- Yailenko, V.P. 2017b: Toponimika antichnogo Kryma [A toponymy of the ancient Crimea]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies] 35, 3–88.
- Yailenko, V.P. 2019: Epigraficheskie zametki [Epigraphical notes]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies] 39, 117–209.
- Yailenko, V.P. 2020: Zhenshchina v kresle i vsadnik: interpretatsii ot M.I. Rostovtseva donyne [A sitting woman in the chair and horseman: interpretations from M.I. Rostovtsev up to the present days]. *Bosporskiy fenomen* [Bosporan Phenomenon] 1, 158–168.
- Yatsenko, S.A. 1992: Antropomorfnye izobrazheniya Sarmatii [The anthropomorphic representations from Sarmatia]. In V.Kh. Tmenov (ed.), *Alany i Kavkaz* [The Alanians and the Caucasus]. Vladivostok–Tskhinval, 189–214.
- Yatsenko, S.A. 1995: O sarmato-alanskom syuzhete rospisi na pantikapeyskom “sklepe Anfest-eriya”. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 188–194.
- Zgusta, L. 1955: *Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha.

THE THIRD EPITAPH FROM THE ARTEZIAN SETTLEMENT (THE CRIMEAN AZOV REGION)

Nikolay I. Vinokurov¹, Valeriy P. Yailenko²

¹ *Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia*

² *Independent researcher, Moscow, Russia*

¹ *E-mail: vinokurovn@list.ru*

² *E-mail: valeryjailenko@gmail.com*

Abstract. In 2021, a third limestone tombstone with an epitaph in the foundation of Tower 2 of the Late Citadel was discovered during excavation at the Trench III of Artesian settlement. It was found northeast of the second epitaph and is close to it in chronology and origin. They were moved from the necropolis immediately after the death of the Early Citadel during the Roman-Bosporan War of AD 44/45–49. The slab was broken off from the ends, was face down, strictly horizontally on another well-treated slab, but without an inscription and relief. In addition to the inscription, a relief with a scene of an armed horseman standing in front of a woman sitting in an armchair has also been preserved. Four lines of the epitaph text have been preserved on the front side. The epitaph adds new Greek and barbaric names to the list of military settlers of the early citadel.

Keywords: Bosporan kingdom, Artezian settlement, epitaph, relief showing rider and woman, first half of the 1st century AD.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2022), 135–147
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2022), 135–147
©Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-3-77-135–147

НАДПИСЬ С ИМЕНАМИ МАСТЕРОВ ФРЕСКОВОЙ РОСПИСИ В ТРОИЦКОМ СОБОРЕ ТРОИЦКОГО МАКАРЬЕВА КАЛЯЗИНА МОНАСТЫРЯ (CIR0092)

А.Г. Авдеев

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия
Университет Дмитрия Пожарского, Москва, Россия*

E-mail: avdey57@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7253-9126

Аннотация. Данная статья является первой научной публикацией уникального эпиграфического памятника эпохи Московской Руси – надписи с именами государевых кормовых иконописцев, расписывавших Троицкий собор Макарьева Калязина монастыря летом 1654 г. Фрески Троицкого собора Макарьева Калязина монастыря (совр. г. Калязин Тверской обл.), выполненные артелью государевых кормовых иконописцев летом 1654 г., принадлежат к числу признанных шедевров древнерусского искусства середины XVII в. Значительная их часть погибла во время взрыва храма в 1940 г. Имена мастеров, расписывавших собор, запечатлены в трехстрочной надписи, которая размещена под храмовой летописью о росписи собора (CIR0031) на внутренней стороне северной стены четверика собора за северной дверью у иконостаса на левом клиросе. К началу XX в. надпись дошла с многочисленными загрязнениями и утратами красочного слоя. Надпись была снята со стены в процессе подготовки собора к взрыву в 1940 г. и перевезена в ГНИМА им. А.В. Щусева, где в настоящее время и хранится.

Методика бесконтактного трехмерного моделирования с последующей визуализацией рельефа поверхности математическими алгоритмами, используемая при документировании и исследовании эпиграфических памятников в Своде русских надписей (CIR), позволила частично восстановить утраты текста. Основным источником для обоснованной реконструкции утраченных частей надписи стала запись в Синодике Калязина монастыря, хранящимся в Тверском государственном объединенном музее, куда были вписаны имена иконописцев и их ближайших родственников. Таким образом, удалось полностью восстановить имена мастеров, расписавших фресками Троицкий собор: Симеон Аврамов (глава артели), Василий Ильин, братья Иван и Михаил Феофиластовы, Семен Сергеев Грузинец,

Данные об авторе. Александр Григорьевич Авдеев – доктор исторических наук, профессор историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, научный сотрудник Университета Дмитрия Пожарского.

Представленная публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Свод русских надписей / Corpus inscriptionum Rossicarum» при поддержке Университета Дмитрия Пожарского, Лаборатории RSSDA и ПСТГУ. URL: <https://www.cir.rssda.su>. Научный руководитель проекта – А.Г. Авдеев, технический руководитель – Ю.М. Свойский.

Петр Яковлев, братья Андрей, Илья и Василий Федоровы, Симеон Стефанов, Иван Алексеев, Иван Самойлов, Григорий Данилов, Симеон Павлов, Иван Степанов, Марк Гушин и Яков Автономов. Большинство участников артели были родом из Костромы и Ярославля, городов, давших в XVII в. целую плеяду высококлассных мастеров иконы и фресковой живописи. После росписи Троицкого собора Калязина монастыря часть упомянутых в надписи мастеров умерла во время эпидемии 1654–1655 гг., другие стали работать в иных артелях.

Ключевые слова: старорусская эпиграфика, Свод русских надписей, Троицкий Макарьев Калязин монастырь, древнерусское искусство, фресковая живопись XVII в., царские иконописцы и живописцы, синодик.

Фрески Троицкого собора Макарьева Калязина монастыря (в XVII в. – Нерехотский стан Кашинского уезда, совр. г. Калязин Тверской обл.), выполненные артелью государевых кормовых иконописцев летом 1654 г., принадлежат к числу признанных шедевров древнерусского искусства середины XVII в. К сожалению, значительная их часть погибла во время взрыва храма в 1940 г. Уцелевшие фрагменты стенописи хранятся в Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им. А.В. Щусева (далее – ГНИМА), Государственном Историческом музее, Центральном музее древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева и Калязинском краеведческом музее им. И.Ф. Никольского.

Имена мастеров, расписывавших собор, запечатлены в надписи, которая размещена под храмовой летописью о росписи собора (CIR0031) на внутренней стороне северной стены четверика собора за северной дверью у иконостаса на левом клиросе. Надпись в три строки, сделанная между нижней и верхней полосами графы темперной краской по сырой штукатурке. Эпиграфическое поле ограничено прямоугольной рамкой красного (?) цвета. Фон эпиграфического поля грязно-серый. На надписи видны многочисленные сколы и осыпи текста.

Шрифт надписи – эпиграфический полуустав, близкий рукописному, что объясняется техникой ее нанесения. Разделение на слова отсутствует. Диакритика нерегулярная. Выносные буквы в стк. 1 частично повреждены или утрачены при снятии фрески. «Вензельные» написания букв: в слове «*аврамѡ*» (стк. 2) буква *О* вписана между мачтами лигатуры *АМ*; в слове «*фѡлѡтѡ*» фита-титло вписана в центр буквы *Ѡ*; в слове «*амѡ*» (стк. 2) буква *е* вписана между мачтами буквы *М*; в слове «*амѡнѡ*» (стк.) буква *О* вписана между мачтами лигатуры *АМН*. В словах «*црѡко*» (стк.) и «*црѣк*» (стк. 1) веде-титло одновременно играет роль титла для контрактирования слова «церковь» и суспендирования его окончания. Выносная буква *Ѣ* имеет форму квадрата. Лигатуры: стк. 1 – *са* в слове «*трѣвѣнѣса*», *нѣ* и *аны* в слове «*живнѡчѣнѣ*», *тѣ* в слове «*рѣтѣ*», *пр* в слове «*прѣтѣ*», *нм* и *нѣ* в словосочетании «*н малѣн црѣк*», *чи* и *стѣ* в словосочетании «*врат {а} н стѣны*»; стк. 2 – *нм* в словах «*пнѡ*» и «*снмѣнѣ*», *ав* и *ам* в слове «*аврамѡ*», *мн*, *ан* и *мѣ* в слове «*мнѣнѡ*»; стк. 3 – *нм* в слове «*снмѣнѣ*», *ст* в слове «*стѣнѡ*», *амн* в слове «*амѡнѡ*», *гѡ* в слове «*грѣнѣнѣ*», *ав* в слове «*авѣнѡм[ов]*». «Ложные» лигатуры: в словах «*гѣтѣ*» (стк.) и «*прѣдѣтѣ*» (стк. 1) буква *Ѣ* соединена с буквой *Д* верхней перекладиной. Суспенсия: *црѣко* (стк. 1). Контрактуры: *гѣтѣ* (стк. 1), *црѣко* (стк. 1), *трѣцы* (стк. 1), *рѣтѣ прѣтѣнѣнѣ* (стк. 1), *црѣк* (стк. 1), *ѣтѣнѣ* (стк. 1), *гѣтѣнѣ* (стк. 2). Ошибки автора: в начале фразы

«[н]ер[уко]^[т]борна^[го] ѿрлза» (стк. 1) пропущено слово «Спаса»; пропуск конечной буквы **А** в слове «врлг{а}» (стк. 1).

Надпись была снята со стены в процессе подготовки собора к взрыву в 1940 г. и перевезена в ГНИМА им. А.В. Щусева, где прошла предварительную реставрацию и была очищена от загрязнений с закреплением красочного слоя. В настоящее время надпись хранится в ГНИМА им. А.В. Щусева. Отдел хранения трехмерных экспонатов. Инв. № РIV–275.

К началу XX в. надпись дошла с многочисленными загрязнениями и утратами красочного слоя: «буквы сильно стерлись, – отмечал И.Э. Грабарь, – сохранив нам лишь обрывки имен “кормовых государевых иконописцев”, расписывавших храм»¹. Состояние этого эпиграфического памятника отразили публикации, выполненные в 1910-е гг. И.Э. Грабарем и А.И. Успенским, которые без изменений воспроизводились в немногочисленных публикациях XX – начала XXI в. и способствовали распространению имен несуществующих иконописцев². Более точное прочтение надписи в 1940 г. дал директор Калязинского краеведческого музея И.Ф. Никольский в неизданной статье по истории Троицкого Калязина монастыря, чтение которого было принято Т.И. Гейдор и Г.С. Гадаловой³.

При составлении Свода русских надписей памятник был документирован 18 октября 2018 г., код документирования OG1008, код надписи CIR0092. Операторы документирования: Юрий Свойский, Екатерина Романенко, Антон Клейменов, Дарья Анисимова. Авторы описания: Александр Авдеев, Ольга Радеева.

Методика бесконтактного трехмерного моделирования с последующей визуализацией рельефа поверхности математическими алгоритмами, используемая при документировании и исследовании эпиграфических памятников в CIR⁴, позволила частично восстановить утраты текста.

Основным источником для полной реконструкции утраченных частей надписи стала запись в Синодике Калязина монастыря, хранящимся в Тверском государственном объединенном музее, куда были вписаны имена иконописцев и их ближайших усопших родственников⁵. Данная запись не публиковалась и практически неизвестна специалистам по древнерусскому искусству. Приведу ее текст в соответствии с рукописью:

(Л. 221) Роды москѡскѣи иконописцевъ которые писали стѣнное писмо въ соборноѣ цркви и въ предѣлѣ и стѣнахъ воротъ въ калязинне мнѣрѣ .

Родъ ѿбана фнлѣтъба . фокн . ѿннов . деобнлѣкта , флора . ѿдокѣн ;

¹ Грабарь, [1910–1913], 488, прим. 1.

² Грабарь, [1910–1913], 488, прим. 1 (гражданским шрифтом, по собственной копии); Успенский, 1916, 326 (гражданским шрифтом, по собственной копии); Кильдишев, 1996, 90 (по публикации А.И. Успенского, гражданским шрифтом, в современной орфографии); Словарь, 2009, 27–28 (по публикации А.И. Успенского, гражданским шрифтом, в современной орфографии).

³ Никольский, 1940, 23, прим. **** (машинописная копия рукописи, по собственной копии, гражданским шрифтом, в современной орфографии); Гейдор, 2004, 797 (гражданским шрифтом, в современной орфографии); Гейдор, 2020, 17–18 (гражданским шрифтом, в современной орфографии); Гадалова, 2020. С. 214 (гражданским шрифтом, в современной орфографии).

⁴ О методе см.: Авдеев, Свойский, 2019, 229–260.

⁵ ТГОМ КЗМ ОФ. № 920. Л. 221–221 об., 227–227 об. (л. 224–225 об. по изначальной нумерации буквенной цифирью). Записи на л. 222–226 сделаны другим почерком и другими чернилами и имеют изначальную нумерацию 219, 220, 229, 230 буквенной цифирью.

петра , адріа – ѿнокн . пераскѣѣн ; пелагійн , афонасіа мліца
 (Л. 221 об.) Рѡдъ семена абрамова .
 монсеа , татнѣнѣ , тнмофена , амвросіа , ѿнокѣ ѡупраксіѣ , мнхѣла ,
 оуѣннаго ннктѡу , мліца , вѣсоу , матроноу ,
 Рѡ вѣн^{^}ѣ нѣнѣ .
 іерѣа грнгорна , нѣнѣ , дімнітріа , прокѡпна , еѡфросіѣн , пелагійн ;
 Рѡ мліка гѣцннѣ .
 нѣакова , ѿнокѡу маремѣнѣнѣ , пѣла , аѡѡдора , ѿннѣ , ефрѣма , глнкѣрьн
 Рѡ петра ѿковѣла
 нѣакова ; нѣтѣлѣн , ѿнокѣ ѡѡрѣн , ѿнока , макѣрѣа , ннктѣора , мліца ,
 аѡтѣнѣн млі , нѡаѣнѣма , петра^б
 Рѡ нѣдрнѣ да вѣнѣа аѡдорѡвѣ .
 ѿннѣ , нѣакова , сімеѡна , аѡѡфнлакта , нѣтѣлѣн , нѣрнѣнѣ , мнтрофѣна ,
 грнгорна ;
 Рѡ семена грѣзнінѣнѣ .
 (Л. 227) нѣакова . нѣакова . сімеѡна аѡѡфѣлѣкта . мнхѣла . сѣвѣ . сѣвѡн .
 етефѣна . ѿнока ехѣн сѣрапнѡна
 Рѡ семенѣ етефѣноба
 іерѣа парфѣнѣа . мнхѣла оѡѡѣннаго . ѿннѣ . нѣрнѣнѣ . ннглѣнѣ . ннмнѣнѣ .
 марѣнѣнѣ млі
 Рѡ нѣаѣнѣа сѣмѡнѡла .
 сѣмѡнѣа : вѣнѣлѣа мліца . ѿнока сѣргѣа . дѣрнѣнѣ . агрнпѣнѣ нѣаѣнѣа . кѡмѣ .
 Рѡ нѣаѣнѣа . лѣксѣнѣа .
 лѣксѣа . лѣмѣросѣа . афонѣсѣа мннѣнѣ . вѣрѣлѣрѡн . глнкѣрьн марѣнѣ . нѣнѣнѣ оѡѡннаго
 (Л. 227 об.) Рѡ грнгорна дѣннѣла .
 мнхѣла . захѣрѣа . ѿннѣ дѣнѣла аѡдрѡнѣнѣа . вѣсѡн .
 Рѡ семенѣ пѣлаѡла .
 дѣннѣа . кѡнѣдрѣа . оѡѡннѣа . ѿннѣ . лѣвѣрѣнѣ . кѣпетѡлѣннѣнѣ
 Рѡ іѡѣна етефѣноба .
 іерѣа лѣла . іерѣа грнгорна марѣфѡн . марѣфѡн . пелагѣнѣ нѣаѣнѣа
 Рѡ нѣакова . лѣѣѡномѡла .
 ѿнока пахѡмнѣа . ѿнока сѣвѣтѣа . вѣрѣлѣрѡн . оѡлѣннѣнѣнѣ

Порядок перечисления имен в надписи и синодичной записи разный. Для реконструкции утрат в надписи сравним оба источника:

⁶ В рукописи вписано позже почерком XVIII в.

Таблица 1

Имена иконописцев в надписи из Троицкого собора и Синодике

Имя иконописца в надписи	Место в надписи	Место в Синодике
Симеон Аврамов	1	2
Василий Ильин	2	3
Иван Феофилатов и з братом Михаилом	3	1 (как Иван Филатьев, без брата)
Семен Сер[геев Грузинец]	4	7
Петр Яковлев	5	5
[Анд]рей, И[лья и] Василей Федоровы	6	6
Симеон Стефанов	7	8
Иван Алексиев	8	10
Иван Самойлов	9	9
Григорей Данилов	10	11
Симеон Павлов	11	12
Иван Степа[нов]	12	13
[Марк Гущин]	13	4
[Яков А]втономо[в]	14	14

В надписи иконописцы перечислены в соответствии с имевшимися на момент росписи статьями (степенями мастерства), но с учетом родственных связей.

Обоснование текста. 2. «мѣ сѣ[геев Грузинец]» Яковлевъ – А.И. Успенский. Яковлев – И.А. Кочетков. Прозвище восстановлено И.Ф. Никольским на основании Синодика Калязина монастыря и совпадает с размерами лакуны. Отчество «Сер[геев]» в Синодике не отражено и восстанавливается предположительно по первым буквам с возможной идентификацией схимонаха Серапиона как отца иконописца (по совпадению первых букв его мирского и монашеского имен). 2–3. петръ яков[левъ Анд]реѣ и[лья и] в[асилей] фед[оровы] Андрей и Василий Федоровы, Марк Гущин, Петр Яковлев – И.Ф. Никольский. Для предложенного И.Ф. Никольским восстановления имени Марка Гущина лакуна имеет недостаточные размеры. 3. ѿб[авнѣ] с[тефан]а[но] [Марк Гущин Яков] (Иван?) и Вавиль Петръ – А.И. Успенский. Иван Стефанов, Яков – И.Ф. Никольский. (Иван?) и Вавил Петръ – И.А. Кочетков. Восстанавливаем имя Марка Гущина, чей род был записан в Синодик Калязина монастыря, так как данная лакуна –единственное место надписи, где оно может уместиться по размеру. [А]в[то]м[о]н[ов] Автоном – А.И. Успенский, И.А. Кочетков. Автономов – И.Ф. Никольский. Конъектура И.Ф. Никольского «Яков Автономов» основана на упоминании рода иконописца в Синодике Калязина монастыря и совпадает с размерами лакуны. И.А. Кочетков восстанавливает имя не существовавшего государева иконописца «Иван Автоном»⁷.

Таким образом, восстановленный текст надписи выглядит следующим образом:

¹ ѿ сѣ гдѣ трѣбываѣи сѣ соборѣ цр҃кѣ жнбоначѣныѣ трѣцы предѣ рожѣва прѣчѣтѣѣ бѣѣи и малѣи цр҃кѣ [н]ер[уко][т]ворна[го] ѿрѣза і с[т]ѣна врат{а} и сѣчѣны

⁷ Словарь 2009, 29.

² ПИМО ГДРЕВЫ КРМОВЫ ИКОНОПНЦЫ СМЕСИМЪ АБРАМО БАСИЛІИ ИЛИ ІВАНЪ ФЕѦЛАТѦ Н З
 КРАТѦ МИХАИЛО СЕМЕ СѢ[геев Грузинец]Ъ ПЕТРЪ ИАКОВЛЕ АНДРЕИ ІА[БЯ И]
³ БАСИЛІИ АНДРЕИ СМЕСИ СТЕФАНѦ ІВАН АЛЕКСІИ ІВАН СМОНИЛО ГРИГОРИИ ДАНИЛО С[ИМЕ]Ѧ ПАВЛО
 ІВАНЪ СТЕПАНѦ [Марк Гушин, Яков А]ВЪТОНѦ[В]

Публикуемые надпись и синодичная запись позволяют выделить новые имена и уточнить уже известные биографии кормовых иконописцев.

2. **СМЕСИМЪ АБРАМО**. Царский кормовой иконописец. В 1628 г. вместе с Сидором Осиповым сыном Поспеевым и Иваном Борисовым расписывал Ризположенскую церковь в Московском Кремле. Летом 1654 г. руководил росписью Троицкого собора и надвратной церкви прп. Макария Калязинского в Калязине монастыре⁸. По именам родственников, упомянутых в Синодике Калязина монастыря, родственные связи не устанавливаются.

2. **БАСИЛІИ ИЛИ**. Василий Ильин Запокровский, посадский человек Костромы, где имел собственный двор. Фамильное прозвание «Запокровский» отражено только в надписи о росписи церкви Николы Надеина в Ярославле (СІР0542). Занимался росписями с начала 1630-х гг. В октябре 1641 г. вместе с отцом, Ильей Даниловым, братьями Дмитрием и Прокопием завершил роспись церкви Николы Надеина в Ярославле (все трое иконописца упомянуты в Синодике Калязина монастыря). После этого вызывался в Москву «ежегод к <...> государеву и иконному и стенному письму <...> лет з дватцать и больше», за что по указу Алексея Михайловича был освобожден от тягла. В 1642–1643 гг. был знаменщиком при возобновлении фресок Успенского собора в Московском Кремле. В 1649–1650 гг. в качестве государева иконописца первой статьи писал по золоту фрески в приделе и алтарях храма Рождества Богородицы в Саввино-Сторожевском монастыре. В 1652 г. возглавлял артель костромичей, участвовавших в возобновлении фресок в Архангельском соборе Московского Кремля. Роспись Троицкого собора Калязина монастыря стала последней в жизни мастера. По ее окончании он вернулся в Кострому, где, согласно Дозорной книге 1664/65 г., умер во время морового поветрия 1654–1655 гг. По предположению А.Л. Кильдишева, основывавшегося на художественной манере фресок, участвовал в росписи Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря (1641 г.), собора Рождества Богородицы Пафнутьево-Боровского монастыря (1649–1650 гг.), костромской церкви Воскресения на Дебре (1652–1653 гг.) и церкви Троицы в Никитниках в Москве (1652–1653 гг.). По его же мнению, Василий Ильин был главным знаменщиком фресок в Троицком соборе Калязина монастыря и автором замысла композиции «Откровение Иоанна Богослова»⁹.

2. **ІВАНЪ ФЕѦЛАТѦ**. Иван Феофилатов (Филатьев)¹⁰ Ярославцев (имя отца упомянуто в Синодике Калязина монастыря), родом из Ярославля. В 1642–1643 гг. участвовал в возобновлении фресок в Успенском соборе Московского Кремля, в 1650 г. расписывал собор Рождества Богородицы в Саввино-Сторожевском

⁸ Словарь 2009, 27–28.

⁹ Кильдишев 1996, 86–90. Здесь же собраны материалы о творчестве Василия Ильина Запокровского.

¹⁰ Отчество иконописца образовано от обыденной формы календарного имени «Феофилактъ», воспринимавшегося как «Феофилатъ» или (уменьшительно) «Филатий». Ср.: **ІВАНЪ ФЕѦЛАТѦ** в надписи и **ІВАНЪ ФИЛАТѦ** в Синодике Калязина монастыря (ТГОМ. КЗМ ОФ. № 920. Л. 221).

Рис. 1. Троицкий Макарьев Калязин монастырь. Троицкий собор. Фреска с именами иконописцев, расписывавших собор. Фото, CIR0092. Место хранения: ГНИМА им. А.В. Щусева. Инв. № PIV-275. Публикуется впервые.

Fig. 1. Holy Trinity Monastery of St. Macarius, Kalyazin. Holy Trinity Cathedral. Fresco with the names of the icon painters who painted the cathedral. Foto, CIR0092. Storage Place: A.V. Schusev State Research Museum of Architecture in Moscow. Inv. N PIV-275. Published for the first time.

монастыре, в 1652 г. как государев иконописец 2-й статьи участвовал в возобновлении фресок в Архангельском соборе Московского Кремля. По окончании росписи Троицкого собора Калязина монастыря осенью 1654 г. расписывал церковь Трех святителей Московских на патриаршем дворе в Кремле, в апреле и мае 1662 г. участвовал в росписи церкви Феодора Стратилата в Троицком Богоявленском монастыре на подворье Троице-Сергиева монастыря в Кремле. В 1660 г. руководил росписью Успенского собора в Московском Кремле и участвовал в росписи Архангельского собора. В 1664 г. в качестве старосты иконного ряда был у стенного и травного письма в государевых палатах и на Золотом крыльце в Кремлевском дворце, в 1665 г. расписывал трапезную Пафнутьева-Боровского монастыря. В 1666 г. участвовал в росписи Архангельского собора и в церкви Спаса Нерукотворенного образа в Кремлевском дворце, осенью того же года вместе с Симоном Ушаковым, Федором Zubовым и другими кормовым иконописцами участвовал в росписи Оружейной палаты. 30 ноября 1666 г. назначен жалованным иконописцем в Оружейную палату с окладом 11 руб., 14 четвертей ржи и 14 четвертей овса в год. В 1667 г. участвовал в росписи Благовещенского собора и Грановитой палаты. В январе 1668 г. во главе тринадцати иконописцев был послан для росписи больничных палат в Саввино-Сторожевском монастыре, в июле возглавлял артель иконописцев, расписывавших травным письмом государевы хоромы в с. Коломенском. Кисти Ивана Феофилатова принадлежит большое количество икон, полковых знамен, расписных шахмат и других произведений. Умер 5 августа 1678 г. Сын Ивана Феофилатова Тихон также стал кормовым иконописцем¹¹.

2. **и з братъ мнхано**. Брат Ивана Феофилатова Михаил известен только по росписи Троицкого собора Калязина монастыря. В Синодике Калязина монастыря имя Михаила не включено в род Ивана Феофилатова.

2. **«мѣ»** [геев Грузинец]». Известен только по росписи Троицкого собора Калязина монастыря. В древнерусской ономастике прозвище «Грузинец», образованное, по-видимому, от этнонима, встречается впервые¹². В «Словаре русских иконописцев XI–XVII вв.» не учтен.

¹¹ Словарь 2009, 724–727.

¹² Ср.: Словарь 2011, 289, s.v. грузинцы.

2. **пѣтръ ѿкоуѣ**. Кормовой иконописец средней статьи. В Синодике названы имена его родителей – Иякова и Наталии, а также деда с бабкой, принявших в конце жизни монашество, – инокини Софии и инока Макария. В 1642–1643 гг. участвовал в росписи Успенского собора Московского Кремля. В 1650 г. расписывал храм Рождества Богородицы в Саввино-Сторожевском монастыре. Работы, созданные иконописцем после росписи Троицкого собора Калязина монастыря, в источниках не упоминаются¹³.

2–3. **андрѣи ѿ[ья и] васіліі федоровы**. Три брата-иконописца, носившие фамильное прозвище Тарара (Тарарины). Вслед за А.И. Успенским И.А. Кочетков усваивает им фамильное прозвище «Юдины», что никак не вытекает из имен почивших родственников, перечисленных в Синодике Калязина монастыря. Судя по положению имени в надписи, Андрей Федоров, старший из братьев, в 1642–1643 гг. участвовал в росписи Успенского собора Московского Кремля, в 1650 г. в качестве кормового иконописца 2-й статьи расписывал «по золоту церковь и придел и алтари» в соборе Рождества Богородицы Саввино-Сторожевского монастыря, в 1652 г. участвовал в росписи Архангельского собора Кремля. Работы, созданные иконописцем после росписи Троицкого собора Калязина монастыря, в источниках не упоминаются¹⁴. Средний по старшинству брат, Илья, известен только по росписи Троицкого собора Калязина монастыря¹⁵. В Синодике Калязина монастыря его имя отсутствует среди имен братьев. Младший брат, Василий Федоров Тарара (Тарарин), в 1642–1643 гг. в качестве кормового иконописца меньшей статьи писал фрески в Успенском соборе Московского Кремля. В 1650 г. участвовал в росписи собора Рождества Богородицы в Саввино-Сторожевском монастыре, в 1652 г. участвовал в возобновлении росписи Архангельского собора в Кремле. Как кормовой иконописец 3-й статьи в ноябре 1659 г. работал над стенными росписями в Саввино-Сторожевском монастыре¹⁶.

3. **симѣѡ ѿгдѣлоу**. Кормовой иконописец меньшей статьи. В 1650 г. участвовал в росписи собора Рождества Богородицы в Саввино-Сторожевском монастыре и в 1652 г. – Архангельского собора в Московском Кремле. Работы, созданные иконописцем после росписи Троицкого собора Калязина монастыря, в источниках не упоминаются¹⁷. По именам родственников, упомянутых в Синодике Калязина монастыря, родственные связи не устанавливаются.

3. **ѿба ѿ лѣснѣ**. Кормовой иконописец, живший в Напрудной слободе в Москве. В Синодике Калязина монастыря упомянуты его отец Алексей и, очевидно, дед Амбросий. В 1652 и 1657 гг. участвовал в росписи Архангельского собора в Московском Кремле¹⁸.

3. **ѿба ѿ сѡмоулоу**. Кормовой иконописец средней статьи. Имя его отца – Самойлы – названо в Синодике Калязина монастыря. В 1642–1643 гг. участвовал в росписи Успенского собора Московского Кремля, в 1650 г. расписывал собор Рождества Богородицы в Саввино-Сторожевском монастыре, в 1652 г. участвовал в

¹³ Словарь 2009, 783.

¹⁴ Словарь 2009, 646.

¹⁵ Словарь 2009, 775.

¹⁶ Словарь 2009, 646.

¹⁷ Словарь 2009, 637.

¹⁸ Словарь 2009, 38.

росписи Архангельского собора в Кремле. Работы, созданные иконописцем после росписи Троицкого собора Калязина монастыря, в источниках не упоминаются¹⁹.

3. **гѣнѣи данилѣ**. Кормовой иконописец меньшей статьи. Отец иконописца Даниил и, возможно, мать Анна упомянуты в Синодике Калязина монастыря. В 1650 г. участвовал в росписи собора Рождества Богородицы Саввино-Сторожевского монастыря, в 1652 г. расписывал Архангельский собор Московского Кремля. Работы, созданные иконописцем после росписи Троицкого собора Калязина монастыря, в источниках не упоминаются²⁰.

3. **ѣме]ѣ павлѣ**. Родился в Костроме, где жил на Боровой улице. По именам родственников, упомянутых в Синодике Калязина монастыря, родственные связи не устанавливаются. Брат Павел умер в моровое поветрие 1654–1655 гг. С начала 1640-х гг. вызывался в Москву «ежегод к <...> государеву и иконному и стенному письму <...> лет з дватцать и больши». В 1650 г. участвовал в росписи собора Рождества Богородицы в Саввино-Сторожевском монастыре, в 1652 г. в качестве иконописца меньшей статьи участвовал в росписи Архангельского собора Московского Кремля, в 1657 г. также расписывал этот собор. В 1662 г. вместе с другими костромскими иконописцами начал роспись Троицкого собора Данилова монастыря в Переславле-Залесском, но закончить работы не успел, так как вся артель была вызвана в Москву для росписи Архангельского собора. В 1664 г. жил в Костроме и был «прожитком добре худ», в том же году вместе с семейством переселился в Москву и жил в Напрудной слободе. В мае 1668 г. был послан в Переславль-Залесский для окончания росписи Троицкого собора, но в июне вновь был отозван в Москву для росписи церкви Георгия Неокесарийского на Якиманке. В 1674 г. упоминается как кормовой иконописец 1-й статьи. Кисти Семена Павлова принадлежит большое количество икон и других произведений. Последнее его упоминание в источниках относится к 1679 г.²¹

3. **ѣвѣи ѣтепа[но]**. Костромской посадский человек. В 1642–1643 гг. расписывал фресками Успенский собор Московского Кремля, в 1652 г. в качестве кормового иконописца меньшей статьи участвовал в росписи Архангельского собора Кремля. Около 1666 г. вместе с семейством переселился в Москву и в том же году участвовал в росписи Архангельского собора, в апреле 1680 г. в качестве иконописца 2-й статьи расчищал и поновлял фрески в церквях Спаса Нерукотворного образа, св. Евдокии и Иоанна Белеградского, «что у Великого государя на верху». Кисти Ивана Стефанова принадлежит также ряд икон. По именам родственников, упомянутых в Синодике Калязина монастыря, родственные связи не устанавливаются. Участие иконописца в росписи Троицкого собора Калязина монастыря в «Словаре русских иконописцев XI–XVII вв.» не отражено²².

3. **[Марк Гушин]**. Костромской иконописец. Владел двором на церковной земле у церкви Николы Ратного в Костроме. Возможно, родителями были упомянутые в Синодике Ияков и инокия Маремьяна, дедами и бабками со стороны матери и отца – Павел и Феодора, Ефрем и Анна соответственно. В 1642–1643 гг. Марк Гушин участвовал в росписи Успенского собора Московского Кремля, в 1652 г.

¹⁹ Словарь 2009, 589.

²⁰ Словарь 2009, 174.

²¹ Словарь 2009, 464–466.

²² Словарь 2009, 634–635.

²⁴ Словарь 2009, 29–30.

Из Таблицы 2 видно, что ядро артели составили иконописцы, трудившиеся над росписью Успенского собора Московского Кремля в 1642–1643 гг. В 1649–1650 гг., во время работ в Саввино-Сторожевском монастыре, к ним присоединились еще три мастера – Симеон Стефанов, Григорий Данилов и Симеон Павлов. В окончательном виде артель сформировалась в 1652 г., когда в ее составе стали работать Иван Стефанов и Яков Автономов. В 1654 г. Симеон Аврамов (не участвовавший в работах артели, но, очевидно, знакомый с уровнем мастерства артельщиков) пригласил мастеров для росписи Троицкого собора Калязина монастыря. Видимо, по приглашению Симеона Аврамова к ним присоединились Михаил Феофилатов с братом Иваном, Семен Сергеев и Семен Грузинец (последние известны только по храмовой летописи). Однако в Синодик Калязина монастыря не были включены имена Михаила Филатьева и Ильи Федорова, хотя родство Андрея и Василия Федоровых в нем было отражено. Очевидно, лица, не попавшие в Синодик, либо занимались росписью храма короткое время, либо уровень их мастерства был достаточно низок, либо и то и другое вместе.

После росписи Троицкого собора Калязина монастыря артель распалась: часть мастеров унесло моровое поветрие 1654–1655 гг., другие стали работать в иных артелях.

Таким образом, полное восстановление публикуемой надписи на основе современных компьютерных технологий с параллельным анализом синодичных записей позволило восстановить полный список имен мастеров, работавших над росписью Троицкого собора Калязина монастыря. Это позволило исправить ошибочные чтения в предыдущих публикациях и выявить имена иконописцев, неизвестных из других источников.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдеев, А.Г., Свойский, Ю.М. 2019: Методы документирования эпиграфических памятников Московской Руси в рамках Свода русских надписей (CIR). *Вопросы эпиграфики* 10, 229–260.
- Гадалова, Г.С. 2020: *Преподобный Макарий Калязинский. Исследование и тексты*. М.
- Гейдор, Т.И. Судьба росписей Троицкого собора Троице-Калязина монастыря города Калязина. В сб.: И.А. Бондаренко (отв. ред.), *Христианское зодчество. Новые материалы и исследования*. М., 790–806.
- Гейдор, Т.И. 2020: Судьба росписей Троицкого собора Троице-Макарьева монастыря города Калязина. В кн.: З.В. Золотницкая, Ю.В. Ратомская (сост.), *Калязин. Фрески затопленного монастыря*. М., 6–21.
- Грабарь, И.Э. [1910–1913]: *История русского искусства 6: Живопись 1: История живописи. Допетровская эпоха*. М.
- Кильдишев, А.В. 1996: *Фрески церкви Воскресения на Дебре. «История мироздания» и «Апокалипсис» в росписях галерей церкви Воскресения на Дебре в Костроме*. Кострома.
- Никольский, И.Ф. 1940: *Калязинский Макарьевский монастырь. Исторический очерк*. Архив ГНИМА им. А.И. Щусева. Ф. 52 (архив А.М. Харламовой). Д. 27. КПоф–4804/27 (машинописная копия рукописи).
- Кочетков, И.А. (ред.-сост.) 2009: *Словарь русских иконописцев XI–XVII вв.* М.
- Словарь, 2011: Мжельская, О.С. (ред.) 2011: *Словарь обиходного языка Московской Руси XVI–XVII вв.* 4. СПб.

- Успенский, А.И. 1916: Царские иконописцы и живописцы. В кн.: *Записки Московского археологического института им. Николая II* 39. М.
- Corpus Inscriptionum Rossicarum / Свод русских надписей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cir.rssda.su>.

REFERENCES

- Avdeev, A.G., Svoyskiy, Yu.M. 2019: Metody dokumentirovaniya epigraficheskikh pamyatnikov Moskovskoy Rusi v ramkakh Svoda russkikh nadpisey (CIR) [Methods of documentation epigraphic monuments of Moscow Russia in the framework of a Corpus of Russian inscriptions (CIR)]. In A.G. Avdeev (ed.), *Voprosy epigrafiki* [Epigraphic issues] 10, 229–260.
- Corpus Inscriptionum Rossicarum*, <http://cir.rssda.su>.
- Gadalova, G.S. 2020: *Prepodobnyy Makariy Kalyazinskiy. Issledovanie i teksty* [The Saint Macarius of Kalyazin. Research and text]. Moscow.
- Geydor, T.I. 2020: Sud'ba rospisey Troitskogo sobora Troitse-Kalyazina monastyrya goroda Kalyazina [The fate of the murals of the Trinity Cathedral of the Trinity-Kalyazin monastery in Kalyazin]. In I.A. Bondarenko (ed.), *Khristianskoe zodchestvo. Novye materialy i issledovaniya* [Christian architecture. New materials and research]. Moscow, 790–806.
- Geydor, I. 2020: Sud'ba rospisey Troitskogo sobora Troitse-Makar'eva monastyrya goroda Kalyazina [The fate of the murals in the Trinity Cathedral of the Trinity-Macarius Monastery in Kalyazin]. In Z.V. Zolotnitskaya, Yu.V. Ratonskaya, *Kalyazin. Freski zatoplennogo monastyrya* [Kalyazin. Frescoes of the flooded monastery]. Moscow, 6–21.
- Grabar, I.E. [1910–1913]: *Istoriya russkogo iskusstva 6: Zhivopis' 1: Istoriya zhivopisi. Dopeetrovskaya epokha* [History of Russian Art 6: Painting 1: The History of Painting. The epoch before Peter I]. Moscow.
- Kildishev, A.V. 1996: *Freski tserkvi Voskreseniya na Debre. "Istoriya mirozdaniya" i "Apokalipsis" v rospisyakh galerey tserkvi Voskreseniya na Debre v Kostrome* [Frescoes in the Church of the Resurrection on the Debra. "Story of Creation" and "The Apocalypse" in the frescoes in the galleries of the Church of the Resurrection on the Debra in Kostroma]. Kostroma.
- Nikolskiy, I.F. 1940: Kalyazinskiy Makarevskiy monastyr'. Istoricheskiy ocherk [Kalyazinsky Makariev Monastery. Historical essay]. In Arkhiv Gosudarstvennogo nauchno-issledovatel'skogo museja im. A.I. Shchuseva [Archive of the A.V. Schusev State Research Museum of Architecture in Moscow]. Fund 52 (Archive of A.M. Kharlamova). Book 27. File KPof-4804/27 (manuscript).
- Kochetkov, I.A. (ed.) 2009: *Slovar' russkikh ikonopistsev XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian Icon Painters from the 11th to 17th cent.]. Moscow.
- Mzhelskaya, O.S. (ed.) 2011: *Slovar' obydennoy yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv.* [Dictionary of everyday language of Moscow Russia in the 16th–17th cent.], 4. Saint Petersburg.
- Uspenskiy, A.I. 1916: Tsarskie ikonopistysy i zhivopistysy [Royal icon painters]. In *Zapiski Moskovskogo arkheologicheskogo instituta im. Nikolaya II* [Notes of the Nicholas II Moscow Archaeological Institute] 39. Moscow.

INSCRIPTION WITH THE NAMES OF THE MASTERS OF FRESCO
PAINTING IN THE TRINITY CATHEDRAL OF THE TRINITY-MACARIUS
MONASTERY IN KALYAZIN (CIR0092)

Alexander G. Avdeev

*Saint Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia;
Dmitry Pozharsky University, Moscow, Russia*

E-mail: avdey57@mail.ru

Abstract. This paper is the first scientific publication of a unique epigraphic monument from the epoch of Moscow Russia, the inscription with the names of the tsar's fodder icon painters who painted the Trinity Cathedral in the Trinity-Macarius Kalyazin monastery during the summer of 1654. The frescoes in the Holy Trinity Cathedral of the Makariev Kalyazin Monastery (present-day Kalyazin, Tver Region), made by a team of icon painters in the summer of 1654, are among the recognized masterpieces of the Old Russian art of the mid-17th century. A large part of them was destroyed in the explosion of the cathedral in 1940. The names of the masters who painted the cathedral are engraved in a three-line inscription under the chronicle of the Cathedral (CIR0031), which is located on the inside of the northern wall of the quadrangle behind the northern door near the iconostasis on the left choir. By the early 20th century, the inscription had survived with numerous contaminations and losses of the paint layer. The inscription was removed from the wall during the preparation of the cathedral for the explosion in 1940, and transported to the A.V. Shchusev State Research Museum, where is currently.

A technique for non-contact 3D modeling with subsequent visualization of the surface topography by mathematical algorithms used in documenting and examining epigraphic monuments in *Corpus Inscriptionum Rossicarum* (CIR) has allowed the loss of text to be partially recovered. The main source for the substantiated reconstruction of the lost parts of the inscription is the entry in the Synodic of Kalyazin Monastery, kept in the Tver State United Museum, where the names of the icon painters and their immediate family members have been inscribed. Thus, it was possible to fully restore the names of the masters who painted the frescoes in the Trinity Cathedral: Simeon Avramov (head of the artel), Vasily Ilyin, brothers Ivan and Mikhail Feofilatovs, Semen Sergeyev Gruzinets, Peter Yakovlev, brothers Andrey, Ilya and Vasily Fedorovs, Simeon Stefanov, Ivan Alexiev, Ivan Samoilov, Grigory Danilov, Simeon Pavlov, Ivan Stepanov, Mark Gushchin and Yakov Avtonomov. Most of the participants in the artel came from Kostroma and Yaroslavl, towns which produced a plead of skilled icon and fresco painters in the 17th century. After the painting of the Holy Trinity Cathedral at Kalyazin Monastery, some of the painters died during the epidemic of 1654–1655, while others began working in other artels.

Keywords: epigraphy of Moscow Russia, *Corpus Inscriptionum Rossicarum*, Trinity-Macarius Monastery in Kalyazin, Russian Art of the Pre-Peter I's epoch, 17th century fresco paintings, tsarist icon painters, synodic.

Круглый стол «Древние цивилизации Мезоамерики»

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2022), 148–169
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2022), 148–169
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-3-77-148–169

В ПЕРЬЯХ КЕТЦАЛЯ: КОСТЮМ И ПРИЧЕСКА МАЙЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТЕРРАКОТ)

И.Ю. Демичева

Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС, Нижний Новгород, Россия

E-mail: iudem@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5006-0365

Аннотация. Статья посвящена основным особенностям изображений майяского костюма и причесок, представленных на терракотах майя I тыс. н.э. Описана вариативность модельного ряда мужской и женской одежды. Мужские элементы одежды на фигурках в основном представлены набедренными повязками, юбками, «жилетами», накидками, плащами, рубашками, штанами. Отдельно описаны специализированные предметы костюма (стеганая броня, хомуты для игроков в мяч и пр.). Дана характеристика основных предметов женской одежды с их подробным описанием. В первую очередь, это уипиль, юбки и платья. Проанализированы особенности изображения и способы ношения одежды с учетом социального статуса представителя майяского общества и (или) рода его деятельности. Выявлены различия в костюмах и отдельных предметах одежды, их назначении и возможном функционале. Большое внимание уделено анализу головных уборов и причесок, которые являлись органичным составляющим элементом целостных образов. На основе фигурок с острова Хайна выделены основные типы, подтипы и варианты подтипов причесок с детальной прорисовкой. Представлено краткое описание базовых значений выделенных типов, подтипов и вариантов мужских и женских причесок с указанием количественного и процентного их преобладания на фигурках представленной выборки.

Данные об авторе: Ирина Юрьевна Демичева – кандидат исторических наук, эксперт научного центра НИУ РАНХиГС.

На основе анализа терракотового материала сделаны выводы о существенной взаимосвязи между одеждой изображенного персонажа и его половой принадлежностью, родом занятия и статусом.

Ключевые слова: майя, терракота, фигуративная пластика, костюм, прическа.

Еще на рубеже XIX–XX вв. знаменитый американский писатель Марк Твен писал: «Одежда создает человека. Голые люди имеют крайне малое влияние в обществе, а то и совсем никакого». Несомненно, то, что носит человек, как правило, отражает его статус в социальной иерархии, указывает на материальные возможности и положение. Кроме того, одежда и костюм чаще всего являются собой один из основных маркеров той или иной цивилизации на разных этапах ее исторического развития. По сути, костюм дает характеристику времени, места, традиций, социальной стратификации общества и в ряде случаев роли человека в данном социуме.

Современные исследователи при характеристике костюма майя привлекают самый широкий круг источников и используют целый комплекс различных методов. Анализируются немногочисленные находки остатков ткани, из которых изготавливалась одежда. Подробно описываются изображения на фресках, стенах, расписной полихромной керамике. Широко применяются письменные источники как майяского, так и испанского происхождения.

Фундаментальными источниками для изучения данного направления являются изображения на расписной полихромной керамике, которую подробно проанализировала в своем диссертационном исследовании К.Г. Тремайн¹. Серьезная работа по реконструкции костюма была проведена А. Пармингтоном, внимательно изучившим стелы, панели, притолоки², при этом исследователь дал подробную характеристику историографии вопроса, связанного с изучением костюма майя в контексте искусствоведческого, исторического и археологического анализов³. Большой интерес представляет работа К. Хальперин, анализирующей особенности изготовления и использования тонкого прозрачного текстиля⁴.

Уникальным источником при этом остаются терракоты, которые позволяют реконструировать костюм майя не только в формате «на плоскости», но и в виде объемных изображений, что дает возможность взглянуть на майяский костюм не только «спереди», но и «сзади».

Именно поэтому, когда речь идет об описании костюма майя классического периода, основанного на анализе фигуративной пластики, стоит учитывать ряд особенностей. Во-первых, по своему функционалу можно выделить повседневную одежду и, собственно, костюм, который предназначался для проведения каких-либо особых и значимых мероприятий (церемоний разного рода, танца, игры в мяч, для военного похода) и нередко указывал на род занятия изображенного персонажа или его профессиональную деятельность (например, воины). Во-вторых, одежда и костюм отличен по гендерной принадлежности субъектов:

¹ Tremain 2017.

² Parmington 2000.

³ Parmington 2000, 8–12.

⁴ Halperin 2016, 431–464.

мужской и женский. При этом в ряде случаев можно выделить и вариант детской одежды. В-третьих, это разграничение одежды и костюма по статусу персонажей: вариант «дорогого облика» и вариант, не требующий таких существенных затрат. При этом данные категории не исключают друг друга, а, наоборот, являют собой составные части единого образа, завязанные на роли и значимости терракотного персонажа.

Кроме того, большое значение имели региональные и климатические особенности, которые естественным образом оказали серьезное влияние на специфику различных элементов одежды майя, что, впрочем, в равной степени касается стилей причесок и украшений. Стиль одежды, представленный на фигурках о-в Хайна, разнится с тем, что представлен на фигурках из областей горной Гватемалы. При этом сохраняются общие тенденции в наборе элементов костюма.

Одежду, элементы костюма, головные уборы, обувь майя изготавливали и декорировали из доступного сырья. Большей частью это был хлопок, шкуры животных, тростник, дерево, пальма, перья птиц, листья, цветы, раковины и т.д.⁵. Выбор материала для одежды напрямую зависел от ранга, статуса и ее назначения и, естественно, был производным от климатических условий. Стоило разграничивать одежду, предназначенную для жаркой влажной погоды и прохладной. Кроме того, серьезную роль в выборе сырья играла и географическая локализация региона проживания: низменные области или высокогорья⁶. Наиболее распространённым сырьем для изготовления одежды был хлопок, получаемый из хлопчатника обыкновенного (*Gossypium hirsute*), различных видов агавы и аналогичных растений. При этом хлопок, выделенный из дерева Сейба, являлся волокном иного плана, несомненно, важным, но не часто используемом для ткачества и производства одежды⁷.

Помимо этого, использовали капок, юкку и агаву⁸. Ткани, изготовленные из шерсти животных, майя в это время не использовали. Однако ряд исследователей предполагает, что для изготовления текстиля могли применяться элементы перьев и кроличий мех⁹. Делается предположение, что волокна могли быть интегрированы и ткань, в зависимости от назначения и плотности, могла изготавливаться из разных растений. Например, три текстильных изделия из погребения № 19 в Рио-Асуль были изготовлены не из хлопка, а были произведены из другого растительного волокна¹⁰.

К сожалению, анализ фигуративной пластики за редким исключением не дает возможности определить состав материала одежды и уж тем более волокон. Визуально можно интерпретировать перья, украшения из жада или раковин, цветы или шкуры животных, которые имеют яркое внешнее сходство с реальным природным прототипом.

Одним из наиболее очевидных направлений анализа элементов одежды и костюма в целом является анализ по гендерному признаку, тем более что в составе

⁵ Parmington 2000, 28.

⁶ Hellmuth 2012, 34.

⁷ Hellmuth 2012, 34.

⁸ Tremain 2017, 87.

⁹ Tremain 2017, 87.

¹⁰ Tremain 2017, 88.

костюма майя четко выделяются предметы, которые носились, либо мужчинами, либо женщинами, т.е. определенно не использовались представителями другого пола.

Относительная лаконичность в выборе одежды была характерна для мужчин не всегда. При анализе расписной полихромной керамики К. Тремайн выделяет восемь элементов мужской одежды: набедренная повязка; короткая юбка; длинная юбка; юбка с запахом; шкуры животных; накидка, плащ, мантия¹¹. Интересным является анализ изображения мужчины в прозрачной тонкой одежде, которая была характерна для женщин, на расписной керамике из Американского музея естественной истории Нью-Йорка¹².

Когда речь идет о терракоте, то уместнее выделить тип элемента одежды с различными вариантами. В своем большинстве это набедренные повязки, юбки, «жилеты», накидки, плащи, рубахи, штаны. Отдельно стоит обратить внимание на специализированные предметы костюма (стеганная броня, хомуты для игроков в мяч и пр.).

Наибольшей популярностью ввиду своей практичности и универсальности обладали набедренные повязки, которые в большей степени представлены на терракотах изображающих мужчин.

Зачастую именно способ завязывания и система декорирования данной одежды могут послужить критерием определения различных вариантов набедренных повязок, представленных на фигурках. К первому можно отнести повязку, обвёрнутую вокруг талии, край которой спускается спереди наподобие фартука, при этом он продевается не поверх основы конструкции, а под ней. Чаще всего такие набедренные повязки не были украшены вышивкой или иными видами декорирования. Ключевым отличительным признаком второго варианта является то, что край ленты повязки был протянут сверху изделия. Фалды таких набедренных повязок были разной ширины и могли завязываться широкими или узкими узлами на разных участках по длине. На одной линии, как правило, был только один узел, большее количество встречается крайне редко. Набедренные повязки украшались вышивкой как по всей площади изделия, так и точечно.

Декорирование различных элементов одежды отличалось большим разнообразием растительного, зооморфного и, в первую очередь, геометрического орнамента. Оно осуществлялось путем прямого плетения рисунка, вышивки и, по мнению некоторых исследователей, прорисовки рисунков на ткани по принципу современного батика¹³. Овалы, круги, ромбы, треугольники, прямоугольники, галочки, прямые, зигзагообразные и волнообразные линии различной длины и ширины выполнялись с особой тщательностью и вниманием к деталям. Их локализация, комбинация и чередование создавало единый и цельный образ одежды. Цветовая гамма зависела от возможностей и мастерства изготовителя, а также материальных возможностей пользователя.

В целом набедренная повязка была основополагающим элементом мужского костюма, которая носилась как самостоятельно, так и в комплексе с другими предметами одежды и могла выполнять функцию и нижнего белья, и верхней одежды.

¹¹ Tremain 2017, 184.

¹² Tremain 2020, 103–113.

¹³ Tremain 2017, 92.

Носили ее лица различного социального статуса: и рядовые общинники, и различные категории городского населения, и представители чиновничьего и управленческого аппарата, и придворные с правящей элитой. Чаще всего богатый декор на одежде был характерен для обеспеченных категорий населения.

Наличие дополнительных разнообразных ювелирных украшений при грамотном стилистическом сочетании с одеждой позволяло создавать целостную картину образа майяской верхушки общества. Примечательно, что тучные люди независимо от их социальной роли и статуса, вероятней всего, носили набедренную повязку несколько по-иному. В силу физических особенностей и наличия лишнего веса они завязывали «пояс» набедренной повязки под пупком, ниже кожно-жировой складки, что обеспечивало им больший комфорт.

Целый ряд таких фигурок был зафиксирован при раскопках в Алтарь-де-Сакрифисьюс¹⁴. Набедренные повязки имели широкую географию распространения по всей территории цивилизации майя. На это указывают не только многочисленные находки антропоморфных фигурок в различных регионах майя, но и большое количество их изображений на фресках, стелах, притолоках и полихромной керамике¹⁵.

Еще одной довольно распространенной деталью мужского костюма была юбка. На фигурках юбки были представлены в двух вариантах по «крою». В первом случае это юбка с запахом, выполненная в виде широкого отреза ткани, где один из краев при плотном обвертывании по поясу загибался за сформированный пояс по талии. Длина изделия могла достигать до колена или ниже. Сторона запаха могла быть как правой, так и левой.

Юбки второго варианта крепились с помощью пояса, который мог одновременно являться и поясом набедренной повязки. Пояс чаще всего скрывался под изделием. На некоторых фигурках можно выявить одновременное ношение юбки и набедренной повязки. Края таких юбок, в отличие от описанных выше, могли иметь волнообразный край. Юбки так же, как и другие элементы как мужского, так и женского костюма, декорировались известными орнаментами.

Интересным и дискуссионным элементом, который на текущем этапе исследования нельзя однозначно выделить в самостоятельный предмет одежды или отнести как конструктивный элемент других предметов, являются длинные фалды, напоминающие или край набедренной повязки, или край удлиненной юбки. Такие «ленты» прикрывали нижнюю часть туловища мужчины. Они закрывали верхнюю часть ноги (до или чуть ниже колена) или спускались до икры.

Скромно представлены фигурки, изображающие мужчин в штанах, которые, как правило, были свободного кроя и могли достигать до колен и ниже. Чаще всего они встречаются как часть стеганного защитного вооружения или как часть военного костюма, украшенного перьями.

Интересными предметами мужского костюма, которые, однако, не очень широко представлены на терракотах, были рубахи простого кроя, различные туники и своего рода пальто.

Рукава рубах могли достигать до локтя или закрывать запястье. На терракоте присутствуют фигурки мужчин, у которых поверх рубахи накинута плащ или на-

¹⁴ Willey 1972, 40.

¹⁵ Kerr 1992.

кидка, декорированные различного рода геометрическим рисунком как частично, так и по всей поверхности.

Мешковатые туники, представленные на фигурках, были различной длины. Встречаются изделия, края которого лишь незначительно ниже талии, и модели, длина которых доходила до щиколоток, закрывая их. Форма ворота не отличалась вариативностью и, как правило, была или квадратной (в ряде случаев прямоугольной), или округлой и круглой. Рукава в классическом их понимании не были выделены из-за того, что боковые границы переда и спинки не соединялись. Как и другие элементы одежды, туники декорировались, при этом чаще всего декор был представлен по контуру изделия.

Своеобразное «пальто» также относится к предметам одежды, которые на фигурках мужчин встречаются не очень часто. Тем не менее по внешнему виду и «крою» оно схоже с традиционным вариантом «пальто» или плаща. В такой одежде изображались представители правящей элиты или царского двора и воины. Длина изделия в большинстве своем доходила до щиколоток или пяток. Встречаются модели и более укороченного варианта. Правая и левая полочки изделия не соединялись и не скреплялись какими-либо способами. Длина рукавов варьировалась от укороченных до длинных. При этом в таких моделях они неплотно облегали руки. Декор изделия отличался разнообразием. Использовались вышивка и перья. Площадь покрытия рисунками и украшениями могла быть как фрагментарной, так и полной. Иногда среди терракотовых фигурок встречаются персонажи, у которых поверх «пальто» накинута накидка¹⁶.

Форма и размер изделий были довольно разнообразными. Большие и маленькие, узкие и широкие, они накрывались на плечи, частично или полностью закрывая спину. В ряде случаев фиксируются терракоты, где прорисованы спускающиеся на грудь завязки плаща. Плащи, как и накидки, были разнообразной длины. Встречаются как короткие экземпляры, так и те, которые закрывали большую часть спины персонажа.

Данный элемент одежды нередко покрывался перьями и, вероятно, листьями. Примечательным является идентификация персонажа, предположительно отправляющего обряд (*ch'a'joom*), главным атрибутом которого является плащ, богато украшенный листьями табака, капала или перца¹⁷.

Немногочисленными являются и изображения мужчин с поясом. Пока сложно говорить о степени распространения данного элемента одежды. Скорей всего, он выполнял функцию крепления других предметов одежды и был скрыт под ними. Ряд исследователей предполагает, что пояса появились в результате ношения набедренной повязки под штанами, что впоследствии позволило набедренной повязке трансформироваться в пояс¹⁸. Некоторые детали таких поясов в ряде случаев заметны под набедренными повязками. Кроме того, они бывают видны при детальном осмотре «хомутов», которые традиционно носили игроки в мяч.

Отдельную группу в комплексе мужского облачения занимает так называемый панцирь, или стеганная броня, представлявший собой часть защитного вооружения майяского воина. Такая одежда могла быть представлена как рубахой

¹⁶ Rands and Rands 1965, 548.

¹⁷ Tremain 2017, 135.

¹⁸ Tremain 2017, 126.

с длинными рукавами в комплекте со штанами, так и просто рубахой. На фигурках четко проработаны линии простёгивания всей поверхности изделия с хорошо прорисованными ячейками. Не менее популярен и костюм, украшенный перьями. Чаще всего перьевая броня могла полностью покрывать тело мужчины и состояла, как и стеганая, из двух элементов: плотно облегающих штанов и рубахи. Иногда была представлена только рубаха. Крепление перьев брони на фигурках представлено двумя способами. В первом случае броня покрывалась небольшими по размеру, но довольно широкими перьями, которые были выстроены в параллельные друг другу ряды, плотно сомкнутые между собой и не имеющие видимых зазоров. Во втором случае более узкие и длинные перья крепились рядами в шахматном порядке, при этом цельная броня также не имела зазоров. Расположение рядов могло иметь как четкую последовательность, так и быть строго выверенным. В ряде случаев композицию костюма мог завершать воротник или надетая поверх штанов набедренная повязка, пояс.

Не меньший интерес представляет собой костюм мужчины, который являлся игроком в мяч. В отличие от танцоров, он имел четкий маркерный элемент, определяющий род деятельности его носителя. Это специальный «хомут», который был надет на талию. Крепление и материал конструкции имел несколько вариантов. Встречаются экземпляры, на которых такой хомут представлял собой много слоев плотной ткани, обернутой вокруг живота мужчины. Чаще игроки в мяч носили хомуты внушительных размеров, которые частично или полностью перекрывали грудь игрока и были изготовлены из плотного материала, по всей видимости дерева. Иногда они были сделаны в виде тела и головы змеи, выполняющей функцию «навершия».

Такие хомуты, как правило, крепились с помощью пояса, являвшегося основой всей конструкции. Кроме того, он частично защищал кожу игрока от повреждений. Другими элементами костюма игроков в мяч были защитные наколенники и пышный головной убор, впрочем, незначительно отличавшийся от головных уборов, в которых традиционно изображались представители знати и правящей верхушки, и поэтому не являвшийся основным при идентификации изображенного субъекта как игрока в мяч.

В целом мужской костюм отличался серьезным разнообразием модельного ряда. В отличие от него женская одежда имела меньшую вариативность. Интересно, что на терракотах представлены как полностью одетые дамы, в богатых костюмах, так и женщины в достаточно откровенных нарядах, с обнаженной грудью или же просто представительницы прекрасного пола без одежды. Последние практически отсутствуют на расписной полихромной керамике или стелах и других предметах майяского искусства.

Женский костюм был представлен не только элементами верхней одежды, но и теми, которые использовались как нижнее белье. При этом часто один вид одежды выполнял обе эти функции.

Наибольшей популярностью пользовались уипиль, представляющие собой один из вариантов «туникообразной» одежды, которые хорошо известны по различным источникам. Основываясь на анализе терракотового материала, можно четко определить два варианта уипиль, при этом основным критерием является степень декорирования изделия.

Первый представляет собой простую «рубашу», практически не имеющую каких-либо украшений. Вырез ворота может быть довольно глубокий, что в ряде случаев сильно оголяет плечи изображенной особы и даже может частично приоткрывать грудь. Боковые края такого изделия одновременно являлись его «рукавами», которые могли доходить до локтя.

Длина уипиль в целом варьируется от достаточно коротких вариантов (ниже пояса) до довольно длинных, где края подола достигают пяток. Р. Пинья отмечает интересную функциональную особенность таких «рубаш», которая заключалась в использовании их для сна¹⁹.

Второй вариант данной модели сочетает в себе относительную строгость при обилии разнообразного декора. Ворот изделия мог быть квадратным или трапециевидным. Поверхность изделия частично или полностью украшалась вышивкой или иными способами декорирования. Наиболее распространенным, судя по терракотовому материалу, был геометрический орнамент. Причем среди его разновидностей чаще встречаются разные варианты ромбовидного. По краям горловины, подола и «рукавов» делалась кайма линейных, прямоугольных, листовидных полосок.

В более скромных по декору моделях украшались края горловины, плеч и края подола при отсутствии узоров в центре уипиль. В основном в таких случаях фигурировали широкие полосы, состоящие из комбинации ромбов и крестовидных геометрических фигур. Встречаются фигурки, где данный предмет одежды украшен стилизованными иероглифическими надписями или флористическими мотивами. При этом, судя по проработке, некоторые из них отражали вышивку (при вдавлении по глине) или представляли собой роспись по ткани (в случае если рисунок по глине прорисован краской). Однако такое разнообразие декора было характерно не только для данного вида одежды.

Еще одной интересной особенностью таких уипиль являлась разная длина переда изделия и спинки. Зачастую их передняя часть могла быть короче и лишь незначительно перекрывать талию, при этом спинка могла достигать пяток. Нередко под такой уипиль надевалась нижняя юбка, края которой видны спереди. Длина рукавов могла быть совершенно различна. Например, так могла выглядеть женщина майя в богатом наряде, послужившая прототипом для терракотовой статуэтки из фонда Национального музея антропологии в Мехико²⁰ (рис. 1.)

Отдельно стоит обратить внимание на роль, которую выполняли уипиль, принадлежащие представительницам правящего дома. Жены правителей нередко использовали этот предмет одежды как дорогостоящий подарок или подношение²¹. Кроме того, есть упоминание о том, что «парчовые» уипиль, которые носила Леди К'аб'аль-Шоош (K'ab'aal Xoosh) из Йашчилана (были завещаны ее дочери (дочерям) в качестве ценных предметов. В случае если «королевская семья» попадала в затруднительное положение, такую вещь могли использовать как валюту²².

¹⁹ Piña 1968, 108.

²⁰ Инв. № 05.0-01016. См.: https://mna.inah.gob.mx/colecciones_detalle.php?id=68422&sala=9&pg=7.

²¹ Tremain 2017, 34.

²² Tremain 2017, 39.

Рис. 1. Женщина майя в богатом наряде (Реконструкция автора 2021, художник Ж.Н. Пожарницкая).

Fig. 1. Mayan woman in rich costume (reconstruction I. Demicheva 2021, painter J. Pozharnitskaya).

В меньшей степени на фигурках встречаются открытые короткие блузки-шали, известные как кечкемитль. Изделие было значительно короче уипиль. Интересной особенностью их изображений на фигурках является практически полное отсутствие декоративных элементов. Глубина и форма выреза горловины изделия была различной. Могла быть овальной, квадратной или подквадратной. Чаще всего кечкемитль носили с юбками простого кроя.

Большой популярностью у женщин пользовались различные юбки. Они носились как самостоятельно, так и комбинировались с иными элементами женского костюма. Примечательно, что иногда дамы изображались просто в юбке, при этом грудь женщины вообще не была прикрыта другой одеждой. Длинные юбки с запахом плотно оборачивались вокруг талии. Визуально они напоминали саронг – предмет одежды, который скрывал большую часть тела дамы, как правило, завязываясь под мышками. Юбка же завязывалась на талии или же выше, прямо под

грудью. Края юбок могли достигать длины чуть ниже колен или закрывать ноги полностью. На фигурках представлены юбки с лаконичным декором или вообще без него.

Довольно редко женские персонажи облачены в простые по крою платья. Подол платья чаще всего расширялся книзу. При этом интересно, что иногда передний край подола был срезан по косой и из-под платья была видна юбка. Такие края богато декорировались разноцветной вышивкой. Многослойность одежды вкупе с ее богатым декором часто косвенно указывает на статусность женского персонажа.

В отличие от мужского костюма майя женский отличался меньшей вариативностью по набору элементов одежды. При этом как в первом, так и во втором случае была одежда, носимая исключительно женщинами или мужчинами (за исключением костюмов профессионального назначения).

Целостность композиции образов персонажей нередко достигалась за счет детализированной проработки головных уборов и причесок. Примечательно, что именно богато декорированные многочисленными перьями и лентами грандиозные конструкции головных уборов и не менее сложно плетенные прически стали одной из ключевых отличительных черт майяского костюма.

Различные варианты головных уборов отмечены искусностью изготовления, сложностью структуры, многокомпонентностью. В особых условиях климата покрытие головы было не только способом статусного выделения, но и необходимостью сохранения здоровья. В связи с этим мужчины носили шляпы различных вариантов, «тюрбаны», всевозможные многослойные повязки, интересные конструкции головных уборов из перьев или выполненные в форме голов животных. Отдельно стоит отметить шлемы, по всей видимости, выполненные из дерева.

Анализируя головные уборы в общем количестве 532 единицы на фигурках из региона Мотуль-де-Сан-Хосе, Накума, Сан-Клементе, Ишлу, Сакпетена, Ништун-Чича, региона Пуук, Топоште и Йашхи, К. Хальперин выделяет 22 варианта головных уборов²³. При этом подавляющее большинство из них составляют широкополые шляпы (21,1%), и веерообразные головные уборы из перьев (17,5 %). Стоит отметить, что значительным многообразием отличаются головные уборы на статуэтках из региона Мотуль-де-Сан-Хосе, что составляет 18 вариантов от общего количества идентифицированных. Чуть меньше их фиксируется на материале Накума (13 вариантов), Сан-Клементе (12 вариантов), Ишлу, Сакпетена, Ништун-Чича (11 вариантов). Менее представительными являются головные уборы, выявленные на фигурках из региона Пуук (3 варианта), Йашхи (6 вариантов), Топоште (5 вариантов)²⁴.

На материалах с о-ва Хайна можно говорить о наличии базовых типов головных уборов с их подтипами, различными в деталях.

Чаще всего на фигурках встречаются головные уборы, выполненные в виде ленты широкого полотна, которая оборачивалась вокруг головы, где ее узкие края завязывались узлом. Узел мог располагаться как спереди, так и сзади и даже сбо-

²³ Halperin 2014, 225–228.

²⁴ Статистические сведения представлены на основе анализа таблиц из указанных регионов, представленных в приложении 3.2. см. Halperin 2014, 225–228.

ку. Верхняя часть такой конструкции часто была направлена вверх, могла быть опущена на бок или лежать на спине.

Довольно хорошо на фигурках представлены изображение «тюрбанов», которые различны как размером, так и формой. Небольшой по величине «тюрбан» покрывал голову не полностью, а только ее часть. Более внушительные конструкции могли значительно возвышаться над головой и серьезно превосходить ее размеры. Как правило, по форме она напоминали ровную или незначительно деформированную сферу, встречаются и модели подовальной формы, создающие ощущение сплюснутости конструкции. Элементы декора являлись традиционными: вышивки, перья, «бусины», ракушки.

Менее грандиозным головным убором, но достаточно функциональным была повязка. На фигурках она в большинстве своем трехслойная. Ее основа плотно обворачивалась вокруг головы, формируя один или несколько слоев, и завершалась в центре лба уменьшающимися по длине полосами, центр которых венчало округлое украшение. Примечательно, что одним из маркеров власти чаще всего выступала так называемая белая повязка (Sak Hunal), которую носили правители как инсигнию власти²⁵.

Довольно хорошо в терракоте представлены и разнообразные, плотно облегающие голову «шапочки», и вполне узнаваемые широкополые конические шляпы.

Особое место в ряду головных уборов занимают всевозможные конструкции, выполненные из перьев. Из чего был выполнен каркас таких монументальных и часто многоярусных конструкций, только на основе осмотра фигурок предположить затруднительно. Возможно, они изготавливались из плотных тканевых и (или) деревянных основ с последующим креплением на них перьев. Контуры таких головных уборов, как правило, были округлыми или имели явно выраженные закругленные края. Встречаются экземпляры с абсолютно ровной окружностью, сформированной из состыкованных перьев одинаковой длины. Фиксируются и фигурки, у которых головной убор представлен в виде трех гармонично сочетающихся деталей, состоящих из пучков перьев: две крайние и центральная.

Перьевой декор таких головных уборов мог состоять и из комбинации перьев разной величины. Например, цилиндрическая основа убора покрывалась мелкими, плотно стыкованными перьями и декорировалась более длинными, которые часто могли спускаться назад или на спину персонажа, имитируя хвост птицы.

По всей видимости, это может служить примером эксплуатации образа кетцалья, перья которого часто использовались высокопоставленными майя для декорирования своих костюмов и головных уборов. Иногда исследователи упоминают о наличии специальных поставок дорогостоящих материалов для оформления костюмов местной элиты, в частности, перьев кетцалья или раковин²⁶, которые применялись и для декора головных уборов.

Интересными и очень сложными в исполнении были головные уборы, выполненные в виде голов животных. При этом они могли состоять как из одной головы, так и из нескольких. Большой популярностью пользовались образы оленя. Они встречались и как самостоятельные единицы, и как декоративные элементы шляп. На фигурках представлены также головные уборы в форме голов ягуаров, змей,

²⁵ Tremain 2017, 138.

²⁶ Tremain 2017, 34.

фантастических животных, атрибуция которых представляется крайне затруднительной. Такие монументальные сооружения часто состояли из нескольких ярусов. Кроме того, нередко было и украшение их вычурной вышивкой и перьями.

Несколько отличаются женские головные уборы. В большинстве своем на терракоте женщины носят его строгий вариант, представляющий собой плотно облегающую голову цилиндрически-подпрямоугольную конструкцию, которая иногда могла приоткрывать корни волос. Декор практически отсутствовал. Интересной особенностью при этом являются ступенчатые края, обрамляющие контур лица. В ряде случаев в верхней части таких головных уборов фиксируется подпрямоугольное углубление, разделяющее его пополам.

Неширокие тканевые ленты часто использовались женщинами для создания головных уборов в виде «тюрбанов». Такие коронообразные варианты конструировались за счет неоднократного обертывания лент вокруг головы. Как и в случае с похожими головными уборами, у мужчин они украшались традиционными в таких случаях материалами. Размер «тюрбана» зависел от плотности и ширины ленты и запросов хозяйки.

Не оставляли без своего внимания майяские дамы и различные шляпки, и крупные шляпы. Цилиндрические и конусообразные, строгие и богато декорированные, большие и маленькие, узкие и широкополые – все эти варианты украшали головы представителей майяского общества. Примечательно, что на некоторых фигурках детально проработана орнаментация внешней поверхности пол шляпы. Ярким примером может служить фигурка женщины в такой шляпе, выставленная на продажу аукционным домом Invaluable (лот 104)²⁷. При этом шляпы носили не только прекрасный пол, но и мужчины майя.

Зачастую такие шляпы обладали внушительной высотой и отличались сложностью конструкции. Нередко они формировались из нескольких ярусов. Плотно облегающая голову основа шляпы была овальной или часто повторяла контур головы. Широкие поля шляпы могли быть прямыми или волнообразными. Формировались они, по всей видимости, из плотной ткани и, вероятно, могли иметь каркас. Поля иногда надвигались чуть вперед или были отклонены назад. На фигурках представлены различные способы ношения таких шляп. Нередко шляпы декорировались лентами, кистями и перьями.

Выборка в 268 единиц головных уборов с фигурок о. Хайна позволяют выявить определенное преобладание некоторых из них. Так, почти 30% от данной выборки составляют головные уборы, выполненные из широкой ленты полотна, обернутой вокруг головы, 15 % составляют «тюрбаны», 12% – повязки в нескольких рядов и 13% «шапочки». Все остальные представлены в меньшей степени.

Отдельное внимание стоит уделить искусству плетения волос, созданию сложных вычурных причесок. Различные способы убранства волос широко практиковались как у женщин, так и мужчин, при этом при сохранении некоторых черт гендерных различий общая концепция типов причесок была схожей.

²⁷ <https://www.invaluable.com/auction-lot/maya-jaina-polycrome-standing-elite-woman-child-104-c-17846b3998>.

Таблица типов, подтипов и вариантов подтипов причесок на материале с о-ва Хайна

Vi	Тип, подтип вариант	Краткая характеристика по базовым значениям	Принадлежность по полу	Кол-во	Процент от	Процент от общего показателя
	I	Волосы разделены прямым пробором, распущены.	Ж	3	3.2	1.34
	II-1-A	Волосы острижены, челка прямая, контур ступенчатый, часть волос скрыта высоким головным убором или прической, часть распущена.	Ж	5	5.2	2.24
	II-1-B	Волосы острижены, челка прямая с подпрямоугольный выступом в центре, заключенным в кольцо, контур ступенчатый, часть волос скрыта высоким головным убором или прической, часть распущена.	Ж	10	10.5	4.48
	II-1-C	Волосы острижены, контур челки прямой с подпрямоугольный выступом в центре, контур ступенчатый, часть распущена.	Ж	4	4,2	1.79
	II-2	Часть волос зачесана на прямой пробор назад и собрана в высокую прическу, часть распущена, контур волос ступенчатый или волнообразный.	Ж	3	3.2	1.34
	III-1-A	Волосы зачесаны на прямой пробор вверх под углом в 60° и собраны в высокую прическу. Контур прямой по линии лба. дугообразный по абрису лица.	Ж	1S	14.4	S.07
	III-1-B	Волосы зачесаны на прямой пробор, линия зачеса горизонтальная и собраны в высокую прическу. Контур прямой по линии лба. дугообразный по абрису лица.	Ж	4	4.2	1.79
8	III-1-C	Волосы зачесаны на прямой пробор, линия зачеса горизонтальная, собраны в узел, края хвостов спускаются вперед. Контур прямой по линии лба, дугообразный по абрису лица.	Ж	4	4.2	1.79
9	III-1-D	Волосы зачесаны на прямой пробор, линия зачеса дугообразная. Волосы скрыты головным убором. Контур дугообразный.	Ж	3	3.2	1.34
10	II-2-A	Волосы острижены ступенчатой челкой с подпрямоугольным выступом в центре, остальные собраны в высокую прическу или головной убор.	Ж	12	12.6	5,38
11	III-2-B	Волосы острижены ступенчатой челкой с подпрямоугольным выступом, продетым через кольцо в центре, остальные собраны в высокую прическу или головной убор.	Ж	6	6.3	2.69
12	III-2-C	Волосы зачесаны на прямой пробор, линия зачеса горизонтальная, собраны в высокую прическу. Контур волос ступенчатый.	Ж	6	6,3	2.69
13	III-2-D	Волосы зачесаны вверх в виде гребня, контур волос ступенчатый	Ж	3	3.2	1.34
14	III-3	Волосы зачесаны на прямой пробор, контур волос в области лба ступенчатый или дугообразный, волосы плотно зачесаны по всей площади головы.	Ж	14	14.7	6.27
15	I-1	Волосы распущены, зачесаны назад.	М	1	0.7	0.44
16	I-2-A	Волосы острижены прямой челкой и распущены.	м	3	2,3	1.34
17	I-2-B	Широкая челка острижена прямо, края челки по бокам удлинены дугой или ступеньками.	м	4	3,1	1.79
18	II-1	Волосы собраны в высокую прическу, контур волос у лба ступенчатый.	м	3	2.3	1.34
19	II-2	Волосы зачесаны назад, контур волос дугообразный.	м	S	6.2	3.58
20	II-3	Волосы зачесаны назад, собраны в высокий хвост, контур волос волнообразный.	м	5	3.9	2.24

21	II-4-A	Волосы зачесаны назад, собраны в высокую прическу, края хвоста спускаются вперед, контур волос у лба овальный.	м	9	7	4,03
22	II-4-B	Волосы зачесаны назад, собраны в высокую прическу, края хвоста поднимаются вверх, контур челки ступенчатый.	м	13	10	5,52
23	II-4-C	Волосы собраны в высокую прическу, края плетения оформлены в сложный узел с чубом спереди.	м	2	1,2	0,89
24	II-5-A	Волосы собраны в высокую жгутообразную прическу, края жгутов собраны спереди, образуя челку.	м	15	11,7	6,78
25	II-5-B	Волосы собраны в высокую жгутообразную прическу, контур волос ступенчатый или дугообразный.	м	S	6,2	3,5S
26	II-5-C	Волосы собраны в высокую жгутообразную прическу, контур волос ступенчатый, с удлиненной подпрямоугольной частью челки в центре.	м	2	1,5	0,89
27	II-6	Волосы собраны под головным убором, контур приподнятой челки дугообразный, с выступом в центре.	м	11	8,5	4,93
28	II-7	Посредняя часть волос острижена, оформлена в корonoобразную прическу.	м	10	7,5	4,48
29	II-8	Волосы оформлены ступенчатым контуром с подпрямоугольной частью челки в центре.	м	4	3,1	1,79
30	III	Волосы на верхней части головы отсутствуют, частично видна челка	м	30	23,4	13,45
Итого		30		223		
I-III – обозначение номера типа, 1-8 – обозначение номера подтипа, A-D – буквенное обозначение варианта подтипа.						

В целом на материале с о-ва Хайна при выборке в 491 единиц, из которых мужские фигурки составляют 356 штук, а женские 135, можно выделить определённые типы, подтипы и варианты подтипов таких причёсок²⁸ (Табл.).

Стоит отметить, что в ряде случаев их точная идентификация сильно затруднена из-за плохой сохранности фигурок (68 единиц) или когда волосы полностью скрыты под головным убором (200 единиц). Примечательно, что многие фигурки изображены «лысыми», это связано с тем, что головной убор в таких экземплярах был съёмный и необходимости в детальной проработке волос отсутствовала. Впрочем, иногда фиксируется контур челки, которая была бы видна из-под головного убора. Таких экземпляров фиксируется около 30.

Тем не менее выборка позволяет определить три базовых типа женских причёсок: распущенные волосы, частично распущенные и собранные в различного рода причёски (рис. 2).

Довольно редко встречаются изображения дам с распущенными волосами. Примечательно, что, судя по внешним атрибутам, с которыми представлены женские персонажи, распущенные волосы фиксируются у рядовых представительниц общины. Кроме того, с распущенными волосами могли изображаться носительницы высокого социального статуса, что фиксируется по ряду косвенных признаков. Но при этом такие дамы были представлены или обнаженными, или «коленопреклоненными».

²⁸ Предложенная типология является открытой, по мере расширения источниковой базы возможно ее дополнение новыми подтипами и вариантами подтипов в рамках разработанной типологии.

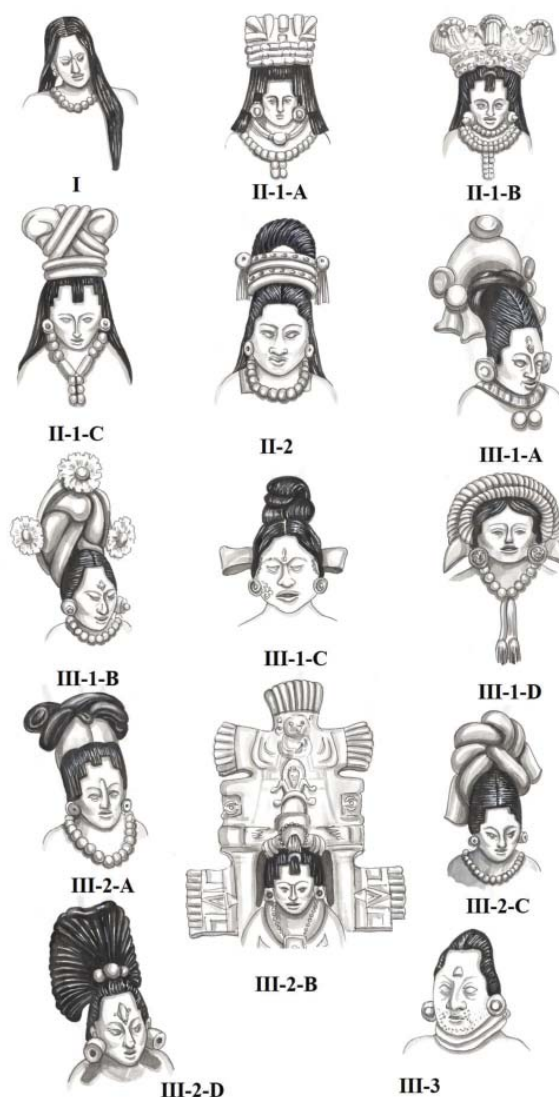

Рис. 2. Типы, подтипы и варианты подтипов женских причесок на материале с о-ва Хайна (Реконструкция автора 2021, художник Ж.Н. Пожарницкая).

Fig. 3. Types, subtypes, and variants of subtypes women's hairstyles on the material of island Jaina (reconstruction I. Demicheva 2021, painter J. Pozharnitskaya).

Интересную трактовку распущенных волос упоминает М.Г. Робертсон при описании терракотовых статуэток Паленке. Внимание здесь акцентируется на «значении» распущенных волос. Указывается, что длинные, непослушные волосы могли носить пленные или лица низкого социального статуса, а также люди, которые утратили свой статус²⁹.

²⁹ Robertson 1985, 33.

Наиболее распространены были изображения волос, собранные в сложные прически или имеющие распущенные пряди. Естественно, что данные конструкции имеют большое разнообразие.

Частично распущенные волосы представлены четырьмя вариантами второго типа, которые в общей сложности составляют 23% от общего количества женских причесок.

Для первого варианта характерно наличие частично остриженных волос, челка прямая, контур ступенчатый, часть волос скрыта высоким головным убором или прической, часть распущена, может быть обрезана и спускаться на плечи.

Второй вариант первого подтипа характеризуется тем, что основная группа волос собрана в высокую прическу или спрятана под вычурный головной убор. Отличительной особенностью является наличие прямой челки с удлиненным подпрямоугольным выступом в центре, который пропущен через отверстие круглого украшения

Третий вариант по основным характеристикам сходен со вторым, при этом подтреугольная удлиненная часть челки не заключена в кольцо и ничем не декорирована.

Второй подтип второго типа отличается тем, что волосы зачесывались назад, сохраняя при этом прямой пробор, и из них формировалась строгая жгутообразная конструкция. Часть волос была распущена на плечи и спину. Интересно, что данный вариант сходен по некоторым позициям с типом, где волосы полностью оформлены в прическу.

Подавляющее большинство женских терракотовых персонажей имеют волосы, полностью собранные в сложные прически. Для полностью сформированных причесок четко прослеживаются два подтипа: с волнообразным или дугообразным контуром волос, обрамляющих лицо, и ступенькообразным контуром. Таких причесок фиксируется более 73% от данной выборки.

Все эти прически условно можно объединить в три подтипа, где первые два имеют по четыре варианта.

В первом варианте первого подтипа волосы имеют прямой пробор и зачесаны назад. Угол наклона зачеса на обе стороны около 60°. Собранные волосы вплетены в головной убор из лент и богато декорированы.

Для второго варианта характерно горизонтальное направление зачеса волос при сохранении общих признаков первого варианта.

В третьем случае волосы также зачесаны на прямой пробор, собраны в два хвоста, расположенных один под другим. Края этих хвостов перекинуты вперед и зафиксированы. Задняя часть стянута лентами. Визуально они напоминают перья хвоста птицы.

В четвертом подтипе волосы зачесаны на прямой пробор, линия зачеса на обе стороны дугообразная. Волосы могли быть скрыты головным убором.

Для второго подтипа сложных причесок отличительной особенностью является ступенчатый контур стрижки или зачес волос. Можно проследить четыре варианта таких причесок.

В первом передняя часть волос острижена ступенчато и обрамляет лоб и лицо. Прямая часть челки имеет прямоугольную часть значительно длиннее ос-

новного уровня. Волосы собраны в сложную конструкцию переплетенных жгутов или скрыты под головным убором.

Особенностью второго варианта является то, что удлиненная часть челки собрана в пучок, пропущенный через декоративное кольцо. Остальные волосы собраны в богато украшенную прическу или многоярусный сложно декорированный головной убор.

В третьем варианте волосы имеют ступенчатый контур, при этом они зачесаны назад на прямой пробор и оформлены в высокую жгутобразную прическу сложного плетения.

Четвертый вариант принципиально отличается тем, что волосы зачесаны наверх в гребнеобразную высокую прическу, при этом она также имеет ступенчатый контур и прямой пробор. Такой вариант формирования волос представлен и у мужчин.

Главной особенностью третьего подтипа третьего типа является отсутствие какого-либо головного убора и декора прически. Волосы плотно зачесаны по всей площади головы при сохранении прямого пробора.

Подавляющее большинство причесок декорировалась цветами, различными лентами, бусинами и иногда ракушками. По всей видимости, для укрепления волос и удержания такой прически использовалась растительная камедь³⁰. Она представляет собой высокомолекулярный углерод, являющийся главным компонентом экссудатов, которые выделяет растение при повреждении коры. Такие образования растворяются в воде и из-за содержания глюкозы, галактозы потенциально могут выступать фиксаторами прически.

В отличие от женских причесок на изображениях мужчин в терракоте чаще встречаются типы распущенных и собранных в прическу волос (рис. 3). Первые представлены крайне редко и составляют 3% от группы мужских причесок. Вторые в различных вариантах составляют подавляющее большинство. Вариативность их несколько отлична от женских. Несмотря на то что на данном этапе исследования сложно говорить о возможности выявления каких-либо модных тенденций, характерных для определенных этапов развития цивилизации майя, возможно говорить о складывании определенных традиций в создании причесок.

Первый тип имеет два подтипа, последний из которых представлен двумя вариантами, где распущенные волосы могли иметь прямую остриженную челку или, как во втором варианте, края челки оформлены ступеньками или в форме дуги. В целом отличительной особенностью первого типа является распущенные волосы.

Второй тип, представленный оформленными в прическу волосами, на данном этапе исследования имеет восемь подтипов.

Первый представлен волосами, зачесанными вверх и сформированными в виде грандиозного гребня. Контур челки ступенчатый. Декоративные элементы не представлены.

Второй подтип отличается плотно зачесанными назад волосами, сформированными в прическу по форме головы.

Третий выполнен в виде туго зачесанных назад волос, завязанных хвостом, спускающимся на спину. При этом сам хвост сформирован отдельными жгутами.

³⁰ Tremain 2017, 217.

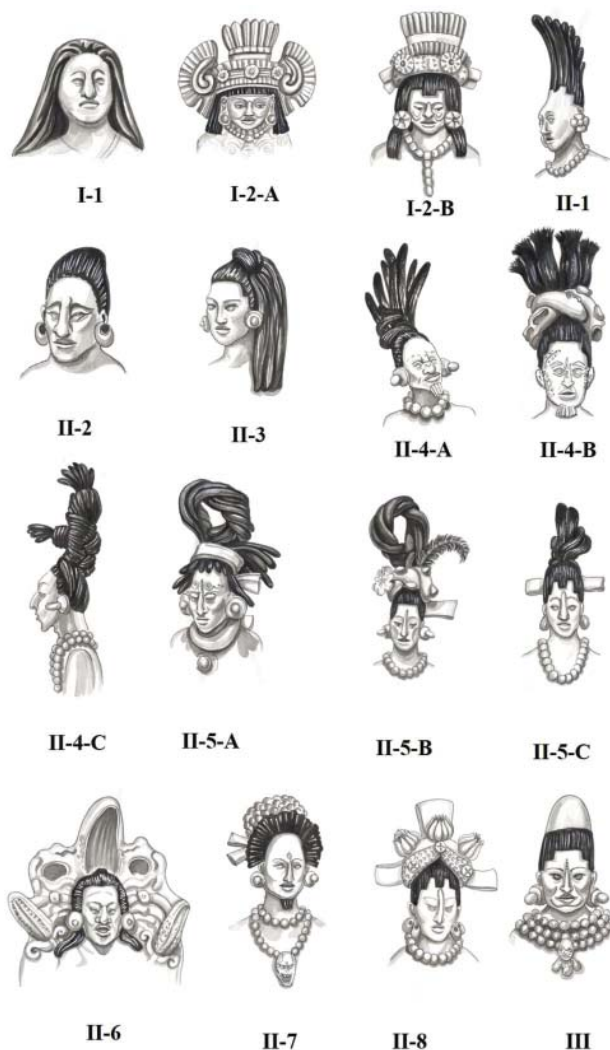

Рис. 3. Типы, подтипы и варианты подтипов мужских причесок на материале с о-ва Хайна (Реконструкция автора 2021, художник Ж.Н. Пожарницкая).

Fig. 4. Types, subtypes, and variants of subtypes men's hairstyles on the material of island Jaina (reconstruction I. Demicheva 2021, painter J. Pozharnitskaya).

Наиболее распространены были варианты четвертого и пятого подтипов. Маркером четвертого является оформление волос в вариациях «чуба», пятого – оформление волос в виде витого жгута.

Четвертый подтип представлен тремя вариантами. В первом случае зачесанные назад волосы имеют овальный контур, волосы завязаны в хвост из жгутов, края которых спускаются вперед. Второй при общей схожести с первым имеет ступенчатую стрижку челки и контура вокруг лица. Наибольший интерес представляет третий вариант. У таких мужчин волосы были туго зачесаны назад и

собранны в высокую прическу. При этом две пряди волос переплетены в форме двойной широкой косы, охватывающей высокую цилиндрическую прическу. Завернутые вперед концы косы соединены в чуб, выполненный в виде узла. Края чуба торчат вперед. Работая с фигурками Паленке, М.Г. Робертсон упоминает, что некоторые виды причесок могли носить только представители элиты и царского двора. В первую очередь имеется в виду небольшой пучок волос, сформированный на передней части головы, своего рода «чуб» был маркером царской династии в Паленке³¹.

Пятый подтип четко идентифицирован тремя вариантами. Первый характеризуется зачесанными вверх волосами, собранными в хвост из жгутов. Жгуты переплетены в петлю. Края волос-жгутов подсунуты вперед под повязку в форме ленты и формируют челку. Второй подтип при сохранении жгутобразного и петлеобразного плетения имеет контур зачесанных назад волос, края жгутов оформлены сзади. Третьей подтип при наличии обозначенных в первых двух случаях конструкций имеет ступенчатообразный контур волос при удлиненной прямоугольной части челки спереди.

Шестой тип сложно назвать прической в прямом смысле этого слова. Это скорее вариант оформления передней линии волос. По всей вероятности, волосы зачесывали назад и слегка сдвигали вперед, фиксируя такое положение головным убором. Таким образом получалась стоящая челка. Эти подтипы украшались лентами, цветами, и вычурным их плетением.

Интересным является укладка волос седьмого подтипа, где передняя часть волос острижена и оформлена в корonoобразную прическу.

Для вариантов восьмого подтипа характерно наличие широкой прямой челки, челки со скошенными краями и ступенчатой челки с удлиненным выступом спереди.

Третий тип причесок выделен условно, так как волосы из-за особенностей проработки фигурки на верхней части головы попросту отсутствуют и короппласт в таких случаях прорисовывал только края челки или линию волос на затылке.

В целом, когда мы говорим о мужских прическах, можно отметить, что наибольшей популярностью пользовались жгутобразные плетения в высоких прическах. Основным отличительным элементом мужских и женских причесок было отсутствие у первых зачеса волос на прямой пробор, что являлось практически основным атрибутом женских моделей.

Работая с фигурками и их фрагментами из Паленке, относящимися к поздней классике, М.Г. Робертсон выделяет 57 вариантов причесок данного региона. При этом исследователь упоминает, что прически типов A Ia, A II, C и D были характерны для женщин, типы E, M, N, Q, R, и T являлись, скорее, мужскими, оставшиеся 47 типов были характерны для обоих полов³².

Головные уборы, прически являлись серьезным дополнением в завершении конечного образа представленных на фигурках персонажей. Вариативность причесок могла зависеть и от статуса человека, от его социальной роли и профессионального рода деятельности. Общим является то, что прически, как и костюм,

³¹ Robertson 1985, 30.

³² Robertson 1985, 40.

часто отражали саму суть традиций и несли определенный и вполне понятный информационный посыл.

Все описанные выше элементы внешнего облика позволяют воссоздать образ реального представителя общества майя классического периода. Примечательно, что ряд исследователей разделяют понятия «костюм» и «одежда». Под одеждой подразумевается ношение повседневного «платья», не имеющего достаточного количества дорогостоящих элементов и имеющих исключительно практическую направленность. В свою очередь, костюм надевался в особо торжественных случаях или с ритуальными целями и имел многочисленные элементы богатого декора, наделенных отчасти сакральной значимостью³³. Несмотря на это, многие элементы мужской и женской одежды, которая фигурирует на терракоте, по всей видимости, были традиционными на протяжении всего классического периода.

Набедренную повязку носили все мужчины независимо от положения и статуса. Богатство декора и многообразие элементов указывали на высокий статус изображенного субъекта. Многочисленные изыскания по идентификации костюмов внутри представителей царского двора пока не позволяют сделать выводов относительно их однозначно определяющих маркерных элементов. А. Пармингтон в первую очередь обращает внимание на то, что наличие украшений из жада и элементов одежды из шкур ягуара являлись показателем правителя и знати³⁴. Проблематично по внешнему облику разграничить изображения сахала (*sajal*) или ахава (*ajaw*), т.к. набор элементов одежды и их декора у них очень схож³⁵. Не удалось в полной мере исключительно по костюму и причёске идентифицировать и писцов, игравших большую роль при дворе. Чаще всего они носили саронг, длинные волосы туго завязывали и частично прятали под высокий головной убор, при этом часто головной убор был декорирован писчими инструментами. При этом М. Ко и Д. Керр обращают внимание на то, что такой головной убор мог указывать не просто на писца, но и в принципе на человека, «носящего эмблему» своей грамотности³⁶.

Чаще всего костюм позволяет определить гендерную принадлежность изображённого персонажа и его род занятий. Существовал набор предметов одежды, свойственный только мужчинам или только женщинам. Устанавливаются причёски, которые практиковали только дамы и только мужчины. Многоярусность, композиционная сложность, богатство декора обычно указывали на высокий статус субъекта. К сожалению, не всегда возможно определить статус и род занятий внутри представителей знати и придворных. Вероятно, такие костюмы оказывали существенное влияние на характер движений их носителей, которых, по всей видимости, должна была отличать плавность и неторопливость. В таких нарядах быстрые и суетные движения были бы максимально затруднены.

Повседневные, простые элементы одежды, которые были наиболее функциональны с точки зрения практического использования, не ограничивали их носителя ни в прямом, ни в переносном смысле. Они были удобны, не сковывали движения, а с другой стороны, не налагали статусных ограничений и предписаний.

³³ Tremain 2011, 67.

³⁴ Parmington 2000, 41.

³⁵ Tremain 2017, 133.

³⁶ Tremain 2017, 134.

Несомненно, внешний облик индейцев майя I тыс. н.э. складывался из целого комплекса различных элементов, имевшего сложную структуру, который отражал представления, традиции, предпочтения, характерные как для всего сообщества в целом, так и для отдельных групп в частности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Halperin, C.T. 2014: *Maya figurines. Intersections between State and Household*. University of Texas Press. Austin.
- Halperin, C.T. 2016: Textile Techné: Classic Maya Translucent Cloth and the Making of Value. In: C. Costin (ed.), *Making Value, Making Meaning: Techné in the Pre-Columbian World*. Dumbarton Oaks Research Library and Collection, Washington, D.C., 431–463.
- Hellmuth, N. 2012: The Continuing Search for Original Mayan Cotton. *Sacred Animals and Exotic Tropical Plants. FLAAR Reports on Mayan archaeology Iconography publications books*. 34–35, http://www.maya-archaeology.org/FLAAR_Reports_on_Mayan_archaeology_Iconography_publications_books_articles/39_Original_Mayan_cotton_Revue_2012-02.pdf
- Kerr, J. 1992: *The Maya Vase Book: A Corpus of Rollout Photos of Maya Vases*. Vol. 3. New York, Kerr Associates.
- Parmington, A. 2000: *Title Classic Maya Costume, Status and Subsidiary Office of "Sahal". A Study of Costume and Status in Classic Maya Monumental art, An Iconographic Analysis. Thesis submitted as part of the Final Honours Examination in the Department of Archaeology*. Latrobe University.
- Piña, R.C. 1968: *Jaina. La casa en el agua*. México.
- Rands, R., Rands, B. 1965: *Pottery figurines of Maya Lowlands. Archaeology of Southern Mesoamerica*. Vol. 1 P. 2. Austin.
- Robertson, M.G. 1985: "57 Varieties": The Palenque Beauty Salon In: *E. P. Benson (ed.), Fourth Palenque Round Table. 1980*. San Francisco, 29–44, <https://www.precolumbia.org/pari/publications/RT06/029-Robertson.html>
- Tremain, C.G. 2017: *A Study of Dress and Identity in the Late Classic Maya Court*. A thesis Submitted to the faculty of graduate studies in partial fulfilment of the requirements for the degree of doctor of philosophy graduate program in archaeology. Alberta.
- Tremain, C.G. 2020: Research Report: Translucent Textiles of the Ancient Maya: Insights from a Museum Collection. *Dress* 46 (2), 103–113.
- Willey, G.R. 1972: *The artifacts of Altar de Sacrificios*. Vol. 64 № 1. *Peabody Museum of Archaeology and Ethnology*. Massachusetts.

IN QUETZAL'S FEATHERS: COSTUME AND HAIRSTYLE OF THE MAYANS (BASED ON THE MATERIALS OF TERRACOTTA)

Irina Yu. Demicheva

Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of RANEPa, Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: iudem@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the main features of the images of the Mayan costume and hairstyles presented on the Mayan terracotta of the first millennium AD. The variability of the model range of men's and women's clothing is described. Men's clothing elements on the

figures are mainly represented by loincloths, skirts, «vests», cloaks, shirts, pants. The specialized items of the suit (quilted armor, thick yokes for ball players, etc.) are described separately. The characteristics of the main items of women's clothing with their detailed description are given. First of all, these are huipil, skirts and dresses. The features of the image and the ways of wearing clothes are analyzed, taking into account the social status of a representative of the Mayan society, and (or) the type of his activity. Differences in costumes and individual items of clothing, their purpose and possible functionality are revealed. Much attention is paid to the analysis of hats and hairstyles, which were an organic component element of holistic images. The main types, subtypes and variants of subtypes of hairstyles are highlighted, with their detailed drawing based on the material of figures from the island of Jaina. A brief description of the basic values of the selected types, subtypes and variants of male and female hairstyles is presented, indicating their quantitative and percentage predominance on the figures of the presented sample. Based on the analysis of terracotta material, conclusions are made about the significant relationship between the clothing of the depicted character and his gender, occupation and status.

Keywords: maya, terracotta, figurative plastic, costume, hairstyle.

Круглый стол «Древний Рим»

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2022), 170–182
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2022), 170–182
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-3-77-170–182

SOCII NOMINISQUE LATINI И CIVES SINE SUFFRAGIO В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЕ ГАЯ ГРАКХА В 122 г. до н.э.

Н.А. Филянов

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Россия*

E-mail: nikitafileyanov@gmail.com

ORCID: 0000-0001-6370-9808

Аннотация. В статье предлагается подробный анализ сведений Аппиана и Плутарха об участии латинов, италиков и категории римских граждан без права голоса (cives sine suffragio) в политической программе Гая Гракха в период его второго трибуната. Содержание рогации de sociis civitate danda 122 г. до н.э. было идентично содержанию аналогичной рогации 125 г. до н.э., которая включала в себя предоставление латинам римского гражданства и права провокации в качестве альтернативы, а также право провокации для италиков. Помимо этого, Г. Гракх в 122 г. до н.э. выдвинул другую рогацию о предоставлении оставшимся cives sine suffragio права голоса. Сенат же в лице консула 122 г. до н.э. Г. Фанния успешно противостоял обеим инициативам Г. Гракха.

Ключевые слова: латины, италики, cives sine suffragio, римское гражданство, сенат, Гай Гракх, эдикт Фанния.

Данные об авторе: Никита Андреевич Филянов – кандидат исторических наук, преподаватель Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ.

ВВЕДЕНИЕ

В историографии на сведения Аппиана и Плутарха о рогаии 122 г. до н.э. (App. BC. I. 23, 99; Plut. CG. 5. 1, 8. 3, 9. 3) первым особое внимание обратил Т. Моммзен¹. Его вывод о том, что Г. Гракх предусматривал предоставление не только римского, но и латинского гражданства (*ius Latii*) для италиков, стал отправной точкой для дальнейшей дискуссии. В свою очередь, Х. Моуритцен и Р.В. Лапыренко в своих работах привели существенные аргументы в пользу того, что рогаия 122 г. до н.э. предполагала римское гражданство латинам как наиболее привилегированной категории италийских союзников Рима². Х. Моуритцен в статье 2006 г., проанализировав интересующие нас сведения Аппиана и Плутарха, подверг критике гипотезу о предоставлении италикам *ius Latii* и пришел к выводу о возможности предоставления права голоса *cives sine suffragio* в рамках рогаии *de sociis civitate danda* 122 г. до н.э.³. Последнее, в свою очередь, является отправной точкой для дискуссии в рамках текущего исследования.

Таким образом, цель данной работы заключается в том, чтобы продемонстрировать роль как представителей союзнических общин (*socii nominisque latini*), так и римских граждан без права голоса (*cives sine suffragio*) в политической программе Г. Гракха во время его второго трибуната (122 г. до н.э.). Для этого необходимо дать подробный анализ сведений Плутарха (Plut. CG. 5. 1, 8. 3, 9. 3, 12. 1-4) и Аппиана (App. BC. I. 23, 99) о содержании рогаии Г. Гракха *de sociis civitate danda* и обстоятельствах вокруг нее, а также определить роль и место *cives sine suffragio* в содержании данной рогаии.

Наиболее подробные сведения о содержании рогаии *de sociis* 122 г. до н.э. содержатся у Плутарха: «из тех законов, которые Гай Гракх внес, угождая народу и подрывая сенат <...> союзнический закон делал италиков равноправными в голосе с (римскими) гражданами» (Plut. CG. 5. 1)⁴, «...призывая латинов к гражданской общности» (Plut. CG. 8. 3)⁵, а также «...предоставляя равное право голоса латинам» (Plut. CG. 9. 3)⁶. Обстоятельный рассказ имеется и у Аппиана: «Также он [Гракх] латинов призывал к равенству с римлянами в правах, поскольку сенат не был способен под благовидным предлогом отказать родственным латинам. Прочим союзникам, которым не было позволено голосовать на комициях среди римлян, Гракх с этого момента даровал право голоса, чтобы иметь их благорасположенными к нему на голосовании в комициях» (App. BC. I. 23, 99)⁷. Исходя из

¹ Mommsen 1855, 119; 1887, 642–644.

² Mouritsen 1998; Лапыренко 2013, 239–244; 2016, 52–67.

³ Mouritsen 2006, 418–425.

⁴ Plut. CG. 5.1: «τῶν δὲ νόμων οὗς εἰσέφερε τῷ δήμῳ χαρίζομενος καὶ καταλύων τὴν σύγκλητον <...> δὲ συμμαχικός ἰσοψηφους ποίων τοῖς πολίταις τοὺς Ἰταλιώτας». Некоторые исследователи полагают, что данный пассаж представляет собой простое перечисление инициатив Г. Гракха в хронологической последовательности: см. Fraccaro 1925, 76–97; Sherwin-White 1973, 136. Против данного предположения свидетельствует тот факт, что изложение событий в хронологическом порядке не является отличительной чертой биографий Плутарха: Mouritsen 2006, 418, п. 5.

⁵ Plut. CG. 8. 3: «...καλῶν δὲ ἐπὶ κοινῶν πολιτείας τοὺς Λατίνους».

⁶ Plut. CG. 9. 3: «...τοῖς Λατίνοις ἰσοψηφίαν διδοὺς».

⁷ App. BC. I. 23, 99: «καὶ τοὺς Λατίνους ἐπὶ πάντα ἐκάλει τὰ Ῥωμαίων, ὥς οὐκ εὐπρεπῶς συγγενέσι τῆς βουλῆς ἀντιστῆναι δυναμένης: τῶν τε ἐτέρων συμμάχων, οἷς οὐκ ἐξῆν ψῆφον ἐν ταῖς Ῥωμαίων

вышеприведенных сведений, мы можем заметить, что закон Г. Гракха распространял римское гражданство только на латинов.

Дополнительным аргументом в пользу данного утверждения является отрывок из речи консула 122 г. до н.э. Г. Фанния, который цитирует позднеантичный автор Юлий Виктор: «вот как Гай Фанний говорил против Гракха: если латинам предоставите гражданство, я полагаю, вы думаете, что будете дальше иметь место на сходках или присутствовать на играх и в праздничные дни так же, как это сейчас происходит. Разве вы не считаете, что они все займут?» (ORF. 1837, 221)⁸. На первый взгляд, этому выводу противоречит сообщение Веллея Патеркула: «Г. Гракх предоставлял гражданство всем италикам и распространял его вплоть до Альп» (Vell. Pat. II. 6. 2)⁹. Но и в данном случае под «всеми италиками» (*omnibus italicis*) стоит понимать только латинов, а не всех италиков. Ведь не стоит забывать, что у Веллея, жившего в первой половине I в. н.э., под «Италией» и «италиками» отражаются представления об Италии эпохи принципата, когда вся Италия уже имела римское гражданство. Указание Веллея о распространении римского гражданства вплоть до Альп (*paene usque Alpibus*) также не является основательным аргументом в пользу того, что Г. Гракх планировал предоставить римское гражданство всем италикам. Ведь под *paene usque Alpibus* может идти речь о колониях латинского права в Цизальпинской Галлии (Аквилейя, Плакенция и Кремона)¹⁰. К этому следует добавить, что содержание рогации 122 г. до н.э., скорее всего, было схоже с аналогичной рогацией консула 125 г. до н.э. и соратника Г. Гракха М. Фульвия Флакка¹¹, согласно которой латины могли рассчитывать на римское гражданство или, в случае отказа, на право провокации: «М. Фульвий Флакк консул и коллега М. Плавтия Гипсея <...> предложил наиболее губительные для республики законы о даровании Италии гражданских прав и право провокации тем, кто не хотел менять гражданство...» (Val. Max. IX. 5. 1)¹². Согласно другой трактовке данного сообщения – Валерия Максима, а также сообщений Цицерона (Cic. Brut. 99) и Юлия Виктора (ORF. 1837, 221), рогации 125 и 122 гг. до н.э. предлагали римское гражданство латинам, а право провокации италикам¹³. Поскольку обе гипотезы не противоречат друг другу, мы вполне можем допустить, что данные рогации предлагали выбор между римским гражданством и правом провокации для латинов, а для италиков было предусмотрено как минимум право провокации.

Следует также обратить внимание на то, что, исходя из приведенного выше пассажа Аппиана, Г. Гракх, помимо предоставления латинам римского гражданства, также планировал дать некоторым «союзникам» право голоса (*ius suffragii*). Под этими «союзниками», которые не имели права голоса, может идти речь о кате-

χειροτονίας φέρειν, ἐδίδου φέρειν ἀπὸ τοῦδε ἐπὶ τῷ ἔχειν καὶ τοῦσδε ἐν ταῖς χειροτονίαις τῶν νόμων αὐτῶ συντελοῦντας».

⁸ ORF 1837, 221: “ut a Gaio Fannio adversus Gracchum dictum: si latinis civitatem dederitis, credo, existimatis vos ita, ut nunc constitisse, in contione habituros locum aut ludis et festis diebus interfuturos. Nonne illos omnia occupaturos putatis?”.

⁹ Vell. Pat. II. 6. 2: “C. Gracchus dabat civitatem omnibus italicis, extendebat eam paene usque Alpibus”.

¹⁰ См. Badian 1958, 299; Лапыренко 2016, 66–67.

¹¹ Лапыренко 2016, 67; 2019, 52–66.

¹² Val. Max. IX. 5. 1: “M. Fulvius Flaccus consul M. Plautii Hypsaei collega, cum perniciosissimas rei publicae leges introduceret de ciuitate danda et de prouocatione ad populum eorum, qui ciuitatem mutare noluissent...”.

¹³ См. Лапыренко 2016, 57.

гории римских граждан без права голоса¹⁴. В связи с этим мы должны подробнее рассмотреть данный пассаж Аппиана для того, чтобы определить, действительно ли под τῶν τε ἐτέρων συμμάχων, οἷς οὐκ ἐξῆν ψῆφον подразумеваются граждане без права голоса, и как возможное предоставление права голоса данной категории населения республиканской Италии связано с рогацией *de sociis civitate danda* 122 г. до н.э.¹⁵. Нам известно, что в эпоху Республики гражданские общины (*municipia civium Romanorum*) делились на две категории: *municipia sine suffragio* и *municipia optimo iure*. В историографии в данном вопросе принято считать, что ко времени Гракхов последние оставшиеся *cives sine suffragio* уже получили *ius suffragii*, из-за чего в τῶν τε ἐτέρων συμμάχων, οἷς οὐκ ἐξῆν ψῆφον у Аппиана обычно видят италиков¹⁶.

Ливий и Веллей Патеркул упоминают о двух случаях предоставления права голоса общинам *sine suffragio* в III–II вв. до н.э. Так, в 268 г. до н.э. сабиняне (*Cures Sabini*) получили *ius suffragii* (Vel. Pat. I. 14. 7), и в 188 г. до н.э., согласно закону Валерия, *ius suffragii* получили Фунды, Формии и Арпин (Liv. XXXVIII. 36. 7–9)¹⁷. Ввиду отсутствия прямых упоминаний в источниках о *cives sine suffragio* после 188 г. до н.э. можно предположить, что ко времени Гракхов все оставшиеся граждане без права голоса в конечном итоге получили *ius suffragii*. Т. Моммзен первым предположил, что Г. Гракх планировал предоставить италикам латинское гражданство (*ius Latii*) вместе с правом голоса (*ius suffragii*)¹⁸. Согласно интерпретации Т. Моммзена, закон Г. Гракха предполагал предоставление италикам наиболее широкого пакета *ius Latii*, который включал в себя право голоса в одной из тридцати пяти римских триб, определенной жребием¹⁹. Вслед за Т. Моммзеном данной интерпретации придерживались такие исследователи, как К. Николе²⁰, Д. Стоктон²¹ и Э. Габба²². Основным аргументом против интерпретации Т. Моммзена является то, что в наших источниках нет каких-либо намеков на подобное развитие событий. Мы имеем только два упоминания о наличии пра-

¹⁴ Э.Т. Сэ́лмон полагал, что обозначение *σῆμμάχοι* использовалось греческими авторами в качестве эквивалента для *cives sine suffragio*: Salmon 1982, 165. Э. Сантамато, в свою очередь, предлагает интересную гипотезу, согласно которой у Аппиана в данном контексте речь идет о предоставлении права голоса латинам, прибывшим в Рим для участия в раздаче хлебных пайков по льготной цене согласно *lex Sempronia frumentaria*: Santamato 2012, 87–90. Поскольку эти латины были неотличимы от беднейших представителей городского плебса, Г. Гракх рассчитывал уравнивать их в правах, чтобы иметь наибольшую электоральную базу для голосования за его рогацию *de sociis civitate danda*. Подобный сценарий, на наш взгляд, не следует исключать.

¹⁵ К. Мейстер в данном вопросе полагал, что Гай Гракх для тех союзников, которые не хотели менять гражданство, планировал предоставить право голоса (*ius suffragii*) вместо *ius provocationis*: Meister 1976, 114–118. Аргументы contra см.: Keaveney 1987, 47, 70.

¹⁶ Beloch 1880, 122; Bernardi 1938, 263; Toynbee 1965, 403; Bleicken 1975, 193; Humbert 1978, 36; Nicolet 1982, 86, 226; Salmon 1982, 117; Brunt 1969, 121–129; 1971, 20; 1988, 104; Gabba 1989, 216; Oakly 1998, 550.

¹⁷ Анализ данного пассажа Ливия, сведений Авла Геллия (Gell. NA. XVI. 13. 7) и Страбона (Strab. V. 2. 3) о *municipia sine suffragio* и т. н. «Церитских списках» (*tabulae Caeritum*), а также дискуссию о регистрации *cives sine suffragio* в Риме см.: Brunt 1971, 24–25; Sheidel 2004, 1–2; Mouritsen 2007, 141–158; Лапыренко 2016, 100–121.

¹⁸ Mommsen 1855, 119; 1887, 664.

¹⁹ Mommsen 1887, 643, n. 4, 644, n. 1.

²⁰ Nicolet 1977, 289.

²¹ Stockton 1979, 158.

²² Gabba 1990, 685.

ва голоса (*suffragium*) у латинов, а именно в 486 г. до н.э. во время голосования за аграрный закон консула Спурия Кассия (ДН. VIII. 72. 4–5), а также в 213 г. до н.э. во время судебного процесса против откупщиков (Liv. XXV. 3. 16)²³. Так как оба этих случая являются, скорее, единичными примерами, а также относятся к более ранним периодам, у нас нет оснований полагать, что данная практика была актуальна в 120-е гг. до н.э.

Стоит также отметить, что трактовка, предложенная Т. Моммзенем, не находит подтверждения и у Плутарха. Он сообщает, что Г. Гракх собирался сделать италиков равноправными в голосе с римскими гражданами (Plut. CG. 5. 1) и согласно его закону, латинам должно было быть предоставлено равное право голоса (Plut. CG. 9. 3). Как мы можем заметить, Плутарх использует прилагательное *ἰσόψηφος* в отношении «италиков» и существительное *ἰσόψηφία* в отношении латинов. Вероятно, у Плутарха под терминами *ἰσόψηφος* и *ἰσόψηφία* подразумевается предоставление полного римского гражданства латинам (*civitas optimo iure*) или, как у Аппиана, предоставление *ius suffragii* неким «союзникам», не имевшим права голоса. Таким образом, сведения Аппиана и Плутарха никак не указывают на предоставление италикам права голоса как традиционного компонента *ius Latii*. Само утверждение, что в 130–20 гг. до н.э. все общины *sine suffragio* имели право голоса, достаточно сомнительно и не может быть до конца принятым. Это утверждение базируется, главным образом, на том, что после предоставления права голоса Фундиям, Формиям и Арпину в 188 г. до н.э. (Liv. XXXVIII. 36. 7–9) мы не находим прямых упоминаний о *cives sine suffragio* в источниках. Данный аргумент *ex silentio* не является надежным, так как сама по себе категория граждан без права голоса слабо представлена в наших источниках. В связи с этим А.Н. Шервин-Уайт, анализируя сведения из источников о предоставлении *ius suffragii* общинам без права голоса в период III–II вв. до н.э., пришел к выводу, что некоторые муниципии сохраняли статус *sine suffragio* до 110-х гг. до н.э.²⁴ Позиция А.Н. Шервин-Уайта была поддержана такими исследователями, как Х. Гальстерер и Э. Стевли²⁵.

В данном вопросе стоит отметить, что все прямые упоминания о функционировании института *civitas sine suffragio* в эпоху республики мы имеем, главным образом, в сочинениях Ливия (Liv. VIII. 14. 10; 17. 12; IX. 43. 24; XXXVIII. 36. 7–9), Веллея Патеркула (Vell. Pat. I. 14. 3–4, 6–7), Авла Геллия (Gell. NA. XVI. 13. 7) и Феста (Fest/Paul. De verb. sign. P. 127 H). То есть все основные сведения о республиканском институте *civitas sine suffragio* содержатся у авторов эпохи принципата, когда данного института уже не существовало. То же самое касается и интересующих нас сведений Аппиана и Плутарха, которые к тому же были еще и греками. В связи с этим возникает вопрос, насколько адекватно авторы эпохи принципата передавали функционирование отдаленного от них политического института республиканской эпохи?

²³ Комментарии к данным пассажам Ливия и Дионисия Галикарнасского см.: Gabba 1964, 29–41; Mouritsen 2006, 420, 424.

²⁴ Sherwin-White 1973, 210–214.

²⁵ Galsterer 1976, 83; Staveley 1989, 430.

Следует отметить, что все *cives sine suffragio* были, вероятно, полностью включены в состав римской *civitas* до начала Союзнической войны²⁶. В связи с этим Р.В. Лапыренко, объясняя причины высокого результата ценза 125/124 гг. до н.э., предположил, что все представители данной категории к тому времени уже были зарегистрированы в римских трибах²⁷. Мы же полагаем, что некоторые жители муниципий без права голоса сохраняли свой статус в 122 г. до н.э., о чем свидетельствуют вышеприведенные сообщения Аппиана и Плутарха. Х. Моуритцен предложил, на наш взгляд, наиболее взвешенную интерпретацию этих сведений²⁸. Основываясь на сообщении Ливия о предоставлении права голоса трем вольским муниципиям *sine suffragio* в 188 г. до н.э. (Liv. XXXVIII. 36. 7–9), он отмечает, что в подобном вопросе на тот момент не было очевидного прецедента²⁹.

Успешный опыт Валерия Тапона в 188 г. до н.э. играл на руку Г. Гракху, который, обращаясь к данному вопросу, должен был учитывать успех рогации Валерия. Кроме того, Х. Моуритцен отмечает, что авторы эпохи принципата при описании статуса граждан без права голоса имели определенные терминологические трудности, сталкиваясь с выбором между использованием таких терминов, как *civis* и *socius*³⁰. Для Аппиана и Плутарха данная терминологическая проблема особенно актуальна, так как в их сочинениях республиканская Италия делится на римлян и их союзников. По этой причине для неримских элементов, к которым относятся как *socii nominisque latini*, так и *cives sine suffragio*, обычно используется обозначение *σύμμιχοι* (например, *τῶν τε ἐτέρων σύμμιχων* у Аппиана). Кроме этого, Х. Моуритцен обращает внимание на то, что, согласно Аппиану и Плутарху, по распоряжению консула Г. Фанния союзники во время голосования должны были покинуть Рим на расстояние в пять миль (App. BC. I. 23, 100; Plut. CG. 12. 1–2). Схожие меры, предпринятые сенатом в 187, 177, 173 и 126 гг. до н.э. (Liv. XXXIX. 3. 5–6; XLI. 9. 9–12; LXII. 10. 2; Cic. Brut. 109; Off. III. 57; Fest. De verb. sign. 362 L), судя по всему, касались выходцев из латинских общин, обладавших *ius migrandi*³¹. Однако в 122 г. до н.э., в отличие от случаев в 187, 177, 173 и 126 гг. до н.э., союзники, изгнанные из города на время голосования, могли снова вернуться туда позже (App. BC. I. 23, 100; Plut. CG. 12. 2). Кроме того, если в 187, 177 и 173 гг. до н.э. изгнанные из Рима латины вернулись обратно в свои родные общины, то в отношении 122 г. до н.э. речь идет только об отдалении на расстояние в пять миль от города (App. BC. I. 23, 100). Хотя некоторые исследователи видели связь между законом М. Юния Пенна 126 г. до н.э. и эдиктом Г. Фанния 122 г. до н.э.³², у нас нет реальных аргументов в пользу связи этих двух инициа-

²⁶ Coşkun 2009a, 137, n. 5; Лапыренко 2016, 136.

²⁷ Лапыренко 2016, 136.

²⁸ Mouritsen 2006, 418–425. См. также Roth 2019, 92, n. 25.

²⁹ Mouritsen 2006, 421.

³⁰ Mouritsen 2006, 423. О греческих эквивалентах для таких латинских слов, как *civis*, *civitas* и *ius suffragii* см. также: Magie 1905, 47.

³¹ Broadhead 2008, 459–469; Coşkun 2009a, 137–139, n. 6, 9; 2009b, 165–200; Santamato 2012, 54–58, 77–79; Kendall 2013, 703–715; Lapyrionok 2019, 43–52 с подборкой источников и анализом литературы.

³² Badian 1970, 388; Stockton 1979, 94–95. Э. Сантамато связывает эдикт Фанния с полемикой между Г. Гракхом и его коллегой по плебейскому трибунату М. Ливием Друзом Старшим по поводу выведения гражданских колоний в Италии (Plut. CG. 9. 3). Согласно его интерпретации, эдикт Фанния, направленный против находившихся в городе *peregrini* (латинов), был призван ослабить их

тив³³. Следовательно, эдикт Г. Фанния был направлен не против латинов, как это было в 187, 177, 173 и 126 гг. до н.э., а против *cives sine suffragio*, которым Г. Гракх намеревался предоставить право голоса.

Исходя из вышеперечисленных аргументов, Х. Моуритцен приходит к выводу, что Гай Гракх планировал предоставить римское гражданство латинам, *ius provocacionis* италикам и *ius suffragii* гражданам без права голоса³⁴. Хотя мы в целом принимаем данный вывод Х. Моуритцена, тем не менее нам представляется необходимым привести дополнительные аргументы в пользу его тезиса о включении *cives sine suffragio* в законодательную деятельность Г. Гракха. Эти аргументы, на наш взгляд, имеются в уже упомянутом пассаже Плутарха (Plut. CG. 5. 1), а также в описании греческим биографом эдикта Фанния: «сенат убедил консула Г. Фанния выслать всех, кроме римлян, и, когда было объявлено об этом странном и необычном поручении, чтобы никто из союзников и друзей не показывался в Риме в ближайшие дни, Гай в противовес этому объявил указ, порицая консула и обещая оказать помощь союзникам, если они останутся в городе...» (Plut. CG. 12. 1-2)³⁵. В приведенных пассажах следует обратить внимание на употребление Плутархом «τοὺς Ἰταλιώτας» в первом случае (Plut. CG. 5. 1), а также «τοὺς ἄλλους πλὴν Ῥωμαίων», «μηδένα τῶν συμμάχων μηδὲ τῶν φίλων» и «τοῖς συμμάχοις» во втором (Plut. CG. 12. 1). Мы полагаем, что под данными обозначениями Плутарх имел в виду *cives sine suffragio*, для описания статуса которых в греческом языке не было адекватного эквивалента. По этой причине Плутарх использует такие определения, как Ἰταλιῶται, σύμμαχοι, φίλοι и τοὺς ἄλλους πλὴν Ῥωμαίων для того, чтобы отделить *cives sine suffragio* от собственно римских граждан (*cives optimo iure*). Стоит также отметить, что Плутарх, сообщая о «союзническом» законе Г. Гракха, использует малоупотребительное прилагательное ἰσότηφος (равноправный в голосе) в отношении «италиков».

Употребление Плутархом Ἰταλιῶται в данном контексте, на наш взгляд, не является случайным. Дело в том, что слова «Italia» и «Italici» использовались авторами эпохи принципата для обозначения как *socii nominisque latini*, так и римских жителей сельской местности (*fora et conciliabula*)³⁶. В таком случае «ἰσότηφοι ποίῳ τοῖς πολίταις τοὺς Ἰταλιώτας» можно понимать, как предоставление гражданских прав латинам. Тем не менее данная трактовка не является исчерпывающей. Ведь в других пассажах, которые уже были упомянуты нами выше, Плутарх напрямую сообщает о предоставлении латинам гражданских прав (Plut. CG. 8. 3;

влияние на настроения внутри городского плебса, часть которого симпатизировала союзническому и аграрному мероприятиям Г. Гракха: Santamato 2012, 89–90. Однако данный вывод представляется нам неубедительным, так как версия о поддержке «союзнического» закона Г. Гракха городским плебсом не имеет серьезной опоры в источниках.

³³ Плутарх называет эдикт Фанния «странной» (ἁίθης) и «необычной» (ἀλλόκοτος) мерой (Plut. CG. 12. 2). Исходя из этого, можно предположить, что данная мера была экстраординарной в отличие от закона Пенна 126 г. до н.э., который, как мы полагаем, относится к аналогичным мерам сената 187, 177 и 173 гг. до н.э. См. также: Филянов 2017, 36–41.

³⁴ Mouritsen 2006, 425.

³⁵ Plut. CG. 12. 1–2: “ἔπεισεν ἡ βουλὴ τὸν ὑπάτον Φάννιον ἐκβαλεῖν τοὺς ἄλλους πλὴν Ῥωμαίων πάντας δὲ κηρύγματος ἀήθους καὶ ἀλλοκότου, μηδένα τῶν συμμάχων μηδὲ τῶν φίλων ἐν Ῥώμῃ φανῆναι περὶ τὰς ἡμέρας ἐκεῖνας, ἀντεξέθηκεν ὁ Γάιος διάγραμμα κατηγορῶν τοῦ ὑπάτου, καὶ τοῖς συμμάχοις, ἂν μὲν ὦσι, βοηθήσειν ἐπαγγελλόμενος...”.

³⁶ Подробнее об этом: Galsterer 1976, 37–41; Mouritsen 1998, 45–58; Лапыренко 2016, 17–26.

9. 3). В обоих случаях Плутарх ясно дает понять, что речь идет непосредственно о *socii nominis latini*³⁷. Слова «общность» (κοινωνία) и «равное право голоса» (ισόψηφία) в отношении латинов (τοὺς Λατίνους) подразумевают, очевидно, предоставление латинам римского гражданства (*civitas optimo iure*).

Исходя из этого, необходимо ответить на вопрос, почему Плутарх, сообщая о содержании «союзнического закона», прибег к обозначению «Ἰταλιῶται»? Вероятно, Плутарх, желая продемонстрировать, что закон Г. Гракха, с одной стороны, предоставлял римское гражданство латинам и, с другой стороны, право голоса гражданам *sine suffragio*, использует прилагательное *ισόψηφος* в отношении «италиков». В таком случае употребление «Ἰταλιῶται» может быть обусловлено тем, что Плутарх учитывал промежуточный статус граждан *sine suffragio* между *cives* и *socii*. Ведь не стоит забывать, что *municipia sine suffragio*, хотя имели гражданский статус, тем не менее сохраняли за собой самоуправление, основанное на местном италийском праве, а также имели свои *formulae censum*. Кроме этого, их отношения с Римом регулировались на основе договоров. Таким образом, взаимоотношения Рима с муниципиями *sine suffragio* во многом совпадают с его взаимоотношениями с общинами *sociorum nominisque latini*. Принимая также во внимание, что население подобного рода общин не было римским по своему происхождению, обозначение Плутархом данной категории населения республиканской Италии как «Ἰταλιῶται» выглядит вполне уместным.

Таким образом, под «ισόψηφος ποιῶν τοῖς πολίταις τοὺς Ἰταλιώτας», на наш взгляд, следует понимать равноправие в голосе между *cives optimo iure*, *cives sine suffragio* и *socii nominis latini* через предоставление латинам римского гражданства, а также посредством предоставления *cives sine suffragio* права голоса. При этом стоит отметить, что сам закон 122 г. до н.э. Плутарх называет «союзническим» (συμμαχικός). Тот факт, что Плутарх предпочел обозначение «Ἰταλιῶται», казалось бы, более подходящему в данном случае обозначению «σύμμαχοι», не должен вводить в заблуждение. Ведь, как уже было сказано выше, в греческом языке не было адекватного эквивалента для описания статуса граждан без права голоса. Так как для Плутарха было важно отделить *cives sine suffragio* от собственно римских граждан, обозначение их как «σύμμαχοι» не является единственно возможным. По этой причине Плутарх при описании борьбы между Г. Гракхом и Г. Фаннием обозначает *cives sine suffragio* как «τοὺς ἄλλους πλὴν Ῥωμαίων» и «μηδένα τῶν συμμάχων μηδὲ τῶν φίλων». Также стоит отметить, что фраза *συμμάχων, οἷς οὐκ ἔξῃν ψῆφον* и *τῶν οὐ φερόντων ψῆφον* у Аппиана (App. BC. I. 23, 99), как мы полагаем, является греческим переводом *cives sine suffragio*. С другой стороны, словосочетание *τῶν οὐ φερόντων ψῆφον*, может быть связано с *ferre suffragium* (голосовать).

Кроме того, следует обратить внимание, что, согласно Плутарху, Г. Гракх в своем ответном указе обещал оказать любую помощь союзникам, если те останутся в городе вопреки эдикту Г. Фанния. Предположительно, контр-эдикт Г. Гракха основан на т.н. «праве помощи» (*ius auxilii*) плебейского трибуна, которое в интересах плебса позволяло оспаривать решения консула³⁸. Поскольку, как известно,

³⁷ Magie 1905, 47.

³⁸ Mouritsen 2006, 424. Поскольку данное право было бесполезно в отношении союзников, Х. Моуритсен отмечает, что данный пассаж Плутарха становится бессмысленным, если из истории

ius auxilii плебейских трибунов распространялось только на римских граждан³⁹, то под τοῖς συμμαχοῖς, которым Г. Гракх обещал оказать помощь, если они останутся в городе, у Плутарха, скорее всего, имеются в виду не *socii nominisque latini*, а *cives sine suffragio*. По этому поводу Аппиан сообщает, что Г. Гракх намеревался с помощью предоставления права голоса гражданам *sine suffragio* привлечь их к себе для того, чтобы иметь на своей стороне при голосовании (App. BC. I. 23, 100). То есть за предоставлением права голоса *cives sine suffragio* стоял сугубо политический расчет. Главной целью для гракханцев в италийском вопросе в 122 г. до н.э., как мы полагаем, по-прежнему оставалось предоставление латинам прав римского гражданства, как это было в 125 г. до н.э. По этой причине Г. Гракх при подготовке своей рогации *de sociis* заимствовал основные положения из рогации Фульвия Флакка⁴⁰.

Противостояние с сенатом в 122 г. до н.э., на наш взгляд, заставило Г. Гракха торопиться с проведением закона о союзниках. Ведь провал закона Рубрия (неконкурентоспособность в отношении альтернативной аграрной программы М. Ливия Друза Старшего и угроза абrogации)⁴¹ лишил Г. Гракха поддержки со стороны плебса и сильно понижал его шансы избраться на третий срок. Мы также полагаем, что в 122 г. до н.э. Г. Гракх планировал выставить на голосование две рогации. Одна из них касалась предоставления *ius suffragii* гражданам *sine suffragio*, а другая – обеспечения латинам римского гражданства. Так, например, Аппиан в своем пассаже четко разделяет предоставление римского гражданства латинам и предоставление права голоса *cives sine suffragio* (App. BC. I. 23, 99). Плутарх же, как мы показали ранее, только в одном случае упоминает о предоставлении *cives sine suffragio* права голоса вместе с обеспечением латинам римского гражданства (Plut. CG. 5. 1). Несмотря на то, что Плутарх объединяет предоставление права голоса *cives sine suffragio* и римское гражданство латинам в один «союзнический» закон, мы все же полагаем, что у Плутарха, как и у Аппиана речь идет о двух разных рогациях. Ведь в других пассажах, которые были рассмотрены нами выше, Плутарх прямо говорит только о предоставлении римского гражданства латинам (Plut. CG. 8. 3; 9. 3). Дело в том, что Плутарх говорит, что после возвращения из Африки Г. Гракх планировал выставить на голосование оставшиеся законопроекты (Plut. CG. 12. 1). С помощью фразы τῶν νόμων ἐξέθηκε τοὺς λοιποὺς («выставил оставшиеся из законов»), греческий биограф, скорее всего, делает отсылку к тем законам, которые были перечислены им ранее (Plut. CG. 5-7, 10) и среди которых был упомянут «союзнический» закон (Plut. CG. 5. 1). Кроме того, в этом же пассаже греческий биограф рассказывает об эдикте Г. Фанния против *cives sine suffragio* и об ответных действиях Гая Гракха (Plut. CG. 12. 1–2). Таким образом, исходя из

ческого контекста было очевидно, что Г. Гракх в данном случае не имел права вмешиваться.

³⁹ Подробнее об этом см.: Kunkel, Wittmann 1995, 587–592.

⁴⁰ Х. Моуритцен предлагает свою версию, согласно которой рогация Фульвия Флакка могла изначально предусматривать римское гражданство для латинов и италиков, но после восстания Фрегелл в 125 г. до н.э. Г. Гракх скорректировал рогацию Флакка, сузив предоставление римского гражданства до латинов (для италиков было предусмотрено право провокации): Mouritsen 1998, 108–127; 2006, 425. Аргументы contra: Лапыренко 2013, 243; 2016, 59–67.

⁴¹ App. BC. I. 24, 105–106; Plut. CG. 8–11; Oros. V. 12. 4–5; Flor. II. 3. 1; Vir. Ill. 65. 5. Подробнее о содержании аграрной программы М. Ливия Друза Старшего и ее преимуществах по сравнению с законом Рубрия см. Boren 1956, 27–36; Лапыренко 2016, 212–213, 233.

повествования Плутарха (Plut. CG. 5–12. 1–2), под оставшимися законами, вероятно, имеются в виду предоставление права голоса *cives sine suffragio* и *rogatio de sociis civitate danda*. Можно предположить, что Г. Гракх, предлагая право голоса *cives sine suffragio*, ориентировался на успех плебисцита Валерия Таппона 188 г. до н.э., которому удалось провести закон о предоставлении *ius suffragii* Формиям, Фундиям и Арпину, несмотря на неодобрение сената и интерцессию четырех плебейских трибунов (Liv. XXXVIII. 36. 7–9).

Сенат же, в свою очередь, в лице Г. Фанния с помощью тактики саботажа, которая успешно использовалась в борьбе с гракханцами в 129 (лишение триумвиров *agris iudicandis adsignandis* судебных полномочий), 125 (противодействие рогации *de sociis civitate danda* консула Фульвия Флакка) и в 122 (противодействие закону Рубрия) гг. до н.э., вынудил Г. Гракха отказаться от намерения предоставить право голоса *cives sine suffragio*, тем самым поставив под угрозу его планы по предоставлению латинам римского гражданства. О планах Г. Гракха дать латинам римское гражданство могло быть известно в Риме еще до его отъезда в Африку. Однако широкая агитация гракханцев в пользу рогации *de sociis*, скорее всего, была развернута после возвращения Г. Гракха из Африки, непосредственно перед промугацией рогации. В сообщениях Аппиана и Плутарха об эдикте консула Г. Фанния речь идет, как мы уже выяснили, о противодействии сената попытке Г. Гракха предоставить *ius suffragii* гражданам без права голоса. Помимо этого, мы располагаем упоминанием Цицерона о речи того же Г. Фанния против Г. Гракха (Cic. Brut. 99) и сохранившимся отрывком из этой речи (ORF. 1837, 221), которые в отличие от сообщений Аппиана и Плутарха свидетельствуют о противодействии Г. Фанния предоставлению латинам прав римского гражданства согласно рогации *de sociis civitate danda* 122 г. до н.э.

На основании этих сведений мы можем предположить, что Г. Фанний последовательно противостоял сначала попытке Г. Гракха предоставить права голоса находившимся в пределах города *cives sine suffragio* и затем агитировал против предоставления римского гражданства латинам. В пользу последнего свидетельствуют слова Фанния, адресованные римским гражданам (*existimatis vos ita, ut nunc constitisse, in contione habituros locum aut ludis et festis diebus interfuturos*)⁴². С их помощью консул 122 г. до н.э. указывал на возможные негативные последствия массового предоставления римского гражданства латинам. Не стоит также забывать о том, что Г. Гракх был вынужден торопиться с организацией плебисцита, ведь его прибытие в Рим из Африки произошло незадолго перед новыми выборами плебейских трибунов, то есть к концу его второго трибунского срока (App. BC. I. 24, 104–105; Plut. CG. 12. 1). По этой причине Г. Гракх был вынужден ускорить подготовку к промугации своих рогаций. В такой ситуации Гай Гракх и М. Фульвий Флакк так и не смогли преодолеть противодействие сената, что в итоге привело к кровавой расправе над обоими инициаторами законопроекта о предоставлении латинам римского гражданства в 121 г. до н.э.

Исходя из проведенного анализа, мы приходим к следующим выводам. Содержание рогации *de sociis* 122 г. до н.э. было идентично содержанию аналогичной рогации 125 г. до н.э., которое заключалось в предоставлении латинам римского

⁴² ORF 1837, 221.

гражданства или права провокации, а также, предположительно, права провокации остальным италикам. Помимо этого, Гай Гракх в 122 г. до н.э. планировал выставить на голосование вторую rogatio о предоставлении оставшимся cives sine suffragio права голоса. В связи с сопротивлением сената в лице консула Г. Фанния, который последовательно противостоял сначала попытке Г. Гракха предоставить права голоса находившимся в пределах города cives sine suffragio и затем агитировал против предоставления римского гражданства латинам, обе инициативы Гая Гракха так и не смогли преодолеть сопротивление сената.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Badian, E. 1970 – 1971: Roman politics and the Italian allies, 133–91 BC. *DA* 4–5, 373–409.
- Badian, E. 1958: *Foreign Clientelae, 264–70 BC*. Oxford.
- Beloch, K.J. 1880: *Der Italische Bund unter Roms Hegemonie*. Leipzig.
- Bernardi, A. 1938: I “cives sine suffragio”. *Athenaeum* 77, 239–277.
- Bleicken, J. 1975: *Die Verfassung der römischen Republik*. Paderborn.
- Boren, H. C. 1956: Livius Drusus, tr. pl. 122 and his Anti-Gracchan program. *CJ* 52, 27–36.
- Broadhead, W. 2008: Migration and hegemony: fixity and mobility in second-century Italy. In: L. De Light, S.J. Northwood (eds.), *People, Land and Politics: Demographic Developments and the Transformation of Roman Italy, 300 BC – AD 14*. Leiden, 451–470.
- Brunt, P.A. 1969: The enfranchisement of the Sabines. *Latomus* 102, 121–129.
- Brunt, P.A. 1971: *Italian manpower, 225 BC–AD 14*. Oxford.
- Brunt, P.A. 1988: *The fall of the Roman republic and the related essays*. Oxford.
- Coşkun, A. 2009a: Civitas Romana and the inclusion of strangers in the Roman Republic: the case of the Social War. In: A. Gestrich, L. Raphael (eds.), *Strangers and Poor People. Changing Patterns of Inclusion and Exclusion in Europe and the Mediterranean World from Classical Antiquity to the Present Day*. Frankfurt, 135–164.
- Coşkun, A. 2009b: *Bürgerrechtsentzug oder Fremdenausweisung? Studien zu den Rechten von Latinern und weiteren Fremden sowie zum Bürgerrechtswechsel in der Römischen Republik (5. bis frühes 1. Jh. v. Chr.)*. Stuttgart.
- Filyanov, N.A. 2017: Senat i kollegiya triumvirov agris dandis adsignandis v italiyskom voprose (129–125 gg. do n.e.) [Senate and collegium, of the agris dandies adsignandis in the Italian question (129–125 BC)]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Gumanitarnye nauki* [Scientific and practical journal. Humanitarian sciences] 7, 36–41.
- Филянов, Н.А. 2017: Сенат и коллегия триумвиров agris dandis adsignandis в итальяйском вопросе (129–125 гг. до н.э.). *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки* 7, 36–41.
- Fraccaro, P. 1925: Ricerche su Caio Gracco. *Athenaeum* 3, 76–97.
- Gabba, E. 1964: Studi di Dionigi d'Alicarnasso. III. La proposta di legge agraria di Spurio Casio. *Athenaeum* 42, 29–41.
- Gabba, E. 1989: Rome and Italy in the second century. In: F.W. Walbank, A.E. Astin, M.W. Frederiksen, R.M. Ogilvie (eds.), *Cambridge Ancient History*. Vol. VII. P. II. Cambridge, 197–243.
- Gabba, E. 1990: Il tentativo dei Gracchi. *Storia di Roma* 2, 671–689.
- Galsterer, H. 1976: *Herrschaft und Verwaltung im republikanischen Italien. Die Beziehungen Roms zu den italischen Gemeinden vom Latinerfrieden 338 v.Chr. bis zum Bundesgenossenkrieg 91 v.Chr.* München.
- Humbert, M. 1978: *Municipium et civitas sine suffragio. L'organisation de la conquête jusqu'à la guerre sociale*. Rome.

- Keaveny, A. 1987: *Rome and the Unification of Italy*. Totowa.
- Kendall, S. 2013: *The Struggle for roman citizenship: Romans, Allies, and the Wars of 91–77 BCE*. Piscataway.
- Kunkel, W., Wittmann, R. 1995: *Staatsordnung und Staatspraxis der römischen Republik: Die Magistratur*. Vol. II. München.
- Lapyrenok, R.V. 2013: "Italiyskiy vopros" v 126–125 gg. do n. e.: ot zakona M. Yuniya Penna do razrusheniya Fregell [The "Italian question" in 126–125 B.C.: from lex de peregrinis of M. Iunius Pennus to the demolition of Fregellae]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod] 2, 239–244.
- Лапыренок, Р.В. 2013: «Италийский вопрос» в 126–125 гг. до н. э.: от закона М. Юния Пенна до разрушения Фрегелл. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 2, 239–244.
- Lapyrenok, R.V. 2016: *Nasledie agrarnogo zakona Tiberiya Grakha: zemel'nyy vopros i politicheskaya bor'ba v Rime 20-h gg. II v. do n.e.* [The legacy of the agrarian law of Tiberius Gracchus: the land question and political struggle in Rome in the 120-s BC]. Moscow.
- Лапыренок, Р.В. 2016: *Наследие аграрного закона Тиберия Гракха: земельный вопрос и политическая борьба в Риме 20-х гг. II в. до н.э.* М.
- Lapyrionok, R.V. 2019: *Die Ursprünge des Bundengenossenkrieges: Land und Politik in den Jahren 133–91 v. Chr.* Irkutsk.
- Magie, D. 1905: *De romanorum iuris publici sacrique vocabulis sollemnibus in graecum sermonem conversis*. Lipsiae.
- Meister, K. 1976: Die Bundesgenossengesetzgebung des Caius Gracchus. *Chiron* 6, 113–125.
- Mommsen, Th. 1855: *Römische Geschichte*. Bd. II. Berlin.
- Mommsen, Th. 1887: *Römisches Staatsrecht*. Bd. III. 1 Abt. Leipzig.
- Mouritsen, H. 1998: *Italian unification. A study in ancient and modern historiography*. London.
- Mouritsen, H. 2006: Caius Gracchus and the cives sine suffragio. *Historia* 55. 4, 418–425.
- Mouritsen, H. 2007: The civitas sine suffragio: ancient concepts and modern ideology. *Historia* 56. 2, 141–158.
- Nicolet, C. 1982: *The World of the Citizen in the republican Rome*. In: P.S. Falla (transl.), London.
- Nicolet, C. 1977: *Rome et la conquête du monde méditerranéen*. Paris.
- Oakly, S.P. 1998: *A commentary of Livy Books VI–X*. Vol. II. Oxford.
- Roth, R. 2019: The Expansion of the Citizenship and Roman Elite Interests in Regional Italy, c. 200–91 BC A Structural Perspective. In: S. Karataş, K.-J. Hölkesskamp, R. Roth (eds.), *Empire, Hegemony or Anarchy? Rome and Italy, 201–31 BC*. Stuttgart, 85–106.
- Salmon, E.T. 1982: *The making of Roman Italy*. New York.
- Santamato, E. 2012: *Gruppi immigrati e loro gestione a Roma tra II e I sec. a. C.* Napoli.
- Sheidel, W. 2004: Human mobility in Roman Italy, I: The free population. *JRS* 94, 1–26.
- Sherwin-White, A.N. 1974: *The Roman Citizenship*. Oxford.
- Staveley E.S. 1984: Rome and Italy in the early third century. In: F.W. Walbank, A.E. Astin, M.W. Frederiksen, R.M. Ogilvie (eds.), *Cambridge Ancient History*. Vol. VII. P. II. Cambridge, 420–455.
- Stockton, D. 1979: *The Gracchi*. Oxford.
- Toynbee, A.J. 1965: *Hannibal's Legacy. The Hannibalic War's effects on roman life. Rome and her Neighbours before Hannibal's entry*. London.

SOCII NOMINISQUE LATINI AND THE CIVES SINE SUFFRAGIO IN THE
POLITICAL PROGRAM OF CAIUS GRACCHUS IN 122 BCE

Nikita A. Filyanov

High School Economics University, Moscow, Russia

E-mail: nikitafilyanov@gmail.com

Abstract. This paper suggests a detailed analysis of the Appian's and Plutarch's evidences about the participating of the Latins, the Italians and the category of the Roman citizens without vote (*cives sine suffragio*) in the Caius Gracchus' political program during his second tribunate. The content of the *rogatio de sociis civitate danda* of 122 BC was in similar to the content of analogous *rogatio* of 125 BC, which included the grant of Roman citizenship or the right of appeal to the Latins as well as the right of appeal to the Italians. In addition, C. Gracchus in 122 BC put forward another *rogatio* on providing the remained *cives sine suffragio* voting rights. Senate through consul of 122 BC Caius Fannius successfully was opposed to both C. Gracchus' initiatives.

Keywords: Latins, Italians, *cives sine suffragio*, Roman citizenship, senate, Caius Gracchus, the edict of Fannius.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2022), 183–197
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2022), 183–197
©Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-3-77-183–197

«НЕЗАВИСИМЫЙ» ПОЭТИЧЕСКИЙ «КРУЖОК» АЗИНИЯ ПОЛЛИОНА?

Е.В. Снедкова

Московский государственный университет, Москва, Россия

E-mail: kiseleva.kate@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1794-5065

Аннотация. Наиболее выдающимися литературными патронами «века Августа» являются Мecenат, Марк Мессала Корвин и Азиний Поллион. Все они выступали своеобразными «центрами притяжения» в римском литературном пространстве, однако их деятельность по-разному оценивается исследователями. Мecenат входил в число самых первых сторонников Октавиана и впоследствии занимал высокое положение в государстве. За поэтами его круга – в первую очередь за Вергилием и Горацием и в меньшей степени за элегистом Проперцием – закрепилась слава «глашатаев» нового, августовского «режима», а самому Мecenату традиционно отводится ключевая роль в тех трансформациях, которые переживал литературный патронат при Августе. Результат этих изменений получил выражение в таких историографических терминах, как «государственный» или «придворный» патронат. В свою очередь, Мecenату противопоставляются Мессала Корвин и Азиний Поллион, которые, по мнению ряда историков, покровительствовали литераторам, исходя из собственных интересов, то есть продолжали действовать в рамках «традиционного» литературного патроната, оставаясь, таким образом, независимыми от влияния Августа. Они объединяли вокруг себя поэтов, творчество которых в разной степени находилось в стороне от политической повестки, задаваемой принцепсом. Личность самого Мecenата, а также связанный с его именем поэтический «кружок», не были обделены вниманием авторов как специальных, так и более общих работ. В то же время о «независимых кружках» Мессалы и Поллиона нам до сих пор практически ничего неизвестно. Предметом особого интереса должен представляться последний, прежде не рассматривавшийся в историографии и не имеющий под собой такого «фундамента», каким для «кружка» Мессалы Корвина может выступать *Cognus Tibullianum*. Именно возможность существования «независимого» поэтического «кружка» вокруг Поллиона на одном из этапов его карьеры – пребывание Поллиона в Транспаданской Галлии – и рассматривается в настоящей статье. В ходе исследования автор приходит к выводу, что в 42–39/8 гг. до н.э. вокруг Азиния Поллиона действительно мог существовать «независимый» литературный «кружок», который был связан исключительно с личностью самого Азиния, – последнее крупное объединение поэтов уходящей республиканской эпохи. В него входили такие поэты, как Корнелий Галл, Вергилий и Парфений Никейский. При этом Поллиона следует считать,

Данные об авторе: Екатерина Владимировна Снедкова – аспирант кафедры истории древнего мира МГУ имени М.В. Ломоносова.

скорее, организационным лидером объединения, тогда как лидерство в творческой сфере принадлежало Парфению, оказавшему большое влияние на входивших в «кружок» поэтов еще до появления Поллиона в Галлии.

Ключевые слова: история древнего Рима, римская литература, поэтические «кружки», Азиний Поллион, Вергилий, Корнелий Галл, Парфений Никейский, Цинна, Меценат.

В специальной литературе, посвященной различным аспектам общественной и культурной жизни древнего Рима в «век Августа»¹, довольно давно существует представление о «независимых» литературных «кружках»². Как правило, под этим названием понимаются объединения поэтов вокруг Марка Валерия Мессалы Корвина и Гая Азиния Поллиона – двух наиболее видных литературных патронов эпохи³. «Независимость» этих объединений следует из противопоставления их патронов Меценату – пожалуй, самому известному покровителю поэзии обозначенного периода.

Меценат был неоспоримо важной фигурой для литературной жизни этой эпохи. По мнению ряда исследователей⁴, он энергично привлекал к прославлению *res publica restituta* наиболее талантливых поэтов. Именно с ним, а также непосредственно с Августом связывают возникновение так называемого «придворного» патроната в литературе (*court* и *state-centred patronage*)⁵. По выражению Г. Уильямса, Меценат «придал традиционному римскому институту патроната новую форму», так что литературу можно было поставить на службу «национальной политической программе», а не «корыстным стремлениям отдельного человека»⁶, что было характерно для предыдущего, «республиканского» этапа развития литературного патроната в Риме⁷, последними примерами которого и принято считать

¹ Под «веком Августа» мы понимаем период, начавшийся после убийства Юлия Цезаря в 44 г. до н.э., когда Октавиан начинает играть заметную роль в римской политике, и завершающийся 14 г. н.э. с его смертью. Он совпадает с «золотым веком» римской литературы, начало которого также иногда датируют и 43 г. до н.э. – годом смерти Цицерона. Оба термина, с учетом их условности, устойчиво употребляются в научной литературе. Об условности датировок см., в частности, Townend 1996, 905.

² Термин «кружок» широко используется в работах на многих языках (см. прим. 3). Единообразие в употреблении этого понятия отсутствует. Мы берем термин «кружок» в кавычки с целью избежать ассоциаций с кружками в современном понимании, а также подчеркнуть некоторую его условность. Под литературным «кружком» мы будем подразумевать объединение поэтов, лидер которого являлся литературным патроном для его участников.

³ Выражения “*Messalla’s circle*”, “*il circolo di Messalla*”, “*Dichterkreis des Messalla*”, “*cercle de Pollion*” и другие вариации встречаются в различных работах, e.g., Bardon 1940, Della Corte 1980 и даже в заголовках отдельных работ: Hanslik 1952, Davies 1973.

⁴ См. примечание 5.

⁵ В настоящее время роль Мецената в литературных процессах августовского Рима представляет дискуссионный вопрос. По мнению некоторых исследователей, в эпоху Августа действительно появляется «литературный патронат нового типа», когда патроном впервые становился человек, стоявший во главе государства, а именно сам Август (Duff 1909, 433–434). Подобное мнение высказывает Г. Уильямс, называя принцепса «первоочередным литературным патроном» (Williams 2012, 18). Существует и радикально противоположная точка зрения. Так, П. Уайт называет «политическую интерпретацию» литературного патроната при Августе «анахронизмом» (White 1993, 95–110). Наконец, существует и компромиссный взгляд по данному вопросу. См. в частности: Вутне 1996.

⁶ Williams 1990, 268.

⁷ О литературном патронате в эпоху Республики см.: Konstan, 2005; Williams 2012.

«кружки» Мессалы и Поллиона. Суждение о «независимости» этих литературных объединений происходит, таким образом, из представления о «независимости» их патронов. Следовательно, деятельность Мессалы и Азиния как патронов этих «кружков» должна была осуществляться в то же самое время, когда на этом же поприще активно выступал Меценат, а Октавиан уже безраздельно держал власть в своих руках – то есть после 31 г. до н.э., когда состоялась битва при Акции, хотя Меценат стал собирать вокруг себя поэтов в первой половине 30-х гг. до н.э.

Однако, несмотря на весьма большое значение, придаваемое «независимым» литературным «кружкам», эта тема не получила подробного освещения ни в отечественной, ни в зарубежной научной литературе. Ввиду этого «кружки» Мессалы и Поллиона представляют собой лишенные содержания историографические понятия. В большей степени это касается литературного объединения, связываемого с именем последнего. В то время как «кружок» Мессалы Корвина (хотя он и основывается на таком дискуссионном источнике, как *Corpus Tibullianum*) имеет «фундамент» в двух книгах элегий Тибулла, содержащих весьма продуктивный материал для изучения взаимоотношений поэта и патрона, про «кружок» Азиния Поллиона доподлинно неизвестно практически ничего. Все это ставит под сомнение самый главный вывод о «кружке» Поллиона – носил ли он приписываемый ему «независимый» характер и возможно ли противопоставлять его деятельность «государственному патронату» в лице Августа и Мецената.

В настоящей статье мы рассмотрим этап деятельности Азиния Поллиона, на протяжении которого, на наш взгляд, вокруг него действительно мог существовать поэтический «кружок» – а именно, во время пребывания Азиния Поллиона в Транспаданской Галлии⁸ – и постараемся сделать вывод о его независимости.

Азиний Поллион выступил в Галлию из Испании⁹ не ранее июня 43 г. до н.э.¹⁰ с тем, чтобы наконец объединить силы с Антонием (*Liv. per. CXX; Vell. II. LXIII; App. B.C. III. 97*), который в результате образования второго триумvirата и разделения западных провинций между триумвирами получил всю Галлию, кроме Нарбонской, отошедшей Лепиду (*App. B.C. IV. 2*). Поллион, по сообщению Веллея Патеркула, с семью легионами удерживал в то время во власти Антония в Цизальпинской Галлии область венетов (*Vell. II. 76*). В дальнейшем у нас нет никаких сведений о нем вплоть до начала Перузинской войны (*App. B.C. V. 32; 33*). Таким образом, на протяжении нескольких лет Поллион находился в провинции вдали от основных военных действий, переместившихся на Восток.

⁸ Рамки статьи не позволяют нам рассмотреть все взаимосвязи Азиния Поллиона с поэтами до и после этого периода, что является предметом наших отдельных исследований. На данном этапе отметим лишь, что изучение этих связей не позволяет говорить о том, что вокруг Поллиона как до, так и после его пребывания в Транспаданской Галлии существовало какое-либо объединение, которое можно было бы охарактеризовать как поэтический «кружок».

⁹ Поллион участвовал в Испанской войне под командованием Цезаря (*Suet. Iul. 55. 4*). К 44 г. до н.э. он находился в Дальней Испании в качестве наместника, где вел военные действия против Секста Помпея (*Vell. LXXIII. 2; App. B.C. IV. 84*). Оставаясь в провинции на протяжении почти всей Мутинской войны, Поллион в письмах к Цицерону (*Cic. Fam. X. 31–33*) стремился показать себя лояльным сторонником сената и республики, однако, так и не дождавшись распоряжения сената, он выступает из Испании в Галлию и переходит к Марку Антонию.

¹⁰ 8 июня 43 г. до н.э. Азиний Поллион еще писал Цицерону о том, что он по-прежнему ожидает инструкций от сената (*Cic. Fam. X. 32*).

Значимую роль в культурной жизни Транспаданской Галлии играл в то время древнегреческий поэт и грамматик Парфений Никейский, который, как мы покажем далее, оказал большое влияние на поэтов, которые будут связаны с Поллионом. Согласно «Суде», он был привезен в Италию Цинной в качестве военной добычи, когда римляне победили Митридата (Suidas, s. v. Παρθένιος, П664)¹¹. По мнению А. Холлиса, упомянутый в этом фрагменте Цинна должен был быть достаточно известным, так как автору не потребовалось указывать его имя, и поэтому речь в этом месте «Суды» должна идти именно о поэте-неотерике Цинне¹². Описываемые события А. Холлис склонен относить к поражению Митридата от Помпея в 66 г. до н.э.¹³

Однако в большей степени нас интересует, что в результате этих событий Парфений должен был оказаться в области Кремоны в Цизальпинской Галлии, откуда, согласно вполне убедительной аргументации Р. Дайера, происходила семья Цинны¹⁴. О дальнейшей судьбе Парфения «Суда» сообщает, что он был освобожден διὰ τὴν παιδευσιν (Suidas, s. v. Παρθένιος, П664), что Р. Дайер переводит «из-за/для обучения (детей)» вместо «благодаря своей учености»¹⁵, подразумевая деятельность Парфения в роли грамматика, обучающего греческому языку и греческой литературе.

Парфений Никейский считается автором первого римского произведения в жанре пропемптикона¹⁶, которое могло оказать влияние на Цинну, когда он создавал соответствующее сочинение для Поллиона (Charis. I. 124)¹⁷. Влияние Парфения прослеживается и в других произведениях Цинны¹⁸, а также в сочинениях Корнелия Галла и Вергилия¹⁹. О знакомстве Парфения с Галлом свидетельствует посвящение единственной дошедшей до нас работы никейского грамматика, Ἑρωτικά Παθήματα («О любовных страданиях») – прозаического сборника мифологических любовных сюжетов: Παρθενίας Κορνηλίου Γάλλου χαίρειν²⁰ (Парфений шлет приветствие Корнелию Галлу). Создание этого произведения Дж. Лайтфут относит к широкому временному отрезку с 52 по 26 гг. до н.э.²¹

Что касается Вергилия, то, согласно Макробию, Парфений был грамматиком, обучавшим поэта в юности (versus est Parthenii, quo grammatico in Graecis Vergilius usus est; Macr. Sat. 5.17.18)²². Р. Дайер совмещает это сообщение и сведения о том, что Парфений был привезен Цинной в Транспаданскую Галлию, заключая, что он мог преподавать на вилле Цинны или имел свою школу в области Кремоны. К. Франсез видит ситуацию с Парфением несколько более сложной ввиду его связи именно с поэтами, полагая, что он имел дело не с учениками, но с ав-

¹¹ Cit. ex. FRP. C. Helvius Cinna 19.

¹² FRP, 19.

¹³ Ibid.

¹⁴ Dyer 1996, 17f.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Lightfoot 1999, 41. Жанр пропемптикон подразумевает напутственное стихотворение с пожеланиями хорошего пути – как правило, близкому другу или родственнику.

¹⁷ FRP. C. Helvius Cinna. Fr. 2-6. Propempticon Pollionis.

¹⁸ Francese 1999, 66.

¹⁹ Lightfoot 1999, 50–76.

²⁰ Cit. ex Lightfoot 1999, 309.

²¹ Lightfoot 1999, 217.

²² Cit. ex Lightfoot 1999, Testimonia, 9(a), 8.

торами, которые работали над своими произведениями²³. Все это, однако, никак не противоречит тому факту, что Парфений, освобожденный διὰ τὴν παιδείαν, мог заниматься преподаванием и обучать юного Вергилия, про которого Светоний сообщает, что свое детство вплоть до совершеннолетия поэт провел в Кремоне (Suet. vita Verg. 6).

Можно предположить, что вместе с Вергилием Парфений обучал также и Корнелия Галла. Хотя место рождения последнего доподлинно неизвестно, вероятнее всего, он происходил из Галлии²⁴. Марк Валерий Проб, составивший в I в. н.э. комментарии к произведениям Вергилия, называет Галла его *condiscipulus*, школьным товарищем²⁵, что может отсылать ко временам обучения Вергилия у Парфения в Кремоне. На близкую дружбу Вергилия и Галла указывает и то, что последний выступает в роли адресата десятой буколики (*pausa meo Gallo ... carmina sunt dicenda*; Verg. Buc. X. 2–3), где поэт говорит своих о дружеских к нему чувствах (*Gallo, cuius amor tantum mihi crescit in horas // quantum vere novo viridis se subicit alnus* Verg. Buc. X. 73–74)²⁶.

Источники не сохранили никаких сведений о том, был ли знаком с Парфением сам Азиний Поллион. Однако если Парфений все еще оставался на тот момент в Транспаданской Галлии, его общество могло заинтересовать Поллиона, возможно, уже занимавшегося поэзией²⁷. Светоний передает, что во время написания своего исторического труда²⁸ Поллион обращался к Луцию Атею Филологу, который составил для него руководство по тому, как правильно писать (*praeseptis de ratione scribendi*; Suet. de gram. 10). В такой же роли мог в то время выступать для Поллиона и Парфений Никейский. Также стоит отметить, что Парфений был привезен в Италию Цинной, с которым Поллиона связывали дружеские отношения.

Как считает Р. Дайер, Поллион, находясь в Транспаданской Галлии, мог принадлежать к тому же «кружку» (*coterie*), что и Вергилий с Галлом. К нему мог относиться, по мнению исследователя, также и сам Цинна²⁹. Одновременное присутствие Галла, Вергилия и Поллиона в данной части провинции находит отражение в источниках и будет рассмотрено далее. Относительно Цинны вопрос не столь однозначен. Если мы принимаем сведения Плутарха об убийстве Цинны-поэта во время похорон Цезаря (Plut. Brut. 20)³⁰, то, следовательно, уже к марту

²³ Francese 1999, 65.

²⁴ Версию о происхождении Галла из Цизальпинской Галлии высказывает Э. Роусон: Rawson 1985, 35 n. 80; 37 n. 100. Эту версию также поддерживает Р. Дайер: Dyer 1996, 21, в то время как А. Холлис говорит о Нарбоннской Галлии: FRP, 225. Подробнее о дискуссии также см.: Manzoni 1995, 4–14.

²⁵ FRP, 225; Dyer, 22.

²⁶ Галлу, к которому так возрастает моя любовь с каждым часом, как с началом весны ольха покрывается зеленью.

²⁷ Источники сохранили упоминания о разностороннем поэтическом творчестве Азиния Поллиона. В частности, у Плиния Младшего мы читаем о «недостаточно серьезных стихах» (*versiculos severos parum*; Ep. V. 3), которые, в том числе, сочинял и Поллион, а Гораций (Sat. I. 10. 41–42; Carm. II. I. 9–10) и Вергилий (Buc. VIII. 9–10) говорят о трагедиях авторства Азиния. Единственный дошедший до нас фрагмент из поэзии Поллиона – слова *Veneris antistita Cupris* (Charis. I).

²⁸ Согласно «Суде», «Римская история», составленная Поллионом, насчитывала 17 книг (Suidas, s. v. Ἀσίνιος Πωλίων, A4148), Cit. ex. FRH, 56. C. Asinius Pollio. F6.

²⁹ Dyer 1996, 23, n. 38.

³⁰ Это свидетельство принимает А. Холлис: FRP, 19, но оспаривает Т.П. Уайзмен: Wiseman 1974, 44–46.

44 г. до н.э. Цинна находился в Риме. Вергилий упоминает Цинну в IX буколике, отсылающей к раздачам земель ветеранам после битвы при Филиппах (октябрь 42 г. до н.э.), называя его вместе с Луцием Варием Руфом, который в то время был жив и впоследствии вместе с Вергилием представил Меценату юного Горация. Так, в IX буколике пастух Ликид говорит о том, что его стихи недостойны Вария и Цинны: *nam neque adhuc Vario videor nec dicere Cinna digna* (Verg. Buc. IX. 35–36). Это упоминание в целом может служить подтверждением тому, что Цинна был жив еще после 42 г. до н.э., поскольку если бы Вергилий приводил примеры не из своих ныне живущих современников, он, вероятно, обратился бы к более «древним» образцам³¹. Однако одного этого упоминания недостаточно, чтобы отвергать свидетельство Плутарха. К тому же ни одна из букол не посвящена Цинне напрямую, чего можно было бы ожидать, если бы Цинна был жив в момент их написания. В «Жизни Вергилия» (Suet. vita Verg. 19) Цинна так же не назван среди трех адресатов «Букол» (которые, впрочем, считаются адресатами лишь потому, что якобы принимали участие в комиссии по делам земельных раздач и помогли Вергилию вернуть поместье в Мантуе).

Таким образом, во время наместничества Поллиона в Транспаданской Галлии (приблизительно с осени 43 по осень 41 гг. до н.э.) могло существовать некоторое объединение поэтов, связанных между собой личным знакомством и культурным влиянием Парфения Никейского. Гай Гельвий Цинна, который был знаком с Поллионом задолго до его наместничества в Галлии и мог принадлежать к этому «кружку» на тех же основаниях, с большой вероятностью не был его частью. Х.К. Фернандес Корте пишет, что Поллион побуждал (*provocó*) к написанию стихов не только Цинну, но и Парфения³². На наш взгляд, данное предположение является преувеличением, поскольку и Пропемпстикон, и Смирна – главные произведения Цинны – были написаны им слишком рано³³ для того, чтобы Поллион мог ему покровительствовать и «побуждать» его к поэтическому творчеству. Что же касается Парфения, у нас нет никаких сведений о его отношениях с Поллионом. Но не стоит исключать вероятности того, что после смерти Цинны, который мог оказывать покровительство Парфению после его освобождения, никейский поэт искал патроната и обратился за ним к Поллиону, который также мог быть заинтересован в его услугах. Главными же поэтами, входившими в это объединение, должны были быть Корнелий Галл и Вергилий.

Наши сведения о взаимоотношениях Поллиона с Корнелием Галлом крайне скудны, однако ценны тем, что их источником является сам Азиний. Единственное прямое упоминание Галла мы встречаем в письме Поллиона к Цицерону 8 июня 43 г. до н.э. В этом письме Поллион называет Галла своим близким другом – *familiaris* (Cic. Fam. X. 32. 5). Поскольку из предыдущего письма от 16 марта того же года мы узнаем, что ранее Цицерон принял в число своих друзей некого

³¹ Над «обычаем» римлян ценить лишь только тех поэтов, что умерли столетия назад, иронизирует Гораций в обращенном к Августу послании, открывающем вторую книгу *Epistulae*: «Писателя, что сто лет тому назад умер, должно относить к превосходным и древним или же к новым, что ценятся мало?» (*Scriptor abhinc annos centum qui decidit, inter perfectos veteresque referri debet an inter vilis atque novos?* Hor. Epist. II. I. 36–38).

³² Fernández Corte 2018, 136, n. 5.

³³ Приблизительно в первой половине 50-х гг. до н.э., когда Поллиону должно было быть 15–20 лет.

familiarem Поллиона, мы можем предположить, что речь также идет о Корнелии Галле. Следовательно, к 43 г. до н.э. Поллиона с Галлом уже связывали отношения близкой дружбы, и их знакомство следует относить к более раннему времени³⁴. Дж. Э. Манцони пишет, что «с 45 г. до н.э. начинаются лучшие, самые продуктивные годы в жизни Корнелия Галла: к нему приходит успех в литературе, он водит дружбу с самыми прославленными людьми <...> и принимается за создание четырех книг *Amores*»³⁵. На первые годы этого периода приходится наместничество Поллиона в Транспаданской Галлии, пребывание самого Галла в провинции и написание «Буколик» Вергилия.

Как считает А. Холлис, Корнелий Галл и Вергилий были первыми поэтами, которым Азиний Поллион оказывал покровительство как патрон³⁶. Логично предположить, что Вергилия, еще не известного поэта, мог представить Поллиону Корнелий Галл, который уже находился с последним в дружеских отношениях, а также был давним близким другом Вергилия. Вполне приемлемой представляется и идея Г. Беннета о том, что, когда в 42 г. до н.э. Поллион занял Цизальпинскую Галлию, он мог сам пригласить Вергилия к себе, поскольку в своей новой должности он хотел выделять время на занятия литературой и сформировать вокруг себя кружок (literary circle)³⁷.

Самым первым серьезным произведением Вергилия были «Буколики». К Азинию Поллиону Вергилий обращается в них чаще, чем ко всем остальным (весьма немногочисленным) адресатам своей пасторальной поэзии: Поллион упоминается в эклогах III, IV (назван по имени) и VIII (местоимения *tu* (6), *te* и *tibi* (11); имя адресата не называется)³⁸ эклогах. Восьмое стихотворение сборника является наиболее показательным для понимания роли Поллиона в создании «Буколик», а также его взаимоотношений с Вергилием. Его основное содержание составляют две пастушеские песни, исполняемые пастухами Дамоном (17–63) и Алфесибеем (64–107). Наше же внимание привлекает обращение поэта к Поллиону в строках 6–13.

Прежде всего, Вергилий говорит о «скалах Тимава», которые преодолевает его адресат, и о «побережье Иллирийского моря», вдоль которого также может проходить его маршрут (*seu magni superas iam saxa Timaui // siue oram Illyrici legis aequoris*; Ibid. 6–7). Вероятно, прав Ф. Кэрнс, заключающий, что эти строки не заключают в себе точную историческую информацию³⁹. Тем не менее логично предположить, что упомянутые географические названия должны иметь отношение к «лаврам победителя» (*uictrices Laurus*; Ibid. 13), отсылающим, вероятнее всего, к триумфу Поллиона⁴⁰ за победу в ходе иллирийской кампании. Ф. Кэрнс

³⁴ Это может быть как период пребывания Поллиона в Испании, где, по всей видимости, находился также и Галл, так и вторая половина 50-х гг. до н.э., когда и Поллион, и Галл могли находиться в Риме.

³⁵ Manzoni 1995, 18.

³⁶ FRP, 3; 216.

³⁷ Bennett 1930, 333.

³⁸ Относительно отсутствия в эклоге упоминания Поллиона по имени см.: Cairns 2008, 70.

³⁹ Cairns 2008, 70.

⁴⁰ В 39 г. до н.э. Азиний Поллион справил триумф за победу, одержанную над парфинами в ходе иллирийской кампании (CIL I2 Tabula Triumphorum Barberiniana. P. 77; CIL I2 Acta Triumph. Capitolina. P. 50 = I. P. 461).

отмечает, что Вергилий может иметь в виду как триумф уже свершившийся, так и грядущий – или же вообще предсказывать Поллиону триумф, который ждет его в будущем⁴¹.

Примечательны при этом употребляемые Вергилием времена. С одной стороны, поэт задается вопросом: «настанет ли когда-либо тот день, когда мне будет дозволено воспеть твои [Поллиона – *E. C.*] деяния?» (*en erit umquam ille dies, mihi cum liceat tua dicere facta?* Ibid. 7–8). С другой – просит Поллиона позволить (в настоящий момент) вплести вокруг его чела плющ в победные лавры (*atque hanc sine tempora circum inter uictrices hederam tibi serpere Laurus*;⁴² Ibid. 12–13). Интересно следующее: победные лавры (которые, согласно Вергилию, *уже* обвивают виски Поллиона) в данном случае, несомненно, отсылают к воинской славе Поллиона, в то время как плющ (*hedera*) должен отсылать к заслугам Поллиона в поэзии⁴³. На это также могут указывать предшествующие строки буколики, которые, на наш взгляд, представляют собой обращение Вергилия к Поллиону как к своему литературному патрону: «начав от тебя, с тобой заканчиваю: прими стихи, за которые я принялся по твоему повелению»⁴⁴ (*a te principium, tibi desinam: accipe iussis carmina coepta tuis*; Ibid. 11–12). Отметим существительное «*iussis*» – слово с таким же корнем⁴⁵ встречается у Вергилия в шестой буколике, обращенной к Альфену Вару: «я пою не по собственной воле»⁴⁶ (*non iniussa cano*; Verg. Buc. VI. 9). В шестой эклоге Вергилий говорит об этом в рамках небольшого *recusatio*, объясняя, что он начал петь о царях и сражениях, но Кинфий ущипнул его за ухо и напомнил, что пастуху следует пасти тучных овец и сочинять тихую песню» (Ibid. 3–4)⁴⁷, поэтому, хотя он поет и *iussa*, он, как бы ни старался, все же не может воспеть деяния Вара в эпическом жанре, и мы не находим в этой эклоге никаких упоминаний о его победах. В восьмой эклоге, посвященной Поллиону, поэт прибегает к схожему приему, и риторические вопросы, которыми он задается (*en erit umquam ille dies...*), подразумевают, что в настоящий момент Вергилий еще не считает себя достаточно способным для того, чтобы описывать подвиги Поллиона на поле битвы. Однако все же, в отличие от VI буколики, Вергилий оставляет в тексте намек на военные победы Азиния.

Прославление стихов самого Поллиона Вергилий также оставляет на будущее, все же не преминув отметить при этом, что они единственные достойны ко-турна Софокла (*en erit ut liceat totum mihi ferre per orbem sola Sophocleo tua car-*

⁴¹ Cairns 2008, 66.

⁴² Буквально: и позволь, чтобы вокруг твоих висков вился плющ среди победных лавров.

⁴³ В предыдущей, седьмой, буколике у Вергилия: «Пастухи, украсьте плющом молодого поэта» (*pastores, hedera nascentem ornate poetam* Verg. Buc. VII, 25).

⁴⁴ Буквально «по твоим повелениям», во множественном числе, что, на наш взгляд, указывает на то, что Поллион неоднократно побуждал Вергилия к написанию «Буколик».

⁴⁵ Глагол *iubere* также употребляет Гораций в шестой сатире первой книги, говоря о том, что Меценат «приказал», чтобы Гораций теперь был в числе друзей Мецената (*iubesque esse in amicorum numero*; Hor. Sat. I. 6. 61–62). Контекст, в котором употребляет этот глагол Гораций, явно отражает ситуацию патрон–поэт, поэтому мы можем заключить, что слово *iussus* в данном случае также выбрано Вергилием неслучайно.

⁴⁶ *Non iniussa* буквально «не непрошенное». Также можно понять отрицание *non* как усиление: т.е. я пою то, что мне было приказано петь; то, что я пою по [твоему] повелению.

⁴⁷ *cum canerem reges et proelia, Cynthus aurem // uellit et admonuit: 'pastorem, Tityre, pinguis // pascere oportet ouis, deductum dicere carmen.'*

mina digna coturno? Verg. Buc. VIII. 9–10). Возвращаясь к упоминанию плюща, мы можем предположить, что поэт имеет в виду именно покровительство Поллиона его поэзии: завершив работу над «Буколиками» (*desinam*; Ibid. 11)⁴⁸, он просит его «принять результат» как работы Вергилия, так и его собственного покровительства, и *hanc hederam* (*этом* плющ) может означать составленный Вергилием сборник эклог⁴⁹.

Таким образом, роль Поллиона в создании первого серьезного произведения Вергилия представляется весьма значительной и высоко оценивается самим поэтом. При этом, на наш взгляд, слова *iussis tuis* (Verg. Buc. VIII. 11–12) следует понимать и более конкретно: Поллион хотел, чтобы в созданном Вергилием произведении воспевались его заслуги как литературного патрона поэта.

А. Дэлзелл вполне справедливо отмечает, что Вергилий как будто извиняется за буколическую направленность своего сочинения, а потому «Буколики», если и были «заказаны» Поллионом, в итоге не совсем соответствовали его ожиданиям⁵⁰. Действительно, в третьей эклоге Вергилий говорит о том, что Поллион любит его Музу⁵¹, хотя она и незатейливая (или в прямом смысле – сельская): *Pollio amat nostram, quamvis est rustica, Musam* (Verg. Buc. VIII. 84). В знаменитой четвертой эклоге, возвещающей о скором наступлении золотого века и рождении божественного ребенка и написанной уже после брундизийского соглашения⁵², Вергилий также замечает, что не всем приятны рощи и низкорослый тамариск (Verg. Buc. IV. 2), поэтому он будет воспевать леса так, чтобы и они были достойны консула, то есть Поллиона (*si canimus siluas, siluae sint consule dignae*; Ibid. 3). Обращаясь все к тем же «сельским» сицилийским Музам, поэт теперь призывает их воспевать дела более великие (*Sicelides Musae, paulo maiora canamus*; Ibid. 1). Наступление золотого века Вергилий пророчит в консульство Поллиона (*Pollio ...*

⁴⁸ Расположение эклог в сборнике, а также порядок их написания неоднократно привлекал внимание исследователей. Своеобразный итог этой дискуссии подводит А. Перутелли, предполагая, что могла существовать ранняя версия сборника, которая содержала эклоги, связанные с Поллионом, а также эклоги без адресата, которые признаны наиболее ранними и также могли быть вдохновлены Поллионом и связаны с его патронатом над Вергилием. Это (по хронологии написания) эклоги II, III, V, IV, VIII. Perutelli 1995, 29–30. Поэтому уже в восьмой эклоге поэт говорит о завершении работы над своими стихами.

⁴⁹ Сервий в комментарии к восьмой эклоге высказывает мнение о том, что Вергилий иносказательно хочет передать следующее: «мой стих должен цвести среди твоих многочисленных триумфов» (*debet etiam carmen meum florere inter tuos plures triumphos*; Serv. Ecl. VIII. 12).

⁵⁰ Dalzell 1956, 155.

⁵¹ Это выражение поэта наталкивает Г. Беннета (Bennet 1930, 332) на мысль о том, что второй эклогой (исследователь также считает эту и следующую за ней эклогу самыми ранними) Вергилий заслужил патронат Поллиона, поскольку уже в третьей поэт может заявить о том, что его Муза по нраву Поллиону. С одной стороны, с этим предположением вполне можно согласиться. С другой, оно передает «инициативу» в написании «Буколик» Вергилию, в то время как она, как нам представляется и как мы показали выше, по большей части должна была исходить от Поллиона.

⁵² А. Перутелли в датировке четвертой эклоги опирается только на содержащееся в ней указание на консульство Поллиона, датируя ее, таким образом, началом 40 г. до н.э. (Perutelli 1995, 28). Ю.Г. Чернышов, напротив, в вопросе датировки эклоги делает акцент на общем историческом контексте и переплетении событий политической истории с судьбой автора, датируя эклогу временем после брундизийского договора (Чернышов 1990). В данном вопросе мы склонны согласиться с аргументами последнего.

te duce; Ibid. 12–13)⁵³, что вряд ли могло бы его не устроить. Вероятно, Поллион и не ждал от Вергилия воспевания своих деяний в громоздких гекзаметрах, желая быть представленным прежде всего как покровитель поэзии, а не как военный и политический деятель – в одном из писем к Цицерону он сам признавался в том, что его природа и занятия (вероятно, это могла быть литературная деятельность) влекут его к желанию мира и свободы (Cic. Fam. X. 31. 2).

Разумеется, патронат Поллиона приносил определенную выгоду самому Вергилию и заключался не только в том, что Поллион побудил молодого поэта к написанию стихов. Согласно комментарию Сервия ко второй эклоге, Поллион принимал Вергилия у себя: по одной из версий, передаваемых комментатором, под Алексидом – юношей, в которого безответно влюблен пастух Коридон⁵⁴, – понимается Александр, слуга Азиния Поллиона⁵⁵, увиденный Вергилием во время завтрака, на который он был приглашен (Serv. Ecl. II. 1)⁵⁶. Понравившегося раба Вергилий получил от Поллиона в дар (eumque dono accepit; Ibid.). Одного этого замечания, конечно, недостаточно, чтобы заключить, что Вергилия принимали у Поллиона только по приглашению, хотя, судя по тому, как поэт обращается к своему патрону (глаголы sine, liceat в восьмой буколке), между Вергилием и Поллионом была существенная дистанция – большая, чем между Вергилием и Альфеном Варом, и намного более значительная, чем между ним и Корнелием Галлом.

О подаренном поэту рабе Поллиона по имени Александр говорит и Светоний, ничего, однако, не сообщая об обстоятельствах их встречи (Suet. vita Verg. 9). Не исключено, что они были «воссозданы» Сервием исходя из контекста прочтения других эклог, связанных с Поллионом. Тем не менее даже такая «воссозданная» Сервием картина вполне могла отражать реальные взаимоотношения между Азинием Поллионом и Вергилием как между патроном и поэтом.

Светоний связывает написание «Буколик» с одним конкретным и достаточно трагичным событием в жизни Вергилия. Согласно его биографии Вергилия, поэт, принимаясь за составление сборника пастушеских стихов, главным образом желал прославить Азиния Поллиона, Альфена Вара и Корнелия Галла, поскольку благодаря им Вергилий не понес никакого ущерба во время раздела земель за Падом, который производился в пользу ветеранов по приказу триумвиров после победы в битве при Филиппах (Suet. vita Verg. 19)⁵⁷. Как предположительно следует из девятой эклоги, под раздачу земель ветеранам попала также Мантуя – «увы, слишком близкая к несчастной Кремоне» (Mantua uae miserae nimium uicina Cremonae; Verg. Buc. IX. 28). По словам Сервия, Вергилий, потеряв свое поместье, пришел

⁵³ По одной из многочисленных версий, «божественный младенец» отождествляется с одним из сыновей Азиния Поллиона – Азинием Галлом или Салонином. Эту версию, принятую «некоторыми» (quidam/alii accipiunt), высказывает в комментарии к IV буколке Сервий: его комментарий – единственное свидетельство о том, что у Поллиона мог быть второй сын, Салонин (Serv. Ecl. IV).

⁵⁴ Под Коридоном, согласно Сервию, понимается сам Вергилий: Corydonis in persona Vergilius intellegitur (Serv. Ecl. II, 1).

⁵⁵ Также Сервий приводит версию о том, что Алексид был возлюбленным Поллиона и Вергилий посчитал, что тому будет приятно, если поэт его прославит (Serv. Ecl. II, 1).

⁵⁶ ALEXIM dicunt Alexandrum, qui fuit servus Asinii Pollionis, quem Vergilius, rogatus ad prandium, cum vidisset in ministerio omnium pulcherrimum, dilexit eumque dono accepit.

⁵⁷ ad “Bucolica” transiit, maxime ut Asinium Pollionem, Alfenum Varum et Cornelium Gallum celebraret, quia in distributione agrorum, qui post Philippensem victoriam veteranis triumvirorum iussu trans Padum dividebantur, indemnem se praestitissent.

в Рим и, благодаря покровительству могущественных людей, добился того, что один смог вернуть себе свою землю (*perdito ergo agro Vergilius Romam venit et potentium favore meruit, ut agrum suum solus reciperet*; *Serv. Ecl. praef.*)⁵⁸. Этот «эпизод из биографии» Вергилия в различных вариациях нашел отражение и у других более поздних комментаторов: следует назвать также грамматика IV в. Элия Доната (*Donatus* 63) и «Бернские схолии» к Вергилию IX в. (*Schol. Bern. Ecl. VIII. 6*). Среди защитников Вергилия, помимо Поллиона, в источниках называются уже упомянутые Альфен Вар и Корнелий Галл, а также Меценат и Эмилий Макр.

Эти сведения более поздних комментаторов об Азинии Поллионе являются единственными подтверждениями его деятельности, связанной с раздачами земель ветеранам, и Г. Беннет вполне оправданно склонен считать их не более чем контекстуальной интерпретацией текста «Буколик»⁵⁹. Однако даже если мы отказываем античным комментаторам Вергилия в исторической достоверности, их интерпретации представляют для нас определенный интерес, поскольку сама возможность такого понимания текста Вергилия еще в античности говорит о том, что поэт показал в своем тексте Поллиона так, что это позволило более поздним комментаторам увидеть в нем заступника и покровителя Вергилия. На наш взгляд, наиболее справедлива точка зрения Г. Дж. Роуза: для нас в целом не имеет значения, правдивы или нет сведения комментаторов о том, что Поллион участвовал в распределении земель – главное, что Вергилий считал стоящим заслужить его благосклонность⁶⁰, на что, в том числе, было направлено сочинение «Буколик».

Наконец, для того чтобы понять, до какого момента Азиний Поллион еще мог считаться патроном Вергилия, обратимся к нескольким сатирам другого поэта «золотого века» – Горация.

В пятой сатире первой книги Гораций описывает одно свое путешествие, конечным пунктом которого был Брундизий. У поэта было несколько спутников, в том числе – Меценат, а также поэты Луций Варий Руф и Вергилий. Существует несколько версий того, когда и с какой целью могло состояться это путешествие. Наиболее предпочтительной Э. Гауэрс считает версию о дипломатической миссии, направлявшейся в Тарент, где в 37 г. до н.э. был заключен новый мирный договор между Антонием и Октавианом, подтверждавший соглашение в Брундизии⁶¹. Следовательно, представление Горация Меценату, которое сам поэт описывает в следующей сатире (*Hor. Sat. I. 6. 52–62*), должно было состояться не позже этой даты – как нам представляется, не позднее 38 г. до н.э., поскольку Меценату потребовалось 9 месяцев на обдумывание, прежде чем он принял Горация в число своих друзей (*et reuocas nono post mense iubesque esse in amicorum numero*; *Hor. Sat. I. 6.61–62*).

⁵⁸ Защита поместья Вергилия в Мантуе от конфискации, а также круг проблем, связанных с этим вопросом, являются, по выражению Л. Кэппи, «самой сутью» изучения биографии поэта и его произведений (*are the very stuff of Vergilian scholarship*): *Keppi* 1981, 367, и эта многогранная тема неоднократно становилась предметом отдельных исследований. В рамках же настоящей статьи для нас достаточно упомянуть этот сюжет как еще один возможный пример взаимоотношений Вергилия с Азинием Поллионом как поэта со своим патроном.

⁵⁹ *Keppi* 1981, 334.

⁶⁰ *Rose* 1942, 83.

⁶¹ *Gowers* 2012, 182–186.

Таким образом, Вергилий, который вместе с Варием представлял Горация его будущему патрону, к 38 г. до н.э. уже должен был быть достаточно близок к Меценату, чтобы рекомендовать ему поэта. Это косвенно подтверждается и творчеством самого Вергилия. Первая эклога, если видеть в ней автобиографические черты, а в пастухе Титире – самого поэта, должна была быть написана через некоторое время после 40 г. до н.э., когда вопрос с поместьем Вергилия мог быть благополучно решен благодаря Октавиану⁶². По мнению Г. Тауненда, «появление Октавиана Цезаря как победителя и спасителя в I эклоге, написанной через год или два после 40 г. до н.э., сразу идентифицирует Вергилия как поэта «века Августа»⁶³ (Augustan)⁶⁴.

Итак, Азиний Поллион был литературным патроном Вергилия, когда он только начинал свой путь в поэзии, и оставался им вплоть до 39 или 38 г. до н.э. До этого же времени еще формально могло существовать и объединение поэтов, связанных с Поллионом, – прежде всего, сам Вергилий, а также Корнелий Галл и Парфений Никейский. При этом Поллион выступал как патрон и организационный лидер, в то время как лидерство творческое принадлежало Парфению Никейскому.

Таким образом, мы можем говорить о том, что в промежутке с 42 по 38 гг. до н.э. Поллион был центральной фигурой литературного «кружка», сформировавшегося в Цизальпинской Галлии. Говоря же о *независимости* этого объединения, можно действительно назвать его последним «республиканским кружком» – прежде всего, именно по времени существования, поскольку «кружок» Мецената начнет оформляться только в конце этого периода. Поэтому в данном случае не имеет смысла искать в произведениях, принадлежавших к кругу Поллиона поэтов, «августовских» тем или намеренного отказа от них – к тому же, что от поэзии как Галла⁶⁵, так и Парфения⁶⁶ до нас дошли лишь очень небольшие фрагменты.

Также трудно сделать вывод о том, насколько эта поэзия была близка самому Поллиону. Однако для него мог быть не столько важен жанр, сколько сам факт литературной деятельности, покровителем которой он являлся. В письме Цицерону Поллион писал о том, что он часто оплакивал начало гражданской войны в Риме (Cic. Fam. X. 31. 2). И в этом плане Поллиону могла быть близка книга буколик Вергилия. Я.Ю. Межерицкий отвергает идею о том, что «личная драма» Вергилия, связанная с его мантуанским поместьем и разрешившаяся в высшей степени благополучно благодаря Октавиану, сыграла «решающую роль в превращении Вергилия в глашатая нового режима»⁶⁷. По мнению исследователя, «первое входящее в канонический корпус сочинение Вергилия говорит о духовной независи-

⁶² Эта буколика представляет собой диалог пастухов Мелибея и Титира: в то время как первый, потеряв свою землю, должен покидать родные края, Титир может спокойно сочинять новый пастуший напев, за что он выражает благодарность богу (deus nobis haec otia fecit: namque erit ille mihi semper deus; Verg. Buc. I. 6–7). Под «богом» обычно понимается Октавиан. Впрочем, Н. Хорсфэлл считает, что ни I, ни IX буколики не содержат никаких автобиографических черт: Horsfall 1995, 11f.

⁶³ В данном случае следует понимать «век Августа» не с хронологической, но с идейно-содержательной точки зрения.

⁶⁴ Townend 1996, 905.

⁶⁵ Дошедшие фрагменты произведений Корнелия Галла: FRP. C. Cornelius Gallus. Fr. 138–145.

⁶⁶ Фрагменты произведений Парфения – Lightfoot 1999.

⁶⁷ Межерицкий 2016, 677.

мости поэта»⁶⁸. Эта независимость, проявлявшаяся в демонстрации Вергилием всех тягот и бедствий гражданских войн наравне с воспеванием тихой мирной жизни, несомненно, должна была импонировать Поллиону.

Наконец, стоит отметить, что в рамках сборника буколик можно увидеть и своеобразный генетлиакон – стихотворение по случаю дня рождения (в рамках *Corpus Tibullianum*, связанного с «кружком» Мессалы Корвина, их встречается не менее шести), которое могло быть написано только в очень узком литературном кругу: именно так называет четвертую эклогу Сервий, понимая (в данном месте своего комментария) под божественным младенцем Салонина, сына Поллиона (*Asinius Pollio <...> suscepit filium, quem a capta civitate Saloninum vocavit, cui nunc Vergilius genethliacon dicit; Serv. Ecl. IV. 1*). Конечно, триумфам своего патрона Вергилий не посвятил отдельного произведения, однако все же не смог не упомянуть о победных лаврах. К тому же однажды действительно мог бы настать *ille dies*, когда Вергилий в полной мере прославил бы деяния Поллиона. Но судьба поэта сложилась иначе, и в гекзаметрах он воспел уже не подвиги Азиния Поллиона, а «битвы и мужа».

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Bardon, H. 1940: *Les empereurs et les lettres latine d'Auguste à Hadrien*. Paris.
- Bennett, H. 1930: Vergil and Pollio. *The American Journal of Philology* 4, 325–342.
- Byrne, Sh.N. 1996: *Maecenas*. Evanston, Illinois.
- Chernyshov, Yu.G. 1990: Brundiziyskiy mir i «zagadka» IV eklogi Vergiliya. [The Treaty of Brundisium and the “mystery” of Virgil’s fourth eclogue]. In E.D. Frolov. (ed.), *Gosudarstvo, politika i ideologiya v antichnom mire* [State, politics and society in the ancient world]. Leningrad, 136–148.
- Чернышов, Ю.Г. 1990: Брундизийский мир и «загадка» IV эклоги Вергилия. В сб.: Фролов Э.Д. (ред.), *Государство, политика и идеология в античном мире*. Л., 136–148.
- Fernández Corte, J.C. 2018: Escritura y política en la época augustea: Asinio Polión. In R. Cortés Tovar, S. González Marin, J. Cantó Llorka (eds.), *CUM MENS ONUS REPONIT...: Artículos Inéditos Y Selección De Conferencias*. Salamanca, 131–146.
- Dalzell, A. 1956: Maecenas and the Poets. *Phoenix* 4, 151–162.
- Davies, C. 1973: Poetry in the “Circle” of Messalla. *Greece & Rome* 1, 25–35.
- Della Corte, F. 1980: *Tibullo: Le Elegie*. Milano.
- Duff, J.W. 1909: *Literary History of Rome from the Origins to the Close of the Golden Age*. London–Leipzig.
- Dyer, R. 1996: Where Did Parthenius Teach Vergil? *Vergilius* 42, 14–24.
- Francese, Ch. 1999: Parthenius ‘Grammaticus.’ *Mnemosyne* 1, 63–71.
- Gowers, E. 2012: *Horace. Satires. B. I*. Cambridge.
- Hanslik, R. 1952: *Der Dichterkreis Des Messalla*. Wien.
- Horsfall, N. 1995: Chapter One: Virgil: his life and times. In N. Horsfall (ed.), *A Companion to the Study of Virgil*. Leiden–New York–Köln, 1–25.
- Keppi, L. 1981: Vergil, the Confiscations, and Caesar’s Tenth Legion. *The Classical Quarterly* 2, 367–370.
- Konstan, D. 2005: Friendship and Patronage. In S. Harrison (ed.), *A Companion to Latin Literature*. Malden–MA–Oxford, 345–359.

⁶⁸ Межерицкий 2016, 677.

- Lightfoot, J.L. 1999: *Parthenius of Nicaea. The poetical fragments and the Ἑρωτικά Παθήματα*. Oxford.
- Manzoni, G.E. 1995: *Foroiulensis poeta: vita e poesia di Cornelio Gallo*. Milan.
- Mezheritskiy, Ya.Yu. 2016: "Vosstanovlennaya respublika" imperatora Avgusta ["Restored Republic" of Augustus]. Moscow.
- Межерицкий, Я. Ю. 2016: «Восстановленная республика» императора Августа. М.
- Mountford, P. 2019: *Maecenas*. Routledge.
- Perutelli, A. 1995: Chapter Two: Bucolics. In: N. Horsfall (ed.), *A Companion to the Study of Virgil*. Leiden–New York–Köln, 27–62.
- Rawson, E. 1985: *Intellectual Life in the Late Roman Republic*. London.
- Rose, H.J. 1942: *The Eclogues of Vergil*. University of California Press.
- Townend, G. 1996: Literature and society. In A. Bowman, E. Champlin, A. Lintott (eds.), *The Cambridge Ancient History*. Vol. 10. Cambridge, 905–929.
- White, P. 1993: *Promised Verse: Poets in the Society of Augustan Rome*. Harvard.
- Williams, G. 1990: Did Maecenas "Fall from Favor"? Augustan Literary Patronage. In K.A. Raaflaub, M. Toher (eds.), *Between Republic and Empire. Interpretations of Augustus and His Principate*. Berkeley–Los Angeles–Oxford, 258–276.
- Williams, G. 2012: Phases of Political Patronage of Literature in Rome. In B.K. Gold (ed.), *Literary and Artistic Patronage in Ancient Rome*. Austin, 3–28.
- Wiseman, T.P. 1974: *Cinna the Poet, and Other Roman Essays*. Leicester.

ASINIUS POLLIO'S "INDEPENDENT" POETRY "CIRCLE"?

Ekaterina V. Snedkova

Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: kiseleva.kate@gmail.com

Abstract. The most outstanding literary patrons of the "Age of Augustus" are considered to be Maecenas, Messalla Corvinus and Asinius Pollio. They all acted as "centers of attraction" in the Roman literary sphere, but researchers assess their activities differently. Maecenas was among the very first supporters of Octavian and subsequently held a high position in the state. The poets of his circle, first of all Virgil and Horace, and to a lesser extent the elegist Propertius, gained fame as the "heralds" of the new Augustan "regime", and Maecenas himself is traditionally assigned a key role in the transformations that the literary patronage experienced under Augustus. The result of these changes was expressed in historiographic terms such as the "state" or "court" patronage. In turn, there are Messalla Corvinus and Asinius Pollio, opposed to Maecenas. According to a number of historians, they patronized men of letters based on their own interests, that is, continued to act within the framework of the "traditional" literary patronage, thus remaining independent of the influence of Augustus. They gathered around themselves the poets, whose works were to different extents aside from the political agenda set by the princeps. The personality of Maecenas himself, as well as the poetic "circle" associated with his name, were not deprived of the attention of the authors of both specialized and more general works. At the same time, we still know practically nothing about the "independent circles" of Messalla and Pollio. The subject of special interest should be the latter, which has not been previously examined in historiography and does not have such a "foundation" as the Corpus Tibullianum can be for the "circle" of Messalla Corvinus. It is the possibility of the existence of an "independent" poetic

“circle” around Pollio at one of the stages of his career – Pollio’s stay in Transpadane Gaul – that is considered in this article. In the course of the research, the author comes to the conclusion that in 42-39/8 BC, an independent literary “circle”, which was associated with the personality of Asinius alone, could really exist around Pollio, – the last major poets’ association of the outgoing republican era. It included such poets as Cornelius Gallus, Virgil, and Parthenius of Nicaea. At the same time, Pollio should be considered more likely as the organizational leader of the association, whereas the creative leadership belonged to Parthenius, who had a great influence on the poets, later to become part of the “circle”, even before the appearance of Pollio in Gaul.

Keywords: Roman history, literary patronage, Roman literature, poetry “circles”, Asinius Pollio, Virgil, Cornelius Gallus, Parthenius of Nicaea, Cinna, Maecenas.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2022), 198–210
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2022), 198–210
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-3-77-198–210

РЕСКРИПТЫ ТРАЯНА И АДРИАНА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВЫХ АПОЛОГЕТОВ ХРИСТИАНСТВА

Д.А. Самойлов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: dmitrsamojlo@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1872-9206

Аннотация. В статье рассматривается положение раннехристианской Церкви в Римской Империи в первой четверти II в. н.э. в связи с деятельностью раннехристианских апологетов. Автор ставит проблему возможности обращения апологетов к представителям римской власти, в том числе к самому императору во время гонений. На основе анализа письма Плиния Младшего Траяну и рескрипта последнего автор приходит к заключению, что никакого общего закона, запрещающего христианство, в это время не существовало, гонения носили в большинстве своем спорадический характер. Основанием для гонения, которое описывает Плиний, могло являться восприятие наместником христианства как опасного суеверия. Сам рескрипт Траяна не мог быть общим законом против христиан ни по форме, ни по содержанию. В условиях юридической неопределенности Церкви в Империи некоторые христиане могли апеллировать непосредственно к императору. В первую очередь такая возможность предоставлялась римским гражданам как это следует из дела Плиния Младшего. Отсюда автор заключает, что и для обращения раннехристианских апологетов к императору юридических препятствий не было. Сообщения о первых христианских апологетах относятся ко времени правления Адриана. «Хроника» Евсевия напрямую связывает их деятельность с возникновением рескрипта Адриана, адресованного наместнику Азии и облегчающего положение Церквей на данной территории. Автор приходит к выводу, что христианские апологеты могли обратиться к принцепсу и до публикации им рескрипта, но вряд ли непосредственно с их обращением связано решение императора составить сам рескрипт.

Ключевые слова: Римская Империя, раннее христианство, Церковь, апологетика, Траян, Адриан, Плиний Младший, рескрипт.

Многие исследования, посвященные апологетике, начинаются с обзора положения христианской Церкви в Римской Империи. Притом само это положение подчас кажется общим фоном, на котором выступают и действуют апологеты¹.

Данные об авторе: Дмитрий Александрович Самойлов – аспирант кафедры истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹ Grant 1988, 28–33; Pouderon 2005, 23–28; Ulrich 2014, 5–7.

Гораздо реже встречаются работы, где предпринималась бы попытка выявить существенную связь между развитием апологетики и римской политики по отношению к христианам во II в. н.э. Данное обстоятельство заставляет нас обратиться к этой теме и рассмотреть ее более подробно. Проблему нашего исследования мы формулируем следующим образом: в какой мере правовое положение Церкви в Империи позволяло апологетам обращаться к представителям римской власти?

В современной научной литературе имеется тенденция к отрицанию того факта, что т.н. «судебные» апологии, адресованные императорам, предназначались в самом деле для них². Обосновывая эту позицию, исследователи указывают на статус христианства в Римской империи как *religio illicita*.

Однако, обращаясь к источникам, мы видим, что ни у одного церковного историка, будь то Евсевий, или Иероним, или Павел Орозий, не возникало сомнений относительно того, что апологии действительно были адресованы и представлены императорам (Eus. Hist. eccl. IV. 3; 12; 26; Hier. De vir. ill. XIX; XX; XXIII; XXIV; Oros. VII. 13. 2; 14. 2). Но как такие обращения были возможны?

В данном исследовании мы остановимся на анализе двух документов, которые в определенной степени описывают положение христианства в первой четверти II в. Во-первых, это рескрипт Траяна, адресованный наместнику Вифинии Плинию Младшему и сохранившийся до наших дней в составе их переписки. Во-вторых, рескрипт Адриана, направленный наместнику Азии Минуцию Фундану и дошедший до нас в составе первой апологии Юстина, «Церковной истории» Евсевия и в переводе последней на латинский язык, выполненном Руфином. К последнему рескрипту во второй половине XIX в. у некоторых исследователей было отношение как к позднейшей фальсификации³, но в современной науке подобный гиперкритицизм преодолен⁴. Подчеркивается, однако, что рескрипт Адриана помещался христианами авторами в такой контекст, что он казался толерантным по отношению к Церкви⁵.

Выбор хронологического отрезка, ограниченного только первой четвертью II в., сделан нами не случайно. Именно на этот период времени, с одной стороны, приходятся первые аутентичные документы, которые характеризуют политику императоров по отношению к Церкви, а с другой – зарождение жанра «судебных» апологий христианства. Таким образом, и связь между этими процессами проявляется нагляднее всего.

1. СУД ПЛИНИЯ МЛАДШЕГО НАД ХРИСТИАНАМИ: ОБЩИЙ ОБЗОР

Начнем с рассмотрения рескрипта Траяна. Поводом для его возникновения послужило письмо Гая Плиния Секунда, наместника Вифинии, императору Траяну. В этом письме Плиний просит императора разрешить его сомнения, поскольку он «никогда не присутствовал на следствиях о христианах» (*cognitionibus de Christianis interfui numquam*), и не знает, «о чем спрашивать и в какой мере наказывать» (*quid et quatenus aut puniri soleat aut quaeri*) (Plin. Epist. X. 96. 1). Далее Пли-

² Buck 1997, 222; Edwards, Goodman et al. 1999, 8.

³ Aube 1875, 261–269.

⁴ Callewaert 1903, 27–34; Keresztes 1979, 287–292; Болотов 1994, 84–88; Пантелеев 2004, 69–69.

⁵ Callewaert 1903, 15–16; Schmid 1955, 5–13; Keresztes 1979, 290–292.

ний приводит перечень вопросов, которые вызвали у него затруднение: «есть ли тут какое различие по возрасту или никак не различаются юные и взрослые люди; давать ли прощение раскаявшимся или, если кто был христианином, раскаяние не поможет; наказывать ли за само имя, если нет преступлений, или за преступления, связанные с именем» (*sitne aliquod discrimen aetatum, an quamlibet teneri nihil a robustioribus differant; detur paenitentiae venia, an ei, qui omnino Christianus fuit, desisse non prosit; nomen ipsum, si flagitiis careat, an flagitia cohaerentia nomini puniantur*) (Plin. Epist. X. 96. 2).

Затем Плиний подробно излагает собственную практику ведения дела. Он спрашивал подозреваемых, являются ли они христианами. Признавших себя таковыми, он спрашивал второй и третий раз, после чего предавал их казни (Plin. Epist. X. 96. 3). В дальнейшем подозреваемых стало набираться больше, а самому Плинию был представлен анонимный донос, охватывающий большой круг лиц (Plin. Epist. X. 96. 5). Среди них Плиний выявил как тех, которые не были христианами вовсе, так и тех, которые некогда были христианами, но в дальнейшем отпали от Церкви. И те, и другие почтили изображения богов и императора, совершили жертвоприношения и похулили Христа, после чего Плиний их отпустил (Plin. Epist. X. 96. 5-6). Затем легат провел расследование о собраниях христиан, допросил двух диаконисс и пришел к тому, что «не нашел здесь ничего, кроме суеверия, безмерного и уродливого» (*nihil aliud inveni quam superstitionem pravam et immodicam*) (Plin. Epist. X. 96. 8).

Ответ Траяна на запрос Плиния следующий: «Ты поступил вполне правильно, мой Секунд, произведя следствие о тех, на кого тебе донесли как на христиан. Установить здесь какое-нибудь общее определенное правило невозможно. Выискивать их незачем: если на них поступит донос и они будут изобличены, их следует наказывать, но тех, кто отречется, что они христиане, и докажет это на деле, то есть помолится нашим богам, следует за раскаяние помиловать, хотя бы в прошлом они и были под подозрением. Безымянный донос о любом преступлении не должно приобщать во внимание. Это было бы дурным примером и не соответствует духу нашего времени» (Plin. Epist. X. 97; пер. М.Е. Сергеев). Таким образом, рескрипт Траяна представляет собой одобрение практики Плиния с указанием на то, что христиан не следует разыскивать специально и не следует также принимать анонимные доносы.

2. СУД ПЛИНИЯ МЛАДШЕГО НАД ХРИСТИАНАМИ: СПОРЫ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ

В исторической науке дело, которое вел Плиний, до сих пор является предметом серьезных дискуссий. Основной вопрос заключается в следующем: чем руководствовался Плиний при проведении следствия и суда над христианами? Некоторые исследователи считают, что это дело основывалось на некоем общем законе против христианства, принятом задолго до Траяна, еще во времена Нерона⁶ или

⁶ Callewaert 1901, 771–797; Allard 1903, 166–171; Keresztes 1979, 286; Пантелеев 2004, 64–65. Следует отметить, что в новейших публикациях А.Д. Пантелеев уже не выступает однозначно в поддержку данной позиции: Пантелеев 2017, 10.

даже Тиберия⁷. Основные аргументы сторонников этой точки зрения сводятся к следующему: 1) непоколебимая позиция Плиния, осуждавшего христиан за *poen ipsum*; 2) стремление того же Плиния спасти отступников⁸; 3) краткое сообщение Светония об антихристианской политике Нерона⁹; 4) антихристианские *leges*, упоминаемые Сульпицием в повествовании о Нероновом гонении¹⁰; 5) фразеология Тертуллиана¹¹; 6) сообщение 1-го послания ап. Петра¹².

Однако Т. Барнс справедливо отметил, что сообщения, которые не имели бы двусмысленного толкования и могли бы точно свидетельствовать об антихристианских законах, принятых при Нероне и действующих впоследствии, встречаются достаточно поздно, начиная только с Тертуллиана (конец II – начало III в.)¹³. Да и у Тертуллиана слова об антихристианском законодательстве Нерона имеют подчас не юридическое, а риторическое значение¹⁴. Главное, что ни Плиний, ни Траян не знают и не упоминают никаких специальных антихристианских законов. Мало того, сам Траян об организации антихристианских процессов однозначно утверждает: *Neque enim in universum aliquid, quod quasi certam formam habeat, constitui potest* (букв. «Невозможно [здесь] установить что-либо в целом, что имело бы четкую форму»). Данное высказывание можно также понимать как косвенное указание на отсутствие общего антихристианского законодательства¹⁵.

Есть еще один весомый аргумент против теории общего закона. Так, Лактанций сообщает, что Ульпиан собрал императорские рескрипты, направленные против христиан (Lact. Div. inst. V. 2. 19). В данном случае важно подчеркнуть самый

⁷ Sordi 1983, 62–63.

⁸ В таком духе можно рассматривать последние строки письма: «Достоверно установлено, что храмы, почти покинутые, опять начали посещать; обычные службы, давно прекращенные, восстановлены, и всюду продается мясо жертвенных животных, на которое до сих пор едва-едва находился покупатель. Из этого легко заключить, какую толпу людей можно исправить, если позволить им раскаяться (выделено мной. – Д.С.)» (Plin. Epist. X. 96. 10; пер. М.Е. Сергеевко).

⁹ «были подвержены наказаниям христиане, приверженцы нового и зловещего суеверия» (*afflicti supliciis Christiani, genus hominum superstitionis novae et maleficae*) (Suet. Caes. VI. 16). Как видим, никакого указания на какие-либо конкретные антихристианские законодательные акты, которые носили бы общий характер, в данном пассаже не содержится.

¹⁰ «после этого данными законами [христианская] религия запрещалась и представленными эдиктами не дозволялось открыто быть христианином» (*post etiam datis legibus religio vetabatur, palamque edictis propositis Christianum esse non licebat*) (Sulp. Chron. II. 29).

¹¹ В своем сочинении “Ad nationes” Тертуллиан говорит: «И, хотя все законы Нерона уничтожены, этот один остался – очевидно, потому что он справедлив и непохож на своего автора» (*Et tamen permansit erasis omnibus hoc solum institutum Neronianum, iustum denique ut dissimile sui auctoris*) (Tert. Ad nat. I. 7. 9; пер. И. Маханькова). Данное сообщение как указание на общий антихристианский закон использует П. Кересцес: Keresztes 1979, 281–286. В «Апологетике» Тертуллиан, характеризуя политику римских властей относительно христиан, использует следующее выражение: «Non licet esse vos [Christianos]». О том, что эти слова якобы передают суть реального закона, принятого еще при Нероне, см.: Allard 1903, 169–171.

¹² Особый акцент делается на 4-ю главу: «Пусть никто из вас не страдает, как убийца, или вор, или делающий злое, или как вмешивающийся в чужие дела. Если же как христианин, да не стыдится, но прославляет Бога за это имя...» (1 Петр. 4. 15–16).

¹³ Barnes 1968, 34–35.

¹⁴ Sherwin-White 1962, 201.

¹⁵ В.В. Болотов, обращаясь к этому пассажи, справедливо отмечал: «Ответ императора состоял в признании, что общей нормы в суде над христианами быть не может, что процесс против христиан в общем должен быть *coercitio*, т.е. процессом, соотносящимся с обстоятельствами». См.: Болотов 1994, 71.

термин *rescripta* (не *edicta*, не *mandata*, не *leges*), то есть Ульпиан в переложении Лактанция однозначно свидетельствует, что христианский вопрос решался не общими законами, а предписаниями, которые давали императоры наместникам провинций для разрешения конкретных ситуаций¹⁶.

Некоторые исследователи иногда указывают на общий смысл письма Плиния. Согласно ему выходит, что Плиний твердо знал, как следует поступить с исповедовавшими себя христианами и с теми, кто был обвинен в христианстве безосновательно. Затруднение у него вызвала только третья категория людей – те, кто были христианами, а в дальнейшем отреклись, и именно о них Плиний сделал запрос¹⁷. Мы категорически не можем согласиться с такой интерпретацией текста. Все свои затруднения Плиний описывает в самом начале письма предельно ясно: вопрос об отступниках стоит здесь наряду с вопросами о возрасте обвиняемых, о том, следует ли наказывать за имя или за преступления, связанные с именем и т.д. (Plin. Epist. X. 96. 2). Таким образом, на наш взгляд, теория общего закона лишена твердых оснований. Обратимся же теперь ко второму подходу.

Сторонники данного подхода (его обычно называют теорией *coercitio*, но мы считаем, что правильнее здесь говорить о подходе, в рамках которого выдвигались самые различные теории) исходят из того, что наличия какого-либо специального антихристианского закона не требовалось для гонений. Суды и наказания для христиан определяли сами наместники провинций, основываясь на своем *imperium*. Но почему наместники применяли свой *imperium* против христиан? Здесь среди сторонников *coercitio* есть разногласия.

Т. Моммзен в свое время предположил, что основанием для гонений являлось отрицание христианами римской национальной религии и утверждение своей собственной веры¹⁸. В свою очередь, английские исследователи У. Рамсэй и Э. Харди делали акцент на политических мотивах в преследовании христиан¹⁹. М. Конрат также предположил, что юридическим основанием для гонений мог послужить отказ христиан участвовать в культе императора²⁰. Наконец, некоторые авторы указывали на то, что большую роль в гонениях играли слухи о *flagitia* среди христиан (фиестовы трапезы, эдиповы смешения, о которых говорят апологеты, и т.д.)²¹.

¹⁶ Millar 1977, 556; Ste Croix 1963, 14.

¹⁷ Keresztes 1979, 276–277; Пантелеев 2004, 59. О том, что запрос Плиния касался только отступников, писал также Т. Барнс, не являвшийся сторонником теории общего закона: Barnes 1968, 36–37. И, напротив, М. Сорди, сторонница общего закона, отрицала такое толкование: Sordi 1983, 61–62.

¹⁸ Mommsen 1890, 407. В новейшее время эта теория Т. Моммзена была существенно скорректирована Т. Барнсом: он считал, что не отрицание римской религии вообще было основанием для гонений, а преступление против *mos maiorum*: Barnes 1968, 48–50. О религиозной подоплеке преследований писал также Сен-Круа: Ste Croix 1963, 27–31.

¹⁹ Э. Харди полагал, что христиане преследовались как запрещенное тайное общество: Hardy 1889, 61–62. У. Рамсэй полагал, что христиане могли восприниматься как *hostes publici*, враги общества и государства, отсюда обозначение себя как христианина неизбежно влекло осуждение: Ramsay 1893, 223.

²⁰ Conrat 1897, 53–77. Также см.: Болотов 1994, 33–36. Однако, как указывал Шервин-Уайт, основанием для гонений часто являлось *nomen Christianorum*, а не факт отказа от почитания Цезарей. Да и сам культ императоров был добровольным и касался, в основном, провинциальной аристократии. См.: Sherwin-White 1962, 206–207.

²¹ Conrat 1897, 27–42; Last 1937, 89–92; Болотов 1994, 29–30.

В научной литературе встречаются также попытки соединить различные теории, выдвигавшиеся в рамках подхода *coercitio*. В данной связи большой интерес представляет теория Э. Шервин-Уайта. Согласно ей, процесс против христиан включал рассмотрение *flagitia* или *scelera*, в связи с чем и сам *nomen Christianorum* (членство в Церкви) являлся достаточным основанием для осуждения без доказательства индивидуальной вины²². Но случай Плиния Младшего примечателен тем, что он не обнаружил тех *flagitia*, которые молва приписывала христианам (Plin. Epist. X. 96. 7). В этом случае, говорит Шервин-Уайт, возникало новое обвинение. Так, Плиний сообщает, что он казнил христиан за их упорство (*obstinatio*)²³. Последнее, с точки зрения Шервин-Уайта, проявилось в отказе от почитания гения императора. Несмотря на то что культ императоров носил добровольный характер, Шервин-Уайт признает возможным испытание через оказание почестей гению принцепса, а отказ от этого он трактует как *contumacia*²⁴.

При всей стройности и изящности теория Шервин-Уайта встретила вполне обоснованную критику со стороны Дж. де Сен-Круа. Последний выдвинул пять контраргументов: 1) Плиний при изложении своего дела не использует термин *contumacia*; 2) Шервин-Уайт неверно прочитал текст письма Плиния: последний ничего не говорит о том, что он требовал от христиан принести жертвы и почитать богов и гений императора, он повелел сделать это тем, кто отрицал свою принадлежность к христианам; 3) *Contumacia* в деле христиан не могла появиться прежде суда, отсюда вся ситуация приобретает абсурдный характер: в качестве основания для юридического преследования берется элемент, который не может возникнуть прежде судебного процесса; 4) теория *contumacia* никак не проясняет самого главного: почему христиане вообще оказывались перед судом наместника; 5) юридические тексты, к которым обращается Шервин-Уайт, нисколько не подтверждают его интерпретацию²⁵.

Что же до самого Сен-Круа, то он считает, что наместники, осуществлявшие суды над христианами, должны были считаться с конкретными обстоятельствами²⁶. Наместники, подчеркивает автор, находились под большим влиянием общественного мнения. Поскольку основным источником ненависти к христианам являлась толпа, то в целях предотвращения общественных беспорядков наместники были вынуждены вести дела против христиан. Христиане могли также в глазах легатов и проконсулов оказаться *mali homines*, поскольку поклонялись Человеку, который был распят как политический преступник, «Царь Иудейский». Наконец, лояльность Церкви государству могла ставиться под сомнение, поскольку христиане отказывались почитать гений императора²⁷. Однако со временем политический фактор в преследованиях должен был отходить на последний план. Автор не думает, что Церковь рассматривалась как *collegium illicitum*, поскольку таких све-

²² Sherwin-White 1962, 207.

²³ «Ведь я не сомневался, кем бы они ни были и в чем бы ни сознались, их следовало наказать за упрямство и непреклонное упорство» (*neque enim dubitabam, quaecumque esset quod faterentur, pertinaciam certe et inflexibilem obstinationem debere puniri*: Plin. Epist. X. 96. 3).

²⁴ Sherwin-White 1962, 210–211.

²⁵ Ste Croix 1963, 18–19.

²⁶ Ste Croix 1963, 15–16.

²⁷ Ste Croix 1963, 16.

дений у нас нет²⁸. Также Сен-Круа утверждает, что и обвинения во *flagitia* носили второстепенный характер²⁹. Самым главным обстоятельством во время гонений, по мысли автора, выступает восприятие христиан как безбожников³⁰. Причем, с точки зрения Сен-Круа, данное восприятие характерно не только для языческой толпы, но и для представителей государственной власти. Однако, к сожалению, последнее исследование обосновывает только фактами III – начала IV в.³¹ Для II века он высказывает лишь уверенность, что в основе гонений также лежал сугубо религиозный фактор, а именно приравнивание христиан к безбожникам.

Мы не можем полностью согласиться с Сен-Круа. Конечно, спорадический и кратковременный характер гонений, вспыхивавших в отдельных провинциях, убеждает в том, что инициатива в этих гонениях принадлежала именно наместникам, а не императорам. Далее, действительно, источники часто свидетельствуют, что большую роль в гонениях играла языческая толпа³². В этой связи наместники для водворения порядка на подведомственной территории, в самом деле, могли использовать разные юридические основания против христиан: от запрета тайных обществ до осуждения за *flagitia*³³.

Но какую роль играл религиозный фактор в гонениях на христиан? Восприятие христиан как безбожников в народных массах – факт общеизвестный³⁴. Другое дело, являлось ли «безбожие» христиан юридическим основанием для гонений? Заметим, что Плиний выражает беспокойство заброшенностью языческих храмов в связи с распространением христианства в его провинции (Plin. Epist. X. 96. 9-10). Однако при изложении самого дела христиан он нигде не обозначает их как безбожников. Он в принципе не употребляет этого слова³⁵. Тем не менее к христианству он прилагает один термин, который, возможно, является ключом к пониманию юридической основы всего дела, – *superstitio* (Plin. Epist.

²⁸ Ste Croix 1963, 17.

²⁹ Ste Croix 1963, 20–21.

³⁰ Ste Croix 1963, 24–25.

³¹ Ste Croix 1963, 27.

³² О том, что на суд наместника могли оказывать влияние вопли и крики толпы, красноречиво говорит уже рескрипт Адриана: «... если жители провинции могут подтвердить свое обвинение против христиан, равно как и ответить перед судом, то пусть поступают таким образом, а не требованиями и одними лишь воплями» (οἱ ἐπαρχῶνται δύνωνται διςχυρίζεσθαι κατὰ τῶν Χριστιανῶν, ὡς καὶ πρὸ βήματος ἀποκρίνεσθαι, ἐπὶ τοῦτῳ μόνῳ τραπῶσιν, ἀλλ' οὐκ ἀξιώσεσιν οὐδὲ μόναις βοᾶς) (Just. Apol. I. 69). О толпе как источнике ненависти к христианам свидетельствуют апологеты. Наиболее ярко это выразил Тертуллиан в своем знаменитом афоризме: «Si Tiberis ascendit in moenia, si Nilus non ascendit in arva, si caelum stetit, si terra movit, si fames, si lues, statim: "Christianos ad leonem!" acclamatur» (Tert. Apol. 40. 2). Массу примеров дает также Евсевий, самый яркий – в повествовании о гонениях в Лугдуне и Виенне: «Сначала они мужественно выдерживали нападение черни, устремившейся скопом и толпами: на них кричали, их били, волокли, грабили, в них швыряли камнями, заключали в тюрьму, поступали, как озверевшая толпа любит поступать с врагами и неприятелем» (Eus. Hist. eccl. V. 1. 7; пер. М.Е. Сергеев). Впрочем, не всегда наместники выступали против христиан на стороне толпы. Так, Тертуллиан свидетельствует о том, что некоторые наместники даже пытались спасти христиан от разъяренной народной массы (Tert. Ad. Scap. 4).

³³ Здесь, в отличие от Сен-Круа, мы бы не стали преуменьшать значение *flagitia* в антихристианских процессах. Если верить Евсевию, данный фактор играл определенную роль во время гонений в Галлии в 177 г. (Eus. Hist. eccl. V. 1. 14). Серьезное внимание обвинениям во *flagitia* уделяли апологеты (Just. Apol. I. 27; Athenag. Legat. 3; Tert. Ad nat. 2; idem. Apol. 7. 1).

³⁴ Ste Croix 1963, 24–25.

³⁵ Walsh 1991, 259.

Х. 96. 8). Дела, связанные с *superstitio*, нам хорошо известны из римской истории как эпохи Республики (Liv. XXXIX. 18), так и эпохи Империи (Suet. Caes. V. 25). Нельзя ли отсюда вывести, что и Плиний осудил христиан на смерть за их ярую приверженность тому, что в его глазах являлось «безмерным и уродливым суевением»? На наш взгляд, подобное предположение вполне допустимо³⁶. Действительно, распространение христианства в провинции и запустение храмов могли вызвать недовольство со стороны ярых приверженцев местных культов. В этой связи стали распространяться слухи о *flagitia* среди христиан (Плинию такие слухи были известны: Plin. Epist. X. 96. 2; X. 96. 7). Для разрешения конфликта в дело вмешался сам наместник провинции. Будучи осведомленным в том, что антихристианские процессы уже велись (Plin. Epist. X. 96. 1), он, в свою очередь, также обрушился на представителей незнакомого ему культа, *superstitio*. Но поскольку обвиняемых становилось все больше, он решил отложить дело и обратиться за консультацией к императору. В частности, его интересовало: наказывать ли за сам *nomen Christianorum*, т.е. принадлежность к христианскому сообществу, или за *flagitia*, связанные с именем.

3. РЕСКРИПТ ТРАЯНА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ

Рескрипт Траяна, одобрявший казнь исповедников, мог трактоваться наместником как признание самого имени христианского преступным. Но рескрипт содержит одно существенное противоречие. Одобрив практику Плиния, осуждавшего христиан за *nomen ipsum*, Траян в то же время ограничивает преследования, предписывая не разыскивать христиан специально³⁷. На наш взгляд, эта непоследовательность также свидетельствует о том, что общего оформленного антихристианского законодательства еще не было, оно находится в зачаточной стадии. В данном случае император явно не готов определить строгий юридический статус христианства. Здесь же следует сказать о последствиях данного рескрипта. В литературе иногда встречается мнение, что рассматриваемый документ определил положение христианства (по крайней мере, в той части, где Траян одобряет казнь за *nomen ipsum*) на сотню с лишним лет вперед³⁸. мы все-таки обратили бы внимание на форму распоряжения Траяна. Перед нами рескрипт, т.е. предписание, данное конкретному лицу. Этот рескрипт не мог применяться другими наместниками, даже теми, кто управлял бы Вифинией после Плиния (и, в общем, у нас таких сведений нет)³⁹. Таким образом, нельзя утверждать, что рескрипт Траяна в

³⁶ Отметим, что это предположение не новое. В науке уже предпринимались попытки сопоставления судебных процессов над христианами и над поклонниками культов Вакха, Исида и другими: Last 1937, 85–89.

³⁷ Это противоречие подметил Тертуллиан: «О решение, по необходимости смешанное! Он указывает, что их не должно разыскивать как невиновных, и предписывает, что их следует наказывать как злодеев. Он жалеет и свирепствует, укрывает и наказывает. Зачем ты проводишь себя самого таким решением? Если осуждаешь, то почему и не разыскиваешь? Если не разыскиваешь, то почему и не освобождаешь?» (*o sententiam necessitate confusam! Negat inquirendos ut innocentes et mandat puniendos ut nocentes. Parcit et saevit, dissimulat et animadvertit. Quid temet ipsam, censura, circumvenis? Si damnas, cur non et inquiris? Si non inquiris, cur non et absolvis?* Tert. Apol. 2. 8)

³⁸ Болотов 1994, 74; Пантелеев 2017, 10.

³⁹ Hardy 1889, 63; Sherwin-White 1962, 209; Ste Croix 1963, 14.

какой-либо мере определял положение христианской Церкви в масштабах всей Империи и тем более на века вперед.

Могли ли христиане в таких условиях апеллировать к представителям римской администрации? В деле, которое вел Плиний, похоже, непосредственная апелляция к наместнику провинции была бессмысленной. Легату достаточно было три раза услышать от подсудимого об исповедовании христианства, как он тут же отправлял его на казнь (Plin. Epist. X. 96. 3). Но в письме наместника есть одна любопытная деталь. Он обнаружил, что среди исповедников были и римские граждане (Plin. Epist. X. 96. 4). Плиний не решился вынести над ними судебного решения, они были отправлены в Рим для дальнейшего разбирательства. Нам не известна судьба этих людей, но возможность обратиться непосредственно к принцепсу они, видимо, могли получить⁴⁰. О такой возможности, по-видимому, свидетельствует и Юстин Мученик при описании ситуации, произошедшей в последние годы правления Антонина Пия. В своей второй апологии он повествует об одной матроне, обратившейся к христианству и обличенной своим распутным мужем. Юстин говорит, что женщина эта отправила послание императору (καὶ ἡ μὲν βιβλίον τοῖ τῷ αὐτοκράτορι ἀνέδωκε) с просьбой отложить судебное разбирательство, доколе она не приведет все свои домашние дела в порядок, и ее просьба была уважена (Just. Apol. II. 2). Таким образом, для тех христиан, которые были римскими гражданами, оставалось право апелляции к императору. В этой связи кажется неслучайным то обстоятельство, что почти все «судебные» апологии (за исключением послания Скапуле Тертуллиана) адресованы именно принцепсам.

Однако следует отметить, что и наместники далеко не всегда были настроены враждебно по отношению к христианам. Так, по свидетельству Тертуллиана, первые гонения в Северной Африке случились только при проконсуле Вигеллии Сатурнине (181 г.) (Tert. Ad. Scap. 4). Мало того, тот же Тертуллиан указывает, что ряд наместников отпускали христиан, не производя никакого суда над ними (Tert. Ad. Scap. 4). Возможно, что и к наместникам христиане могли обращаться, но здесь мы имеем очень мало фактов, которые подтверждали бы данный тезис (из апологетических сочинений располагаем только произведением Тертуллиана, адресованного Скапуле, наместнику Африки).

Итак, христиане из числа римских граждан могли воспользоваться возможностью прямого обращения к принцепсу, никаких ограничений рескрипт Траяна здесь не предусматривает.

4. РЕСКРИПТ АДРИАНА, ЕГО ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРВЫЕ АПОЛОГЕТЫ

Рескрипт Адриана иногда ставят в прямую связь с предписанием Траяна в том плане, что он уточнял некие его положения. Отметим, что рескрипт Адриана

⁴⁰ Очень удачную аналогию с одним эпизодом из Деяний Апостолов здесь провел П. Аллар: Allard 1903, 156. Речь идет конкретно об этом: «Фест, желая сделать угождение Иудеям, сказал в ответ Павлу: хочешь ли идти в Иерусалим, чтобы я там судил тебя в этом? Павел сказал: я стою перед судом кесаревым, где мне и следует быть судиму. Иудеев я ничем не обидел, как и ты хорошо знаешь. Ибо, если я неправ и сделал что-нибудь, достойное смерти, то не отрекаюсь умереть; а если ничего того нет, в чем сии обвиняют меня, то никто не может выдать меня им. Требую суда кесарева. Тогда Фест, поговорив с советом, отвечал: ты потребовал суда кесарева, к кесарю и отправишься» (Деян. 25. 9–12).

представляет собой ответ, адресованный наместнику Азии Минуцию Фундану, на запрос его предшественника – Серения (Сильвана) Граниана. Текст его следующий:

«Адриан Минуцию Фундану. Я получил письмо, написанное мне Серением Гранианом, мужем знаменитейшим, которому ты наследовал [должность]. Мне представляется, что дело нельзя оставить без внимания, дабы ни люди не тревожились [понапрасну], ни доносчикам не было предоставлено место для злодеяний. Пожалуй, ясно из этого письма, что если жители провинции могут подтвердить свое обвинение против христиан, равно как и ответить перед судом, то пусть поступают таким образом, а не требованиями и одними лишь воплями. Весьма приличествует тебе разрешить это [дело], если кто-либо решится на обвинение. Если кто-либо обвинит и докажет, что кто-то преступает законы, определи наказание по значимости преступления. Но клянусь Гераклом! Если кто-либо поступает так ради доноительства, положи предел этому бесчинству и определи меру наказания»⁴¹ (Just. Apol. I. 68).

Поскольку до нас не дошел текст запроса Граниана (в отличие от запроса Плиния), в науке существуют разные подходы к пониманию этого рескрипта. Некоторые авторы считают, что он был толерантен по отношению к Церкви и облегчал ее положение⁴². Здесь указывается на то, что если Траян одобрял практику Плиния, казнившего за *nomen ipsum*, то Адриан требует определять наказание не за имя, а за преступление (οὕτως διόριζε κατὰ τὴν δύναμιν τοῦ ἁμαρτήματος)⁴³.

Другие ученые настаивают, что рескрипт никак не противоречит предписанию Траяна. Он не изменяет положения христианства в Империи (*nomen Christianorum* по-прежнему остается преступным), но определяет организацию судебных процессов над христианами, в частности запрещает судить по крикам толпы⁴⁴.

Со своей стороны скажем, что, во-первых, нет твердых оснований ставить рескрипт Адриана в какую-либо зависимость от рескрипта Траяна. Дело в том, что лицо, к которому адресует свое предписание Адриан, является наместником провинции Азия и вряд ли он мог руководствоваться рескриптом, выданным Плинию, наместнику Вифинии, и на основе его требовать дополнительных разъяснений. Во-вторых, сам вопрос о том, вносил ли Адриан какие-либо изменения относительно положения Церкви в принципе, представляется не совсем корректным. Перед нами рескрипт, то есть указание, данное наместнику конкретной провинции. Конечно, учитывая, что предписание Адриана, с одной стороны, запрещает судить по крикам толпы (ἐπὶ τοῦτῳ μόνῳ τραπῶσιν, ἀλλ' οὐκ ἀξιώσεσιν οὐδὲ μόναις βοαῖς), а с другой – требует судить за преступления и не определяет однозначно

⁴¹ Перевод сделан нами по изданию Д. Миннса и П. Парвиса: Minns, Parvis (eds.) 2009, 264–266. Оригинальный текст: «Ἀδριανὸς Μινουκίῳ Φουνδανῷ. Ἐπιστολὴν ἐδεξάμην γραφεῖσάν μοι ἀπὸ Σεργηίου Γρανιανοῦ, λαμπροτάτου ἀνδρός, ὄντινα σὺ διεδέξω. οὐ δοκεῖ οὖν μοι τὸ πρᾶγμα ἀζήτητον καταλιπεῖν, ἵνα μήτε οἱ ἄνθρωποι ταραττώνται καὶ τοῖς συκοφάνταις χώρα κακηγορίας παρασχεθῇ. ἂν οὖν σαφῶς εἰς ταύτην τὴν ἀξίωσιν οἱ ἐπαρχιωταὶ δύνωνται δυσχυρίζεσθαι κατὰ τῶν Χριστιανῶν, ὥς καὶ πρὸ βήματος ἀποκρίνεσθαι, ἐπὶ τοῦτῳ μόνῳ τραπῶσιν, ἀλλ' οὐκ ἀξιώσεσιν οὐδὲ μόναις βοαῖς. πολλῷ γὰρ μᾶλλον προσήκειν, εἴ τις κατηγορεῖν βούλοιο, τοῦτό σε διαγινώσκειν. εἴ τις οὖν κατηγορεῖ καὶ δείκνυσί τι παρὰ τοὺς νόμους πράττοντας, οὕτως διόριζε κατὰ τὴν δύναμιν τοῦ ἁμαρτήματος, ὥς μὰ τὸν Ἡρακλέα, εἴ τις συκοφαντίας χάριν τοῦτῳ προτεῖνοι, διαλάμβανε ὑπὲρ τῆς δεινότητος καὶ φρόντιζε ὅπως ἂν ἐκδικήσεις».

⁴² Лебедев 2015, 172–178; Sordi 1983, 66–67.

⁴³ Sordi 1983, 67.

⁴⁴ Callewaert 1903, 16–19; Keresztes 1979, 289–292.

nomen Christianorum как преступление, то его можно назвать благоприятным для Церкви (в этом плане позиция тех ученых, которые выступают за толерантный характер рескрипта, кажется более прочной). Другое дело, что рескрипт этот касается только малоазиатских Церквей, т.е. Церквей той провинции, наместнику которой он и адресован. В целом же, как и рескрипт Траяна, предписание Адриана не определяет юридическое положение христианства для всей Империи. Мы видим, что распоряжение Адриана об организации судебных процессов будет нарушено всего через тридцать с лишним лет на территории той же Малой Азии (в деле Поликарпа Смирнского: Eus. Hist. eccl. IV. 15).

С появлением рескрипта Адриана «Хроника» Евсевия связывает деятельность Кодрата и Аристида – первых христианских апологетов (PG 19. Col. 557–558). В свое время П. Аллар предположил, что Кодрат мог подать свою апологию Адриану только после появления рескрипта, воспользовавшись теми благоприятными обстоятельствами, которые он предоставлял христианам⁴⁵. Но выше мы видели, что никакой запретительной нормы относительно обращения христиан (в первую очередь римских граждан) не существовало. Даже дело Плиния не исключало такой возможности. Поэтому мы считаем вполне допустимым то, что первые апологеты обратились к Адриану до публикации им рескрипта. Другое дело, мы не думаем, что апологеты могли как-то повлиять на составление Адрианом рескрипта. Во-первых, по форме рескрипт представляет собой ответ на запрос Серения (Сильвана) Граниана, и не более того (Just. Apol. I. 69). Во-вторых, если в «Хронике» Евсевий сводит оба события (подача апологии и рескрипт Адриана) вместе, то уже в «Церковной истории» он говорит об этих фактах в разных местах и не устанавливает между ними причинно-следственной связи (Eus. Hist. eccl. IV. 3. 1; IV. 8. 6). Отсюда мы заключаем, что апологеты могли обратиться к императору и рассказать о своем положении, но вряд ли они могли подвигнуть императора к составлению рескриптов.

Таким образом, благодаря неопределенности юридического статуса Церкви в Империи в первой четверти II в. римская администрация не всегда была закрыта по отношению к христианам и не всегда была настроена к ним враждебно. Конечно, во время вспышки гонений в той или иной провинции христиане вряд ли могли свободно обращаться к местным представителям римской власти. Но наместник, управлявший провинцией, не был всевластен над римскими гражданами, исповедовавшими христианство. Для последних была возможность обратиться непосредственно к императору. Также следует подчеркнуть, что гонения носили во II в. спорадический характер и в мирное для Церкви время христиане, возможно, могли обращаться и к местным властям. Итак, мы заключаем, что у авторов «судебных» апологий в рассматриваемый период была возможность адресовать свои сочинения носителям римской власти.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Allard, P. 1903: *Histoire des persecutions pendant les deux premiers siecles*. Paris.
Aube, B. 1875: *Histoire des persecutions de l'Eglise jusqu'à la fin des Antonins*. Paris.
Barnes, T.D. Legislation against the Christians. *JRS* 58, 32–50.

⁴⁵ Allard 1903, 259.

- Bolotov, V.V. 1994: *Lektsii po istorii drevney Tserkvi*. T. 1: *Istoriya Tserkvi v period do Konstantina Velikogo* [The lectures on the history of the Ancient Church. Vol. 1: The Church history in the period before Constantine the Great]. Moscow.
- Болотов, В.В. 1994: *Лекции по истории древней Церкви*. Т.1: *История Церкви в период до Константина Великого*. М.
- Buck, P.L. 1997. *Second-century Greek Christian Apologies Addressed to Emperors: Their Form and Function: Thesis for the Degree of Doctor of Philosophy*. Ottawa.
- Callewaert, C. 1901: Les premiers chretiens furent-ils persecutes par edits generaux ou par mesures de police? *Revue d'histoire ecclesiastique* 2, 771–797.
- Callewaert, C. 1903: *Le Rescrit d'Hadrien*. Bruges.
- Conrat, M. 1897: *Die Christenverfolgungen im Römischen Reiche vom Standpunkte des Juristen*. Leipzig.
- Edwards, M., Goodman, M., Price, S., Rowland, Ch. 1999. Introduction: Apologetics in the Roman World. In M. Edwards, M. Goodman, S. Price (eds.), *Apologetics in the Roman Empire: Pagans, Jews and Christians*. Oxford, 1–14.
- Grant, R.M. 1988: *Greek Apologists of the Second Century*. Philadelphia.
- Hardy, E.G. 1889: Introduction. In E.G. Hardy (ed.), *Plinii Caecilii Secundi Epistulae*. London, 1–75.
- Keresztes, P. 1979: Rome and the Christian Church I: From Nero to the Severi. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II. 23.1, 247–315.
- Last, H. 1937: The Study of the Persecutions. *JRS* 27, 80–92.
- Lebedev, A.P. 2015: *Epokha goneniy na khristian i utverzhdenie khristianstva v greko-rimskom mire pri Konstantine Velikom* [The epoch of the persecutions of Christians and affirmation of the Christianity in the Greek-Roman World under Constantine the Great]. Saint Petersburg.
- Лебедев, А.П. 2015: *Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом*. СПб.
- Millar, F. 1977: *The Emperor in the Roman World (31 B.C. – A.D. 337)*. London.
- Minns, D., Parvis, P. (eds.) 2009: *Justin, Philosopher and Martyr: Apologies*. Oxford.
- Mommsen, Th. 1890: Der Religionsfrevel nach römischem Recht. *Historische Zeitschrift* 64, 389–233.
- Panteleev, A.D. 2004: *Khristianstvo v Rimskoy imperii vo II–III vv.: k probleme vzaimootnosheniy novykh religioznykh techeniy i traditsionnogo obshchestva i gosudarstva* [The Christianity in the Roman Empire in the 2nd and 3rd centuries: to the problem of the relationships of the new religious movements and the traditional society and state]. PhD Diss. Saint Petersburg.
- Пантелеев, А.Д. 2004: *Христианство в Римской империи во II–III вв.: к проблеме взаимоотношений новых религиозных течений и традиционного общества и государства: дисс. ... канд. ист. наук*. СПб.
- Panteleev, A.D. 2017: Kristianskoe muchenichestvo: istoriya yavleniya i zhanra. In A.D. Panteleev (ed.), *Rannie muchenichestva: perevody, kommentarii, isslidovaniya* [Early martyrdoms: translations, comments, studies]. Saint Petersburg.
- Пантелеев, А.Д. 2017: Христианское мученичество: история явления и жанра. В сб.: А.Д. Пантелеев (ред.), *Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования*. СПб., 5–30.
- Pouderon, B. 2005: *Les Apologistes Grecs du II siècle*. Paris.
- Ramsay, W.M. 1893: *The Church in the Roman Empire before A.D. 170*. London.
- Schmid, W. 1955: The Christian Re-Interpretation of the Rescript of Hadrian. *Maia* 7, 5–13.
- Sherwin-White, A.N. 1962: Early persecutions and Roman Law again. *Journal of Theological Studies* 3, 199–213.
- Sordi, M. 1983: *The Christians and the Roman Empire*. London.

- Ste Croix, G.E. 1963: Why were the Early Christians persecuted? *Past and Present* 26, 6–38.
- Ulrich, J. 2014: Apologists and apologetics in the second century. In J. Engberg, A.-C. Jacobsen, J. Ulrich (eds.), *In defence of Christianity: Early Christian apologists*. Frankfurt am Main, 1–34.
- Walsh, J. 1991: On Christian atheism. *Vigiliae Christianae* 45, 255–277.

THE RESCRIPTS OF TRAJAN AND HADRIAN AND THE ACTIVITY OF THE FIRST APOLOGISTS OF THE CHRISTIANITY

Dmitriy A. Samoilov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: dmitrsamojlo@yandex.ru

Abstract. The paper examines the position of the Early Christian Church in the Roman Empire in the first quarter of the second century AD in relations of an activity of the Early Christian apologists. The author researches a problem of the possibility of apologists' appeal to the Roman representatives including the Roman Emperors under persecutions. Based on an analysis of Pliny's letter to Trajan and a rescript of the latter, the author concludes that there was no General Law forbidding the Christianity in this time; the persecutions largely were sporadic. The reason for the persecution described by Pliny could be the perception by the governor of Christianity as a dangerous superstition. Trajan's rescript could not be a General Law itself, neither in form nor in content. In the conditions of a legal ambiguity of the Church in the Empire some Christians could appeal direct to the emperor. Primarily this possibility was given to the Roman citizens as follows from Pliny's case. Therefore, the author concludes that there were no legal obstacles for appeal of the Early Christian apologists to the emperor. Information about the first Christian apologists belongs to the time of the rule of Hadrian, the successor of Trajan. "The Chronicle" by Eusebius relates their activity with emergence of Hadrian's rescript addressed to the governor of Asia and alleviated the position of the Churches on this territory. The author concludes that the Christian apologists could refer to the Princeps before publication of the rescript, but Emperor's decision to compose the rescript was hardly connected with their appeal.

Keywords: Roman Empire, Early Christianity, Church, Apologetics, Trajan, Hadrian, Pliny the Younger.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2022), 211–219
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2022), 211–219
©Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-3-77-211–219

ОБ ОДНОЙ МАЛОИЗВЕСТНОЙ ВОЕННОЙ КАМПАНИИ ГРУЗИНСКОГО ЦАРЯ ВАХТАНГА I ГОРГАСАЛА

Е.А. Мехамадиев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: e.mehamadiiev@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-1823-4588

Аннотация. В IV–VI вв. противостояние Римской империи и Персии часто приобретало форму кратковременных, но стратегически важных региональных конфликтов, не затрагивавших непосредственно территории самих этих держав. Чаще всего такие конфликты возникали в землях Южного Кавказа, где как раз и разворачивались боевые действия. Данная статья посвящена одной из подобных военных кампаний, которая произошла в 460-х гг. В нее были вовлечены сразу несколько царств Южного и Западного Кавказа – Свания, Лазика, Авасгия (Абхазия) и Картли. Главную роль в боевых действиях сыграло царство Картли. В тот период Картли находилось под властью царя Вахтанга Горгасала, сами боевые действия развернулись на территории Абхазии (Авасгии), куда вторгся Вахтанг Горгасал. Конфликт Картли и Абхазии совершенно не упоминается в грекоязычных источниках, греческие тексты сообщают только о войнах между римлянами и персами на территории Лазики и Свании. Тем не менее вторжение Вахтанга в Абхазию получило подробное освещение в грузинском средневековом летописном своде «Картлис Цховреба» («Жизнь Картли»). Соответственно, автор статьи ставит целью сопоставить сведения «Картлис Цховреба» и ранневизантийского историка Приска Панийского, чтобы определить, какую роль Восточная Римская империя (ранняя Византия) и Персия сыграли в военной кампании Вахтанга Горгасала, как Лазика, Картли и Свания были связаны между собой во время этой кампании и как вторжение в Абхазию изменило геополитическое положение Картли в землях Южного Кавказа.

Ключевые слова: царство Картли, персы, Восточная Римская империя, Абхазия (Авасгия), Приск Панийский, гунны-кидариты.

«Жизнь Вахтанга Горгасала» – исторический текст, входящий в состав знаменитого сборника грузинских средневековых хроник «Картлис Цховреба» («Жизнь Картли»), – представляет собой биографию грузинского царя Вахтанга I Горгасала.

Данные об авторах: Евгений Александрович Мехамадиев – доктор исторических наук, старший преподаватель кафедры истории средних веков СПбГУ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00010.

ла (447–522 гг.)¹ и содержит массу ценных сведений по дипломатическим взаимоотношениям Восточной Римской империи (ранней Византии) и Грузии, точнее – царства Картли, находившегося в бассейне реки Кура (на востоке современной Грузии) во второй половине V в. С. Рапп, развивая аргументы, высказанные в предшествующей историографии (главным образом исследования К. Туманова), предположил, что данная биография была написана около 800 г. анонимным автором, стремившимся не только прославить военные подвиги Вахтанга Горгасала, но и показать того как правителя, обладающего таким же статусом и влиянием, как и царь Персии².

Наблюдение С. Раппа выглядит совершенно справедливым и закономерным: в самом деле, царство Картли, равно как и другие регионы Южного Кавказа, неизбежно было вовлечено в противостояние Восточной Римской империи и Персии – двух крупнейших держав Передней Азии того времени; соответственно, в своей внешней политике Вахтанг Горгасал должен был учитывать особенности этого противостояния, фактически борьба двух империй за контроль над Южным Кавказом определяла направленность всех внешнеполитических мероприятий Вахтанга Горгасала. Эта тенденция отчетливо прослеживается и на примере военно-политической деятельности царя: «Жизнь Вахтанга Горгасала» содержит весьма подробные сведения о его военной кампании против римлян, развернувшейся в землях Западного Кавказа, на территории современной Абхазии, где в тот период располагалось вассальное царство Авагсия – оно находилось между современными городами Пицунда и Сухуми и подчинялось другому западно-кавказскому царству, Лазике³.

Данная военная кампания не упоминается в грекоязычных источниках, тем не менее сопоставив сведения «Жизни Вахтанга Горгасала» со сведениями ранневизантийского (грекоязычного) историка Приска Панийского (ок. 401 – после 457 гг.), наиболее подробно рассказавшего о римско-персидских войнах на территории Западного Кавказа во второй половине V в., когда Грузией правил Вахтанг Горгасал, мы можем раскрыть новые особенности не только внешней политики самого Вахтанга, но и геостратегического положения Восточной Римской (ранней Византийской) империи в землях Южного и Западного Кавказа во времена правления грузинского царя.

Как сообщает автор «Жизни Вахтанга Горгасала», «...когда Вахтангу исполнилось 15 лет... [он] во главе большого войска картлийского двинулся по Абхазской дороге. Неустрашимо и стойко начал завоевывать он крепости Абхазии, ибо царь греков – великий Леон (имеется в виду император Лев I Великий, правил в 457–474 гг. – Е.М.) – в ту пору был занят в войне с персами, почему и не мог он отправить в Абхазию войско (против Вахтанга)»⁴. Далее, согласно тексту, «Отправился Вахтанг походом в Грецию... И Кесарь (римский император – Е.М.) вернул Вахтангу пределы картлийские, крепость Тухариси и всю Кларджети –

¹ По вопросу о датах правления Вахтанга I Горгасала следуем позиции К. Туманова: Toumanoff 1969, 28. Позиция К. Туманова поддерживается и в современной историографии. См.: Rapp 2014, 271.

² Rapp 2003, 235–237, 239–241.

³ Nicholson 2019/I, 1, sv. Abasgia; Mikaberidze 2007, 55, sv. Abasgia.

⁴ Цитируем текст по русскому переводу Г.В. Цулая: Цулая 1986, 67.

от моря до Арсианских гор...»⁵. По словам автора жизнеописания, «И расспросил Кесарь о пограничной с Грецией приморской стране, которая есть Абхазия, и сказал так: “От Эгрис-цкали и до реки Малой Хазарии – это суть рубежи Греции <...> их ныне ты руками своими отобрал у нас. Теперь же верни их нам <...> тогда я и отдам тебе ту страну”. И отписал земли между Эгрис-цкали и Клисурой в качестве приданого, а прочую Абхазию Вахтанг вернул грекам»⁶.

Фактически, если верить словам анонимного биографа, можно признать, что в результате своих побед Вахтанг Горгасал установил контроль над землями на северо-востоке современной Турции (территория от устья реки Чорох до Арсианского хребта, включает в себя города Артвин, Шавшат, Ардахан), где находился исторический регион Кларджети, в его пределах располагалась и крепость Тухариси⁷. Вместе с тем, судя по сведениям «Жизни Вахтанга Горгасала», Вахтанг присоединил к своим владениям и земли, находившиеся в самой Абхазии, между реками Эгрис-цкали (в исследовательской литературе в основном идентифицируется либо с рекой Галидзга, либо с рекой Ингури, обе протекают по территории Абхазии) и Келасури (Клисура = Калисура)⁸.

Ф. Шляйхер датировал военный поход Вахтанга в Абхазию 466–467 гг. По его мнению, в этой военной кампании Вахтанг действовал как союзник Персии⁹. Мы согласны с позицией исследователя, поскольку, как следует из слов анонимного биографа, Вахтанг атаковал именно римские гарнизоны, располагавшиеся на территории Абхазии (Авасгии), более того, по утверждению биографа, ко времени воцарения Вахтанга (447 г.) «явились греки из Абхазии, ибо владели они землями в низовьях Эгрис-цкали, затем захватили земли от низовьев Эгрис-цкали и до (крепости) Цихе-Годжи (современная община и археологический город-памятник Нокалакеви на западе Грузии, в области Самегрело-Верхняя Сванетия, вблизи города Сенаки¹⁰ – Е.М.)». Согласно биографу Вахтанга, знать и народ Картли беспокоились, что «похитили греки у нас земли»¹¹. Следовательно, к 447 г. римляне фактически продвинулись вплоть до реки Техури, вдоль которой располагалась крепость Цихе-Годжи (в греческих текстах – Археополис), а значит, вторжение Вахтанга в эти земли и его борьба с римскими войсками в любом случае были выгодны персам.

Тем не менее, на наш взгляд, ранее, до 466–467 гг., Вахтанг и грузинская знать (эриставы) опасались совсем не той римской войсковой группировки, которая размещалась в Абхазии (Авасгии): напомним, биограф Вахтанга утверждает, что император Лев I не мог отправить в Абхазию войска, поскольку на тот момент он сам воевал с персами. Но фактически это обозначает, что римские гарнизоны, распо-

⁵ Цулая 1986, 68.

⁶ Цулая 1986, 78.

⁷ Mikaberidze 2007, 601, sv. Tao; Fähnrich 2010, 25.

⁸ Об идентификации данных топонимов см.: Fähnrich 2010, 23; Требелева и др. 2017, 179; Маан 2009, 171. Также в качестве варианта локализации реки Эгрис-цкали рассматривается река Квирила, берущая начало в Южной Осетии и далее протекающая через территорию Западной Грузии, в основном через область под названием Имерети, см.: Гумба 2004, 87.

⁹ Schleicher 2021, 148, 150–154.

¹⁰ Fähnrich 2010, 83.

¹¹ Цулая 1986, 61.

лагавшиеся в Абхазии, не могли справиться с натиском Вахтанга своими силами, им требовалась поддержка тех римских войск, которые размещались в других регионах империи. Соответственно, возникает закономерный вопрос – каких именно войск, другими словами – где размещались те римские войска, присутствие которых сдерживало Вахтанга и его знать до 466–467 гг.?

Для ответа на этот вопрос рассмотрим сведения Приска Панийского, сообщающего о войне римлян и их союзников лазов со сванами – картвелоязычным народом, жившим на территории Сванетии – исторического региона, находившегося на северо-западе Грузии, между реками Ингури и Риони, Лазика же располагалась южнее сванов, как раз по течению Риони (знаменитого Фасиса греческих авторов)¹².

По словам Приска, когда «Сваны (со своим) войском решительно отправились на войну и Персы желали воевать с ним (царем лазов – *Е.М.*) из-за крепостей, отобранных у Сванов, он (царь лазов – *Е.М.*) отправил посольство с просьбой, чтобы от царя (Ромеев) ему на помощь пришли воины, охраняющие границы Армянских (земель), подвластных Ромеям <...> Поэтому вместе с Ираклием (командующий римской армией, занимавший в то время должность комита военного дела, *comes rei militaris* – *Е.М.*¹³) была отправлена военная помощь против Персов и Иберов (грузин, жителей Картли – *Е.М.*); поскольку они вели войну против него (царя лазов – *Е.М.*) и в то (же) время были заняты войной с другими племенами, он (царь лазов – *Е.М.*) отправил назад союзное войско (т.е. римское войско – *Е.М.*), беспокоясь из-за растраты продовольствия; поэтому Парфяне вновь выступили против него (царя лазов – *Е.М.*) и он снова обратился к Ромеям за помощью» (καὶ σφόδρα ἐς τὴν τοῦ ... σώματος τῶν Σουάνων συνισταμένων μάχην καὶ Περσῶν δὲ ἐθελόντων αὐτῷ πολεμεῖν διὰ τὰ φρούρια, ἅπερ τῶν Σουάνων ἀφῆρηντο, πρεσβεῖαν ἔστελλεν, ἐπικούρους αὐτῷ διαπεμφθῆναι παρὰ βασιλέως αἰτῶν ἐκ τῶν παραφυλαττόντων στρατιωτῶν τὰ Ἀρμενίων ὅρια τῶν Ῥωμαίοις ὑποτελῶν... Τῆς γὰρ σὺν Ἡρακλείῳ ἀπεσταλμένης βοήθειας κατὰ Περσῶν καὶ Ἰβήρων, τῶν, αὐτῷ ἐπαγόντων τὸν πόλεμον, πρὸς ἐτέρων ἐθνῶν τότε ἀπασχοληθέντων μάχην, τὴν συμμαχίαν ἀπέπεμψεν, ἀσχάλλων ἐπὶ τῇ τῶν τροφῶν χορηγίᾳ, ὥστε αὐτῆς, τῶν Πάρθων ἐπ' αὐτῶν ἀναζευζάντων, Ῥωμαίους ἐπικαλέσασθαι – Prisc. Pan. Fr. 41.1–2)¹⁴.

Согласно Приску, в ответ на новую просьбу лазов римляне «сообщили, что они отправили военную помощь и храброго мужа, который ее возглавит; (тогда же) прибыло и посольство Персов, сообщившее о том, что они (персы – *Е.М.*) победили гуннов-кидаритов и взяли осадой их (гуннов – *Е.М.*) город Балаам. Они сообщали о победе и, как свойственно варварам, хвастались (этим), желая показать, что у них есть огромная сила. Но царь тотчас же отослал прочь этих вестников, поскольку его больше беспокоили дела, произошедшие на Сицилии» (Τῶν δὲ στεῖλαι τὴν βοήθειαν ἐπαγγειλαμένων καὶ ἄνδρα τὸν αὐτῆς ἡγησάμενον, παρεγένετο καὶ Περσῶν πρεσβεῖα, ἀγγέλλουσα τοὺς Κιδαρίτας Οὐννοὺς ὑπ' αὐτῶν κατηγωνίσθαι καὶ Βαλαὰμ πόλιν αὐτῶν ἐκπεπολιορκηκέναι· ἐμήνυον δὲ τὴν νίκην καὶ βαρβαρικῶς ἀπεκόμπαζον, τὴν παροῦσαν αὐτοῖς μεγίστην δύναμιν ἀποφαίνειν ἐθέλοντες, ἀλλὰ

¹² По вопросу о локализации области сванов см. карту в статье К. Цукермана: Zuckerman 1991, 539; Nicholson 2019/II, 890, sv. Lazica (Egrisi).

¹³ Martindale 1980, 542, sv. Heraclius 4.

¹⁴ Цитируем текст по изданию: Carolla 2008, 77, l. 15–16 – 78, l. 1–4.

αὐτοὺς παραυτίκα τῶν ἀγγελλθέντων ἀπέπεμπε βασιλεὺς, ἐν μείζονι φροντίδι τὰ ἐν Σικελίᾳ συνενεχθέντα ποιοῦμενος (Prisc. Pan. Fr. 41. 3)¹⁵.

На основании упоминаний о Сицилии Р. Блокли датировал события, изложенные в цитированном фрагменте, временем около 467 г., т.е., по мнению исследователя, эти события произошли примерно за год до неудачной экспедиции византийского флота против вандалов, состоявшейся у берегов Северной Африки в 468 г.: византийские войска были отправлены против вандалов в том числе и в ответ на их постоянные нападения на Сицилию и берега южной Италии¹⁶. Эта датировка была поддержана и в последующей историографии¹⁷, соответственно, в таком случае мы можем признать, что восточноримским императором, упоминаемым во фрагменте труда Приска, был Лев I Великий.

Датировка, предложенная Р. Блокли, дополнительно подтверждается и сведениями о Свани: согласно Менандру Протиктору – византийскому историку и дипломату, жившему во второй половине VI в¹⁸, – в течение длительного времени «у Лазов действовал <...> следующий древний обычай: правитель Свани подчинялся Лазу» (ἀρχαῖον ἔθος... τότε ἐκράτησε παρὰ Λαζοῖς ὁ Σουανίας ἡγεμὼν ὑπήκουε τῷ Λαζῷ). По словам Менандра, цитирующего речь другого византийского дипломата – Петра Патрикия, обращенную к персидскому царю Хосрову I Ануширвану (531–579 гг.) и произнесенную во время переговоров, состоявшихся в 561–562 гг. в столице Персии, Ктесифоне¹⁹, «этот (обычай) действовал со времен нашего царя Феодосия (император Феодосий II, 408–450 гг. – *Е.М.*) до (времен) Пероза, вашего деда (персидский царь Пероз, 459–483/484 гг. – *Е.М.*), и Льва, нашего (царя) (император Лев I Великий – *Е.М.*)» (τοῦτο τὴν ἰσχὺν ἔλαβεν ἐκ τῶν Θεοδοσίου τοῦ καθ' ἡμᾶς Βασιλέως χρόνων μέχρι Περόζου τοῦ ὑμετέρου πάππου καὶ Λέοντος τοῦ καθ' ἡμᾶς – Menander, fr. 6.1, l. 566–567, 575–577)²⁰.

Сведения Менандра важны для нас в том отношении, что они показывают роль Свани и Лазики в борьбе римлян и персов за Южный и Западный Кавказ во времена Вахтанга Горгасала: как проследили Д. Браунд, Ф. Шляйхер и Дж. Грейтрекс, в конце 460-х – начале 470-х гг. в результате ряда успешных персидских военных кампаний в данных регионах Лазики перешла под контроль Персии, т.е. фактически она стала вассалом Персии в землях Западного Кавказа²¹. Соответственно, именно в период правления Льва I Великого, на рубеже 460/470-х гг., римляне временно утратили свой контроль и над Сванией: строго говоря, Лазики была вынуждена подчиниться персам как раз по той причине, что к концу 460-х гг. персы установили свой протекторат над Сванией и этот регион стал сателлитом державы Сасанидов²². Возвращаясь к цитированному ранее фрагменту Приска,

¹⁵ Carolla 2008, 78, l. 13–20.

¹⁶ Blockley 1981, 122, 171, note 66.

¹⁷ См., например: Greatrex 1998, 126.

¹⁸ Nicholson 2019/II, 1002, sv. Menander Protector.

¹⁹ Сам Петр в 539–565 гг. занимал должность начальника служб (magister officiorum), т.е. возглавлял императорскую канцелярию и в этот период часто ездил в Персию в составе посольской делегации, см.: Nicholson 2019/II, 1180, sv. Peter the Patrician.

²⁰ Цитируем текст по изданию: Blockley 1985, 84.

²¹ Greatrex 1998, 126; Schleicher 2021, 151; Braund 1994, 273.

²² В этом смысле еще в 1963 г. К. Туманов справедливо признал, что лазы напали на Сванию как на союзника персов; по мнению К. Цукермана, временное присоединение сванов к персам в тот

отметим, что персы, согласно Приску, выступили против лазов из-за крепостей, ранее принадлежавших сванам, но впоследствии захваченных лазами: слова Приска четко подразумевают, что из-за перехода сванов на сторону персов у царя Лазики возникли серьезные опасения в безопасности земель своего царства.

Но вместе с тем подчеркнем, что Вахтанг Горгасал, со своей стороны, извлек значительные преимущества из противостояния лазов и сванов. Прежде всего, узнав, что сваны перешли в сферу влияния персов, Вахтанг понял, что теперь он сможет беспрепятственно вторгнуться в Абхазию (Авасгию), находившуюся к северу от сванов, поскольку в случае вторжения сваны уже не будут угрожать ему ударом с юга. И в то же время текст Приска Панийского подсказывает, каких византийских войск опасался Вахтанг. Это были войска, располагавшиеся в армянских провинциях Византии, точнее – в тех армянских регионах, которые отошли к Византии по мирному договору с Персией, заключенному в 387 г. По данному договору независимое в прошлом царство Великая Армения, находившееся под властью династии Аршакидов, было разделено между Восточной Римской империей и Персией, римлянам достались земли на востоке Великой Армении, располагавшиеся между современными турецкими городами Эрзурум (в римский период – Феодосиополь, у армянских авторов известен под именем Карин) и Диярбакыр (в римский период – Амида)²³.

Как видно из сообщений Приска, император Лев I отправил на помощь лазам именно те римские войска, которые размещались в армянских владениях Восточной Римской империи (судя по всему, боевые действия развернулись непосредственно на территории Лазики, куда вторглись персы и сваны), соответственно, воспользовавшись этими обстоятельствами, Вахтанг напал на Абхазию (Авасгию). Но, как нам кажется, сведения Приска позволяют установить еще одну причину, не позволявшую Вахтангу выступить против абхазов до 466–467 гг. Этой причиной был совместный поход грузинских и персидских войск против гуннов-кидаритов, обитавших на обширных пространствах между Амударьей и горным хребтом Гундукуш, резиденцией их правителя был город Бактра – современный Балх в Афганистане²⁴.

В связи с этим еще раз обратим внимание на фразу Приска, что римские войска вместе с лазами отправились «против Персов и Иберов», персы же и иберы, т.е. грузины, «вели войну против него (царя лазов – *Ε.Μ.*) и в то (же) время были заняты войной с другими племенами» (κατὰ Περσῶν καὶ Ἰβήρων, τῶν, αὐτῷ ἐπαγόντων τὸν πόλεμον, πρὸς ἑτέρων ἔθνων τότε ἀπασχοληθέντων μάχην – Prisc. Pan. Fr. 41. 2, l. 8–10), этими другими племенами как раз и были гунны-кидариты. Поскольку, как мы уже установили ранее, события, изложенные в цитированном фрагменте Приска, произошли в 467 г., мы можем признать, что в хронологическом плане они совпадают с теми событиями, о которых рассказывает автор «Жизни Вахтанга Горгасала», т.е. с военной кампанией Вахтанга в Абхазии.

период было вызвано стремлением правителя сванов освободиться из-под власти царя лазов, сванов не устраивала их вассальная зависимость от лазов. См.: Toumanoff 1963, 364; Zuckerman 1991, 543.

²³ Аргументы в пользу датировки договора см.: Greatrex 2000, 41–43. О географии разделения Великой Армении см.: Nicholson 2019/I, 138, sv. Armenia, partitions of.

²⁴ Nicholson 2019/II, 864, sv. Kidarites.

Но в таком случае сопоставление сведений двух источников подводит к выводу, что грузинские войска Вахтанга все же отправились в Абхазию только *после* того, как они вернулись из гуннского похода, проведенного совместно с персами: другими словами, на наш взгляд, войска Вахтанга не могли одновременно участвовать и в войне против гуннов, и в боевых действиях против римлян на Западном Кавказе. Скорее всего, как раз наоборот, узнав о вторжении персов и сванов в Лазик, Вахтанг отозвал свои войска из Персии, где те воевали с гуннами, и направил их в Абхазию, чтобы захватить располагавшиеся там римские гарнизоны. Соответственно, как мы полагаем, пребывание грузинских войск (иберов) в Персии, наравне с другими обстоятельствами, изложенными выше, сдерживало внешнеполитические инициативы Вахтанга в Абхазии до 466–467 гг. Вернув же свои войска в Картли (Грузию), Вахтанг уже полноценно смог сосредоточиться на завоевании земель Абхазии.

Очевидно, Вахтанг перевел свои войска в Картли и затем в Абхазию по согласованию с персами, поскольку те, как видно из сообщений Приска Панийского, не испытывали серьезных проблем с гуннами-кидаритами и вполне могли разгромить тюркских кочевников своими силами, без посторонней помощи. В целом персам было даже выгодно, чтобы Вахтанг установил свой контроль над частью земель Абхазии, тем самым они надеялись еще больше ослабить позиции римлян на Западном Кавказе. Военная экспедиция Вахтанга в Абхазии оказалась удачной: римляне, без особого успеха боровшиеся с персами в Лазике и больше обеспокоенные усилением королевства вандалов в западном Средиземноморье, вынуждены были уступить Вахтангу земли Абхазии, простиравшиеся от низовьев реки Эгрис-цкали до реки Келасури, т.е. именно ту территорию, где располагались их собственные гарнизоны. Не исключено, что в тот период под контроль Картли перешла и главная крепость римлян в регионе – Археополис (Цихе-Годжи).

Соответственно, как нам кажется, территориальное расширение царства Картли усилило и его геостратегическое положение в землях Западного Кавказа: мы можем признать, что благодаря стечению всех указанных выше обстоятельств к рубежу 460-х – 470-х гг. царство Картли фактически осталось единственным государством Южного Кавказа, которое проводило более или менее самостоятельную внешнюю политику. В самом деле, к тому времени Свания и Лазика превратились в вассальные государства Персии, Абхазия перешла в сферу влияния Картли, а Великая Армения уже давно была разделена между Византией и Персией. На наш взгляд, военные успехи Вахтанга в Абхазии обезопасили геостратегическое положение Картли: теперь Вахтанг мог нанести удар по Свании и Лазике не только с юга, т.е. с территории своего собственного государства, но и с севера, из земель Абхазии, вне зависимости от того, кому подчинялись Лазика и Свания – римлянам или персам. Следовательно, как мы полагаем, именно территориальные приобретения Вахтанга в Абхазии впоследствии, в 480-х гг., позволили ему поднять восстание против Персии, пытавшейся восстановить свой прежний протекторат над Картли: грузинский царь приказал убить Варскена – верховного персидского наместника (марзпана) в Картли, и начал поиски союза с Восточной Римской империей, совершив тем самым решительный поворот в своей внешней политике²⁵.

²⁵ См. об этих сюжетах более подробно: Schleicher 2021, 154–157, 159–161.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Blockley, R.C. (ed. and transl.) 1985: *The History of Menander the Guardsmen*. Liverpool.
- Blockley, R.C. 1981: *The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus*. Vol. I. Liverpool.
- Braund, D. 1994: *Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia 550 BC – AD 562*. Oxford.
- Carolla, P. (ed.) 2008: *Priscus Panita excerpta et fragmenta*. Berolini–Novi Eboraci.
- Fährnrich, H. 2010: *Geschichte Georgiens*. Leiden–Boston.
- Greatrex, G. 1998: *Rome and Persia at War, 502–532*. Leeds.
- Greatrex, G. 2000: The Background and Aftermath of the Partition of Armenia in 387. *Ancient History Bulletin* 14, 35–48.
- Gumba, G.D. 2004: К вопросу идентификации р. Эгрис-тскали Дзхуаншера Дзхуаншеряни [On the identification of the River of Egris-tskali by Dzhuansher Dzhuansheriani]. In O.Kh. Bgazhba (ed.), *Abkhazovedenie. Istoriya. Arkheologiya* [Abkhazian Studies. History. Ethnology], III, 80–91.
- Гумба, Г.Д. 2004: К вопросу идентификации р. Эгрис-тскали Джуаншера Джуаншеряни. В сб.: О.Х. Бгажба (ред.), *Абхазоведение. История. Археология. Этнология*. III, 80–91.
- Maan, O.V. 2009: Etnogeograficheskaya situatsiya v yugo-vostochnoy Abkhazii v antichnyuyu epokhu [Ethno-Geographical Situation in South-East Abkhazia in Antiquity]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 169–179.
- Маан, О.В. 2009: Этногеографическая ситуация в юго-восточной Абхазии в античную эпоху. *ПИФК* 1, 169–179.
- Martindale, J.R. 1980: *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. II: A.D. 395–527. Cambridge.
- Mikaberidze, A. 2007: *Historical Dictionary of Georgia*. Lanham.
- Nicholson, O. (ed.) 2019: *The Oxford Dictionary of Late Antiquity*. Vol. I–II. Oxford.
- Rapp, St. 2003: *Studies in Medieval Georgian Historiography: Early Texts and Eurasian Contexts*. Louvain.
- Rapp, St. 2014: *The Sasanian World through Georgian Eyes. Caucasia and the Iranian Commonwealth in Late Antique Georgian Literature*. London–New York.
- Schleicher, Fr. 2021: *Iberia Caucasia: Ein Kleinkönigreich im Spannungsfeld großer Imperien*. Stuttgart.
- Toumanoff, C. 1969: Chronology of the Early Kings of Iberia. *Traditio* 25, 1–33.
- Trebeleva, G.V., Khondziya, Z.G., Yurkov, G.Yu. 2017: Rezul'taty issledovaniya Velikoy Abkhazskoy (Kelasurskoy) steny (2013–2015 gg.) i voprosy granits rannesrednevekovykh gosudarstvennykh obrazovaniy na territorii Abkhazii [The Results of Excavations at the Great Abkhazian (Kelasuri) Wall (2013–2015) and the Issues of Frontiers of Early Medieval State Entities on a Territory of Abkhazia]. *Проблемы истории, филологии, культуры* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 174–185.
- Требелева, Г.В., Хондзия, З.Г., Юрков, Г.Ю. 2017: Результаты исследования Великой Абхазской (Келасурской) стены (2013–2015 гг.) и вопросы границ раннесредневековых государственных образований на территории Абхазии. *ПИФК* 3, 174–185.
- Tsulaya, G.V. (translation) 1986: *Dzhuansher Dzhuansheriani. Zhizn' Vakhtanga Gorgasala* [Dzhuansher Dzhuansheriani. A Life of Vakhtang Gorgasala]. Tbilisi.
- Цулая, Г.В. (пер.) 1986: *Джуаншер Джуаншеряни. Жизнь Вахтанга Горгасала*. Тбилиси.
- Zuckerman, C. 1991: The Early Byzantine Strongholds in Eastern Pontus. *Travaux et mémoires* 11, 527–553.

ON THE LITTLE-KNOWN MILITARY CAMPAIGN OF THE GEORGIAN KING
VAKHTANG I GORGASAL

Evgeniy A. Mekhamadiev

*Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia**E-mail: e.mekhamadiev@spbu.ru*

Abstract. In the 4th-6th centuries, the struggle between the Roman Empire and Persia often led to short-term, but strategically important regional conflicts that did not capture the territories of the empires themselves. Most often these conflicts arose in the South Caucasus, where the fighting took place strictly according to the rules. This paper is devoted to one of such campaigns, which took place in the 460s, when some Southern and Western Caucasian kingdoms were involved in this campaign, that is, Suania, Lazika, Abasgia (Abkhazia) and Kartli. The kingdom of Kartli was the main actor in the struggle. At that time, Kartli was ruled by the warlike king Vakhtang Gorgasal, whose hostilities unfolded in Abkhazia (Abasgiya), where Vakhtang Gorgasal invaded. The conflict between Kartli and Abkhazia is completely ignored in the Greek texts, they mention only the battles between the Romans and the Persians in Lazika and Suania. However, Vakhtang's invasion of Abkhazia was intensively covered in Georgian medieval chronicles called "Kartlis Tskhovreba" ("The Life of Kartli"). With all due respect, the author of this article seeks to bring together the evidence of both "Kartlis Tskhovreba" and the early Byzantine historian Priscus Paniumsky in order to study, firstly, how the Eastern Roman (early Byzantine) Empire and Persia contributed to the Vakhtang campaign, and secondly, how Lazika, Kartli and Suania were interconnected with each other during this campaign, and thirdly, how the invasion of Abkhazia changed the geopolitical conditions of Kartli within the South Caucasian Kingdom.

Keywords: Kingdom of Kartli, the Persians, East Roman Empire, Abkhazia (Abasgia), Priscus of Panium, the Huns of Kidaritai.

Круглый стол
«Современные исследования в этноархеологии
и исторической этнологии»

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2022), 220–230
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2022), 220–230
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-3-77-220–230

СИНКРЕТИЗМ В РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЕ НАГАЙБАКОВ

И.Р. Атнагулов

*Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия*

E-mail: i.atnagulov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7453-0720

Аннотация. История религиозного развития нагайбаков происходила на фоне сложных взаимодействий и контактов между мусульманством, христианством и пережитками родовых представлений народов тюркской и финноугорской групп Поволжья, Прикамья и Приуралья, уходящих корнями, в том числе, и в древнетюркское тенгрианство. Складывавшаяся в первой половине XVI – начале XX в. в условиях конкуренции между двумя мировыми религиями – христианством и мусульманством – духовная культура нагайбаков, считаясь номинально православно-христианской, сохранила сложный комплекс архаичных черт. Это проявляется, например, в структурах ритуально-обрядовых практик (конные состязания, варка жертвенного мяса в котлах, регламент празднично-ритуального стола и другое), календаре праздников годового цикла, включающего тюркские и славянские традиции (Нардуган, Масленица, Пасха, Аш биру и прочие), а также используемой в богослужебной литературе лексики (тюркской, славянской, арабской и иранской). Все это

Данные об авторе: Ирек Равильевич Атнагулов – доктор исторических наук, заведующий центром этноистории ИИиА УрО РАН.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы по теме, включенной в государственное задание ИИиА УрО РАН на 2022 г. «Динамика и статика этничности в пространстве Северной Евразии» (код-шифр темы 0402-2019-0001).

свидетельствует о выраженном синкретизме религиозной культуры нагайбаков. Являясь народом тюркским по языку и православно-христианским по вероисповеданию, нагайбаки всегда находились рядом с тюркоязычными мусульманами – татарами, башкирами и казахами и русскими – православными христианами. Такое соседство служило, с одной стороны, укреплению их в православии, с другой – сохранению тюрко-мусульманских пережитков. В результате подобных влияний религиозная культура нагайбаков сформировалась в оригинальную композицию, ощущаемую народом как единый комплекс, отражающий их этническое своеобразие. Религиозный феномен нагайбаков можно считать одним из оснований фундамента их современной этнической идентичности.

Ключевые слова: этноистория, христианство, мусульманство, тенгрианство, синкретизм, нагайбаки, татары, русские, этническая культура, идентичность.

Современное религиозное состояние нагайбаков формировалось под влиянием разных культурных традиций. Субстратом данного феномена является комплекс древнейших дохристианских и домусульманских представлений эпохи родового строя, уходящий корнями в тенгрианство, о чем будет сказано ниже. Позднесредневековым влиянием можно считать пережитки мусульманства. Крещение предков нагайбаков, как известно, началось с 1552 г. и завершилось в 1730-х гг. возникновением в Восточном Закамье собственно нагайбакской идентичности с включением в их состав различных групп тюркского и восточнофинского (волго-камского) населения, обращенного в православие примерно в это же время¹. Генезис нагайбакской этнической и религиозной идентичности происходил под влиянием контактов и взаимодействий между народами разных языковых групп и семей с разными культурно-религиозными традициями.

Этнические контакты в Южном Приуралье в XVIII–XIX вв. являются эпизодом в тысячелетней истории взаимодействий континентального масштаба между народами славянской, тюркской и финноугорской групп. Под Южным Приуральем подразумеваются все прилегающие к уральской горной стране области как с запада (юго-западное), так и с востока (юго-восточное Приуралье). Обе части в ландшафтном отношении находятся там, где приуральская лесостепь переходит в степные пространства Северного Казахстана. В соответствии с политико-административным делением Российской империи того периода эти земли входили в состав Белебеевского уезда Уфимской губернии, а также Оренбургского, Орского, Верхнеуральского и Троицкого уездов Оренбургской губернии.

Этнический состав населения этого региона в XVIII в. характеризуется наличием двух крупных массивов – восточнославянского (русские и украинцы) и тюркского (татары, башкиры и казахи)². Присутствие здесь народов других языковых групп ограничивалось переселившимися сюда финноуграми (мордва, восточные марийцы и закамские удмурты). Общую этническую картину дополняли выходцы из азиатских государств, перечисленные П.И. Рычковым как «персияне», «аравитяне», «бухарцы», «хивинцы» и др.³, селившиеся в Оренбуржье с середины XVIII в., и калмыки-казаки, переселенные в Орский и Верхнеуральский уезды в

¹ Атнагулов 2018, 52–59.

² Кабузан 1990, 84–85.

³ Рычков 1762/I, 51–52.

1843 г. из Среднего Поволжья⁴. Оренбургская губерния второй половины XVIII – первой половины XIX в. представляла собой едва ли не самый разнообразный по этническому составу регион⁵, а доля славянского населения в Оренбургской губернии в 1795 г. была самой низкой в империи, составляя 41 %⁶.

Тысячелетние славяно-тюркские взаимодействия и контакты, происходящие в пространстве центральной части Евразии, явились причиной возникновения множества новых этнокультурных феноменов – этноязыковых, этносословных, этнорелигиозных и тому подобных групп. Их параметрические характеристики включали комплексы культурных, хозяйственных, языковых, конфессиональных и других особенностей. Целью статьи стало изучение динамики этих процессов через анализ межконфессиональных взаимодействий. Объектом исследования являются нагайбаки – социальный феномен (идентичность), возникший в результате славяно-тюркских взаимодействий в Юго-Западном и Юго-Восточном Приуралье во второй половине XVI – начале XX в.

Начиная с конца I тыс. в этом регионе конкурировали две крупнейшие мировые религии – христианство и мусульманство. Центром распространения христианства была Киевская Русь, затем – Московское Царство, мусульманства – Золотая Орда, следом – Казанское ханство вместе с другими постордынскими политиями. Со второй половины XVI в. и далее взаимодействие этих двух религий происходило в составе Русского государства, а с XVIII в., соответственно, – Российской империи.

В статье предлагается рассмотреть один из локальных феноменов в числе результатов славяно-тюркских взаимодействий – нагайбаков – группы, которая за короткий исторический промежуток времени прошла путь от сословной группы казаков в составе крещеных татар до отдельного народа. В качестве предмета исследования предлагается выбрать их конфессиональную идентичность, включающую комплекс обрядовых практик, отражающих как славянские, так и тюркские влияния. В структуре этих взаимодействий к славянским (русским) относится православное христианство, к тюркским (татарским) – мусульманские и прочие пережитки религий родового строя.

Нагайбаки, как и кряшены⁷, из которых они социально выделились в 1736 г., стали продуктом культурного и политико-административного воздействия русской администрации на тюркское население бывшего Казанского ханства. С момента присоединения Поволжья и Приуралья к Русскому государству христианство и мусульманство в этом регионе находились в конкурентном состоянии, а их влияние определяли векторы развития этнокультурного ландшафта. Переход из одной религии в другую нередко сопровождался сменой (деформацией) этнического самосознания. Именно фактор конфессиональной идентичности оказался в основе самоидентификации кряшен. У нагайбаков, несмотря на их социальную и территориальную изоляцию от кряшен, конфессиональная идентичность закрепилась в используемом до настоящего времени самоназвании первого уровня, такого же, как и у кряшен – *керэшеннэр*.

⁴ Чернышев 1843, 4.

⁵ Рычков 1762/I, 51–52.

⁶ Александров 2003, 37.

⁷ Кряшены (тат. *керэшен* от рус. *крещен*) – общепринятое обозначение крещеных татар.

В истории формирования нагайбаков принадлежность к христианству являлась, пожалуй, первой и продолжительное время едва ли не главной маркирующей (см. Приложение. Таблица 1). Только в первой трети XX в., в связи с реформами, проводимыми Советской властью, конфессиональная идентичность вместе с сословной сменяется этнической. Этому также способствовали два важных события: первая в истории официальная фиксация этнонима «нагайбаки» при переписи 1926 г. и учреждение в 1927 г. Нагайбакского района в составе Троицкого округа Уральской области. С 1934 г. по настоящее время – Нагайбакский район в составе Челябинской области.

Несмотря на атеистическую политику Советского государства конфессиональный фактор в структуре этнического самосознания нагайбаков сохранился и является одним из опорных в фундаменте их современной идентичности. Подтверждением тому являются результаты исследований, проведенных нами среди нагайбаков за последние примерно два десятилетия⁸.

Религиозная идентичность нагайбаков и связанные с ней обрядово-праздничные практики и повседневные стратегии, по нашим наблюдениям, сохраняют актуальность как важнейшая этномаркирующая. Следует учитывать два основных параметра, влияющих на этнокультурный облик нагайбаков, – это принадлежность к группе тюркоязычных народов и к населению, исповедующему православное христианство. Ближайшими тюркоязычными соседями нагайбаков являются казахи, татары и башкиры. На вопрос о том, что отличает нагайбаков от этих народов, на первом месте среди ответов респондентов – религия. Среди народов, исповедующих православие, соседями нагайбаков являются русские, украинцы и мордва. Несмотря на то, что нагайбаки в числе общих признаков с ними чаще всего называют религию, нередко ответы сопровождаются комментариями – «у нас свои обычаи».

Основы конфессиональной идентичности нагайбаков начали формироваться у их предков – крещеных татар Казанской губернии, в число которых входили, упоминаемые П.И. Рычковым, нехристианизированные и немусульманизированные группы населения: «В окружности сея крепости (Нагайбакской – *И.А.*) издавна двоякого состояния люди находились, а именно: новокрещеные и иноверцы (подчеркивание наше – *И.А.*). Что до первых принадлежит, то их для отличности от нынешних новокрещеных пристойнее бы старокрещеными именовать. Ибо они, как сами о себе сказывают, да и по делам довольно значится, еще во время царя Иоанна Васильевича из магометан, а паче из идолопоклонников восприняли святое крещение...»⁹ (подчеркивание наше – *И.А.*). Среди «иноверцев» и «идолопоклонников», вероятнее всего, были чуваша и восточные марийцы, потомки которых до сих пор живут в районе формирования нагайбаков – западной Башкирии¹⁰. На весьма вероятные связи нагайбаков с этими группами указывают, например, физико-антропологические данные¹¹. Чуть позже, в 1750-х гг., по свидетельству П.И. Рычкова, к ним присоединились переселенные из Оренбурга, «выбежавшие из киргиз-кайсацкого плена» и принявшие крещение бывшие му-

⁸ Атнагулов 2018, 246.

⁹ Рычков 1762/II, 206–207.

¹⁰ Атнагулов 2018, 60–61.

¹¹ Макеева 2013, 86.

сульмане численностью «шестьдесят восемь человек, в том числе персиян сорок пять, аравитян двенадцать, бухарцев три, каракалпак два, которые по определению Оренбургской канцелярии селятся на назначенных им местах в Уфимской провинции около Нагайбакской крепости между тамошними новокрещеными»¹².

Кульминация в становлении религиозной культуры нагайбаков состоялась во второй половине XIX – начале XX в., когда они были переселены в Оренбургский, Орский, Верхнеуральский и Троицкий уезды. Если до 1843 г. нагайбаки, живя в Западной Башкирии среди тюркоязычного населения, контактировали с русскими эпизодически, в основном мужчины во время военных кампаний или сборов, то теперь, поселившись рядом с русскими казаками Оренбургского войска, нагайбаки общались с ними ежедневно. Столь сложное сочетание этнокультурных компонентов в генезисе нагайбакской культуры отразилось на духовном состоянии. Религиозная культура нагайбаков второй половины XIX – начала XX в. известна по публикациям В.Н. Витевского, Е.А. Бектеевой, М.А. Круковского, статьям церковнослужителей в Оренбургских епархиальных ведомостях. Последние испытывали интерес к нагайбакам в связи со случаями массовых переходов групп среди крещеных татар и других «инородцев» в мусульманство и даже язычество. Опираясь на данные публикаций того времени, следует отметить, что религиозная культура нагайбаков, считавшихся номинально православными, во многом проявляла черты синкретизма. Исключение составили нагайбаки, переселившиеся в 1830-х гг. в Оренбургский и Орский уезды, где рядом с ними, кроме русских, оказалось немало татар-казakov, исповедовавших мусульманство. По ряду этнографических признаков и историческим данным¹³ оренбургскими татарами-казаками называли перешедших на службу царю уральских ногайцев. Нагайбаки Оренбургского и Орского уездов быстро сблизились с местными тюркоязычными казаками и полностью перешли в мусульманство, сменив вместе с конфессиональной и этническую идентичность¹⁴.

Очевидец событий конца XIX – начала XX в. Е.А. Бектеева в своей статье¹⁵ описала ряд нагайбакских обычаев, обращая внимание читателя на сочетание христианских, мусульманских и языческих элементов. Она сообщает, что принадлежность к христианству поддерживалась не столько благодаря соседству с русскими, сколько церковью и школой. Пережитки родовых верований в культуре нагайбаков Е.А. Бектеева связывает с контактами предков нагайбаков с восточными марицами и некрещеными чувашами, жившими с ними рядом до 1843 г. в Западной Башкирии. Пережитки мусульманства более всего были заметны среди жителей п. Требии. Связано это было с влиянием татарского промышленника М. Рамеева, разрабатывавшего здесь золотые прииски. Рассчитывая на возможность хорошо заработать на прииске, нагайбаки Требии легко переходили в мусульманство. Это свидетельствует о том, что православие среди них в то время еще не укоренилось, а память о мусульманском прошлом сохранялась. Е.А. Бектеева объясняет это тем, что предки нагайбаков были крещены «наси́льно» и «поспешно»¹⁶.

¹² Рычков 1762/I, 191–192.

¹³ Небольсин 1852, 1–34.

¹⁴ Атнагулов 2018, 142.

¹⁵ Бектеева 1902, 177–181.

¹⁶ Бектеева 1902, 177–181.

Больше всего, по ее мнению, отталкивал нагайбаков от православия «невысокий нравственный уровень первых проповедников». Другим препятствием Е.А. Бектеева считала «незнание русского языка с одной стороны и татарского – с другой». Поэтому «пастыри и новокрещенные были чужды друг другу». Ситуация изменилась в 1880 г., когда «нагайбаки впервые услышали, наконец, богослужение на татарском языке». Дальнейшую динамику религиозного состояния нагайбаков как православных христиан Е.А. Бектеева описывает эпитетами «радостно встретились», «слеза умиления» и тому подобное¹⁷.

Далее в своей статье Е.А. Бектеева указывает на христианский характер погребальной обрядности, отмечая при этом запрет причитаний и плача по покойнику, а также употребления спиртного во время поминок. Автор отмечает, что некоторые группы нагайбаков, проживавших вблизи Оренбурга, считаясь православными, тайно сохраняли приверженность исламу: «сносясь с татарами в Оренбурге, они отчасти, хотя и тайно, предались магометанству»; «большинство здешних нагайбаков – христиане только номинально, но старательно скрывают это от русских»¹⁸. Представляет интерес, зафиксированный Е.А. Бектеевой факт празднования православными нагайбаками Курбан-байрама: «В этот день нагайбаки ездят в поле и совершают там нечто вроде жертвоприношения. Для этого в поле приглашается татарин, который продолжительное время читает молитвы и закалывает барана. Затем это жертвенное мясо варят в котлах и съедают. Все это делается незаметным образом от русских. Сюда же приглашается священник служить молебен. Татарин же колет барана, приехав на место еще накануне, и, сделав свое дело, поспешно уезжает, а потому некоторые гости из русских и не подозревают всего происшедшего»¹⁹.

В.Н. Витевский в своем докладе на IV Археологическом съезде (Казань) сообщал, что «в поселке Требии есть несколько старух, которые соблюдают магометанские посты и тихонько молятся по-магометански, прикладывая ладони рук к щекам. Вообще в религиозном быту нагайбаков заметна смесь понятий христианских с языческими: они верят в кереметь, домовых, леших, водяных и т.п.; для умиловивления их у них существуют особые жертвоприношения, знахарки»²⁰.

Ниже представлен фрагмент страницы из Евангелия на татарском языке (см. Приложение. Фото), обнаруженный у нагайбаков д. Попово Челябинской области, где видно обращение к богу на основе трех языковых конструкций. Как видно в одном предложении, имя бога в православно-русской традиции написания «Исус Христос» сочетается с тюркизированными иранским «Ходайым» (Господь наш) и арабо-тюркским «Алла Улы» (Сын божий) вариантами обращений. Издание современное, но использованный алфавит, по всей видимости, восходит к тому, который в XIX в. разработал для крещеных татар просветитель и миссионер Н.И. Ильминский.

По полевым данным, полученным в 1980-х гг. казанскими этнографами²¹, годовой цикл общественных обрядов и праздников нагайбаков включал следующие

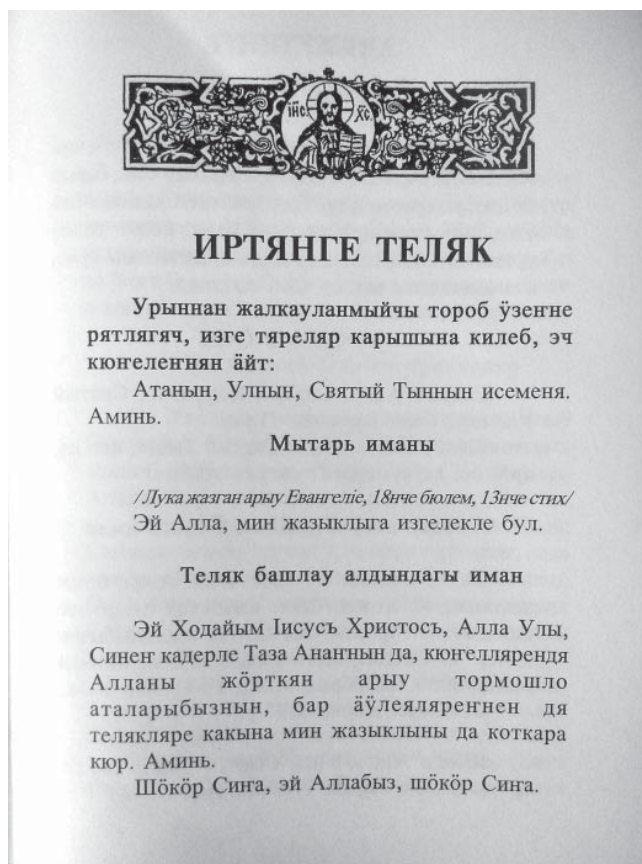
¹⁷ Бектеева 1902, 177–181.

¹⁸ Бектеева 1902, 177–181.

¹⁹ Бектеева 1902, 177–181.

²⁰ Витевский 1891, 263.

²¹ Исхаков 1995, 74–87.

основные мероприятия: Новогодние гулянья (Нардуган), Масленица (Май чабу), Вербное Воскресенье (Берменчек боткасы), Пасха (Оло көн), Троица, Покров, День поминовения (Аш биру) (см. Приложение. Таблица 2). Весь цикл обрядовых практик, кроме первого и последнего, перешел из русско-православной культуры. Однако, по мнению исследователей, в каждом отдельном случае наблюдаются оригинальные сюжеты, характерные исключительно для нагайбаков и некоторых групп других крещеных татар. Например, рождественские ряженые дед с бабкой, перед Пасхой приготовление в общем котле вербной каши, спортивные состязания, включая джигитовку на лошадях, во время Пасхи. Летом устраивались, известные среди крышен, общественные моления о дожде (чук иту). Всей деревней кололи жертвенных животных и вскладчину в большом котле на мясном бульоне варили кашу. Подобное действие (учук) мы наблюдали среди некрещеных чувашей западного Башкортостана, в местах, где раньше жили нагайбаки. В одной из деревень нагайбаков Челябинской области (Краснокаменка) этот обряд был зафиксирован под названием «корман», что, по мнению казанских исследователей, указывает на связь с празднованием в прошлом предками нагайбаков Курбан-байрама.

Завершающим годовой цикл был Аш биру (подача пищи) – поминальный обряд. Его проводили в разных деревнях с конца ноября и примерно до Рождества. Объединившись родственными группами, перед рассветом закалывали жертвенное животное (обычно корову светлой масти и без физических изъянов), до полудня варили мясо в большом котле. После полудня начиналась ритуальная трапеза, продолжавшаяся до ночи. Две старшие женщины на протяжении всей ночи должны были охранять тазовую кость жертвенного животного. По сценарию ритуала кость могла быть выкрадена недоброжелателями, что могло принести несчастье родственникам умершего. Если общее название праздника Аш биру, то вторая его часть называется Тияберсен. По мнению казанских лингвистов и этнографов, этимология этого названия восходит к более древнему тюркскому Тенгри берсен (пусть бог даст), восходящему к тенгрианству (см. Приложение. Таблица 3).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что значительная часть нагайбаков до конца XIX в. сохраняла дохристианские традиции. Кроме того, в XIX в. не раз отмечалось весьма холодное отношение казаков-нагайбаков к церкви. Поселившись на новые земли, они оказались оторванными от соплеменников-единоверцев – крещеных татар. В то же время администрация Оренбургской губернии, расселив нагайбаков среди русского населения, надеялась на то, что это еще больше укрепит их приверженность православию. Однако этого не произошло. Незнание русского языка, на котором велось богослужение в церквях, а также отсутствие священнослужителей из числа крещеных татар привели к тому, что посещение церкви стало носить весьма формальный характер.

Таким образом, нагайбаки в религиозном отношении до второй половины XIX в. занимали пограничное положение. В их духовной жизни долгое время прочно сохранялся архаический пласт языческих представлений, уходящий своими корнями в тюркско-поволжско-финскую среду. Вторым по времени формирования был мусульманский. Многие из нагайбаков помнили о своем мусульманском прошлом. Поспешное и формальное крещение не привело их к глубокому осознанию сущности христианского вероучения. Поэтому религиозные представления нагайбаков являли собой пример своего рода троеверия, сложившегося в результате воздействия трех этнокультурных пластов – древнейшего тюрко-финно-угорского, средневекового татарско-мусульманского и позднейшего русско-православного. Подобная картина до середины XIX в. наблюдалась среди большинства крещеного татарского населения. К началу XX в. нагайбаки Верхнеуральского уезда укрепились в православии. Разумная миссионерская политика, сменившая неудачные попытки грубой русификации, несомненно, принесла плоды. Динамика развития конфессиональной идентичности нагайбаков раскрывает один из важнейших параметров современной нагайбакской идентичности. Принадлежность к православному вероисповеданию сочетается с обрядово-праздничной практикой, включающей существенные тюрко-мусульманские пережитки. Именно такая конфигурация определяет степень оригинальности собственной культуры в этническом самосознании современных нагайбаков.

ПРИЛОЖЕНИЕ

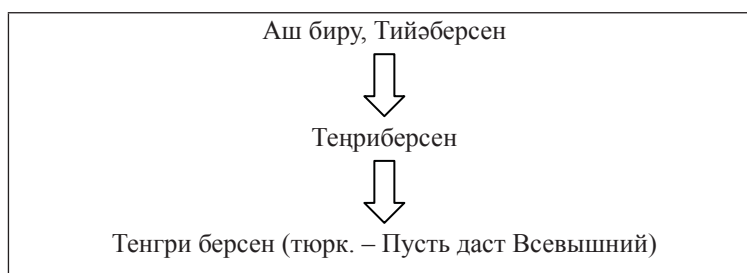
Таблица 1. Динамика идентичностей нагайбаков.

1552–1736	1736–1843	1843–1926	1926 – наст. время
Старокрещёные и новокрещёные в составе волго-уральских татар	Сословие казаков в составе крещёных татар	Крещёные татары (этническая группа) в составе Оренбургских казаков	Народ в списке национальностей СССР и России
Доминантные идентичности			
Конфессиональная	Сословная в сочетании с конфессиональной	Этническая в сочетании с сословной и конфессиональной	Этническая

Таблица 2. Годовой цикл праздников нагайбаков

Русское название	Татарское название
Рождество	Нардуган (тюрк.-монг.) – Зимний солнцеворот
Масленица	Май чабу (тат.) – Масленица
Вербное Воскресенье	Берменчек боткасы (тат.) – Вербная каша
Пасха	Оло көн (тат.) – Великий день
Троица	Троица
Покров	Покрау
День поминовения	Аш биру (тат.) – Подача пищи

Таблица 3. Генетическая связь обряда поминовения с тенгрианством.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров, В.А. (ред.) 2003: *Русские*. М.
- Атнагулов, И.Р. 2018: *Этническая история нагайбаков в XVIII–XXI веках: становление и трансформация идентичностей*. Челябинск.
- Бектеева, Е.А. 1902: Нагайбаки. (Крещенные татары Оренбургской губернии). *Живая старина* II, 165–181.
- Витевский, В.Н. 1891: Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии. *Труды IV Археологического съезда* II, 254–280.
- Исхаков Д.М. (ред.) 1995: *Нагайбаки (комплексное исследование группы крещёных татар-казаков)*. Казань.
- Кабузан, В.М. 1990: *Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав*. М.
- Небольсин, П.И. 1852: Отчёт о путешествии в Оренбургский и Астраханский край. *Вестник Императорского Русского географического общества* IV.1, 1–34.
- Рычков, П.И. 1762: *Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочинённое коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым*. Ч. I–II. СПб.
- Чернышев, А.И. 1843: *Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска казаков упразднённого Ставропольского калмыцкого войска, белопашотных солдат и солдатских малолетков*. СПб.

REFERENCES

- Aleksandrov, V.A. (ed.) 2003: *Ruskiye* [The Russians]. Moscow.
- Atnagulov, I.R. 2018: *Etnicheskaya istoriya nagaybakov v XVIII–XXI vyeakakh: stanovlyeniye i transformatsiya idyentichnostey* [Ethnic history of the Nağaybäks in the 18th–21th centuries: formation and transformation of identities]. Chelyabinsk.
- Bektyeyeva, Y.A. 1902: Nagaybaki. (Kryeshchyeny tatory Oryenburgskoy gubyernii) [The Nağaybäks. (Baptized Tatars of Orenburg province)]. *Zhivaya starina* [Living Antiquity] II, 165–181.
- Chernyshev, A.I. 1843: *Pravila o pereselenii na zemli Orenburgskogo kazach'ego voyska kazakov uprasdnyennogo Stavropol'skogo kalmykskogo voyska, belopakhotnykh soldat i soldatskikh maloletkov* [Rules on the resettlement of Cossacks of the abolished Stavropol Kalmyk army, white-ploughed soldiers and young soldiers to the lands of the Orenburg Cossack Army]. Saint Petersburg.
- Iskhakov, D.M. (eds.) 1993: *Nagaybaki (kompleksnoe issledovanie gruppy kreshchenykh tatar-kazakov* [The Nağaybäks (comprehensive study of a group of baptized Tatar-Cossacks)]. Kazan.
- Kabuzan, V.M. 1990: *Narody Rossii v XVIII veke. Chislennost' i etnicheskii sostav* [The peoples of Russia in the 18th century. Number and ethnic composition]. Moscow.
- Nebolsin, P.I. 1852: Otchet o puteshestvii v Orenburgskiy i Astrakhanskiy kray [Travel report to Orenburg and Astrakhan Region]. *Vestnik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society], IV.1–34.
- Rychkov, P.I. 1762: *Topografiya Orenburgskaya, to est': obstoyatel'noe opisaniye Oryenburgskoy gubyernii, sochinyennoe kollyezhskim sovyetnikom i Impyeratorskoy Akadyemii nauk korryespondyentom Petrom Rychkovym*. Ch. I–II [Topography of Orenburg, that is: a detailed description of the Orenburg province, composed by the collegiate adviser and the Imperial Academy of Sciences correspondent Peter Rychkov]. Pt. I–II. Saint Petersburg.
- Vitevskiy, V.N. 1891: Skazki, zagadki i pesni nagaybakov Verkhneuralskogo uyezda Oryenburgskoy gubyernii [Fairy tales, riddles and songs of the Nağaybäks of the

Verkhneuralskiy uyezd, the Orenburg province]. *Trudy IV Arkheologicheskogo s'ezda* [Proceedings of the IVth Archaeological Congress] II, 254–280.

SYNCRETISM IN THE RELIGIOUS CULTURE OF THE NAĞAYBÄKS

Irek R. Atnagulov

*Institute of history and archeology of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia*

E-mail: i.atnagulov@mail.ru

Abstract. The history of the religious development of the Nağaybäks took place against the background of complex interactions and contacts between Islam, Christianity and the remnants of the original ideas of the peoples of the Turkic and Finno-Ugric groups of the Volga Region, the Kama Region and the Urals, rooted, among other things, in ancient Turkic Tengrianism. It was formed in the first half of the 16th – early 20th century in the conditions of rivalry between two world religions, Christianity and Islam, the spiritual culture of the Nağaybäks, being nominally Orthodox, retained a complex set of archaic features. This is manifested, for example, in the structures of ritual and ceremonial practices (equestrian competitions, preparation of sacrificial meat in cauldrons, rules of the festive and ritual table, etc.), the calendar of holidays of the annual cycle, including Turkic and Slavic traditions (Nardugan, Maslenitsa, Easter, Ash Biru and others), as well as the vocabulary used in the liturgical literature (Turkic, Slavic, Arabic and Iranian). All this testifies to the pronounced syncretism of the religious culture of the Nağaybäks. Being a Turkic people by language and Orthodox-Christian by religion, the Nağaybäks have always been close to the Turkic-speaking Muslims, Tatars, Bashkirs and Kazakhs, as well as Russian Orthodox Christians. Such a neighborhood served, on the one hand, to strengthen them in Orthodoxy, on the other – to preserve the Turkic-Muslim remnants. As a result of such influences, the religious culture of the Nağaybäks was formed into an original composition, felt by the people as a single complex reflecting their ethnic identity. The religious phenomenon of the Nağaybäks can be considered one of the foundations of their modern ethnic identity.

Keywords: ethnohistory, Christianity, Islam, Tengrianism, syncretism, Nağaybäks, Tatars, Russians, ethnic culture, identity.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2022), 231–236
© The Author(s) 2022

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2022), 231–236
© Автор(ы) 2022

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-3-77-231–236

МУЗЕЙНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АНТИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ, ИЗУЧЕНИЯ И ВКЛЮЧЕНИЯ МУЗЕЕВ В ТУРИСТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ (пос. Сенной, 20–22 декабря 2021 г.)

21–22 декабря 2021 г. в Государственном историко-археологическом музей-заповеднике «Фанагория» прошла музейная научно-практическая конференция «Античное наследие России: проблемы сохранения, изучения и включения музеев в туристические маршруты», посвященная Году истории Россия–Греция в 2021–2022 гг.¹. Конференция была включена в список официальных мероприятий Российской Федерации. Организаторами выступили Министерство культуры Российской Федерации и Государственный музей-заповедник «Фанагория».

В мероприятии приняли участие руководители и представители более 20 федеральных, региональных и муниципальных музеев и музеев-заповедников, в фондах которых хранятся античные коллекции и ведется работа по изучению археологических памятников методами научных раскопок, а также разрабатываются новые подходы в сохранении раскопанных ранее объектов культурного наследия, законсервированных в качестве музейных экспозиций участков раскопок с городской планировкой и хозяйственными объектами. Представители Института археологии РАН выступили экспертами по вопросам изучения античных памятников, поскольку это учреждение практически с первых дней своего существования занимается исследованием классических древностей и имеет со-

¹ 27 октября 2020 г. в Афинах был подписан меморандум о проведении Года истории Россия–Греция в 2021 г. министром иностранных дел РФ С.В. Лавровым и главой МИД Греции Н. Дендиасом.

лидную исследовательскую школу, которая известна своими высококласными специалистами за пределами России.

Конференцию открыла заместитель директора Департамента музеев и внешних связей Минкультуры России *Н.В. Чечель* (Москва), которая отметила, что выбранная тема стоит в тренде политики, проводимой Минкультуры России, и реализуется в рамках программы мероприятий, утвержденной Правительством Российской Федерации и Правительством Греции. Она предложила рассмотреть вопрос создания Ассоциации музеев античного наследия России с участием федеральных и региональных музеев и определить ее цели, задачи и формат работы. Деятельность Ассоциации должна носить общероссийский характер и в первую очередь обсуждать профессиональные проблемы музейного сообщества и актуальные вопросы сохранения, изучения и популяризации античных памятников Юга России. В немалой степени это и вопросы музеефикации, отражающие тенденции современного общества к инновационным подходам экспонирования наследия народов Российской Федерации. Следующим шагом должен стать межмузейный саммит с приглашением представителей греческих музеев и разработкой концепции международного сотрудничества. В настоящее время, по мнению *Н.В. Чечель*, перед музейным сообществом стоит стратегическая задача – сделать археологический памятник интересным для посетителей, поскольку археологический музей в значительной степени прививает интерес к изучению истории своей страны и дает возможность самостоятельного осмысления увиденного. При этом всегда возникает проблема с наличием адаптированных экспозиций, понятных не только специалистам, но и простым посетителям. По мнению *Н.В. Чечель*, это связано с тем, что в современном музейном пространстве практически не осталось музейной науки. Разрушены институции, занимающиеся изучением основ музееведения, методов экспозиционно-выставочного проектирования и сохранения культурного наследия. В настоящее время только Институт наследия им. Д.С. Лихачева занимается широким кругом проблем на стыке музееведения и гуманитарных наук. Возрождение музейной науки имеет огромную важность для археологических музеев, в которых работают энтузиасты и профессионалы своего дела, и главное, что среди них есть музейные археологи, владеющие многочисленными методами изучения древнего общества.

В своем приветственном докладе директор Государственного музея-заповедника «Фанагория» *В.Д. Кузнецов* (Москва) рассказал об открытии выставки «Фанагория: археологическая жемчужина России» в Эпиграфическом музее в Афинах 13 декабря 2021 г.², которая продемонстрировала результаты многолетних исследований археологического памятника Фанагория и ключевые находки последних лет (христианские древности, оборонительные сооружения, разрушенные во время греко-персидских войн и многое другое). Отдельно докладчик рассказал о новой серии *Phanagoria Studies* в *Colloquia Antiqua: Supplements to the Journal Ancient West and East*³, изданной в международном академическом издательстве Peeters Publishers (Бельгия) в 2021 г. Одна книга (V.D. Kuznetsov, M.G. Abramzon, *The Beginning of Coinage in the Cimmerian Bosporus (A Hoard from Phanagoria)* (Colloquia Antiqua 34), Leuven–Paris–Bristol: Peeters, 2021) посвящена единствен-

² Открытие выставки проходило в рамках программы «Дни России в Греции 13–15 декабря 2021 г.».

³ Colloquia Antiqua – монографическое приложение к журналу «Ancient West & East». Его цель издание монографий и сборников статей, посвященных изучению древнего мира. Особое внимание уделяется Черному морю и прилегающим регионам. Главный редактор серии – профессор Г.Р. Цецхладзе.

ному кладу самых ранних серебряных монет, отчеканенных на Боспоре Киммерийском. Вторая книга (M.G. Abramzon, V.D. Kuznetsov, *Coin Hoards*. Vol. XI. *Greek Hoards. The Cimmerian Bosporus* (Colloquia Antiqua 32), Leuven–Paris–Bristol: Peeters, 2021) вышла в серии *Coin Hoards*, выпускаемой Королевским нумизматическим обществом (Лондон), и посвященакладам греческих монет, найденных на территории Боспора Киммерийского. Книга вводит в международный научный оборот новые клады, а также уточненные сведения о ранее опубликованных кладах в свете последних открытий. Третья книга (Абрамзон, М.Г., Кузнецов, В.Д., Остапенко, С.Н. *Деньги в повседневной жизни Фанагории (монеты из раскопок)* (Фанагория. Научно-популярная серия / под ред. В.Д. Кузнецова). М., 2021) открывает новую серию «Фанагория. Научно-популярная серия», она посвящена монетам из раскопок Фанагории, и рассказывает об истории денежного обращения в городе с V в. до н.э. по X в. н.э.

Доклад Д.В. Журавлева (Государственный исторический музей, Москва) был посвящен исследовательской работе ГИМ с собственными античными коллекциями и подготовке многочисленных выставочных проектов за последние 20 лет. Были показаны результаты археологических исследований Боспорской экспедиции ГИМ совместно с Евразийским отделом Немецкого археологического института (DAI) на памятниках Голубицкая-2, Красный Октябрь, Семибратнее городище.

А.М. Бутягин (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург) рассказал о работе 9 археологических экспедиций (из них 8 на Юге России), занимающихся изучением античного мира. Были освещены проблемы, связанные с обеспечением охраны памятников археологии, где грабителями и вандалами уничтожаются знаки туристической навигации, разрушается культурный слой и собственно памятники. Докладчик поднял вопросы важности организации и проведения археологических экспедиций при музеях и наличии музейных археологов в штате учреждений.

Т.В. Сарапулкина (Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь) отметила важность физической сохранности участков хоры Херсонеса Таврического, которая, как и сам древний город, включена в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. По ее мнению, незащищенность многочисленных памятников культурного наследия является на сегодняшний день острой проблемой, которая отягощается самозахватом территории и ее использованием под несанкционированные свалки строительного мусора и бытовых отходов. Докладчиком представлена новая система обеспечения безопасности на территории городища и антивандальных конструкций, освещены археологические работы в зоне строительства историко-археологического парка. Кроме того, обращено внимание на правовую коллизию в федеральном законодательстве по вопросам организации археологических работ музеем-заповедником по сохранению строительных остатков Херсонеса Таврического⁴. Акцентируется внимание на отсутствие законодательной базы в области музеефикации объектов археологического наследия.

Генеральный директор Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника Т.В. Умрихина (Керчь) отметила, что особое внимание нужно уделять экспонированию подлинников из фондов музея, и не подменять понятие древнего артефакта копиями в цифровых форматах. Представлены данные о необходимости проведения модернизации фондохранилищ и строительства новых, поскольку спасательные новейшие экспе-

⁴ В связи с этой коллизией возникает вопрос, к какому типу памятника относится Херсонес Таврический: археологии или истории и архитектуры?

диции пополняют коллекции музеев десятками тысяч новых единиц хранения ежегодно. Приведены примеры многочисленных разрушений памятников истории и археологии в центре г. Керчи. Т.В. Умрихина обратила внимание на необходимость создания концепции развития исторических городов Боспорского царства и разработки единых методических рекомендаций. Она представила деятельность Ассоциации городов античного наследия Северного Причерноморья, которая была создана в 2020 г. и объединила 11 городов и муниципальных образований.

А.В. Петрушкевич (Государственный научно-исследовательский институт реставрации, Москва) представил работу ГосНИИР по формированию научно-методической базы практической реставрации, изучения и сохранения памятников истории и культуры. Он рассказал об образовательных программах по подготовке реставраторов и проведению групповых и индивидуальных стажировок, уникальных методиках, которые использует в своей работе учреждение. Одним из перспективных направлений является консервация и реставрация мокрой древесины, в которой ГОСНИИР достиг успехов. Особое внимание было уделено музейной биологии, правилам хранения коллекций, температурно-влажностному режиму и полевой археологической консервации предметов из раскопок.

М.М. Усатюк (Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, Краснодар) посвятил выступление структуре фондовых коллекций, рассказал о работе филиалов учреждения и презентовал основные выставочные проекты.

Директор историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский» *Ю.П. Зайцев* (Симферополь) охарактеризовал проводимые музеем раскопки по изучению памятника «Неаполь Скифский» и многочисленных памятников предгорной зоны Крыма, выделил основные проблемы, препятствующие дальнейшему развитию музея-заповедника. Одной из ключевых проблем развития музея «Неаполь Скифский» является отсутствие музейного здания.

А.С. Макарова (ГОСНИИР, Москва) уделила внимание методам музейной реставрации археологических предметов, поскольку они имеют свою особенность, в отличие от методов реставрации памятников декоративно-прикладного искусства. Она осветила проблемы полевой консервации практикующими археологами во время раскопок, подчеркнула важность превентивной консервации реставраторами музеев в качестве нового подхода к сохранению археологических памятников. По мнению докладчика, такой подход призван обеспечить стабильную физическую сохранность артефактов в процессе их хранения в фондах музеев и снизить финансовые затраты на их комплексную реставрацию и организацию системы хранения. Как было отмечено А.С. Макаровой, решение большинства острых вопросов музейной реставрации осложняется отсутствием методической литературы и лакуной в федеральном законодательстве.

Директор Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника *Е.Е. Мамичев* (Азов) рассказал о многочисленных коллекциях античных древностей в фондах музея-заповедника и проводимой работе по их изучению, осветил деятельность учреждения в области археологических исследований и сохранения разрушающихся участков древнего города и сельской территории (хоры). Докладчик обратил внимание на проблемы сохранения и музеефикации памятников поселенческого типа, таких, как Елизаветовское городище, поскольку они разрушаются под воздействием антропогенных факторов.

В.Д. Кузнецов рассказал об особенностях изучения культурного слоя Фанагории, представил концепцию музеефикации раскопанных и исследованных объектов (фундаменты домов и общественных зданий, колодцы и водостоки, вымостки и другие объекты). Он отметил сложность приспособления такого крупного и многогранного памятника для экскурсионно-туристической деятельности в связи с отсутствием собственного здания музея-заповедника, многочисленными ограничениями по созданию инфраструктуры⁵ для организации приема посетителей на круглогодичной основе.

Во второй части конференции был проведен круглый стол на тему «*Новые механизмы сохранения и развития античного наследия Юга России*», модератором выступил В.Д. Кузнецов. В дискуссии принял участие директор археологического музея-заповедника «Танаис» В.И. Перевозчиков (Недвиговка), который предложил выйти с инициативой на законодательный уровень и внести предложение о создании в штатном расписании археологических музеев-заповедников отделов или просто специалистов по консервационно-реставрационным работам на уже музеефицированных участках археологических памятников. Д.В. Журавлев говорил о необходимости создания Ассоциации античных музеев, которая позволила бы обсуждать узкопрофессиональные вопросы музейного сообщества, начиная с сохранения памятников археологии и завершая проработкой совместных выставочных проектов. Т.В. Умрихина выступила с предложением создания Ассоциации античных музеев в составе секции Союза музеев России. Е.Е. Мамичев поддержал целесообразность создания Ассоциации при Союзе музеев России, поскольку общероссийская музейная организация позволяет решать прикладные вопросы общей юрисдикции музеев. А.М. Бутягин поделился опытом работы с различными музейными институциями и поддержал идею создания коллективного органа по решению проблем античных музеев. Н.В. Быковская (Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник) сообщила, что в настоящее время наблюдается острый дефицит реставраторов в музейной сфере. В археологических экспедициях их практически нет, и это приводит к непоправимым потерям многочисленных артефактов. Она отметила необходимость проведения реставрационных практических семинаров для региональных музеев Республики Крым, Краснодарского края и Ростовской области. А.В. Петрушкевич поднял острую тему принятия в фонды музеев массового археологического материала. А.С. Макарова предложила в рамках будущей Ассоциации создать обобщенные методические рекомендации по вопросам музейной консервации и реставрации архитектурных археологических объектов с учетом региональной специфики античных музеев Юга России.

По итогам круглого стола все участники (25 человек) единогласно проголосовали за необходимость создания Ассоциации античных музеев при Союзе музеев России.

В рамках межмузейного сотрудничества планируется создать реестр инициатив музеев античной тематики, проводить совместные экспозиционно-выставочные и просветительские проекты с использованием музейных коллекций и мультимедийных технологий. Особое внимание в работе Ассоциации будет уделено развитию межрегионального и международного сотрудничества.

⁵ Музей-заповедник полностью расположен в границах объектов «городище Фанагория» и «Некрополь Фанагории» (более 100 га), где мощность культурного слоя местами достигает 7-ми метров.

В завершении конференции все участники получили в дар от Ассоциации исследователей «Историко-культурное наследие Кубани» книги, изданные при финансовой поддержке Фонда О.В. Дерипаска «Вольное Дело».

Sergey N. Ostapenko

С.Н. Остапенко

State Historical and Archaeological Reserve
“Phanagoria”, Sennoy, Russia;
Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9131-1335

Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Фанагория»,
Сенной, Россия
Институт археологии РАН,
Москва, Россия
E-mail: osn-23@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АСГЭ – *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. Ленинград
- БИ – *Боспорские исследования*. Керчь–Симферополь
- БФ – *Боспорский феномен*. Санкт-Петербург
- ВДИ – *Вестник древней истории*. Москва
- КБН-альбом – *Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций (Corpus Inscriptionum Regni Bosporani – Album)*. Санкт-Петербург, 2005
- КБН – *Корпус боспорских надписей (Corpus Inscriptionum Regni Bosporani)*. Москва–Ленинград, 1965
- КСИИМК – *Краткие сообщения Института истории материальной культуры*. Москва.
- МАИАСК – *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. Нижневартовск–Тюмень
- ПСЗРИ XXII – *Полное собрание законов Российской Империи. Составлено под руководством М.М. Сперанского*. 1-е изд. Т. XXII. С 1784 по 1788. СПб, 1830
- РГАВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота. Санкт-Петербург
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. Москва
- ТГОМ КЗМ ОФ – Тверской государственный объединенный музей. Коллекция Калязинского краеведческого музея им. И.Ф. Никольского. Общий фонд. Тверь
- BAR Intern. Ser. – British Archaeological Reports International Series
- BGSG – *Bulletin of the Geological Society of Greece*. Athens
- CIR – Corpus Inscriptionum Rossicarum / Свод русских надписей [Электронный ресурс] – <http://cir.rssda.su>.
- FRP – Hollis, A.S. *Fragments of Roman poetry, c. 60 BC – AD 20*. Oxford, 2007
- Inscr. Gr. Bulg. – Mihailov, G. *Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae*. Vol. III. F. 1. Serdicae, 1961
- IOSPE I² – Latyshev, B. et al. (ed.), *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. Vol. I². Petropoli, 1916
- JRS – *The Journal of Roman Studies*. London

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Корниенко Т.В.</i> (Воронеж) – Каменные скульптурно оформленные песты, стретжи и декорированные чаши из хлорита ранненеолитических памятников Северной Месопотамии	5
<i>Изосимов Д.А.</i> (Москва) – Древнеегипетские «длинные генеалогии» VII–V вв. и их значение	25
<i>Тузбеков А.И., Григорьева И.М.</i> (Уфа), <i>Рослякова Н.В.</i> (Самара) – Результаты археологического исследования остеологического материала из раскопок селища Подымалово-1 в башкирском Приуралье (2019 г.)	37
<i>Хотылев А.О., Хотылев О.В., Ольховский С.В., Майоров А.А.</i> (Москва) – Каменный материал некоторых построек акрополя Фанагории	51
<i>Остапенко С.Н.</i> (Москва) – Некоторые аспекты морской торговли на Боспоре в IV–III вв. до н.э.	71
<i>Смекалова Т.Н., Деваев А.С.</i> (Симферополь), <i>Белик Ю.Л.</i> (Керчь), <i>Герцен А.Г., Гаврилюк А.Н., Леонов Л.Л., Антипенко А.В.</i> (Симферополь) – Салгирский ретраншемент: локализация и междисциплинарные исследования первой русской крепости в Крыму	78

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Винокуров Н.И., Яйленко В.П.</i> (Москва) – Третья эпитафия с городища Артезиан в Крымском Приазовье	95
<i>Авдеев А.Г.</i> (Москва) – Надпись с именами мастеров фресковой росписи в Троицком соборе Троицкого Макарьева Калязина монастыря (CIR0092).....	135

Круглый стол «Древние цивилизации Мезоамерики»

<i>Демичева И.Ю.</i> (Нижний Новгород) – В перьях кетцала: костюм и прическа майя по материалам терракот I тыс. н.э.	148
---	-----

Круглый стол «Древний Рим»

<i>Филянов Н.А.</i> (Москва) – <i>Socii Nominisque Latini</i> и <i>cives sine suffragio</i> в политической программе Гая Гракха в 122 г. до н.э.	170
<i>Снедкова Е.В.</i> (Москва) – «Независимый» поэтический «кружок» Азиния Поллиона?	183
<i>Самойлов Д.А.</i> (Москва) – Рескрипты Траяна и Адриана и деятельность первых апологетов христианства	198
<i>Мехамадиев Е.А.</i> (Санкт-Петербург) – Об одной малоизвестной военной кампании грузинского царя Вахтанга I Горгасала	211

Круглый стол «Современные исследования в этноархеологии и исторической этнологии»

<i>Атнагулов И.Р.</i> (Екатеринбург) – Синкретизм в религиозной культуре нагайбаков.....	220
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Остапенко С.Н.</i> (Москва) – Музейная научно-практическая конференция «Античное наследие России: проблемы сохранения, изучения и включения музеев в туристические маршруты» (пос. Сенной, 20–22 декабря 2021 г.).....	231
---	-----

CONTENTS

<i>T.V. Kornienko</i> (Voronezh) – Stone Sculpted Pestles, Batons, and Decorated Chlorite Vessels from the Early Neolithic Sites of Northern Mesopotamia	5
<i>D.A. Izosimov</i> (Moscow) – Ancient Egyptian “Long Genealogies” of the 7 th – 5 th BC and Their Purpose	25
<i>A.I. Tuzbekov, I.M. Grigorieva</i> (Ufa), <i>N.V. Roslyakova</i> (Samara) – The Results of the Archeozoological Study of Osteological Material from 2019 Excavations at the Site of Podymalovo–1, the Bashkir Urals.....	37
<i>A.O. Khotylev, O.V. Khotylev, S.V. Olkhovsky, A.A. Mayorov</i> (Moscow) – Stones of Some Buildings at the Acropolis of Phanagoria.....	51
<i>S.N. Ostapenko</i> (Moscow) – Some Aspects of Maritime Trade on the Bosphorus during the Fourth and Third Centuries BC.....	71
<i>T.N. Smekalova, A.S. Devaev</i> (Simferopol), <i>Y.L. Belik</i> (Kerch), <i>A.G. Gertsen, A.N. Gavriilyuk, L.L. Leonov, A.V. Antipenko</i> (Simeropol) – Archaeological and Geophysical Studies of the Salgir Retranchement, the First Russian Fortress in the Crimea	78

PUBLICATIONS

<i>N.I. Vinokurov, V.P. Yaylenko</i> (Moscow) – The Third Epitaph from the Artezian Settlement (the Crimean Azov Region).....	95
<i>A.G. Avdeev</i> (Moscow) – Inscription with the Names of the Masters of Fresco Painting in the Trinity Cathedral of the Trinity-Macarius Monastery in Kalyazin (Cir0092).....	135

Round Table “Ancient Civilizations of Mesoamerica”

<i>I.Yu. Demicheva</i> (Nizhny Novgorod) – In Quetzal's Feathers: Costume and Hairstyle of the Mayans (Based on the Materials of Terracotta)	148
--	-----

Round Table “Ancient Rome”

<i>N.A. Filyanov</i> (Moscow) – <i>Socii Nominisque Latini</i> and the <i>Cives Sine Suffragio</i> in the Political Program of Caius Gracchus in 122	170
<i>E.V. Snedkova</i> (Moscow) – Asinius Pollio’s “Independent” Poetry “Circle”?	183
<i>D.A. Samoylov</i> (Moscow) – The Rescripts of Trajan and Hadrian and the Activity of the First Apologists of the Christianity	198
<i>E.A. Mekhamadiev</i> (Saint Petersburg) – On the Little-Known Military Campaign of the Georgian King Vakhtang I Gorgasal	211

Round Table “Current Research in Ethnoarchaeology and Historical Ethnology”

<i>I.R. Atnagulov</i> (Yekaterinburg) – Syncretism in the Religious Culture of the Nağaybäks....	220
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>S.N. Ostapenko</i> (Moscow) – Museum Scientific and Practical Conference "Ancient Heritage of Russia: Problems of Preservation, Study and Inclusion of Museums In Tourist Routes (Sennoy Village, December 20–22, 2021).....	231
---	-----

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972a, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в References указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию

фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S. Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [*Numismatics and Phaleristics*] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosporus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [*The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state*]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma s fronta* [*Letters from the Front*], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	а	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	'		
ё	ye	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 3. 2022

Сдано в набор 02.09.2022. Подписано в печать 15.09.2022.

Дата выхода 30.09.2022.

Формат 70х1001/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.